

СОДЕРЖАНИЕ

НАУЧНО-ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧРЕЖДЕНИЙ И ОРГАНОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Реймер А. А.	
<i>Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года – главный программный документ реформирования отечественной пенитенциарной системы</i>	3
Баландин Д. А.	
<i>Принципы финансового обеспечения оперативно-розыскной деятельности: проблема формулирования</i>	7
Виноградов В. В.	
<i>Дифференциация и индивидуализация как основные организационные принципы процесса пенитенциарной социальной работы: социально-педагогический аспект</i>	13
Воронин О. В.	
<i>Вопросы формирования прокурорского пенитенциарного надзора</i>	18
Емельянов Н. С.	
<i>Роль сотрудников уголовно-исполнительной системы в предупреждении пенитенциарного конфликта</i>	23
Карпунина В. В.	
<i>Правовая антикультура в деятельности уголовно-исполнительной системы</i>	26
Кудрявцев А. В.	
<i>Проблемы оперативно-розыскного обеспечения исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы</i>	29
Михайлин В. В.	
<i>Понятие, правовое регулирование и характеристика обеспечения безопасности личности в следственных изоляторах ФСИН России</i>	32
Редков С. К.	
<i>Уголовная политика и правовая культура в процессе реформирования УИС</i>	36
Фефелов В. В., Ямалетдинова Н. В.	
<i>Социальный аудит как элемент контроля институтов гражданского общества за деятельностью учреждений уголовно-исполнительной системы</i>	42

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

Авилов В. В.	
<i>Некоторые вопросы удаления главы муниципального образования в отставку как меры конституционной ответственности</i>	47
Вантсева Н. В.	
<i>Муниципальные нормы права: основные черты и классификации</i>	52
Вележев С. С.	
<i>Нормативность права как проявление нормативности сознания</i>	58
Владимирова О. А.	
<i>Потерпевший в уголовном праве: проблема определения понятия</i>	61
Герцог Т. Ю.	
<i>Правовая функциональная грамотность и правовая культура: вопросы определения, соотношения, структуры</i>	67
Головинская И. В., Хамадишин Д. З.	
<i>Проблемы реализации права реабилитированного на возмещение вреда, причиненного незаконным уголовным преследованием</i>	70
Гулягин А. Ю.	
<i>Административная юрисдикция: признаки и понятие</i>	77
Зыков Д. А.	
<i>Проблемы установления уголовной ответственности по статье 274 УК РФ</i>	84
Лебедев А. В.	
<i>Критерии точности и достоверности информации, используемые при обработке информации правоохранительных органов</i>	87
Морозов А. С.	
<i>Проблемные вопросы квалификации субъективной стороны состава правомерного поведения</i>	94
Петрова Я. Л.	
<i>Элементный состав внешней стороны юридической антикультуры</i>	98
Сербин М. В.	
<i>Особенности участия политических партий на отдельных стадиях избирательного процесса</i>	101

Сиверская Л. А.	
Рассмотрение сообщения о преступлении как уголовно-процессуальный институт	105
Солодовник В. В.	
Некоторые проблемы защиты прав личности при приостановлении предварительного следствия	113
Тарнавский О. А.	
Частное обвинение в российском уголовном судопроизводстве	117
Тихалева Е. Ю.	
Проблемные вопросы разграничения компетенции между органами местного самоуправления муниципального образования	121
Тулегенов В. В.	
Криминальный профессионализм: проблема поиска нового подхода	128
Хамадишин Д. З.	
Проблемы возмещения морального вреда реабилитированному: отечественный и зарубежный опыт	132
Шемелина М. В.	
Понятие юридической ответственности в отечественном праве: история и современность	137

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Биюшкина Н. И.	
Правовое регулирование режима содержания политических преступников в Российской империи в период правления Александра III	140
Егоров В. В.	
Реформы Александра II в отношении еврейского населения Российской империи	147
Ерин Д. А.	
Функции ведомственной милиции РСФСР в период осуществления новой экономической политики	151
Заврина Е. В.	
Исторический подход к исследованию института смягчающих юридическую ответственность обстоятельств	154
Каткова В. В.	
Правовые взаимоотношения в старообрядческой среде: история конфликта между последователями и противниками «Окружного послания»	159
Клауцан Н. Г.	
Российская адвокатура в преддверии событий 1905–1907 гг.	163
Кузьмин С. И., Селезнева И. В.	
Становление режима содержания заключенных в исправительно-трудовых лагерях (1929–1941 гг.)	167
Миронова Ю. В.	
Упадок правового просвещения в контексте процесса принятия христианства Древней Русью	172
Никонов О. А.	
Развитие российско-иранской торговли во второй половине XIX – начале XX вв.: организационно-правовые вопросы	175
Титов А. Ю.	
Возникновение и развитие института обжалования судебного решения в дореволюционном уголовном процессе России	179
Токмакова О. С.	
Организация и правовое регулирование воспитательной работы с заключенными в исправительно-трудовых учреждениях Советского государства (1930–1934 гг.)	186

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ СИСТЕМЫ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Куркина И. Н.	
Зарубежный опыт решения проблем ресоциализации осужденных	190
Махмудов З. Ш.	
Постпенитенциарная адаптация осужденных в странах СНГ	195
Новиков С. С.	
Политический спектр Косово	200
Е-mail наших авторов	206
Требования к рукописям, представляемым для опубликования в «Вестнике Владимирского юридического института»	207
Анкета автора публикации и оператора персональных данных	208

НАУЧНО-ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧРЕЖДЕНИЙ И ОРГАНОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

УДК 343.8

А. А. Реймер,
директор ФСИН России
кандидат юридических наук

A. A. Reymer,
Director of the FPS of Russia
Candidate of Law

КОНЦЕПЦИЯ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ДО 2020 ГОДА – ГЛАВНЫЙ ПРОГРАММНЫЙ ДОКУМЕНТ РЕФОРМИРОВАНИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЫ

Conception of Development of the Penal System of the Russian Federation till 2020 – Major Programme Document for Reforming Domestic Penitentiary System

Аннотация. Статья посвящена вопросам реформирования уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. В работе сформулированы основные направления, по которым должна осуществляться реформа, определены ее важнейшие составляющие.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, исправительные учреждения, реформирование, концепция, осужденные.

Abstract. The article is devoted to the issues of reforming the penal system of the Russian Federation. The author marks the basic directions of putting this reform into practice and defines its most important components.

Key words: penal system, correctional institutions, reforming, conception, condemned.

За последние годы пенитенциарная система России стала более открытой, гуманной, ориентированной на выполнение требований международных стандартов, безусловное соблюдение прав граждан.

В 2009 г. ФСИН России вступила в стадию реформирования. Перед уголовно-исполнительной системой Президентом Российской Федерации Д. А. Медведевым на заседании Президиума Государственного Совета, проходившем 11 февраля 2009 г. в г. Вологде, были поставлены задачи по совершенствованию законодательства, расширению сфер применения и введению новых видов альтернативных лишению свободы наказаний, изменению системы исправительных учреждений (Медведев Д. А. Вступительное слово на заседании Государственного Совета «О состоянии уголовно-исполнительной системы Российской Федерации»). URL: <http://news.kremlin.ru/transcripts/3148>).

В своем ежегодном послании Федеральному Собранию Российской Федерации Президент России указал на необходимость совершенствования уголовного законодательства с тем, чтобы оно было жестким, но в то же время современным и гуманным. Д. А. Медведев отметил, что «санкция за

нетяжкие, малозначительные преступления должна быть по возможности не связана с лишением свободы... сила суда не в жесткости, а в неотвратимости и справедливости наказания, а миссия правосудия – не только карать, но и исправлять» (Послание Президента РФ Дмитрия Медведева Федеральному Собранию Российской Федерации от 30 нояб. 2010 г. // Рос. газ. 2010. 1 дек.).

Во исполнение поставленных задач и в целях создания эффективной, справедливой и цивилизованной системы исполнения наказаний Министерством юстиции Российской Федерации и ФСИН России был разработан проект Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г. (далее: Концепция), предусматривающей принципиально новые подходы к исполнению наказаний в виде лишения свободы.

Распоряжением Правительства Российской Федерации от 14 октября 2010 г. № 1772-р Концепция была утверждена (Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 43, ст. 5544). Это стало знаменательным событием в жизни пенитенциарной системы России. Впервые за многовековую историю отечественной системы исполнения наказаний в одном нормативном правовом акте были сформулированы основополагающие принципы и ключе-

вые направления, формы и методы развития уголовно-исполнительной системы на десятилетний период. Концепция призвана осуществить планомерное, научно обоснованное, организационно и финансово обеспеченное развитие ФСИН России в целях повышения эффективности уголовно-исполнительной политики России и приведения отечественной пенитенциарной системы в соответствие с самыми высокими требованиями международных стандартов в сфере применения уголовных наказаний.

По состоянию на 1 мая 2011 г., в учреждениях уголовно-исполнительной системы содержалось 806,1 тыс. человек, в том числе: в 753 исправительных колониях отбывало наказание 682,6 тыс. человек, в 158 колониях-поселениях – 48,5 тыс. человек, в 7 тюрьмах – 1,5 тыс. человек, в 5 исправительных колониях для осужденных к пожизненно-му лишению свободы – 1766 человек, в 62 воспитательных колониях для несовершеннолетних – 3,5 тыс. человек. В 230 следственных изоляторах и 165 помещениях, функционирующих в режиме следственных изоляторов при колониях, содержалось 118,3 тыс. человек. В учреждениях уголовно-исполнительной системы содержится 65,7 тыс. женщин, в том числе 54,7 тыс. осужденных, содержащихся в исправительных колониях, и 10,9 тыс. чел., в отношении которых избрана мера пресечения в виде заключения под стражу (ФСИН России : [сайт]. URL: <http://www.fsin.su/>).

В течение 2010 г. удалось добиться снижения количества лиц, отбывающих наказания в виде лишения свободы и находящихся под стражей, на 44,9 тыс. человек. Проведена огромная работа по сепарации осужденных, ранее отбывавших наказания в виде лишения свободы, от осужденных впервые, в ходе которой между исправительными учреждениями было перемещено более 153 тыс. осужденных, в том числе 112 тыс. в исправительных колониях строгого режима и 41 тыс. – общего режима.

В целях приведения условий содержания подозреваемых и обвиняемых в соответствие с законодательством Российской Федерации и европейскими стандартами в 2010 г. в следственных изоляторах и помещениях, функционирующих в режиме следственных изоляторов, дополнительно было введено в эксплуатацию 1915 мест, из которых 1448 введены в рамках реализации федеральной целевой программы. Полученный результат позволил обеспечить по стране средний размер камерной площади, приходящейся на одного человека, в 5,4 кв. м, что на 11 % превышает показатель 2009 г.

Неуклонно растет количество осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы, в том числе и к новому виду наказания – ограничению свободы, которое стало применяться с 10 января 2010 г. В 2467 уголовно-исполнитель-

ных инспекциях на 1 марта 2011 г. состояли на учете 490,8 тыс. человек, осужденных к различным наказаниям и мерам, не связанным с изоляцией от общества (Там же).

Однако, несмотря на некоторые позитивные изменения, уголовно-исполнительная система во многом сохранила черты старой пенитенциарной системы, ориентированной на прежнее законодательство, социально-экономические и политические условия. Она не учитывает современное состояние экономики, вступление Российской Федерации в международное правовое поле, международные стандарты обращения с заключенными и развитие гражданского общества.

Именно поэтому в основу Концепции положен тезис об отказе современной уголовно-исполнительной системы от исторического наследия в виде исправительных колоний, которые, в сущности, остаются отретушированным вариантом исправительно-трудовых лагерей с присущим им укладом жизни. Устаревшая система коллективного содержания осужденных в значительной степени способствует распространению криминальной субкультуры, сплочению криминально ориентированного спецконтингента.

В ходе реформы предусматривается замена существующей системы исправительных колоний на два основных типа учреждений – тюрьмы (общего, усиленного и особого режимов) и колонии-поселения (с обычным и усиленным наблюдением), при сохранении лечебно-исправительных, лечебно-профилактических учреждений и следственных изоляторов. Воспитательные колонии будут реорганизованы в воспитательные центры для несовершеннолетних правонарушителей.

В 2010 г. завершена разработка основывающихся на стандартах Европейских пенитенциарных правил 2006 г. пилотных вариантов типовых проектных решений перепрофилирования исправительной колонии в тюрьму на 1000 человек и в колонию-поселение с усиленным наблюдением на 400 человек и предпроектных предложений по созданию исправительных центров на 100 и 200 человек.

В основу построения новой системы исправительных учреждений должен быть положен принцип дифференциации содержания осужденных в зависимости от характера и степени общественной опасности совершенных ими преступлений, поведения во время отбывания наказания, криминального опыта, что предполагает раздельное содержание впервые осужденных к лишению свободы и ранее отбывавших наказания в виде лишения свободы, расширение оснований направления в колонию-поселение, с одной стороны, и перевода на тюремный режим, с другой.

Важным элементом обновленного механизма исполнения наказания в виде лишения свободы должны стать справедливая и контролируемая си-

стема мотиваций осужденных к законопослушному поведению, влекущему изменение условий отбывания наказания и вида исправительного учреждения, условно-досрочное освобождение или замену неотбытой части наказания более мягким видом наказания, совершенствование порядка участия администрации исправительных учреждений в реализации механизмов условно-досрочного освобождения и замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания с учетом поведения и личностных характеристик осужденных.

Особая роль в Концепции отводится расширению сферы применения наказаний и мер, не связанных с изоляцией осужденного от общества. Доля таких наказаний в общем объеме мер уголовной ответственности уже сегодня составляет более 60 %. Однако представляется, что потенциал использования альтернативных наказаний далеко не исчерпан.

В настоящее время подготовлены предложения по изменению законодательства в части более широкого использования штрафа как вида наказания, введения нового альтернативного наказания в виде принудительных работ, замены уголовного преследования за совершение ряда деяний, не представляющих большой общественной опасности, мерами административной ответственности, расширения возможности применения мер уголовно-процессуального пресечения, не связанных с изоляцией от общества, и ограничения возможности применения заключения под стражу в качестве меры пресечения.

Перспективным в этом направлении видится закрепление в уголовно-исполнительном законодательстве Российской Федерации новых форм надзора за поведением осужденных и подследственных с использованием электронного мониторинга спутниковой навигации ГЛОНАСС, а также других электронных средств контроля. С 2011 г. территориальными органами ФСИН России 30 субъектов Федерации началась активная эксплуатация электронных браслетов для осуществления контроля за осужденными к наказанию в виде ограничения свободы.

В соответствии с разработанными предложениями по изменению уголовного и уголовно-исполнительного законодательства проведена работа по анализу качественного состава осужденных и прогнозированию изменения их численности и состава учреждений, исполняющих наказания, в результате таких изменений. Это позволило предварительно определить состав и сформировать планы дислокации исправительных учреждений по каждому федеральному округу и по России в целом, спрогнозировать численность спецконтингента. По предварительным расчетам, реализация запланированных мер позволит существенно сократить наполнение исправительных учреждений, что в свою очередь

приведет к снижению затрат на содержание осужденных и позволит улучшить социальную составляющую их содержания.

В то же время следует четко понимать, что реальное сокращение численности осужденных в учреждениях уголовно-исполнительной системы может произойти только по прошествии определенного времени, в течение которого будет накоплена необходимая судебная практика, сформируются соответствующие понимание и отношение к данной проблеме сотрудников органов предварительного расследования, прокуратуры и суда.

Огромное значение для эффективного реформирования уголовно-исполнительной системы имеет соответствующий уровень правового воспитания в обществе, выработка необходимого понимания цели проводимой государством уголовно-исполнительной политики.

Вопросы строительства и технического оснащения учреждений уголовно-исполнительной системы были, есть и остаются важнейшими, поскольку определяют решение двух задач: во-первых, обеспечения надлежащего уровня содержания заключенных, а во-вторых, обеспечение гарантированного поддержания высокого уровня правопорядка в исправительных учреждениях и исключение возможности побегов.

Решение второй задачи находится в прямой зависимости от внедрения и качественного развертывания в учреждениях уголовно-исполнительной системы интегрированных систем охраны и надзора. В настоящее время в каждом исправительном учреждении развернуты те или иные системы безопасности и основной задачей в этой связи становится выработка четкого механизма интеграции их в единый комплекс, обеспечение единого для всех учреждений технического подхода к вопросу использования современных технологий в обеспечении надлежащего порядка и высокого уровня безопасности.

Одним из ключевых направлений в деятельности уголовно-исполнительной системы остается создание непрерывно действующей системы исправления и социальной реабилитации осужденных, призванной помочь осужденному не только адаптироваться в обществе после освобождения из исправительного учреждения, но и сменить место, занимаемое в социальной структуре. В этих целях разработана система стимулов для осужденных к их законопослушному поведению и активной ресоциализации, определены основные критерии оценки исправления осужденных и соответствующие им степени исправления. Целью внедрения новых форм является выработка устойчивого алгоритма, выполнение которого гарантировало бы осужденному возможность смягчения меры наказания, замены ее более мягким видом, вплоть до условно-досрочного освобождения. В 2010 г. через

систему «социальных лифтов» прошли 79,8 тыс. осужденных. Апробирование показало, что наличие четких критериев оценки побудило 76 % аттестуемых встать на путь исправления. Таким образом, положительный эффект реализации института «социальных лифтов» очевиден, и в 2011 г. этот эксперимент будет распространен на все учреждения уголовно-исполнительной системы.

Важным направлением оперативно-служебной деятельности учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, безусловно, является работа, направленная на создание условий для эффективного функционирования пенитенциарного здравоохранения, совершенствование порядка предоставления медицинской помощи работникам пенитенциарных учреждений и механизма предоставления медицинской помощи осужденным, а равно гражданам, заключенным под стражу.

Заметная роль в реформировании уголовно-исполнительной системы отводится ведомственным образовательным и научно-исследовательским учреждениям. Перед образовательными учреждениями высшего профессионального образования ФСИН России стоит задача по подготовке высококвалифицированных специалистов для уголовно-исполнительной системы за счет перехода на бакалавриат как основной уровень профессионального образования. Было принято решение о закреплении за образовательными учреждениями специализаций с учетом характера соответствующих направлений деятельности уголовно-исполнительной системы. Большое значение в этой связи отводится повышению качества образовательных программ в области юриспруденции, экономики, государственного управления, усилению антикоррупционной направленности в образовательных программах дополнительного профессионального образования.

Научный потенциал ведомственных образовательных учреждений высшего и дополнительного профессионального образования должен быть направлен на научное обеспечение проводимых реформ, а проводимые диссертационные исследования призваны разрешать актуальные проблемы практической деятельности учреждений и органов

уголовно-исполнительной системы. Проводимые научные исследования должны соответствовать современному уровню развития пенитенциарных систем иностранных государств и осуществляться на базе лабораторий, научных центров и других подразделений, сформированных по предусмотренным Концепцией направлениям развития отечественной системы исполнения наказаний.

Важной составляющей проводимой реформы должны стать обеспечение высокого социального статуса и престижа труда работника уголовно-исполнительной системы, законодательное определение системы социальных гарантий, в том числе выделение жилья работникам уголовно-исполнительной системы и членам их семей, развитие сети региональных медико-реабилитационных центров для профилактики профессиональной деформации, психологической перегрузки и организации семейного отдыха работников уголовно-исполнительной системы.

Повышению качества службы должно способствовать широкое применение практики материального и морального стимулирования, дальнейшее развитие системы мер поощрения, а также улучшение условий труда работников уголовно-исполнительной системы, соответствующих характеру работы и уровню условий труда работников пенитенциарных учреждений развитых европейских государств.

В заключение необходимо отметить, что в последние годы было сделано многое для укрепления и развития уголовно-исполнительной системы, но остается и немало негативных моментов в деятельности пенитенциарной системы, от устранения которых зависит эффективность проводимой реформы. Реализация положений Концепции позволит разрешить многие проблемы в деятельности ФСИН России. Однако для достижения обозначенных в Концепции целей потребуются выполнение в течение короткого срока значительного объема работ со стороны управленческого аппарата ФСИН России, территориальных органов и учреждений, исполняющих наказания, а также образовательных и научно-исследовательских учреждений.

Библиографический список

1. О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации : распоряжение Правительства Рос. Федерации : [от 14 окт. 2010 г. № 1772] // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2010. – № 43, ст. 5544.
2. Послание Президента РФ Дмитрия Медведева Федеральному Собранию Российской Федерации : [от 30 нояб. 2010 г.] // Рос. газ. – 2010. – 1 дек.

References

1. On the Conception of Development of the Penal System of the Russian Federation : Order of the Government of the Russian Federation : [of October 14, 2010 № 1772] // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2010. – № 43, art. 5544.
2. Reference of the President of the Russian Federation Dmitry Medvedev of the Federal Assembly of the Russian Federation : [of November 30, 2010] // Rossiyskaya Gazeta. – 2010. – December 1.

Д. А. Баландин,
начальник кафедры экономических
и финансово-правовых дисциплин
ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук, доцент

D. A. Balandin,
Head of the Department for Economics
and Financial Law
of VLI of the FPS of Russia
Candidate of Law, Assistant professor

ПРИНЦИПЫ ФИНАНСОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ПРОБЛЕМА ФОРМУЛИРОВАНИЯ

Principles of Financial Support of Crime Detection: Problem of Formulation

Аннотация. В статье анализируются такие категории, как «финансы», «принципы», «обеспечение». На основе данного анализа сформулировано авторское определение принципов финансового обеспечения оперативно-розыскной деятельности и составлен их перечень.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, принципы, финансы, обеспечение, бюджетные средства.

Abstract. The article analyzes such categories as «finances», «principles», «support». On the basis of the given analysis the author formulates his own definition of the principles of financial support of crime detection and makes up a list of them.

Key words: crime detection, principles, finances, support, budgetary funds.

Прежде чем приступить к формулированию принципов финансового обеспечения оперативно-розыскной деятельности, необходимо обратиться к определению терминов «принцип», «финансы», «обеспечение», которые лежат в основе данного понятия.

Словарь русского языка С. И. Ожегова толкует слово «принцип» следующим образом: 1) основное исходное положение какой-либо теории, учения, мировоззрения, теоретической программы; 2) убеждение, взгляд на вещи; 3) основная особенность в устройстве чего-нибудь (Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1990. С. 594).

Согласно энциклопедическому словарю под редакцией А. М. Прохорова принцип (от лат. *principium* – начало, основа) – это 1) основное исходное положение какой-либо теории, учения, науки, мировоззрения, политической организации и т. д.; 2) внутреннее убеждение человека, определяющее его отношение к действительности, нормы поведения и деятельности; 3) основная особенность устройства какого-либо механизма, прибора (Советский энциклопедический словарь / под ред. А. М. Прохорова. М., 1985. С. 1057).

В работах по теории права существует несколько научных подходов к определению принципов.

Так, профессор А. С. Пиголкин считает, что принципы – «это основные идеи, руководящие положения, которые определяют содержание и направления правового регулирования. Они кладутся в основу создания и реализации действующего права, ориентированы на дальнейшую демократизацию всех сфер общественной жизни, фор-

мирование правового государства». Обычно различают отраслевые принципы, характерные для одной отрасли права (так, трудовое право обеспечивает принцип материальной заинтересованности работников в результатах своего труда, гражданское – принцип полного возмещения имущественного вреда), межотраслевые, проявляющиеся в двух или более отраслях (например, принцип состязательности в уголовном, гражданском и арбитражном процессах), и общеправовые принципы.

«Общеправовые принципы – это, во-первых, широкие социальные, этико-правовые начала правового регулирования (демократизм, установление, обеспечение и охрана прав личности, гуманизм, справедливость, законность, равноправие, обеспечение верховенства ведущей роли закона среди всех источников права и др.). Во-вторых, это сформулированные еще римскими юристами принципы, отражающие специфические черты права как социального регулятора отношений (например, недопустимость ссылок на незнание закона, придания ему обратной силы при установлении либо ужесточении наказания, злоупотребления правом, невозможности быть судьей в собственном деле, презумпция невиновности, правила о том, что все сомнения трактуются в пользу обвиняемого, что не может быть преступления и наказания без закона и др.)» (Теория государства и права : учеб. для юрид. вузов / под ред. А. С. Пиголкина. М., 2003. С. 156).

Доктор юридических наук, профессор Н. И. Матузов указывает на то, что «принципы права – это основные, исходные начала, положения, идеи, выражающие сущность права как специфического социального регулятора. Они воплощают закономерности права, его природу и

социальное назначение, представляют собой наиболее общие правила поведения, которые либо прямо сформулированы в законе, либо выводятся из его смысла. Представляется, что принципы права должны отражать и выражать основные ценности, на которые ориентируется право. Принципы – это своего рода отправные пункты, показывающие вектор правового регулирования. Они являются более фундаментальными и обобщенными правилами поведения, нежели юридические нормы; обладают значительной устойчивостью и стабильностью, фиксируясь преимущественно в конституциях либо важнейших законах» (Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права : учебник. М., 2004. С. 354).

В работах по предпринимательскому праву встречается следующее определение данного термина: принцип – это идея, заложенная в основании какой-либо деятельности (Российское предпринимательское право : курс лекций. Владимир, 2008. С. 21).

Слово «финансы» происходит от фр. *finance* – наличность, доход. Согласно словарю русского языка С. И. Ожегова оно имеет два значения: 1) совокупность денежных средств государства, предприятия; система формирования и распределения этих средств. Государственные финансы; 2) деньги, денежные дела (Ожегов С. И. Указ. соч. С. 850).

Обеспечение обозначает действие по глаголу «обеспечить» и имеет три значения: 1) снабдить чем-нибудь в нужном количестве; 2) предоставить достаточные материальные средства к жизни; 3) сделать вполне возможным, действительным, реально выполнимым (Там же. С. 424).

Таким образом, проанализировав вышеуказанные термины, мы сформулировали собственное определение понятия «принципы финансового обеспечения оперативно-розыскной деятельности». По нашему мнению, под принципами финансового обеспечения оперативно-розыскной деятельности следует понимать базовые положения, предопределяющие сущность предоставления в достаточном (нужном) количестве денежных средств для осуществления оперативно-розыскной деятельности.

Далее обратимся к характеристике принципов бюджетной системы Российской Федерации, перечисленных в Бюджетном кодексе Российской Федерации¹ (далее: БК РФ), которые могут быть положены в основу принципов финансового обеспечения оперативно-розыскной деятельности (Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 31, ст. 3823).

¹ Данный акт является одним из основополагающих нормативных правовых актов, создающих правовую основу финансового обеспечения оперативно-розыскной деятельности уголовно-исполнительной системы.

В ст. 28 «Перечень принципов бюджетной системы Российской Федерации» гл. 5 «Принципы бюджетной системы Российской Федерации» БК РФ указано, что бюджетная система Российской Федерации основана на принципах:

- единства бюджетной системы Российской Федерации;
- разграничения доходов, расходов и источников финансирования дефицитов бюджетов между бюджетами бюджетной системы Российской Федерации;
- самостоятельности бюджетов;
- равенства бюджетных прав субъектов Российской Федерации, муниципальных образований;
- полноты отражения доходов, расходов и источников финансирования дефицитов бюджетов;
- сбалансированности бюджета;
- результативности и эффективности использования бюджетных средств;
- общего (совокупного) покрытия расходов бюджетов;
- прозрачности (открытости);
- достоверности бюджета;
- адресности и целевого характера бюджетных средств;
- подведомственности расходов бюджетов;
- единства кассы.

Принцип единства бюджетной системы Российской Федерации означает единство бюджетного законодательства Российской Федерации, принципов организации и функционирования бюджетной системы Российской Федерации, форм бюджетной документации и бюджетной отчетности, бюджетной классификации бюджетной системы Российской Федерации, санкций за нарушение бюджетного законодательства Российской Федерации, единый порядок установления и исполнения расходных обязательств, формирования доходов и осуществления расходов бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, ведения бюджетного учета и составления бюджетной отчетности бюджетов бюджетной системы Российской Федерации и казенных учреждений, единство порядка исполнения судебных актов по обращению взыскания на средства бюджетов бюджетной системы Российской Федерации (ст. 29).

Данный принцип, исходя из анализа содержания и правового регулирования оперативно-розыскной деятельности, вполне можно использовать при формировании следующего принципа финансового обеспечения оперативно-розыскной деятельности: принцип единства бюджетной системы Российской Федерации при финансовом обеспечении оперативно-розыскной деятельности.

Принцип разграничения доходов, расходов и источников финансирования дефицитов бюджетов между бюджетами бюджетной системы Рос-

сийской Федерации означает закрепление в соответствии с законодательством Российской Федерации доходов, расходов и источников финансирования дефицитов бюджетов за бюджетами бюджетной системы Российской Федерации, а также определение полномочий органов государственной власти (органов местного самоуправления) и органов управления государственными внебюджетными фондами по формированию доходов бюджетов, источников финансирования дефицитов бюджетов и установлению и исполнению расходных обязательств публично-правовых образований (ст. 30).

На наш взгляд, данный принцип может быть применен лишь в части, касающейся разграничения расходов бюджетов Российской Федерации. Здесь целесообразно обратиться к п. 1 приказа ФСБ России от 16 октября 2010 г. № 507 «О денежном вознаграждении лиц, оказывающих содействие в выявлении, предупреждении, пресечении, раскрытии и расследовании террористического акта, выявлении и задержании лиц, подготавливающих, совершающих или совершивших такой акт» (Рос. газ. 2010. 17 нояб.), который гласит: «Выплачивать по решению руководителей федеральных органов исполнительной власти, осуществляющих борьбу с терроризмом, лиц, исполняющих их обязанности, или первых заместителей указанных руководителей денежное вознаграждение лицам, оказывающим содействие в выявлении, предупреждении, пресечении, раскрытии и расследовании террористического акта, выявлении и задержании лиц, подготавливающих, совершающих или совершивших такой акт». В связи с чем второй принцип может быть сформулирован следующим образом: принцип разграничения расходов бюджетной системы Российской Федерации, направляемых на оперативно-розыскную деятельность, по субъектам, имеющим право на ее осуществление.

Принцип самостоятельности бюджетов, в частности, означает: право и обязанность органа государственной власти (например ФСИН России) самостоятельно обеспечивать сбалансированность соответствующих бюджетов и эффективность использования бюджетных средств; право и обязанность органов государственной власти самостоятельно осуществлять бюджетный процесс, за исключением случаев, предусмотренных БК РФ; право органов государственной власти в соответствии с БК РФ самостоятельно определять формы и направления расходования средств бюджетов; недопустимость установления расходных обязательств, подлежащих исполнению за счет доходов и источников финансирования дефицитов других бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, недопусти-

мость введения в действие в течение текущего финансового года органами государственной власти изменений бюджетного законодательства Российской Федерации, приводящих к увеличению расходов и (или) снижению доходов других бюджетов бюджетной системы Российской Федерации без внесения изменений в законы о соответствующих бюджетах, предусматривающих компенсацию увеличения расходов, снижения доходов; недопустимость изъятия дополнительных доходов, экономии по расходам бюджетов, полученных в результате эффективного исполнения бюджетов (ст. 31).

Данный принцип вполне применим к рассматриваемым нами принципам и может быть сформулирован так: принцип самостоятельности бюджета государственного органа, имеющего право на осуществление оперативно-розыскной деятельности, при расходовании денежных средств, выделяемых на нее.

Принцип равенства бюджетных прав субъектов Российской Федерации, муниципальных образований означает определение бюджетных полномочий органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления, установление и исполнение расходных обязательств, формирование налоговых и неналоговых доходов бюджетов субъектов Российской Федерации и местных бюджетов, определение объема, форм и порядка предоставления межбюджетных трансфертов в соответствии с едиными принципами и требованиями, установленными БК РФ (ст. 31.1).

Учитывая тот факт, что субъекты Российской Федерации и муниципальные образования не принимают участия в финансировании оперативно-розыскной деятельности, данный принцип нами не может быть использован.

Принцип полноты отражения доходов, расходов и источников финансирования дефицитов бюджетов означает, что все доходы, расходы и источники финансирования дефицитов бюджетов в обязательном порядке и в полном объеме отражаются в соответствующих бюджетах (ст. 32).

В рамках настоящей статьи данный принцип носит ограниченный характер и может быть сформулирован следующим образом: принцип полноты отражения доходов и расходов при финансовом обеспечении оперативно-розыскной деятельности.

Принцип сбалансированности бюджета означает, что объем предусмотренных бюджетом расходов должен соответствовать суммарному объему доходов бюджета и поступлений источников финансирования его дефицита, уменьшенных на суммы выплат из бюджета, связанных с источниками финансирования дефицита бюджета и изменением остатков на счетах по учету средств бюджетов (ст. 33).

При составлении, утверждении и исполнении бюджета денежных средств, выделяемых на оперативно-розыскную деятельность, субъекты этой деятельности должны исходить из необходимости минимизации размера дефицита данных бюджетов. Таким образом, возможно применение следующего принципа: принцип сбалансированности бюджета денежных средств, выделяемых на оперативно-розыскную деятельность.

Принцип результативности и эффективности использования бюджетных средств означает, что при составлении и исполнении бюджетов участники бюджетного процесса в рамках установленных им бюджетных полномочий должны исходить из необходимости достижения заданных результатов с использованием наименьшего объема средств или достижения наилучшего результата с использованием определенного бюджетом объема средств (ст. 34).

Данный принцип, на наш взгляд, применительно к теме настоящей статьи обязан использоваться, так как речь изначально идет о расходовании денежных средств налогоплательщиков, и он может быть сформулирован следующим образом: принцип результативности и эффективности использования бюджетных средств, выделяемых на оперативно-розыскную деятельность. Однако этот принцип может соблюдаться не всегда, так как в ряде случаев поступающая информация о подготавливаемых, совершенных или совершаемых преступлениях может не подтверждаться, а возбужденные дела в дальнейшем могут быть прекращены по реабилитирующим основаниям. Так, по данным Председателя Верховного Суда Российской Федерации В. Лебедева, за первое полугодие 2010 г. суды рассмотрели уголовные дела в отношении 566 тыс. лиц. Из них 4,3 тыс. человек были оправданы, еще в отношении 9 тыс. уголовные дела были прекращены до вынесения приговора за отсутствием состава или события преступления (Куликов В. В зоне особого внимания // Рос. газ. 2010. 2 дек.).

Принцип общего (совокупного) покрытия расходов бюджетов означает, что расходы бюджета не могут быть увязаны с определенными доходами бюджета и источниками финансирования дефицита бюджета, если иное не предусмотрено законом о бюджете (ст. 35).

Так как данный принцип в наиболее общем виде отражает государственный подход при построении бюджетной системы Российской Федерации, представляется нецелесообразным его использование при формировании принципов такой специализированной и особой деятельности, как оперативно-розыскная.

Принцип прозрачности (открытости) означает: обязательное опубликование в средствах массо-

вой информации утвержденных бюджетов и отчетов об их исполнении, полноту представления информации о ходе исполнения бюджетов, а также доступность иных сведений о бюджетах по решению законодательных органов государственной власти; обязательную открытость для общества и средств массовой информации проектов бюджетов, внесенных в законодательные органы государственной власти, процедур рассмотрения и принятия решений по проектам бюджетов, в том числе по вопросам, вызывающим разногласия либо внутри законодательного органа государственной власти, либо между законодательным органом государственной власти и исполнительным органом государственной власти (ст. 36).

Принимая во внимание тот факт, что согласно ст. 1 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (Рос. газ. 1995. 18 авг.) оперативно-розыскная деятельность – это вид деятельности, осуществляемой гласно и негласно, рассматриваемый важнейший принцип бюджетного финансирования необходимо скорректировать и сформулировать следующим образом: принцип сочетания прозрачности (открытости), конспиративности и подконтрольности при расходовании денежных средств, выделяемых на оперативно-розыскную деятельность.

Принцип достоверности бюджета означает надежность показателей прогноза социально-экономического развития, например какой-либо сферы общественных отношений, и реалистичность расчета доходов и расходов бюджета (ст. 37).

Данный принцип, по нашему мнению, отражает сущность расходования денежных средств, выделяемых на оперативно-розыскную деятельность, и может быть сформулирован так: принцип достоверности бюджета денежных средств, выделяемых на оперативно-розыскную деятельность. В качестве подтверждения необходимости указанного принципа можно вновь привести положения п. 1 приказа ФСБ России от 16 октября 2010 г. № 507 «О денежном вознаграждении лиц, оказывающих содействие в выявлении, предупреждении, пресечении, раскрытии и расследовании террористического акта, выявлении и задержании лиц, подготавливающих, совершающих или совершивших такой акт», где определено, что расходование денежных средств на выплату денежного вознаграждения лицам, оказывающим содействие, осуществлять при условии обеспеченности необходимыми бюджетными средствами, предусмотренными на оперативно-розыскную деятельность федеральным органам исполнительной власти, осуществляющим борьбу с терроризмом. В данном случае речь может идти о деятельности и ФСБ России, и МВД России, и ФСИН России.

Принцип адресности и целевого характера бюджетных средств означает, что бюджетные ассигнования и лимиты бюджетных обязательств доводятся до конкретных получателей бюджетных средств с указанием цели их использования (ст. 38).

Если в качестве примера рассматривать пенитенциарную систему, то бюджетные ассигнования по линии оперативно-розыскной деятельности доводятся до ФСИН России, учреждений, непосредственно подчиненных ФСИН России, территориальных органов ФСИН России и учреждений ФСИН России в субъектах Российской Федерации исключительно для решения задач, предусмотренных ст. 2 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности». Принцип может быть сформулирован следующим образом: принцип адресности и целевого характера бюджетных средств, выделяемых на оперативно-розыскную деятельность.

Принцип подведомственности расходов бюджетов означает, что получатели бюджетных средств вправе получать бюджетные ассигнования только от главного распорядителя (распорядителя) бюджетных средств, в ведении которого они находятся (например, для пенитенциарной системы – это ФСИН России).

Главный распорядитель (ФСИН России) и распорядители (территориальные органы ФСИН России) бюджетных средств не вправе распределять бюджетные ассигнования и лимиты бюджетных обязательств распорядителям и получателям бюджетных средств (учреждениям уголовно-исполнительной системы), не включенным в перечень подведомственных им распорядителей и получателей бюджетных средств в соответствии со ст. 158 БК РФ.

При этом распорядители (территориальные органы ФСИН России) и получатели бюджетных средств (учреждения уголовно-исполнительной системы) могут быть включены в перечень подведомственных распорядителей и получателей бюджетных средств только одного главного распорядителя бюджетных средств (ФСИН России) (ст. 38.1).

В связи с вышеизложенным следующий принцип может быть сформулирован так: принцип подведомственности бюджетных расходов, выделяемых на оперативно-розыскную деятельность.

Принцип единства кассы означает зачисление всех кассовых поступлений и осуществление всех кассовых выплат с единого счета бюджета, за исключением операций по исполнению бюджетов, осуществляемых в соответствии с нормативными правовыми актами органов государственной власти Российской Федерации, органов государственной власти субъектов Российской Федерации за пределами территории соответственно Российской Федерации, субъекта Российской Федерации и других случаев (ст. 38.2).

По нашему мнению, данный принцип в полной мере не охватывает всех отношений в сфере финансового обеспечения оперативно-розыскной деятельности, так как в ряде случаев вознаграждение лиц, оказывающих содействие в раскрытии преступлений (тяжких, особо тяжких, вызвавших значительный общественный резонанс), осуществляется за счет средств органов государственной власти субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, юридических лиц (коммерческих и некоммерческих организаций), а также физических лиц. Так, в ноябре 2009 г. при нападении на банк в центре г. Перми бандиты ранили двух инкассаторов, одного из них – смертельно. Соответственно было возбуждено уголовное дело по ч. 1 ст. 105 Уголовного кодекса Российской Федерации (умышленное убийство). Губернатор Пермского края О. Чиркунов объявил награду за содействие в раскрытии этого преступления. Сумма вознаграждения составила 300 тыс. руб. (Бахарев К. Бандиты просчитались // Рос. газ. 2009. 17 нояб.).

Таким образом, в результате межотраслевого анализа (оперативно-розыскная деятельность и бюджетное право) нами были сформулированы следующие принципы финансового обеспечения оперативно-розыскной деятельности.

1. Принцип единства бюджетной системы Российской Федерации при финансовом обеспечении оперативно-розыскной деятельности.

2. Принцип разграничения расходов бюджетной системы Российской Федерации, направляемых на оперативно-розыскную деятельность, по субъектам, имеющим право на ее осуществление.

3. Принцип самостоятельности бюджета государственного органа, имеющего право на осуществление оперативно-розыскной деятельности, при расходовании денежных средств, выделяемых на нее.

4. Принцип полноты отражения доходов и расходов при финансовом обеспечении оперативно-розыскной деятельности.

5. Принцип сбалансированности бюджета денежных средств, выделяемых на оперативно-розыскную деятельность.

6. Принцип результативности и эффективности использования бюджетных средств, выделяемых на оперативно-розыскную деятельность.

7. Принцип сочетания прозрачности (открытости), конспиративности и подконтрольности при расходовании денежных средств, выделяемых на оперативно-розыскную деятельность.

8. Принцип достоверности бюджета денежных средств, выделяемых на оперативно-розыскную деятельность.

9. Принцип адресности и целевого характера бюджетных средств, выделяемых на оперативно-розыскную деятельность.

10. Принцип подведомственности бюджетных расходов, выделяемых на оперативно-розыскную деятельность.

Предложенный нами перечень принципов финансового обеспечения оперативно-розыскной дея-

тельности не претендует на полноту и, возможно, не лишен недостатков, поэтому мы рассчитываем на конструктивную критику и дальнейшее обсуждение рассматриваемых вопросов на страницах периодической специализированной печати.

Библиографический список

1. Бюджетный кодекс Российской Федерации : [принят Гос. Думой 17 июля 1998 г. : одобрен Советом Федерации 17 июля 1998 г.] // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1998. – № 31, ст. 3823.

2. Матузов Н. И. Теория государства и права : учебник / Н. И. Матузов, А. В. Малько. – М., 2004.

3. О денежном вознаграждении лиц, оказывающих содействие в выявлении, предупреждении, пресечении, раскрытии и расследовании террористического акта, выявлении и задержании лиц, подготавливающих, совершающих или совершивших такой акт : приказ Федер. службы безопасности Рос. Федерации от 16 окт. 2010 г. № 507 // Рос. газ. – 2010. – 17 нояб.

4. Об оперативно-розыскной деятельности : федер. закон от 12 авг. 1995 г. № 144-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1995. – № 33, ст. 3349.

5. Теория государства и права : учеб. для юрид. вузов / под ред. А. С. Пиголкина. – М., 2003.

References

1. Budget Code of the Russian Federation: [adopted by the State Duma on July 17, 1998 : approved by the Federation Council on July 17, 1998] // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1998. – № 31, art. 3823.

2. Matuzov N. I. Theory of State and Law / N. I. Matuzov, A. V. Malko. – M., 2003.

3. On Money Reward to Persons Assisting in Detecting, Preventing, Suppressing, Investigating and Solving Terrorist Acts; Discovering and Detaining of People Preparing, Committing and Having Committed Such Acts : Order of the Federal Security Service of the RF of Oct. 16, 2010. № 507 // Rossiyskaya Gazeta. – 2010. – Nov. 17.

4. On Crime Detection : Federal Law of August 12, 1995. № 144-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1995. – № 33, art. 3349.

5. Theory of State and Law / ed. by A. S. Pigolkin. – M., 2003.

В. В. Виноградов,
 профессор кафедры пенитенциарной педагогики,
 психологии и социальной работы
 ВЮИ ФСИН России
 кандидат педагогических наук, доцент
 заслуженный учитель Российской Федерации

V. V. Vinogradov,
 professor of the Department of Penal Pedagogy, Psy-
 chology and Social Work of VLI of the FPS of Russia
 Candidate of Pedagogical Sciences,
 Assistant professor
 Distinguished Teacher of the Russian Federation

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ И ИНДИВИДУАЛИЗАЦИЯ КАК ОСНОВНЫЕ ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ПРИНЦИПЫ ПРОЦЕССА ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ: СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Differentiation and Individualization as Basic Organizational Principles of Process of Penal Social Work: Social and Pedagogical Aspect

Аннотация. В статье анализируются принципы дифференциации и индивидуализации в процессе пенитенциарной социальной работы. Предложены разработанный вариант динамической модели структуры личности осужденного и схема многоуровневой классификации осужденных, которые определяют концептуальные педагогические основы процесса пенитенциарной социальной работы.

Ключевые слова: дифференциация, индивидуализация, классификация, личность осужденного, рабочая модель структуры личности осужденного, многоуровневая классификация осужденных.

Abstract. In the article principles of differentiation and individualization in the process of penitentiary social work are considered. The developed variant of the dynamic model of the personality structure of a condemned person and the scheme of multilevel classification of the condemned which define conceptual pedagogical basics of process of penal social work are offered.

Key words: differentiation, individualization, classification, personality of a condemned, the working model of structure of a person condemned, multilevel classification of the condemned.

Теоретическое обоснование дифференциации и индивидуализации в процессе пенитенциарной социальной работы, научное осмысление гуманизации межличностных отношений в условиях исправительного учреждения и развития демократических начал в его деятельности, создание теории системного взаимодействия исправительного учреждения с открытой социальной средой составляют ключевые положения социально-педагогической концепции процесса пенитенциарной социальной работы. Данные положения обеспечивают практическую сторону формирования организационно-методических основ социально-педагогического процесса пенитенциарной социальной работы.

Эффективная социальная работа с осужденными основывается на принципах дифференциации и индивидуализации в процессе их ресоциализации. Дифференциация и индивидуализация образуют единство взаимодополняемых действий в социальной работе. Одно действие позволяет устанавливать ее содержательно-типологический характер, объемы и динамику, другое – ориентироваться на позитивный опыт и коррекцию поведения применительно к конкретному осужденному.

Одним из значений слова «дифференциация» является разделение, расчленение целого на различные части, формы и ступени (Новейший словарь иностранных слов и выражений. Минск ;

М., 2001. С. 790). Исходя из этого дифференциация больше подходит для обозначения действия по разделению содержания социального и воспитательного воздействия или взаимодействия, а также для разделения их форм и методов. Однако очень часто в педагогической литературе можно встретить понимание дифференциации применительно к разделению различных категорий людей. Между тем для данной операции более применимо понятие «классификация» в смысле системы соподчиненных классов, объектов, явлений в какой-либо отрасли знаний, составленной на основе учета общих признаков объектов и закономерных связей между ними.

Пенитенциарная педагогика и пенитенциарная социальная работа, изучая личность осужденного в процессе ее ресоциализации в условиях мест лишения свободы, исходят из тех задач, которые ставят перед ними общество и государство на современном этапе своего развития, рассматривают личность в рамках своего предмета исследования и описывают ее в тех терминах, которые приняты в каждой из наук.

При разработке собственного подхода к личности с точки зрения пенитенциарной педагогики с ориентацией на социальную педагогику и социальную работу мы опирались на идеи и положения, принятые в общем философско-психологическом различении понятий «человек – индивид – личность». «Личность характеризует индивида в ас-

пекте его включенности в социальное целое» (В. А. Петровский. К пониманию личности в психологии. URL: <http://www.voppsy.ru/issues/1981/812/812040.htm>), т. е. имеется в виду, что понятие «личность» включает в себя совокупность присущих индивиду (осужденному) социально значимых черт, сторон, качеств, которые образовались у него в процессе и результате взаимодействия с другими людьми. В связи с этим представляются значимыми для нас идеи А. И. Анциферовой о том, что «сфера истинного бытия человека как личности – это сфера его выхода за пределы себя», что «личность – это способ бытия человека в обществе, в конкретно-исторических условиях, это индивидуальная форма существования и развития социальных связей и отношений» (Анциферова А. И. К психологии личности как развивающейся системе // Психология формирования и развития личности. М., 1981. С. 11).

Понятие личности осужденного в пенитенциарной социальной работе мы определяем как сложившуюся у него систему отношений с другими людьми, его мировоззрение, представляющее собой обобщенную систему взглядов, убеждений и идеалов, в которых он выражает свое отношение к окружающей его социальной среде и которые определяют тот или иной уровень его социальности. Мировоззрение осужденного по своему отражает различные явления окружающей действительности, показывает направление в выявлении и оценке причинно-следственных связей между этими явлениями и процессами.

В соответствии со своим мировоззрением осужденный выбирает способы практической реализации себя во взаимодействии с окружающей средой в процессе жизнедеятельности в местах лишения

свободы. Исходя из того, на какие сферы жизнедеятельности будут направлены его интересы, в каких формах и насколько социально ценно и личностно значимо он сумеет реализовать себя, настолько позитивность поведения в окружающем пространстве исправительного учреждения будет определяться его мировоззрением и свидетельствовать об успешности и социальной значимости реализации осужденного как личности в социальной работе с ним в процессе ресоциализации. Результатом этого будет достижение осужденным соответствующего уровня социальности.

Обоснование и использование рабочей структуры личности осужденного позволило нам построить единую социально-педагогическую классификацию, выявить частные закономерные связи и тенденции пенитенциарной социальной работы в процессе ресоциализации осужденных, разработать социально-педагогические рекомендации для соответствующих категорий и групп осужденных, нуждающихся в различных видах исправительно-воспитательного воздействия, в социальной и социально-педагогической помощи и поддержке. Кроме того, мы концептуально вводим в рабочую структуру личности осужденного идею формирования социальности как главный педагогический компонент процесса пенитенциарной социальной работы, определяющий остальные его компоненты. От степени сформированности социальности осужденного будут зависеть его поведение, деятельность, волевые установки, мышление. В ходе проводимого нами исследования сложилась определенная модель личности осужденного, отражающая динамику ее отдельных компонентов в зависимости от уровня социальности (рис. 1).

Л и ч н о с т ь о с у ж д е н н о г о	С о ц и а л ь н о с т ь				
	нулевой уровень	низкий уровень	допустимый уровень	средний уровень	высокий уровень
	П о в е д е н и е				
	сильное отклонение	умеренное отклонение	слабое отклонение		относительно нормальное
	Д е я т е л ь н о с т ь				
	предмет действия	знание	умение	навык	привычка (опыт)
	В о л я				
	целеполагание	интерес	установка	мотив	потребность
	М ы ш л е н и е				
	речь (слово)	память	представление	восприятие	ощущение

Рис. 1. Рабочая динамическая модель структуры личности осужденного

Анализ подходов отечественных и зарубежных ученых в пенитенциарной педагогике и пенитенциарной социальной работе показывает, что личностный подход напрямую обуславливающий ме-

тодические социальные технологии и технологии исправления осужденных, связан в одном случае с дифференциацией условий содержания осужденных (Л. А. Высотина, В. Д. Лутанский и др.), в дру-

гом – с дифференциацией самих осужденных по тем или иным основаниям (М. П. Стурова), в третьем – с дифференциацией самого исправительно-воспитательного или социального воздействия (А. В. Буданов, М. И. Кузнецов, С. А. Лузгин, А. В. Пищелко), т. е. с профессиональной позицией сотрудника как социального педагога.

Исследуя организацию практической деятельности сотрудников исправительного учреждения в процессе пенитенциарной социальной работы на основе дифференцированного подхода, мы выявили единую логику их действий. Классификация осужденных присутствовала в качестве обязательного первого шага во всех вариантах реализации дифференцированного подхода. Разница заключалась лишь в основаниях классификации. Это были и возраст, и образование, и наличие квалификации, и характер отношения к режиму отбывания наказания, и активность участия в работе самодеятельных организаций, и наличие сходных социальных проблем, и т. д. Смысл классификаций осужденных в каждом конкретном случае состоял в том, чтобы подвести осужденных под сложившуюся в исправительном учреждении систему социальной психологической и воспитательной работы со своим содержанием и технологией социального, воспитательного и психологического воздействия. Сама же система социальной и воспитательной работы того или иного учреждения раскрывалась его сотрудниками как система программ социального, психологического и исправительно-воспитательного воздействия, реализуемых в отношении каждого осужденного индивидуально через некоторую соподчиненную совокупность социальных и воспитывающих факторов с определенной степенью корректировки их воздействия на основе обратной связи.

Анализ теоретических положений исправительной педагогики (А. В. Буданов, А. В. Пищелко, М. П. Стурова, Н. А. Тюгаева), пенитенциарной социальной работы (М. И. Кузнецов, С. А. Лузгин), результатов обобщения опыта практических работников исправительных учреждений по организации исправления осужденных и оказания им социальной и социально-педагогической помощи, поддержки на основе дифференцированного подхода позволил сформулировать авторскую социально-педагогическую концепцию понимания дифференциации в процессе социальной работы с осужденными. Ее суть состоит в следующем:

- дифференциация обязательно должна включать социально-педагогическую классификацию осужденных, которая охватывает используемые на практике классификации и не противоречит им;
- дифференциация в содержательном плане отражает известную практическим работникам

систему социальных и воспитывающих факторов, ранжированных по степени их влияния на позитивное изменение качества поведения осужденных;

– дифференциация всегда ориентирована на конкретное лицо и содержит механизм индивидуальной реализации социального и воспитывающего потенциала системы педагогических факторов.

В дальнейшем наше исследование подтвердило правомерность такого подхода на личностно-субъектном уровне и позволило сделать вывод о возможности построения унифицированной системы педагогически ориентированной социальной работы с осужденными в исправительном учреждении, в основе которой лежит подготовленная в процессе опытно-педагогической деятельности рабочая структура личности. Она имеет важное значение для формирования системы социальной работы с осужденными, ориентированной на типологические качества поведения осужденных с положительной и отрицательной направленностью. В своем единстве они закономерно взаимосвязаны с формальными характеристиками личности: уровнем образования, квалификацией, семейным положением, стажем трудовой деятельности, количеством судимостей, отношением к совершенному преступлению и т. д., которые тем или иным образом раскрывают проявление ее социальности.

Построение рабочей структуры личности подчинено идее осуществления классификации осужденных. В рабочей структуре личности социальность и поведение берутся на уровне общего как основа типологической классификации осужденных (1-я ступень классификации); на уровне особенного (2-я ступень классификации) социальный опыт классифицируется в таких возрастных интервалах, как: 18–30 лет (молодежь), 30–40 лет (зрелый возраст), 40–55 лет (старший возраст); на уровне отдельного (3-я ступень классификации) взяты социальные и социально-педагогические проблемы осужденных, позволяющие на основе одинаковых проблем объединять осужденных в группы; на уровне единичного (4-я ступень классификации) – это конкретные осужденные со всем многообразием их индивидуальных характеристик. Построение классификации осуществлено как по «горизонтали» всех уровней, так и по «вертикали» с обеспечением соответствующих связей элементов классификационных шкал каждого уровня между собой. Единство педагогической классификации осужденных обуславливается целостностью структуры личности на уровне всеобщего. Схема социально-педагогической классификации осужденных представлена на рис. 2.

Л и ч н о с т ь о с у ж д е н н о г о												
С о ц и а л ь н о с т ь												
нулевой уровень			низкий уровень			допустимый уро- вен			средний уровень		высокий уровень	
П о в е д е н и е												
сильное отклонение			умеренное отклонение			слабое отклонение			относительно нормальное			
В о з р а с т, лет												
18–30	30–40	40–55	18–30	30–40	40–55	18–30	30–40	40–55	18–30	30–40	40–55	
С о ц и а л ь н ы е и с о ц и а л ь н о - п е д а г о г и ч е с к и е п р о б л е м ы												
группы	групп	группы	группы	группы	группы	группы	группы	группы	группы	группы	группы	
конкретные лица			конкретные лица			конкретные лица			конкретные лица			

Рис. 2. Многоуровневая классификация осужденных в процессе пенитенциарной социальной работы

Результаты проведенного нами исследования позволили установить, что в социальной защите, социально-педагогической поддержке и помощи медицинских и социальных работников, психиатров и психологов в наибольшей степени нуждается категория осужденных с нулевым и низким уровнями социальности. Именно эта категория осужденных самая большая. Она малообщительна, слабо ориентируется в жизненных ситуациях (с точки зрения морально-нравственной оценки), поддается влиянию осужденных из числа «картежников», «таксоманов» и др., склонна к нарушениям режима отбывания наказания. Работа, которую осуществляли начальники отрядов с данной категорией осужденных, сводилась к тому, чтобы установить нарушения правил поведения, вынести выговор, организовать обсуждение их проступков на совете отряда осужденных, подготовить на них подробные характеристики, оформить документы в штрафной изолятор или в помещение камерного типа за более серьезные проступки. Осужденные данной группы имеют большое количество социальных и социально-педагогических проблем, что требует пристального внимания к их решению всех служб исправительного учреждения.

В процессе опытно-педагогической работы были выявлены значительные содержательно-методические особенности процесса социальной работы с осужденными молодежного, зрелого и старшего возрастов. Это находит отражение в системе их социальных связей и отношений в период отбывания наказания, интересов, установок и мотивации поведения, в формировании перспективных планов на жизнь в здоровом социуме, восстановление своего социально-ролевого статуса в семье, трудовом коллективе, ближайшем окружении (социальном «микрорайоне» личности).

Определена целесообразность выделения в структуре классификации групп, система групповых признаков которых ориентирует процесс

социальной работы на целостную личность, характеризующуюся широким спектром индивидуальных особенностей. В этой логике формируется опыт социальной и исправительной практики конкретных социальных работников, воспитателей, начальников отрядов, который предполагает создание целостной социально-педагогической системы отдельного исправительного учреждения. Это обуславливает необходимость формирования социально-педагогической компетенции и компетентности ведущих специалистов всех частей и служб исправительного учреждения, равно как и представителей государственных, негосударственных, общественных, религиозных и иных организаций территориального социума. Исследование показало, что в рассматриваемой логике процесса ресоциализации осужденных следует организовывать социальную и социально-педагогическую помощь и поддержку осужденным, больным туберкулезом, ВИЧ-инфицированным, инвалидам, а также страдающим различными психическими расстройствами, учитывая их существенные отличия в отношениях к окружающей социальной среде.

Больной осужденный отличается от здорового тем, что у него, наряду с изменениями функционирования внутренних органов и самочувствия, качественно меняется психическое состояние. Болезнь меняет восприятие и отношение осужденного к самому себе, окружающим событиям, создает особое положение в коллективе.

У больного наблюдается перестройка организма, изменяются ощущения, ограничивается интерес к внешнему миру. При этом меняются все стороны личности и ее психики. Это связано прежде всего с тем, что болезнь нарушает привычный ритм жизни, труда, отдыха, бодрствования и сна. На кору головного мозга обрушивается обилие интерцептивных сигналов, которые заполняют все интересы больного и приобретают для него индивидуальную значимость. Условия отбывания нака-

зания больными осужденными оказывают влияние на их объективное восприятие происходящих явлений, событий, фактов, поступков, действий и высказываний окружающих. Под влиянием отрицательных психических состояний у больных в исправительном учреждении ослабевает память, появляются безынициативность, неспособность сосредоточить внимание на какой-либо деятельности, нежелание бороться с негативными последствиями перенесенного заболевания. Ожидание освобождения и длительность срока отбывания наказания вызывают чувство постоянного раздражения и отчаяния, особенно когда надежда на условно-досрочное освобождение не оправдалась. Не оправдавшиеся надежды осужденный переживает более остро, чем первые дни ареста после совершения преступления. В этом состоянии у больных осужденных чаще возникают аффективные состояния, и их реализация нередко перерастает в агрессивные и аутоагрессивные действия.

Определенные характерологические особенности отличаются в местах лишения свободы у больных осужденных с различными физическими недостатками и аномалиями органов чувств (кифосколиоз, укорочение конечностей, дефекты лица, глухота и др.). Эти больные в исправительном учреждении страдают больше, чем лица с психическими нарушениями, которых нередко другие осужденные боятся из-за их крайне неадекватного реагирования и агрессии. Одним из основных психических свойств лиц с физическими недостатками являются повышенная ранимость и фиксация внимания на своем дефекте. Эта категория больных часто уединяется, так как в среде осужденных им бывает тяжело из-за преследования и издевательств, жалости и осужде-

ния. Они комфортнее себя чувствуют в кругу таких же больных.

У хронических больных осужденных проблемы с адаптацией к условиям отбывания наказания и вхождения в ближайшее социальное окружение проявляются в большей степени. Среди них встречаются такие, у которых период адаптации длится до полутора лет.

Индивидуализация в процессе социальной работы данной категории осужденных представляется сложным процессом, требующим решения значительного круга личных проблем, а также вопросов, которые касаются медицинской, психологической, социальной и социально-педагогической помощи и поддержки с использованием всего арсенала средств социальной педагогики и социальной работы. Индивидуализация выступает как особый педагогический процесс оказания осужденным социальной и социально-педагогической поддержки и помощи, предметом которых становится совместное определение интересов осужденного, возможностей и путей преодоления социальных проблем, препятствующих успешной ресоциализации, достижению желаемых результатов в обучении, приобретении квалификации, самовоспитании, общении, образе жизни, восстановлении социально-ролевого статуса в семье и здоровом социуме.

Диалектическое единство дифференциации и индивидуализации социального, исправительно-воспитательного воздействия и социальной, социально-педагогической поддержки в процессе ресоциализации осужденных, их содержательно-технологическая динамика являются одним из важнейших теоретических положений педагогической концепции процесса пенитенциарной социальной работы.

Библиографический список

1. Анциферова А. И. К психологии личности как развивающейся системе / А. И. Анциферова // Психология формирования и развития личности. – М., 1981.
2. Бочарова В. Г. Педагогика социальной работы / В. Г. Бочарова. – М., 1994.
3. Виноградов В. В. Развитие педагогических идей пенитенциарной социальной работы в России : монография / В. В. Виноградов. – Владимир, 2010.
4. Морозов В. М. Социальная работа в уголовно-исполнительной системе / В. М. Морозов, В. В. Виноградов. – Владимир, 2009.
5. Никитин В. А. Некоторые проблемы разработки концептуальных основ теории социальной работы : сб. науч. ст. / В. А. Никитин. – М., 2008.

References

1. Antsiferova A. I. To Psychology of a Personality as to a Developing System / A. I. Antsiferova // Psychology of Formation and Development of a Personality. – M., 1981.
2. Bocharova V. G. Pedagogy of Social Work / V. G. Bocharova. – M., 1994.
3. Vinogradov V. V. Development of Pedagogical Ideas of Penitentiary Social Work in Russia / V. V. Vinogradov. – Vladimir, 2010.
4. Morozov V. M. Social Work in Penal System / V. M. Morozov, V. V. Vinogradov. – Vladimir, 2009.
5. Nikitin V. A. Some Problems of Developing Conceptual Basics of the Theory of Social Work / V. A. Nikitin. – M., 2008.

О. В. Воронин,

доцент кафедры уголовного процесса,
прокурорского надзора и правоохранительной
деятельности Юридического института
Томского государственного университета
кандидат юридических наук, доцент

O. V. Voronin,

Associate Professor of the Department
of Criminal Procedure, Prosecutor's Supervision
and Criminally-Remedial Activity of the Law Institute of
Tomsk State University
Candidate of Law, Assistant professor

ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОКУРОРСКОГО ПЕНИТЕНЦИАРНОГО НАДЗОРА

Issues of Development of Prosecutor's Penitentiary Supervision

Аннотация. В статье анализируются этапы формирования современного пенитенциарного надзора. В 1990-е гг. была заложена основная нормативно-правовая база, которая определила наиболее важные черты формирующегося пенитенциарного надзора, включающие в себя суженный предмет и широкое использование процессуально-ориентированных средств прокурорского надзора.

Ключевые слова: пенитенциарный надзор, исполнение наказания, прокуратура, пенитенциарная юстиция.

Abstract. In the article the steps of the development of modern penitentiary supervision are analyzed. In 1990s the main legislative and regulatory base was laid which defined the most important features of the penitentiary supervision being formed. These features include short cut subject matter and wide use of process oriented methods of prosecutor's supervision.

Key words: penitentiary supervision, punishment execution, office of public prosecutor, penitentiary justice.

Формирование пенитенциарного надзора как самостоятельного направления прокурорской деятельности проходило в несколько этапов. Началом первого послужило принятие Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (далее: Закон о прокуратуре 1992 г.) (Рос. газ. 1992. 18 февр.).

Закон о прокуратуре 1992 г. закрепил четыре отрасли прокурорского надзора, включая надзор за исполнением законов в местах содержания задержанных, в местах предварительного заключения, при исполнении наказания и иных мер принудительного характера, назначаемых судом. С учетом того, что принятие этого закона во многом было продиктовано необходимостью легитимации органов прокуратуры вновь образованного государства – Российской Федерации, прокурорский надзор в рассматриваемой отрасли сохранил свой прежний предмет, пределы, правовые средства и основное организационное устройство, ранее предусмотренные Законом СССР от 30 ноября 1979 г. № 1162-X «О прокуратуре СССР» (Свод законов СССР. М., 1990. Т. 10).

Пятнадцатого июля 1995 г. был принят Федеральный закон № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» (Рос. газ. 1995. 20 июля). В этом акте предусматривались различные формы контроля за исполнением и отбыванием задержания и предварительного заключения. При этом, хотя и закреплялась ведущая роль прокура-

туры в осуществлении надзора за законностью реализации указанных мер, фактически не исключался (а иногда и прямо предусматривался) судебный порядок оценки различных обстоятельств, связанных с отбыванием задержания и предварительного заключения. В итоге с учетом последовательной реализации положений Концепции судебной реформы в РСФСР (URL: http://www.bussinespravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_40216.html) в Конституции Российской Федерации и ряде иных федеральных законов обозначившаяся в начале 1990-х гг. конкуренция между прокурорскими и судебными органами в вопросах правовой оценки изоляции от общества была усилена. В судебной практике появились случаи судебного разрешения вопросов, связанных с оценкой не только законности и обоснованности применения мер предварительной изоляции, но также условий и порядка их исполнения и дисциплинарной практики в отношении лиц, задержанных и подвергнутых предварительному заключению под стражу.

Принятие Конституции Российской Федерации также обусловило внесение изменений в Закон о прокуратуре 1992 г. В результате 17 ноября 1995 г. Федеральным законом № 168-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации “О прокуратуре Российской Федерации”» (Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 47, ст. 4472) была принята новая редакция этого закона (далее: Закон о прокуратуре), ознаменовавшая начало следующего этапа становления пенитенциарного надзора.

С учетом правовых приоритетов, закрепленных в Конституции Российской Федерации, Законом о прокуратуре была установлена новая самостоятельная отрасль прокурорского надзора – надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина. Одновременно с этим в предмет всех остальных отраслей прокурорского надзора в качестве самостоятельного элемента было включено наблюдение за соблюдением прав и свобод человека и гражданина со стороны органов, учреждений и должностных лиц, поднадзорных органам прокуратуры, в пределах соответствующих отраслей. Позже указанные сквозные направления деятельности прокуратуры получили наименование правозащитной, или правообеспечительной, прокурорской деятельности (Бесарабов В. Г. Правозащитная деятельность российской прокуратуры (1722–2002 гг.): история, события, люди : монография. М., 2003. С. 26).

Поскольку из предмета прокурорского надзора была исключена судебная деятельность, связанная с разрешением вопросов, возникавших в стадии исполнения приговора, изменилось содержание отрасли, а также предмет и пределы надзора. В Законе о прокуратуре прокурорский надзор был обозначен как надзор за исполнением законов администрациями органов и учреждений, исполняющих наказания и назначаемые судом меры принудительного характера, администрациями мест содержания задержанных и заключенных под стражу. С учетом обозначенных правовых приоритетов в ст. 32 Закона о прокуратуре, определявшую предмет, помимо надзора за соблюдением порядка и условий отбывания различных мер уголовно-процессуального и уголовно-правового воздействия, было также включено наблюдение за соблюдением установленных законодательством Российской Федерации прав и обязанностей задержанных, заключенных под стражу, осужденных и лиц, подвергнутых мерам принудительного характера по решению суда. В остальном содержание прокурорского надзора осталось неизменным по сравнению со старой редакцией.

Несмотря на то, что нормативное закрепление в Законе о прокуратуре такого направления, как соблюдение установленных законодательством Российской Федерации прав и обязанностей задержанных, заключенных под стражу, осужденных и лиц, подвергнутых мерам принудительного характера, являлось последовательным шагом в приведении правового регулирования прокурорского надзора в данной отрасли в соответствие с вновь установленными конституционными и уголовно-исполнительными приоритетами, предложенная реализация такого подхода вызвала определенные проблемы. Это было единственное направление, которое наряду с надзором за соблюдением прав отдельных лиц закреп-

ляло надзор за соблюдением ими обязанностей. При этом, несмотря на то, что законодатель оставлял открытым вопрос о том субъекте, на которого возлагалось соблюдение обязанностей в рамках данного направления, с учетом контекста иных норм, определявших содержание надзора в этой отрасли, речь, безусловно, шла о соблюдении обязанностей со стороны осужденных и иных лиц, подвергнутых по решению суда мерам принудительного характера, возложенных на них ст. 36 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», ст. 10 Исправительно-трудового кодекса РСФСР (далее: ИТК РСФСР) и Правилами внутреннего распорядка исправительно-трудовых учреждений.

Включение в содержание прокурорского надзора соблюдения законов самими осужденными даже в советский период признавалось далеко не всеми учеными (Гинзбург В. Г., Тарасов А. А. Прокурорский надзор за исполнением приговоров. М., 1953. С. 197), поскольку достаточно проблематично было определить пределы самостоятельного юридически значимого поведения указанной категории лиц. Аналогичная ситуация была характерна и для правового положения осужденных по ИТК РСФСР 1979 г. после внесенных в него изменений 1992 г. (О внесении изменений и дополнений в Исправительно-трудовой кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР : закон Рос. Федерации от 12 июня 1992 г. № 2988-1 // Рос. газ. 1992. 21 июля). К тому же в этот период такой подход не в полной мере соответствовал положениям ст. 1 Закона о прокуратуре, исключившим граждан и иных отдельных лиц из предмета прокурорского надзора. Анализ прочих положений Закона о прокуратуре позволяет сделать вывод, что из предмета надзора были исключены все категории граждан независимо от специфики их правового статуса. В этой связи осуществление надзора за соблюдением осужденными и иными лицами, подвергнутыми по решению суда мерам принудительного характера, обязанностей с учетом специфики отбывания данных мер означало дополнительное наделение прокурора полномочиями по дисциплинарному и уголовному преследованию указанных субъектов. Такой подход фактически приводил к дублированию иных прокурорских полномочий, связанных с уголовным преследованием, а также дисциплинарных возможностей администраций исправительно-трудовых учреждений и иных органов и учреждений, исполнявших назначенные судом принудительные меры. Однако самое неблагоприятное последствие заключалось в том, что были созданы препятствия для дальнейшего развития правообеспечительного направления в рамках данной отрасли, а также

усилена неопределенность роли прокуратуры при судебном разрешении вопросов, связанных с оценкой правомерности применения дисциплинарных мер в отношении осужденных и иных лиц, подвергнутых мерам принудительного характера.

Следующий этап формирования пенитенциарного надзора связан с принятием Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации 1997 г. (далее: УИК РФ).

Включение в УИК РФ отдельной главы, посвященной правовому положению лиц, отбывавших уголовные наказания, подвело итог нормативной разработке данной проблемы, проводившейся с середины 50-х гг. XX в. Согласно ч. 2 ст. 10 УИК РФ за основу правового положения осужденных был взят правовой статус гражданина Российской Федерации с учетом ограничений и изъятий, установленных уголовным, уголовно-исполнительным и иным законодательством. При этом было уточнено правовое положение осужденных к лишению свободы путем предоставления им отдельных специфических прав, касавшихся материально-бытового обеспечения, а также регламентировавших их личную безопасность и охрану здоровья. В этом заключалось принципиальное отличие правового регулирования положения осужденных от ИТК РСФСР.

Предоставление осужденным базового статуса гражданина Российской Федерации актуализировало проблему прокурорского надзора за соблюдением осужденными возложенных на них обязанностей. Если раньше наличие данного направления деятельности прокуратуры отчасти можно было объяснить действием ИТК РСФСР, устанавливавшего специальный, отличный от правового положения гражданина, статус осужденного, в связи с чем с определенной долей натяжки можно было вести речь о том, что прокурор мог надзирать за исполнением ими обязанностей, поскольку осужденные по своему правовому положению не приравнивались к гражданам и поэтому не исключались из предмета надзора как отдельные лица, то теперь в силу действия ст. 10 УИК РФ такое толкование закона не имеет под собой юридического основания. К тому же ст. 22 УИК РФ, определив суть прокурорского надзора, не содержит упоминания о надзоре прокурора за соблюдением обязанностей осужденными, и сам уголовно-исполнительный закон не предоставил прокурору таких возможностей. В этой связи можно было заключить, что принятие УИК РФ фактически окончательно исключило надзор за соблюдением обязанностей осужденных из предмета данной отрасли прокурорского надзора.

Хотя принятие УИК РФ (при отсутствии соответствующих изменений ст. 32 Закона о прокуратуре) не устранило существовавших формальных

препятствий развития правообеспечительного направления в рамках данной отрасли, деятельность прокуратуры, связанная с обеспечением прав осужденных, в пределах рассматриваемой отрасли приобрела самостоятельное содержание и новую направленность: если прежде при осуществлении надзора прокурор наблюдал в основном за полной и точной реализацией нормативных предписаний обеспечительного характера со стороны соответствующих администраций, то теперь ракурс его надзора был обусловлен правовой оценкой соответствия возложенных на осужденного ограничений правовому положению осужденного как полноправного гражданина общества с учетом специфики его статуса. При этом в связи с изменением уголовно-исполнительного законодательства правоохранительное направление деятельности прокуратуры в рамках отрасли прокурорского надзора за исполнением законов в местах содержания задержанных, предварительного заключения при исполнении наказания и назначенных судом мер принудительного характера вышло на первый план и приобрело приоритетное значение.

После принятия УИК РФ надзор за соблюдением законности при исполнении уголовных наказаний, не связанных с лишением свободы, несмотря на то, что расценивался отдельными авторами в качестве самостоятельного направления в рамках отрасли надзора за исполнением законов при исполнении уголовных наказаний и иных мер принудительного характера, назначаемых судом (Настольная книга прокурора / под ред. С. И. Герасимова. М., 2002. С. 375–376), фактически утратил свое самостоятельное значение.

Поскольку исполнение указанных видов наказания не предусматривало изоляции от общества, оно исключило основное содержание уголовно-исполнительной деятельности, предполагавшее реализацию карательного, исправительно-воспитательного воздействия, а также осуществление мер безопасности. Это означало, что в отношении осужденных к мерам наказания, не связанным с изоляцией от общества, соответствующими уголовно-исполнительными органами и учреждениями не могли применяться основные уголовно-исполнительные меры, включая меры дисциплинарного воздействия. В этой связи полномочия, закрепленные в ст. 32–34 Закона о прокуратуре, не могли быть реализованы в отношении указанных органов и учреждений. В результате прокурорский надзор за соблюдением законности при исполнении уголовных наказаний, не связанных с лишением свободы, лишился основного своего содержания. Более того, УИК РФ установил, что все вопросы, возникающие в ходе отбывания наказаний, не связанные с изоляцией от общества, разрешаются в судебном порядке.

С учетом установления судебного порядка разрешения вопросов, возникавших в ходе отбывания указанных видов наказаний, правообеспечительная роль прокуратуры в отношении данных осужденных также была значительно ослаблена. В итоге надзор прокурора за соблюдением законности при исполнении уголовных наказаний, не связанных с лишением свободы, фактически был ограничен наблюдением за распорядительной деятельностью органов и учреждений, исполняющих уголовные наказания, не связанные с изоляцией от общества, не затрагивающей права осужденных.

Двадцать первого июля 1998 г. был принят Федеральный закон № 117-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в законодательные акты Российской Федерации в связи с реформированием уголовно-исполнительной системы (Рос. газ. 1998. 29 июля), передавший систему следственных изоляторов из ведения МВД России и иных правоохранительных органов в ведение Главного управления исполнения наказаний Минюста России. С этого момента деятельность практически всех органов и учреждений, осуществляющих изоляцию от общества, была сосредоточена в уголовно-исполнительной системе Минюста России. Несмотря на то, что применение мер изоляции было связано с различными правовыми режимами, были созданы условия для упрощения организации надзора за их исполнением. Кроме того, учеными были предприняты попытки определить данную деятельность прокуратуры как надзор за деятельностью уголовно-исполнительной системы (Прокурорский надзор : учеб. для вузов / под ред. проф. Г. П. Химичевой. М., 2001. С. 119–120) или надзор за исполнением законов администрациями пенитенциарных учреждений (Скуратов Ю. Полномочия прокуратуры во взаимоотношениях с судебной системой // Рос. юстиция. 1999. № 3. С. 13). Однако поскольку исполнение не всех предварительных мер изоляции в этот период относилось к компетенции уголовно-исполнительных органов, предложенный подход не в полной мере отражал специфику надзорной деятельности прокурора. Вместе с тем были верно выявлены тенденции ограничения предмета и пределов прокурорского надзора в данной отрасли уголовно-исполнительной деятельности, связанной с реализацией только мер изоляции, назначаемых по решению суда. При определенных условиях и с учетом последовательной реализации положений международных стандартов в национальном уголовно-исполнительном и ином законодательстве, регламентировавшем применение указанных видов изоляции, прокурорский надзор за исполнением законов при реализации данных мер после принятия нового закона можно было условно определить как пенитенциар-

ный. В свою очередь, принимая во внимание, что этот вид надзора, согласно ст. 33–34 Закона о прокуратуре, составляет основное содержание деятельности прокурора в данной отрасли, термин «пенитенциарный» можно было бы расширительно использовать для обозначения деятельности прокуратуры в рамках всей отрасли прокурорского надзора.

Такой подход прежде всего позволил бы разграничить формально схожую деятельность прокурора по реализации надзора за исполнением законов органами уголовно-исполнительной системы в различных конкретно-исторических условиях, в частности, до и после принятия нового уголовно-исполнительного законодательства. Кроме того, понятие «надзор за исполнением законов администрациями органов и учреждений, исполняющих наказания и назначаемые судом меры принудительного характера, администрациями мест содержания задержанных и заключенных под стражу» формально включало в себя и деятельность указанных администраций, не связанную с непосредственной реализацией уголовных наказаний и исполнением мер предварительного заключения и соответственно не входившую в предмет данной отрасли надзора. В этой связи введение подобного термина способствовало бы более адекватному отражению прокурорской деятельности.

Восемнадцатого декабря 2001 г. был принят Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее: УПК РФ), установивший новый порядок уголовно-процессуальной деятельности, связанной с исполнением приговора. Вновь принятый уголовно-процессуальный закон обособил процессуальную деятельность, связанную с судебным разрешением вопросов, которые возникают в ходе исполнения приговора, выделив ее в отдельные производства в рамках стадии исполнения приговора. Изменения коснулись также процессуального содержания деятельности прокурора в данной стадии. Во-первых, несмотря на то, что УПК РФ установил обязательное участие прокурора при судебном рассмотрении уголовных дел, участие прокурора в судебном разрешении вопросов, связанных с исполнением приговора, приобрело факультативный характер. Во-вторых, изменились полномочия прокурора: если прежде согласно УПК РСФСР он вправе был давать заключение, то теперь его возможности ограничены высказыванием мнения, при этом в законе не определяются конкретные формы его выражения.

Основное значение данной новеллы заключается в том, что были установлены новые принципы процессуального взаимодействия прокуратуры, суда и исправительных учреждений при решении вопросов, возникавших в ходе исполнения уголов-

ных наказаний. Несмотря на то, что вновь принятый УПК РФ не содержит конкретного перечня процессуальных возможностей прокурора, надзорные средства и методы, предусматриваемые Законом о прокуратуре, уже не применяются при судебном разрешении данной категории дел. В этой связи можно вести речь о начале формирования новых, процессуально ориентированных методов осуществления прокурорской деятельности в рассматриваемой сфере. Таким образом, у складывающегося надзора нового типа можно выделить такое принципиальное свойство, как наличие собственного процессуального инструментария реализации полномочий.

Подводя итог ретроспективе становления пенитенциарного надзора, можно сделать следующие выводы.

1. Пенитенциарный надзор прокуратуры не является монопольной формой осуществления контрольной деятельности за уголовно-исполнительной системой. Поскольку прокурорский надзор утратил высшее контрольное значение, пенитенциарный надзор обладает ограниченным содержанием и представляет собой лишь одну из форм осуществления контрольной деятельности наряду с судебным контролем сферы уголовно-исполнительных отношений.

2. Определяющее значение на становление пенитенциарного надзора оказали тенденции развития уголовно-исполнительной и судебной систем. В первом случае определяющей тенденцией стала ориентированность пенитенциарной системы на

консолидацию органов, исполняющих различные виды изоляции от общества, в одном ведомстве и обособление их функционирования от деятельности органов и учреждений, направленной на реализацию иных мер, предполагавших альтернативное воздействие на поведение осужденных. Во втором, наоборот, – расширение сферы судебной защиты за счет включения в предмет судебного контроля разрешения практически любых вопросов, возникавших в ходе или в связи отбыванием наказания, включая порядок и условия его отбывания, дисциплинарную практику и разрешение обращений.

3. Основное содержание пенитенциарного надзора образуют два направления деятельности: надзор за исполнением законов администрациями органов и учреждений, применяющих назначенные судом меры изоляции от общества, и надзор за соблюдением прав лиц, в отношении которых данные меры применяются. Таким образом, из содержания пенитенциарного надзора исключается надзор за соблюдением обязанностей осужденными и лицами, находящимися в предварительном заключении, исполнением наказаний, не связанных с изоляцией от общества, а также исполнением принудительных мер, назначаемых по решению суда и не связанных с уголовно-исполнительным воздействием. Правовые средства осуществления пенитенциарного надзора предполагают наряду с применением традиционных прокурорско-надзорных возможностей и широкое использование процессуальных полномочий прокурора.

Библиографический список

1. Бессарабов В. Г. Правозащитная деятельность российской прокуратуры (1722–2002 гг.): история, события, люди : монография / В. Г. Бессарабов. – М., 2003.
2. Воронин О. В. Исполнение приговора по УПК РФ : учеб. пособие / О. В. Воронин. – Томск, 2006.
3. Воронин О. В. Становление пенитенциарного надзора в России: исторические аспекты / О. В. Воронин. – Томск, 2010.
4. Гинзбург В. Г. Прокурорский надзор за исполнением приговоров / В. Г. Гинзбург, А. А. Тарасов. – М., 1953.

References

1. Bessarabov V. G. Remedial Activity of the Prosecutor's Office of the Russian Federation (1722–2002): History, Events, Personalities / V. G. Bessarabov. – M., 2003.
2. Voronin O. V. Execution of Punishments According to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation / O. V. Voronin. – Tomsk, 2006.
3. Voronin O. V. Formation of Penitentiary Supervision in Russia: Historical Aspects / O. V. Voronin. – Tomsk, 2010.
4. Ginzburg V. G. Prosecutor's Supervision over Execution of Punishments / V. G. Ginzburg, A. A. Tarasov. – M., 1953.

Н. С. Емельянов,
*соискатель факультета подготовки
научно-педагогических кадров
ВЮИ ФСИН России*

N. S. Emelyanov,
*applicant of the Faculty of Research
and Teaching Staff Training
of VLI of the FPS of Russia*

**РОЛЬ СОТРУДНИКОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ
В ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ ПЕНИТЕНЦИАРНОГО КОНФЛИКТА**

Role of Employees of the Penal System in Preventing Penitentiary Conflicts

Аннотация. В статье анализируется роль сотрудников уголовно-исполнительной системы в предупреждении пенитенциарного конфликта, а также конкретные факторы, влияющие на сокращение числа конфликтов в пенитенциарной системе.

Ключевые слова: пенитенциарный конфликт, правоохранительные органы, профилактика правового конфликта, предмет пенитенциарного конфликта.

Abstract. The author analyzes the role of the employees of the penal system in preventing penitentiary conflicts and looks at certain factors that influence the decrease in the number of conflicts in the penitentiary system.

Key words: penal conflict, law enforcement bodies, prevention of a penal conflict, subject matter of a penal conflict.

Пенитенциарный конфликт представляет собой противоборство субъектов права с противоположным пониманием и действием по отношению к принципам и нормам уголовно-исполнительного законодательства. Это сложное и многогранное явление. В нем заключено системное и внутрисистемное противоборство. Аморальные нормы поведения представителей криминальной субкультуры идут вразрез с общепринятыми правилами поведения и нормами законодательства. В процессе исправления осужденных происходит явное столкновение этих систем, в результате чего нередко проявляется их несовершенство, что также приводит к возникновению конфликтов, только уже внутренних, детерминированных коллизиями в праве и криминальной субкультурой.

В условиях исправительного учреждения большая роль и ответственность по предупреждению и пресечению конфликтов возложена на администрацию учреждения как на представителя закона.

Учитывая тот факт, что уголовно-исполнительная система (далее: УИС) регулируется нормами права, мы считаем, что пенитенциарный конфликт является одним из особых видов проявления правового конфликта. Это позволяет нам провести параллель между ними с целью наглядного обоснования значимости роли сотрудников УИС в предупреждении пенитенциарного конфликта.

Статья 1 Конституции Российской Федерации провозглашает Россию правовым государством. Это предполагает верховенство закона над всей жизнедеятельностью государства и общества. Та-

ким образом, право становится неким абсолютом, мерилем всех отношений и является единственно верным регулятором норм поведения. Иными словами, государство издает законы, которым неукоснительно должно следовать общество и соответственно само государство. Следовательно, ответственность за какие-либо «сбои» в правовой системе несет также само государство. В связи с этим государственная машина предполагает инструмент защиты своей системы. Если предположить, что одной из разновидностей «сбоев» является пенитенциарный конфликт (как вид правового), то в качестве инструмента его предупреждения либо разрешения выступают правоохранительные органы в целом и УИС, в частности.

Правоохранительные органы – это государственные органы, основной функцией которых является охрана законности и правопорядка, защита прав и свобод человека, борьба с преступностью (Большой юридический словарь / под ред. А. Я. Сухарева, В. Е. Крутских. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2002. С. 467). Если учесть тот факт, что правовой конфликт всегда связан с нарушением прав какого-либо лица, то становится ясно, что роль сотрудников правоохранительных органов в деле предупреждения конфликта является ключевой.

Еще одним основанием, подчеркивающим роль и значимость сотрудников правоохранительных органов по предупреждению правового конфликта, служит то обстоятельство, что главной функцией их деятельности является борьба с преступностью, которая предполагает и профилактику.

Правовой конфликт, в свою очередь, нередко выступает в качестве причины преступления, а преступление рассматривается как результат

конфликта между людьми (Юридическая конфликтология : монография / под ред. В. Н. Кудрявцева. М., 1995). В связи с этим сотрудникам правоохранительных органов проще предупредить затяжной конфликт, тем самым, предупредив преступление.

Предметом пенитенциарного конфликта являются общественные отношения в области уголовно-исполнительного права, основной целью которого является исправление осужденных. То есть противоборство интересов как проявление конфликтной ситуации возникает по поводу исправления или, если быть точнее, исправительного воздействия.

Основная масса осужденных (в криминальном «табеле о рангах» – «мужики») вынуждена подчиняться сильному меньшинству. В исправительном учреждении они должны принимать либо сторону «блатных», наиболее авторитетных осужденных, либо администрации. «Воровской закон» возлагает обязанности по разрешению конфликтов на «смотрящего» за учреждением, а согласно российскому законодательству данная обязанность является функцией администрации. «Смотрящий» выполняет роль так называемого третейского судьи. Нередко именно его вмешательство способствует разрешению конфликтов между осужденными. Об этом свидетельствуют и данные исследований, согласно которым вмешательство «лидеров преступной среды» в конфликтные ситуации разрешает конфликты в два раза чаще, чем это происходит со стороны администрации (Теория оперативно-розыскной деятельности : учебник / под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, Г. К. Синилова. М., 2006. С. 607).

Важную роль в сдерживании конфликтной активности должны играть целевые и последовательные мероприятия по нейтрализации влияния асоциальных неформальных групп осужденных (Кулакова А. А. Виктимологический аспект пенитенциарной преступности и ее предупреждения (в отношении сотрудников уголовно-исполнительной системы) : автореф. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2007) и, самое главное, криминальной субкультуры в целом.

В системе учреждений и органов Федеральной службы исполнения наказаний России сокращение числа пенитенциарных конфликтов между осужденными и сотрудниками зависит от следующих факторов:

1. Психолого-воспитательная работа с осужденными.
2. Режим отбывания наказания.
3. Оперативно-розыскная деятельность по профилактике правонарушений и т. д.

Психолого-воспитательная работа должна быть направлена на снижение уровня моральной напряженности, которая обусловлена ограниче-

нием ряда прав и свобод и нередко сопряжена с возникновением конфликтных ситуаций. Не исключено также, что такая работа должна проводиться и с сотрудниками, так как они фактически находятся в одной «среде обитания» с осужденными. Профессионально-нравственная деформация личности сотрудника накладывает свой негативный отпечаток на отношения с коллегами, подчиненными и осужденными. Именно поэтому планомерная психологическая и воспитательная работа должна вестись и с ними.

Режим отбывания наказания подразумевает исполнение установленных российским законодательством правил поведения в учреждениях и органах исполнения наказаний, обеспечивающих охрану и изоляцию законных интересов, личную безопасность осужденных и персонала (ч. 1 ст. 82 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации). Точное следование нормам уголовно-исполнительного законодательства позволяет минимизировать возможности возникновения правового конфликта, за исключением тех случаев, когда конфликт возникает вследствие пробелов и коллизий в законе. В распоряжении администрации для исполнения данной задачи имеются несколько дополнительных мер, таких как: надзор и контроль за поведением осужденных, проведение различных режимных мероприятий (обыск и т. д.), и самое важное (что нередко упускается из виду) – это формирование у осужденных позитивного пенитенциарного правосознания, т. е. уважительного отношения к нормам закона, а не к нормам криминальной субкультуры, оказывающей деформирующее воздействие на личность.

Следующий фактор – *оперативно-розыскная деятельность по профилактике правонарушений*. Согласно ст. 2 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» задачами оперативно-розыскной деятельности являются: выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений (Рос. газ. 1995. 18 авг.). Мы уже говорили о том, что правовой конфликт может послужить причиной преступления. Нарушение прав и интересов субъектов конфликта нередко могут затронуть сферу уголовного законодательства. В этом случае оперативные подразделения должны пресекать конфликт на любой его стадии.

Немаловажным является еще и то обстоятельство, что оперативные работники часто сами становятся участниками пенитенциарных конфликтов, поскольку их деятельность носит характер постоянного, скрытого конфликтного взаимодействия с преступной средой (Теория оперативно-розыскной деятельности : учебник. С. 127). Им необходимо постоянно учитывать возможность возникновения конфликтной ситуации при

наличии постоянного противодействия со стороны лиц, подготавливающих или совершающих преступление (Там же. С. 713).

Все вышеперечисленные обязанности, призванные снизить количественные и качественные показатели правовых конфликтов, возложены на администрацию учреждения, т. е. на ее сотрудников. Залог их успешной работы будет зависеть от грамотной координации деятельности всех отделов и служб учреждения.

Многогранная проблема требует системного подхода к своему решению. Роль сотрудника правоохранительных органов, безусловно, высока, мало того, она – социально значима. Это прежде всего обусловлено тем, что сотрудник является представителем государства, призванным охранять закон и порядок, права и свободы

человека, т. е. обеспечивать безопасность правоотношений. Пенитенциарный конфликт, являясь частью правоотношений, в большей степени несет разрушительные последствия, так как уже вызван каким-либо нарушением в правовой плоскости. Более того, пенитенциарный конфликт – явление постоянное и не ограниченное никакими рамками, поэтому сотруднику проще и логичнее предупредить правовой конфликт, нежели бороться с его последствиями.

Администрация мест лишения свободы должна быть всегда готова к оказанию осужденным помощи как психологической, юридической, так и иной в пределах, допустимых законом (Там же. X, с. 608), обладая достаточными возможностями влиять на конфликт, управлять им, в противном случае ее место займет преступный элемент.

Библиографический список

1. Кулакова А. А. Виктимологический аспект пенитенциарной преступности и ее предупреждение (в отношении сотрудников уголовно-исполнительной системы) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Кулакова Анна Александровна. – Н. Новгород, 2007.

2. Теория оперативно-розыскной деятельности : учебник / под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, Г. К. Сенилова. – М., 2006.

3. Юридическая конфликтология / авт. кол. : О. В. Бойков [и др.] ; отв. ред. В. Н. Кудрявцев. – М., 2005.

References

1. Kulakova A. A. Victimological Aspect of Penitentiary Crime and Its Prevention (in Relation to Employees of the Correctional System Institutions) / Kulakova Anna Aleksandrovna. – N. Novgorod, 2007.

2. Theory of Crime Detection Activity / ed. by K. K. Goryainov, V. S. Ovchinskiy, G. K. Sinilov. – M., 2006.

3. Legal Conflictology / O. V. Boykov [et al.] ; ed. by V. N. Kudryavtsev. – M., 2005.

В. В. Карпунина,
*адъюнкт факультета подготовки
 научно-педагогических кадров
 БЮИ ФСИН России*

V. V. Karpunina,
*post-graduate student of the Faculty
 of Research and Teaching Staff Training
 of VLI of the FPS of Russia*

ПРАВОВАЯ АНТИКУЛЬТУРА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Legal Anticulture in the Activities of the Penal System

Аннотация. В статье рассматривается понятие правовой антикультуры, формы ее проявления в деятельности уголовно-исполнительной системы, указываются факторы возникновения правовой антикультуры и определяются основные направления противодействия ей.

Ключевые слова: правовая культура, правовая антикультура, криминальная субкультура, уголовно-исполнительная система, реформирование, эффективность деятельности.

Abstract. The article deals with the concept of legal anti-culture, the forms of its manifestation in the activity of the penal system. The author indicates the factors of its coming into being and defines the basic directions of combating with it.

Key words: legal culture, legal anticulture, criminal sub-culture, penal system, reforming, efficiency of activities.

В правовой жизни общества антикультура существует объективно и находится в диалектическом единстве с правовой культурой. Их единство, противостояние и конфликт выступают внутренним источником развития правовой системы общества. В связи с этим исследование правовой антикультуры является важной научно-исследовательской задачей.

Правовая антикультура представляет собой специфический срез правовой действительности, отражающий свойство правовых явлений, их состояний и тенденций развития снижать эффективность правового регулирования и уровень правового порядка, а также степень удовлетворения индивидуальных и общественно значимых интересов и потребностей.

В деятельности уголовно-исполнительной системы (далее: УИС) правовая антикультура проявляет себя в наиболее открытых и конфликтных формах. Прежде всего, это обусловлено противостоянием официальной правовой культуры и криминальной субкультуры. Предназначение УИС заключается в исполнении уголовных наказаний, обеспечении надежной изоляции осужденных от общества и оказании на них в целях исправления необходимого психолого-педагогического, воспитательного воздействия. При этом объектом воздействия являются осужденные – один из активных источников криминальной субкультуры.

Криминальная субкультура выступает наиболее опасной для общества формой проявления антикультуры. В своей сущности она является идеологией преступного мира, носит сложный многоуровневый и системный характер. Услов-

ными подсистемами криминальной субкультуры выступают: нормативная (система криминальных правил поведения), ценностно-ориентационная (основополагающие ценности преступного мира), коммуникативная (порядок, средства и способы общения внутри преступного сообщества), стратификационная (жесткая социальная стратификация, существование устойчивых, жестких «каст» в преступной среде), функциональная (непосредственно преступная деятельность).

Исполнение сотрудниками УИС своих служебных обязанностей обуславливает возникновение конфликта между официальной правовой культуры и криминальной субкультуры. Сферой проявления конфликта выступает правоисполнительная деятельность УИС. Это особый вид юридической деятельности, связанный с реализацией правоприменительных актов, в частности приговоров судов (Коробов С. А. Правоисполнительная деятельность в современном российском обществе: проблемы теории : дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2006. С. 42–73). Непосредственно к правоисполнительной деятельности УИС следует отнести режимную, оперативно-розыскную деятельность, обеспечение охраны осужденных, осуществление контроля за отбыванием лишения свободы и наказаний, не связанных с лишением свободы, а также такие право-реализующие, организационно-правовые формы деятельности, как воспитательная работа, организация привлечения осужденных к общественно полезному труду.

Содержанием рассматриваемого конфликта культур является противодействие осужденных действиям администрации исправительного учреждения. Это противодействие может приобретать как открытые, так и скрытые формы. К

типичным проявлениям антикультуры относятся такие формы противоправного поведения осужденных, как: причинение вреда жизни и здоровью других осужденных; употребление спиртных напитков либо наркотических средств или психотропных веществ; нанесение татуировок; присваивание прозвищ; неповиновение представителям администрации исправительного учреждения или их оскорбление; организация забастовок или иных групповых неповиновений; мужеложство, лесбиянство и ряд других противоправных деяний.

Среди факторов криминальной субкультуры необходимо различать внутренние и внешние.

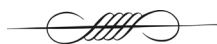
Внутренние факторы отражают особенности организации и жизнедеятельности преступного сообщества. Среди них в первую очередь следует назвать нормы и ценности преступного мира.

Внешние факторы вызваны недостатками в работе учреждений УИС и требуют особо пристального внимания. Степень совершенства законодательства определяет вектор развития правоприменительной практики. Так, неукоснительная и точная реализация законодательства в деятельности УИС должна обеспечивать достижение целей уголовного наказания. Однако системные, концептуальные недостатки законодательства могут приводить к формированию ненадлежащей юридической практики и соответственно вместо искоренения криминальной субкультуры способствовать ее развитию в обществе. В результате юридическая практика сама может стать фактором криминальной субкультуры. Наиболее яркими примерами в этом плане служат секции дисциплины и порядка, которые создавались в каждом исправительной учреждении (в настоящее время ликвидированы), отрядная система содержания осужденных.

В настоящее время осознана объективная необходимость изменения идеологии исправительного воздействия. Концепция реформирования УИС до 2020 года, утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 14 октября 2010 г. № 1772-р (Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 43, ст. 5544), предусматривает не только отказ от идеи отрядной системы, но и предполагает кардинальное изменение структуры исправительных учреждений (создание тюрем и воспитательных центров), а также технологии исправительного воздействия. Планируемым результатом реализации данной Концепции должны стать повышение эффективности деятельности УИС и минимизация негативных социальных последствий, связанных с изоляцией осужденных от общества.

Противостояние официальной культуры и криминальной субкультуры – это важный, но далеко не единственный аспект проблемы антикультуры в УИС. Диалектический механизм действия антикультуры затрагивает мышление и поведение сотрудников УИС и проявляется в органическом единстве идеальных и материальных форм. Так, неразвитость правового сознания приводит к изданию несовершеннолетних в технико-юридическом отношении нормативных и индивидуальных правовых актов. Завышенные, порой необоснованные требования руководства усиливают действие экстремальной профессиональной среды, способствуя профессиональной деформации правового сознания. Приобретаемые деформации правового сознания обуславливают агрессивно-репрессивный и формально-бюрократический тип поведения сотрудников по отношению к осужденным, их проблемам и потребностям. В результате происходит усиление социальной деградации осужденных, их асоциальный образ жизни и мысли приводит к совершению новых преступлений, а увеличение рецидива преступлений свидетельствует о неэффективности уголовно-исправительного воздействия.

Локализация и минимизация проявлений антикультуры становятся возможными в случае комплексного подхода к решению проблем функционирования УИС. Для этого необходимо осуществлять работу по нескольким направлениям. Во-первых, нужно непрерывно совершенствовать законодательную основу деятельности УИС. При этом важное значение имеет не только совершенствование собственной правотворческой деятельности ФСИН России, но и активное экспертное участие в подготовке законов. Во-вторых, следует широко использовать инновационные наукоемкие технологии, обеспечивающие экономичность и эффективность управления УИС. В-третьих, важно развивать и обновлять формы сотрудничества с институтами гражданского общества как с точки зрения контроля, так и оказания помощи в ресоциализации осужденных. В-четвертых, целесообразно совершенствовать кадровую работу. Система аттестации должна стать надежным критерием определения компетентности сотрудников, а разработка четких, понятных и однозначных критериев оценки компетентности – важным и приоритетным направлением в работе. И, наконец, в-пятых, нужно повысить качество социального обеспечения сотрудников. Высокие требования к сотрудникам УИС должны сочетаться с надежными социальными гарантиями, только в этом случае будет возможно обеспечить необходимую социально активную мотивацию к исполнению служебных обязанностей.

Библиографический список

1. *Коробов С. А.* Правоисполнительная деятельность в современном российском обществе: проблемы теории : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Коробов Сергей Анатольевич. – Владимир, 2006.
2. О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года : распоряжение Правительства Рос. Федерации : [от 14 окт. 2010 г. № 1772-п] // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2010. – № 43, ст. 5544.

References

1. *Korobov S. A.* Law Enforcement Activity in Contemporary Russian Society: Problems of Theory / Korobov Sergey Anatolyevich. – Vladimir, 2006.
2. On the Concept of Development of the Penal System of the Russian Federation till 2020 : Decree of the Government of the Russian Federation : [of October 14, 2010 № 1772-p] // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2010. – № 43, art. 5544.

А. В. Кудрявцев,
заместитель начальника кафедры
организации оперативной работы
ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук, доцент

A. V. Kudryavtsev,
Chief of the Department of Organizing
Operative Work
of VLI of the FPS of Russia
Candidate of Law, Assistant professor

**ПРОБЛЕМЫ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ,
НЕ СВЯЗАННЫХ С ЛИШЕНИЕМ СВОБОДЫ**

**Problems of Operative and Detective Activities for Execution
of Penalties Not Connected with Deprivation of Liberty**

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы деятельности оперативных подразделений по обеспечению исполнения уголовных наказаний, не связанных с лишением свободы. Анализируется ряд проблем, возникающих в данном направлении деятельности оперативных подразделений ФСИН России на современном этапе.
Ключевые слова: преступление, наказание, оперативные подразделения.

Abstract. The author considers the problems of activity of operative divisions in the sphere of execution of punishments not connected with deprivation of liberty. A number of problems arising in this direction of activities of operative divisions of the FPS of Russia in modern period are analyzed.
Key words: crime, punishment, operative divisions.

В Российской Федерации начата и успешно реализуется реформа всей системы уголовной юстиции. Современная отечественная пенитенциарная система также переживает беспрецедентное по своим масштабам преобразование. Это вызвано в первую очередь тем, что «до настоящего времени масштабы уголовно-исполнительной системы, ее содержательную составляющую нельзя признать адекватными состоянию преступности в стране и международным стандартам обращения с заключенными» (Реймер А. А. Актуальные вопросы реформирования уголовно-исполнительной системы // Материалы науч.-практ. конф. по вопросам реформирования УИС. Москва, 10 сент. 2009 г. URL: http://www.gov.cap.ru/list2/view/02SV_SPECH_OV/form.asp?id=816&pos=5&GOV_ID=94).

Существенным этапом реформирования являются разработка и утверждение Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года (О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года : распоряжение Правительства Рос. Федерации от 14 окт. 2010 г. № 1772-р. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 43, ст. 5544).

При этом в качестве одной из задач, решаемых в рамках реформирования, в Концепции названо расширение сферы применения наказаний и иных мер, не связанных с лишением свободы. Рационализация политики в области уголовного правосудия предполагает увеличение к 2020 г. общей численности лиц, осужденных к наказаниям, не связанным с изоляци-

ей осужденного от общества, на 200 тыс. человек за счет применения ограничения свободы и других видов наказаний, увеличения количества санкций, предусматривающих наказания, не связанные с изоляцией от общества, и расширения практики назначения данных наказаний судами.

В связи с расширением правоприменительной практики судов по назначению наказаний, альтернативных лишению свободы, дальнейшей гуманизацией уголовных наказаний, предполагаемой передачей в уголовно-исполнительную систему полномочий по осуществлению контроля за условно-досрочно освобожденными из мест лишения свободы прогнозируется увеличение численности лиц, состоящих на учете в уголовно-исполнительных инспекциях. Так, «по расчетам, число условно свободных подопечных у службы может увеличиться более чем на 300 тыс. человек» (Куликов В. Тюремщик дежурит на дому // Рос. газ. 2010. 24 нояб.).

Практика исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы, свидетельствует о необходимости осуществления оперативно-розыскного обеспечения данного процесса. Это подтверждают и результаты интервьюирования руководителей и сотрудников уголовно-исполнительных инспекций, 73 % которых указали на реально существующую необходимость оперативно-розыскного обеспечения процесса исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы.

В чем должны заключаться задачи, которые решают оперативные работники, осуществляющие вышеуказанное оперативно-розыскное обеспечение? Данные задачи обуславливаются проблемами,

возникающими в процессе исполнения этих видов наказаний и требующих использования для их решения сил, средств и методов оперативно-розыскной деятельности.

Основной проблемой, требующей разрешения и возникающей при исполнении наказаний, альтернативных лишению свободы, является уклонение лиц, осужденных к данным видам наказаний, от их отбывания. Так, во Владимирской области по состоянию на 31 декабря 2010 г. уклоняющимися от уголовных наказаний, не связанных с лишением свободы, числились 42 человека.

Опросы сотрудников уголовно-исполнительных инспекций также подтвердили данный тезис. Однако возникает закономерный вопрос: кто должен заниматься розыском этих лиц? Ведь деятельность по розыску лиц, в том числе и в уголовно-исполнительной системе, регламентируется в основном нормативными правовыми актами МВД России. В то же время в территориальных органах уголовно-исполнительной системы функционируют подразделения розыска в составе оперативных управлений, осуществляющих розыск лиц, совершивших побег из учреждений уголовно-исполнительной системы либо в период их конвоирования к месту назначения, а также уклоняющихся от отбывания наказания в виде лишения свободы.

По нашему мнению, вполне логично сконцентрировать функции по осуществлению розыска всех категорий осужденных, в том числе и уклоняющихся от отбывания наказаний, не связанных с лишением свободы, в рамках одного ведомства (подразделения розыска территориальных органов уголовно-исполнительной системы). Это подтверждают результаты интервьюирования как сотрудников оперативных подразделений, осуществляющих розыск, органов внутренних дел, так и уголовно-исполнительной системы. В связи с этим целесообразно представляется разработка специального нормативного правового акта – Инструкции по организации и тактике розыскной работы в уголовно-исполнительной системе, которая, по нашему мнению, должна включать в числе иных раздел, отражающий особенности и порядок осуществления розыска осужденных, уклоняющихся от отбывания наказаний, не связанных с лишением свободы.

Сегодня, как отмечают респонденты, коллизии норм и неопределенность ситуации порождают недостаточную эффективность розыска указанной категории осужденных, что, по сути, нарушает принцип неотвратимости наказания.

Еще одной существенной, на наш взгляд, проблемой является отсутствие четко определенной организационной системы оперативного обеспечения деятельности уголовно-исполнительных инспекций. Данное направление деятельности опера-

тивных подразделений уголовно-исполнительной системы обусловлено, помимо вышеперечисленного, необходимостью предупреждения совершения преступлений лицами, приговоренными к наказаниям, не связанным с лишением свободы.

Одним из направлений, требующих использования возможностей оперативно-розыскной деятельности, является контроль за исполнением такого наказания, как лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью¹. Данный вид наказания, бесспорно, имеет существенные перспективы в плане предупреждения вновь совершаемых правонарушений, особенно коррупционного характера. Однако, как показывает практика, его исполнение вызывает определенные затруднения. Результаты опроса сотрудников уголовно-исполнительных инспекций свидетельствуют о фактической невозможности эффективного контроля за исполнением этого вида наказания без соответствующей помощи со стороны оперативных подразделений. Лица, осужденные к данному виду наказания, имеют возможность продолжать заниматься запрещенным по приговору суда видом деятельности, трудоустроившись в иные организации и учреждения, в том числе в других регионах страны. В этом случае цели наказания, закрепленные в ст. 43 УК РФ, остаются недостижимыми.

В настоящее время в структуре уголовно-исполнительных инспекций отсутствуют сотрудники, наделенные правом проведения оперативно-розыскных мероприятий. В то же время следует признать, что именно оперативно-розыскная деятельность объективно способна оказать помощь в решении поднимаемых в данной статье проблем. Неслучайно учеными, специалистами в области оперативно-розыскной деятельности, отмечается, что оперативно-розыскная деятельность осуществляется для достижения стоящих перед ней целей лишь при условии существенного затруднения или невозможности достижения этих целей иными законными путями². Таким образом, необходимость использования возможностей оперативно-розыскной деятельности для достижения целей на-

¹ В 2010 г. количество таких лиц в России составило 20 434 человека (URL: <http://www.fsin.su/structure/inspection/iao/statistika/Xar-ka%20v%20YII/>).

² Так, профессор К. К. Горяинов, определяя оперативно-розыскную деятельность, говорит о ней как об основанном на законе виде социально полезной государственной деятельности уполномоченных субъектов, представляющей собой систему применения специальных сил, средств и методов гласного и негласного характера с целью защиты человека, общества и государства от преступных посягательств при условии существенного затруднения или невозможности достижения этой цели иными законными путями (Горяинов К. К. Некоторые направления развития оперативно-розыскной деятельности в УИС // Оперативник (сб.). 2006. № 1. С. 16).

казаний, не связанных с лишением свободы (в частности, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью), очевидна.

Учитывая проводимые в системе МВД России преобразования и уровень реальной загруженности оперативного состава данного ведомства, едва ли стоит надеяться на существенную помощь в решении указанной проблемы со стороны сотрудников органов внутренних дел. На наш взгляд, более целесообразно данную функцию закрепить за оперативными подразделениями ФСИН России, а одним из инструментов, обеспечивающих эффективность их деятельности в этом направлении должно стать четко организованное и нормативно закрепленное взаимодей-

ствие с иными правоохранительными органами, в первую очередь с органами внутренних дел.

Безусловно, преодоление обозначенной проблемы требует соответствующих правовых решений, определения компетенции сотрудников, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность по обеспечению отбывания рассматриваемых видов наказаний. Кроме того, в рамках проводимого реформирования уголовно-исполнительной системы в случае положительного решения относительно необходимости оперативно-розыскного обеспечения отбывания наказаний, не связанных с лишением свободы, потребуется разработка комплекса мер по организационно-структурному, кадровому, научному и ресурсному обеспечению данного направления деятельности.

Библиографический список

1. Горяинов К. К. Некоторые направления развития оперативно-розыскной деятельности в уголовно-исполнительной системе / К. К. Горяинов // Оперативник (сыщик). – 2006. – № 1.
2. Теория оперативно-розыскной деятельности: учебник / под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, Г. К. Синилова. – М., 2005.

References

1. Goryainov K. K. Some Directions of the Development of Crime Detection Activity in the Penal System / K. K. Goryainov // Investigator. – 2006. – № 1.
2. Theory of Crime Detection / ed. by K. K. Goryainov, V. S. Ovtchinskiy, G. K. Sinilov. – M., 2005.

В. В. Михайлин,
*преподаватель кафедры организации
оперативно-розыскной деятельности
Академии права и управления ФСИН России*

V. V. Mikhailin,
*Lecturer of the Department of Organizing Crime
Detection of the Academy of Law and Management of the
FPS of Russia*

**ПОНЯТИЕ, ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ХАРАКТЕРИСТИКА ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ
В СЛЕДСТВЕННЫХ ИЗОЛЯТОРАХ ФСИН РОССИИ**

**Concept, Legal Regulation and Characteristic of Ensuring Security of an Individual
in Investigative Isolation Wards of the FPS of Russia**

Аннотация. В статье рассматриваются понятие, правовое регулирование и характеристика обеспечения безопасности персонала следственных изоляторов, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, осужденных и граждан, находящихся на их территории.
Ключевые слова: обеспечение безопасности, следственный изолятор, персонал следственных изоляторов, подозреваемые и обвиняемые в совершении преступлений.

Abstract. The article discloses the concept, legal regulation and characteristic of ensuring the security of the staff in investigative isolation wards, those suspected in and accused of committing crimes, convicted and citizens which are found on their territory.

Key words: ensuring the security, investigative isolation ward, staff of investigative isolation wards, those suspected in and accused of committing a crime.

Проблемы обеспечения безопасности в любом государстве обуславливают консолидацию всех его структур в противодействии угроз со стороны криминальных формирований, отдельных психически неуравновешенных и криминально активных личностей, посягающих на жизнь и здоровье граждан. Необходимо отметить, что объектами обеспечения безопасности являются личность, ее права, конституционный строй, суверенитет и территориальная целостность государства. В связи с этим основным направлением органов государственной и исполнительной власти являются формирование структур, обеспечивающих безопасность, создание механизма контроля за их деятельностью. К таким структурам по праву следует отнести и следственные изоляторы. Безопасность персонала следственных изоляторов, граждан, находящихся на их территориях, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, осужденных определяется как состояние защищенности их жизненно важных интересов от внутренних и внешних криминальных воздействий.

В следственных изоляторах, где содержатся, наряду с подозреваемыми и обвиняемыми в совершении преступлений, преступники различных категорий, для персонала, подозреваемых и обвиняемых, иных граждан имеется риск быть подверженными криминальному воздействию (захват заложников, нападение, нанесение телесных повреждений, насильственные действия сексуального характера, убийство). В связи с этим безопасность личности в следственных изоляторах можно рассматривать как степень ее защищенности от криминальных опасностей.

Безопасность должна обеспечиваться с учетом следующих факторов: существующая реальная криминогенная и криминальная ситуация в среде подозреваемых, обвиняемых и осужденных, которая может быть трансформирована в противоправные деяния в отношении персонала, лиц, содержащихся под стражей, граждан находящихся на территории следственного изолятора; готовность персонала структурных подразделений следственного изолятора выявлять, распознавать, предупреждать и пресекать намерения и противоправные действия преступников, посягающих на безопасность личности в следственном изоляторе.

Разрешению проблем безопасности личности в следственных изоляторах во многом способствует Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых, обвиняемых в совершении преступлений» (Рос. газ. 1995. 20 июля)². В ст. 17 «Права подозреваемых и обвиняемых» закреплено их право на личную безопасность в местах содержания под стражей. Статья 19 предусматривает право на личную безопасность и определяет, что при возникновении угрозы жизни и здоровью подозреваемого или обвиняемого либо угрозы совершения преступления против личности со стороны других подозреваемых или обвиняемых сотрудники мест содержания под стражей обязаны незамедлительно принять меры по обеспечению личной безопасности подозреваемого или обвиняемого.

Обеспечение безопасности в следственном изоляторе осуществляется посредством изоляции по-

дозреваемых и обвиняемых. Их размещают таким образом, чтобы обеспечить безопасность их жизни и здоровья. При этом учитывается наличие письменного заявления подозреваемого или обвиняемого об одиночном содержании. Причем размещение подозреваемых и обвиняемых в одиночные камеры в целях обеспечения их безопасности может осуществляться и в ночное время.

При размещении подозреваемых и обвиняемых, а также осужденных в следственном изоляторе обязательно соблюдаются следующие требования: раздельно должны содержаться мужчины и женщины; несовершеннолетние и взрослые; лица, впервые привлекаемые к уголовной ответственности, и лица, ранее содержавшиеся в местах лишения свободы; подозреваемые и обвиняемые, а также осужденные, приговоры в отношении которых вступили в законную силу; подозреваемые и обвиняемые по одному уголовному делу (п. 1 ст. 33).

Кроме того, отдельно от других подозреваемых и обвиняемых содержатся:

- подозреваемые и обвиняемые в совершении преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства и преступлений против мира и безопасности человечества;

- подозреваемые и обвиняемые в совершении таких преступлений, как убийство; убийство матерью новорожденного ребенка; умышленное причинение тяжкого вреда здоровью; заражение ВИЧ-инфекцией; похищение человека; изнасилование; насильственные действия сексуального характера; торговля несовершеннолетними; грабеж; разбой; вымогательство, совершенное при отягчающих обстоятельствах; терроризм; захват заложников; организация незаконного вооруженного формирования; бандитизм; организация преступного сообщества (преступной организации); пиратство; посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование; посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа; дезорганизация нормальной деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества;

- подозреваемые и обвиняемые при особо опасном рецидиве преступлений;

- осужденные к смертной казни;

- лица, являющиеся или являвшиеся судьями, адвокатами, сотрудниками правоохранительных органов налоговой инспекции, таможенных органов, службы судебных приставов, учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, военнослужащими внутренних войск федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере внутренних дел;

- по решению администрации места содержания под стражей либо по письменному решению лица или органа, в производстве которых находится уголовное дело;

- подозреваемые и обвиняемые, жизни и здоровью которых угрожает опасность со стороны других подозреваемых и обвиняемых;

- больные инфекционными заболеваниями или нуждающиеся в особом медицинском уходе и наблюдении (п. 2 ст. 33).

Обеспечение безопасности личности в следственном изоляторе выполняется путем реализации такой функции, как охрана подозреваемых и обвиняемых и надзор за ними. Статья 34 предусматривает: нахождение подозреваемых и обвиняемых под надзором с использованием аудио- и видеотехники; личный обыск; дактилоскопирование; фотографирование; обыск в помещениях; досмотр вещей, посылок и передач; проведение оперативно-розыскных мероприятий в целях выявления, предупреждения, пресечения раскрытия преступлений. Статья 35 регулирует вопросы режимных требований на прилегающих к местам содержания под стражей территориях. Суть этих требований сводится к тому, что на территориях, которые непосредственно прилегают к следственным изоляторам и границы которых определяются органами местного самоуправления по представлению органов внутренних дел, территориальных органов уголовно-исполнительной системы и органов Федеральной службы безопасности, могут устанавливаться режимные требования.

Обеспечение безопасности в следственных изоляторах находится в непосредственной зависимости от закрепленных законом основных обязанностей подозреваемых и обвиняемых (ст. 36).

Содержание в карцере также является средством обеспечения безопасности в следственном изоляторе (ст. 40). Данная предупредительная мера предусмотрена: за притеснение и оскорбление других подозреваемых и обвиняемых; нападение на сотрудников мест содержания под стражей или иных лиц; неповиновение законным требованиям сотрудников мест содержания под стражей или иных лиц либо за оскорбление их; неоднократное нарушение правил изоляции; хранение, изготовление и употребление алкогольных напитков, психотропных веществ; хранение, изготовление и использование других предметов, веществ и продуктов питания, запрещенных к хранению и использованию; участие в азартных играх; мелкое хулиганство. Безопасность функционирования следственных изоляторов также обеспечивается силовыми средствами, связанными с применением физической силы, специальных средств, газового и огнестрельного оружия в местах содержания под стражей, введения режима особых условий (ст. 43–48).

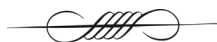
Согласно Положению о следственном изоляторе уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции Российской Федерации, утвержденному приказом Минюста России от 25 января 1999 г. № 20, функциями следственных изоляторов, обеспечивающими их безопасность, являются: охрана подозреваемых и обвиняемых; их изоляция; выявление, предупреждение и пресечение преступлений; конвоирование подозреваемых и обвиняемых внутри следственного изолятора, при доставке лиц, бежавших из-под охраны, при помещении лиц, содержащихся в следственном изоляторе, в медицинское учреждение и при доставке на железнодорожные станции, пристани, в аэропорты и обратно для обмена с караулами, осуществляющими этапирование по плановым маршрутам; осуществление организации и проведения мероприятий по обеспечению безопасности следственного изолятора и соблюдению режимных требований на прилегающей к нему территории; проведение оперативно-розыскных мероприятий; создание необходимых условий для обеспечения прав и законных интересов граждан; осуществление профессиональной подготовки сотрудников следственного изолятора, а также специальной подготовки к действиям в условиях, связанных с применением физической силы, специальных средств, оружия, а также доврачебной помощи пострадавшим; обеспечение персонала следственного изолятора оружием, средствами индивидуальной защиты для постоянного ношения и хранения с целью реализации гарантий личной безопасности сотрудников следственного изолятора и членов их семей; осуществление мероприятий по мобилизационной подготовке и гражданской обороне аппарата следственного изолятора; контроль над готовностью сил и средств к действиям в чрезвычайных ситуациях мирного времени и в военный период; реализация противопожарных и противоземлетрясочных мероприятий, предусмотренных государственными стандартами, нормами и правилами (Бюл. норматив. актов федер. органов исполн. власти. 1999. № 10).

В Правилах внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, утвержденных приказом Минюста России от 14 октября 2005 г. № 189, в целях обеспечения безопасности подозреваемые и обвиняемые обязаны: соблюдать порядок содержания под стражей; выполнять законные требования администрации следственного изолятора; соблюдать правила пожарной безопасности; не совершать действий, унижающих достоинство сотрудников следственного изолятора, подозреваемых и обвиняемых, а также других лиц; не препятствовать сотрудникам следственного изо-

лятора, а также иным лицам, обеспечивающим порядок содержания под стражей, в выполнении ими служебных обязанностей; не совершать умышленных действий, угрожающих жизни и здоровью других лиц; быть вежливыми между собой и в общении с сотрудниками следственного изолятора; при входе в камеры сотрудников следственного изолятора по их команде вставать и выстраиваться в указанном месте; при движении под конвоем или в сопровождении сотрудников следственного изолятора держать руки назад.

В целях обеспечения безопасности подозреваемым и обвиняемым запрещается: вести переговоры, осуществлять передачу каких-либо предметов лицам, содержащимся в других камерах или иных помещениях следственного изолятора, перестукиваться или переписываться с ними; без разрешения администрации выходить из камер и других помещений режимных корпусов; нарушать линию охраны объектов следственного изолятора; изготавливать и употреблять алкогольные напитки, употреблять наркотические, психотропные и другие запрещенные к употреблению вещества; пользоваться самодельными электроприборами; разводить открытый огонь в камере; без разрешения администрации производить ремонт сантехники, осветительных и других приборов или регулировку освещения в камере; причинять вред имуществу, находящемуся в камере; при движении по территории следственного изолятора выходить из строя, курить, разговаривать, заглядывать в камерные глазки, поднимать какие-либо предметы, нажимать кнопки тревожной сигнализации; выбрасывать что-либо из окон, взбираться на подоконник, высовываться в форточку, подходить вплотную к глазку двери, закрывать глазок (Там же. 2005. № 46).

Исходя из анализа правовых мер обеспечения безопасности в следственных изоляторах, можно сделать следующие выводы: обеспечение безопасности непосредственно связано с личностью, общественной безопасностью. Человек является основным объектом в сфере обеспечения безопасности личности, а безопасность личности в следственном изоляторе — это ее защищенность от опасностей быть подвергнутой физическому воздействию, в том числе связанных с лишением жизни. Обеспечение безопасности персонала следственного изолятора, подозреваемых, обвиняемых и осужденных, граждан, находящихся на территории следственных изоляторов, заключается в защите их жизни, здоровья, чести и достоинства от криминальных деяний, направленных на причинение физического и морального вреда, предупреждении техногенных и природных угроз.

Библиографический список

1. О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений : федер. закон : от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ // Рос. газ. – 1995. – 20 июля.
2. Об утверждении Положения о следственном изоляторе уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции Российской Федерации : приказ М-ва юстиции Рос. Федерации от 25 янв. 1999 г. № 20 // Бюл. норматив. актов федер. органов исполн. власти. – 1999. – № 10.
3. Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы : приказ М-ва юстиции Рос. Федерации от 14 окт. 2005 г. № 189 // Бюл. норматив. актов федер. органов исполн. власти. – 2005. – № 46.

References

1. On Holding in Custody Those Suspected in and Accused of Committing Crimes : Federal Law № 103-FZ of July 15, 1995 // Rossiyskaya Gazeta. – 1995. – July 20.
2. On Confirming the Provision Concerning Investigative Isolation Wards of the Ministry of Justice of the Russian Federation : Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation № 20-FZ of January 25, 1999 // Bulletin of Normative Acts by Federal Units of Executive Power. – 1999. – № 10.
3. On Confirming Rules of Internal Order in Investigative Isolation Wards of the Penal System : Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation № 189 of October 14, 2005 // Bulletin of Normative Acts by Federal Units of Executive Power. – 2005. – № 46.

С. К. Редков,

*начальник кафедры уголовного права
и уголовного процесса
Ивановского филиала ВЮИ ФСИН России
кандидат педагогических наук*

S. K. Redkov,

*Head of the Department of Criminal Law
and Procedure of Ivanovo branch
of VLI of the FPS of Russia
Candidate of Pedagogic Sciences*

УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА И ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА В ПРОЦЕССЕ РЕФОРМИРОВАНИЯ УИС

Criminal Policy and Legal Culture in the Process of Reforming the Penitentiary System

Аннотация. В статье анализируется взаимосвязь между изменением уголовной политики государства и состоянием правовой культуры общества. Рассмотрены последние законодательные изменения, касающиеся такого вида наказания, как ограничение свободы, проведена параллель с соответствующими правовыми нормами советской эпохи. Кроме того, в статье представлена общественная оценка правовых реформ и уголовной политики России конца XIX – начала XX вв., проиллюстрированная фрагментами из публицистических и художественных произведений Л. Андреева.

Ключевые слова: уголовная политика, система уголовной политики, правовая культура общества, состояние российской правовой культуры, формирование правовой культуры, отстаивание правовой культуры от задач уголовной политики.

Abstract. The author analyzes the interrelation between the modification of the criminal policy of a state and the level of the legal culture in society. As an example the author throws light on the latest changes of the legislation concerning such type of a punishment as restraint of liberty and draws a parallel with the corresponding legal norms of the Soviet era. Besides, the article presents the public assessment of the legal reforms and criminal policy of Russia in the late 19th – at the beginning of the XXth century which is illustrated by the fragments from publicistic and literary works by L. Andreev.

Key words: criminal policy, system of the criminal policy, legal culture of society, level of Russian legal culture, formation of the legal culture, falling of the legal culture behind the criminal policy tasks.

Правовая культура общества – это обусловленное социально-экономическим и политическим строем качественное состояние правовой жизни, выражающееся в достигнутом уровне развития юридических актов и иных текстов правового характера, уровне правовой деятельности, правосознания и в целом правового развития субъекта, а также степени гарантированной государством свободы поведения личности в единстве с ответственностью ее перед обществом (Семитко А. П. Развитие правовой культуры как правовой прогресс. Екатеринбург, 1996. С. 312).

Настоящее состояние российской правовой культуры обусловлено как ее историческими корнями, так и современными реалиями. Сегодня выполнение правовой культурой ее гуманистической функции становится затрудненным. Причины этого, как представляется, заключаются в том, что в России на протяжении нескольких столетий имела место острая коллизия между адаптивной и гуманистической функциями права и правовой культуры. Непростые конкретно-исторические условия вынуждали государство направлять все социальные ресурсы (в том числе культурно-правовые) на элементарное поддержание физического существования человека и общества. Огромная территория, относительно

неблагоприятные хозяйственные условия, малая плотность и этническая и религиозная разнородность населения, возможность гибели национальной культуры в результате внешнего завоевания – все это способствовало утверждению права прежде всего в качестве средства социального контроля, мобилизации и подавления.

Российская Федерация, вступившая на путь реформ в конце XX в., изменяя форму и содержание институтов государственной власти, приступила к изменению уголовной политики и начала реформу уголовно-исполнительной системы.

Первые значимые перемены произошли в 1996 г., когда были приняты Уголовный и Уголовно-исполнительный кодексы Российской Федерации (далее: УК РФ, УИК РФ). С этого момента и начались главные преобразования в уголовной политике государства. Оставаясь по своей сути карательной, уголовная политика Российской Федерации взяла курс на дифференциацию уголовного наказания и гуманизацию пенитенциарной системы.

Так, в УК РФ были исключены статьи, которые имели необоснованную конкуренцию норм с другими статьями (ст. 182, 200, 265 УК РФ и др.), а из системы наказаний – конфискация имущества. Самым последним изменением в системе наказаний стала перестройка формы и содержания такого вида наказания, как ограничение свободы. На этом вопросе мы остановимся подробнее.

В новой редакции УК РФ ограничение свободы является универсальным видом наказания, т. е. оно может выступать как в качестве основного, так и дополнительного вида наказания. Суть ограничения свободы изложена в ст. 53 УК РФ. Мы рассмотрим содержание ограничения свободы как дополнительного вида наказания.

Ограничение свободы заключается в установлении судом осужденному следующих ограничений: не уходить из дома (квартиры, иного жилища) в определенное время суток, не посещать определенные места, не выезжать за пределы территории соответствующего муниципального образования, не посещать места проведения массовых и иных мероприятий и не участвовать в указанных мероприятиях, не изменять место жительства или пребывания, место работы и (или) учебы без согласия специализированного государственного органа, осуществляющего надзор за отбыванием осужденным наказания в виде ограничения свободы. При этом суд возлагает на осужденного обязанность являться в специализированный государственный орган, осуществляющий надзор за отбыванием осужденным наказания в виде ограничения свободы, от одного до четырех раз в месяц для регистрации. Установление судом осужденному ограничений на изменение места жительства без согласия указанного специализированного государственного органа, а также на выезд за пределы территории соответствующего муниципального образования является обязательным.

Специализированным органом в данном случае является уголовно-исполнительная инспекция. Согласно ч. 1 ст. 54 УИК РФ уголовно-исполнительная инспекция ведет учет осужденных к наказанию в виде ограничения свободы, разъясняет порядок и условия отбывания наказания, осуществляет надзор за осужденными и принимает меры по предупреждению с их стороны нарушений установленного порядка отбывания наказания, оказывает осужденным помощь в трудоустройстве, проводит с ними воспитательную работу, применяет установленные законом меры поощрения и взыскания, вносит в суд представления об отмене частично либо о дополнении ранее установленных для осужденных ограничений, а также о замене осужденным, уклоняющимся от отбывания наказания, неотбытой части наказания в виде ограничения свободы.

В соответствии с подп. «л» п. 8 постановления Правительства Российской Федерации от 16 июня 1997 г. № 729 (ред. от 28 марта 2010 г.) «Об утверждении Положения об уголовно-исполнительных инспекциях и норматива их штатной численности» для обеспечения надзора, предупреждения преступлений и в целях получения необходимой информации о поведении осужденных уголовно-

исполнительные инспекции вправе использовать аудиовизуальные, электронные и иные технические средства надзора и контроля (Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 25, ст. 2947 ; 2010. № 14, ст. 1655). Порядок применения указанных технических средств определяется федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере исполнения уголовных наказаний (ч. 1 ст. 60 УИК РФ).

Порядок осуществления надзора уголовно-исполнительными инспекциями определяется нормативными правовыми актами, утверждаемыми федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере исполнения уголовных наказаний, по согласованию с Генеральной прокуратурой Российской Федерации (ч. 3 ст. 60 УИК РФ). Детально порядок надзора определен в приказе Минюста России от 11 октября 2010 г. № 258 «Об утверждении Инструкции по организации исполнения наказания в виде ограничения свободы» (Рос. газ. 2010. 27 окт.).

У ограничения свободы как дополнительного вида наказания много общего с административным надзором, который в советскую эпоху устанавливался согласно Положению об административном надзоре органов внутренних дел за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, утвержденному Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1966 г. № 5364-VI (Ведомости Верхов. Совета СССР. 1966. № 30, ст. 597). Как видим, даже термин «надзор» в обоих случаях фигурирует, может быть, с различным объемом содержания, но с примерно одинаковой смысловой нагрузкой.

Согласно п. 3 указанного Положения к лицам, в отношении которых устанавливался административный надзор, могли применяться следующие ограничения:

- а) запрещение ухода из дома (квартиры) в определенное время;
- б) запрещение пребывания в определенных пунктах района (города);
- в) явка в милицию для регистрации от одного до четырех раз в месяц.

Все это почти полностью перекликается с настоящей редакцией ч. 1 ст. 53 УК РФ.

Далее, за злостное нарушение правил административного надзора ст. 198.2 УК РСФСР предусматривалось лишение свободы на срок от шести месяцев до двух лет или исправительные работы на тот же срок.

Согласно ч. 1 ст. 314 УК РФ злостное уклонение лица, осужденного к ограничению свободы,

от отбывания наказания наказывается лишением свободы на срок до одного года. Причем согласно примечанию к статье в данном случае речь идет об ограничении свободы именно как о дополнительном наказании.

То есть в обоих случаях гарантом исполнения рассматриваемого вида наказания является угроза лишения свободы.

Таким образом, анализируя законодательство настоящее и советской эпохи, можно сделать вывод, что современные правовые нормы в области ограничения свободы есть ни что иное как «хорошо забытое старое». Единственное существенное различие между ограничением свободы и административным надзором заключается в том, что контроль за первым видом уголовно-правового воздействия возложен на уголовно-исполнительные инспекции, тогда как контроль за вторым возлагался на органы внутренних дел, а именно: на службу участковых инспекторов милиции. И, на наш взгляд, в этом было больше целесообразности, так как проверка по месту жительства поднадзорного способствует профилактике преступлений и правонарушений и их раскрываемости. Это обусловлено тем, что у милиции (теперь – полиции) гораздо больше прав и возможностей, чем у уголовно-исполнительных инспекций.

В связи с этим целесообразно вспомнить, какими правами в соответствии с п. 12 Положения об административном надзоре наделялась милиция:

«а) истребовать сведения о поведении поднадзорного от администрации предприятий, учреждений и общественных организаций по месту его работы и жительства, а также от граждан;

б) возбуждать ходатайства перед соответствующими государственными, общественными и хозяйственными организациями о трудовом и бытовом устройстве поднадзорного;

в) вызывать поднадзорного на беседы в милицию; проводить при необходимости такие беседы в присутствии представителей администрации предприятий, учреждений, общественных организаций, а также родственников поднадзорного;

г) требовать от поднадзорного устные и письменные объяснения по вопросам, связанным с исполнением правил административного надзора;

д) посещать в любое время суток жилище поднадзорного».

Сравним указанные нормы с современным законодательством. Часть 2 ст. 60 УИК РФ гласит: «При осуществлении надзора работник уголовно-исполнительной инспекции вправе посещать в любое время суток (за исключением ночного времени) жилище осужденного, вызывать его на беседы в уголовно-исполнительную инспекцию в целях получения от него устных или письменных

объяснений по вопросам, связанным с отбыванием им наказания, а также истребовать по месту жительства, работы или учебы осужденного сведения о его поведении».

То есть нормы почти тождественны. Реформирование в данном вопросе заключалось в том, что законодатель обратился к опыту недавнего прошлого. Так, может быть, имеет смысл быть до конца последовательными и заменить ограничение свободы (как дополнительный вид наказания) административным надзором, и контроль за ним возложить на органы внутренних дел? Тем более, что нормативно-правовая база уже существовала в виде постановлений Пленума Верховного Суда СССР от 5 июля 1974 г. № 6 «О практике применения судами законодательства об ответственности за нарушение правил административного надзора» (Постановления пленумов верховных судов СССР и РСФСР : сборник. М., 2003) и от 16 декабря 1986 г. № 4 «О судебной практике по делам о нарушении правил административного надзора» (Там же). Кстати, на наш взгляд, было бы целесообразным воспользоваться опытом прошлого в вопросе установления административной ответственности за нарушение административного надзора (ст. 167 КоАП РСФСР) в качестве предупредительной меры, так как согласно п. 5 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 16 декабря 1986 г. № 4 «О судебной практике по делам о нарушении правил административного надзора» троекратное административное правонарушение влекло уголовную ответственность.

Изменения в уголовной политике являются отражением потребностей общества и, естественно, влияют на формирование правовой культуры последнего. Каким образом современные реформы влияют на правосознание общества и формирование правовой культуры граждан, пока сказать трудно. Однако представляется интересным проследить влияние реформ права в России рубежа XIX–XX вв. на примере публицистических и художественных произведений Леонида Андреева (1871–1919), которые позволят нам выявить сходства и различия в законодательстве разных эпох.

Главный герой рассказа «Первый гонорар» (1900) молодой помощник присяжного поверенного Толпенников, мечтающий стать защитником в суде, внезапно узнает, что помог уйти от ответственности жуликам. Желание защитить, как он полагал, невинную женщину было сильнее фактов: *«И тогда на левой странице, внизу, он заметил одну пропущенную подробность, которая была в пользу г-жи фон Брезе и давала несколько иное освещение делу. И хотя это была подробность, благоприятное сочетание слов, а*

не факт, но он обрадовался и сразу почувствовал себя бодрым...» (Андреев Л. Н. Повести и рассказы. М., 1957. С. 85).

Опираясь только на свое красноречие, ему удастся убедить судей в невинности своей подзащитной: *«Искренность молодого защитника заражает судей, они благосклонно смотрят на него, и один, справа, даже кивает в такт речи головой»* (Там же. С. 88). Но когда герой понял, что пошел на поводу у мошенников, ему стало стыдно за свое красноречие, послужившее неправому делу. Обращаясь к своему коллеге, старому адвокату, Толпенников вопрошает: *«Но ведь в действительности она виновата?»*. На что опытный служитель Фемиды отвечает: *«Откуда мы можем знать, что происходит в действительности? Может быть, там черт знает что, в этой действительности. И нет никакой действительности, а есть очевидность»*.

Для главного героя становится ясно, что в суде дела решаются на основе мертвой буквы закона, что с помощью подкупа и лжесвидетельства преступник может уйти от наказания.

В рассказе «Христиане» (1905) автор беспощадно обличает лицемерие царского суда. В начале произведения Л. Андреев показывает обыденность налаженной «судебной машины»: *«За окном падал мокрый ноябрьский снег, а в здании суда было тепло, оживленно и весело для тех, кто привык ежедневно, по службе, посещать этот большой дом, встречать знакомые лица, раскрывать все ту же чернильницу и макать в нее все то же перо. Перед глазами, как в театре, разыгрывались драмы, — они так и назывались “судебные драмы”, — и приятно видеть было и публику, и слушать живой шум в коридорах, и играть самому. Весело было в буфете; там уже зажгли электричество, и много вкусных закусок стояло на стойке. Пили, разговаривали, ели. Если встречались пасмурные лица, то и это было хорошо: так нужно в жизни, и особенно там, где изо дня в день разыгрываются “судебные драмы”. Вон в той комнате застреленный как-то подсудимый; вот солдат с ружьем; где-то бренчат кандалы. Весело, тепло, уютно»* (Там же. С. 285).

Опрос свидетелей в таком суде является чистой формальностью, поскольку все они заранее разделены на положительных и отрицательных, а следовательно, исход дела также заранее предрешен: *«Довольно большая кучка свидетелей, человек в двадцать, быстро перемещается слева направо. На вопрос председателя одни отвечают громко и скоро, с готовностью, и сами догадливо отходят к стороне; других вопрос застает врасплох, они недоуменно молчат и оглядываются, не зная, к ним относится названная*

фамилия, или тут есть другой человек с такой же фамилией. Свидетели положительные ожидали вопроса полностью и отвечали полно, не торопясь, обдуманно; к стороне они отходили лишь после приказания председателя и с другими не смешивались» (Там же. С. 286).

Однако на одной из таких формальностей (присяга свидетеля) процесс заходит в тупик. Обязательная присяга свидетелей была введена еще Петром I. В гл. 5 «О присяге» Краткого изображения процессов или судебных тяжб 1715 г. говорится: *«1. Четвертый образ доказывания бывает через присягу, которая присяга очистительная называется и при оной следующие находятся обстоятельства. 2. Когда челобитчик ответчика некоторою притчиною обвинит, которою он токмо полуживым основанием доказать может, или ответчик в явных собраниях таким же образом обнесет, а иных доказов иметь не может, то повинен он свое дело присягою удостоверить»* (Хрестоматия по истории отечественного государства и права / сост. В. А. Томсинов. М., 2000. С. 193).

По сюжету рассказа одна из свидетельниц отказывается принять церковную присягу, в результате чего «судебная машина» не знает как двигаться дальше. Свидетельница по роду занятий является проституткой, и поэтому она считает, что, занимаясь позорным ремеслом, не имеет права называться христианкой. Ни угрозы, ни убеждения, ни вмешательство священника не могут ее переубедить. Наконец, суд приходит к решению освободить свидетельницу от присяги, но требует отвечать только правду, по чистой совести. На что она отвечает:

«— Нет... Какая у меня совесть? Я ж говорила, что нет у меня никакой совести.

— Ну что же нам с вами делать? — разводит руками председатель. — Ну, правду-то, понимаете, правду говорить будете?

— Скажу, что знаю.

Через полчаса, в образцовом порядке и тишине, совершается суд. Правильно чередуются вопросы и ответы; прокурор что-то записывает; репортер с деловым и беспристрастным лицом рисует на бумажке какие-то замысловатые орнаменты» (Андреев Л. Н. Указ. соч. С. 302).

Таким образом, «судебная машина» снова заработала, но только после устранения условных формальностей, основываясь на ничем не подтвержденных свидетельских показаниях.

В московской газете «Курьер» в 1900 г. Л. Андреев под псевдонимом Джемс Линч публикует цикл фельетонов, посвященных социальным проблемам, которые существуют в ювенальных пенитенциарных учреждениях. Указанные учреждения в конце XIX — начале XX вв. руководствовались в

своей деятельности несколькими нормативными документами: Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями 1864 г. (URL: http://psh.spb.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=88); Закон от 5 декабря 1866 г. «Об утверждении приютов и колоний для нравственного исправления несовершеннолетних» (Свод законов Российской империи. Спб., 1909. Т. XV); «Свод Учреждений и Уставов о содержащихся под стражею» (Собрание законодательства Российской империи. Спб., 1890. Т. XIV), глава вторая которого так и называлась «Об исправительных приютах» (ст. 153–167). Впоследствии нормы указанной главы были заменены Положением о воспитательно-исправительных учреждениях для несовершеннолетних от 19 апреля 1909 г., где указывалось, что воспитательно-исправительные заведения учреждаются для нравственного исправления помещенных в них несовершеннолетних и приготовления их к честной и трудовой жизни:

«В воспитательно-исправительные заведения помещаются несовершеннолетние в возрасте от десяти до семнадцати лет:

1) признанные виновными в совершении какого-либо преступного деяния – по определениям и приговорам суда;

2) обвиняемые и подсудимые, относительно которых окажется необходимым принять меру пресечения способов уклонения от следствия и суда взятие их под стражу, – по постановлениям судебной или следственной власти...

3) нищенствующие, бродяжеские и вообще бесприютные и беспризорные – по постановлениям комитетов, правлений или советов обществ, заведывающих воспитательно-исправительными заведениями, и

4) отдаваемые для исправления родителями по соглашению с учреждениями, заведывающими сими заведениями» (URL: <http://www.rus-sky.com/history/library/vol.14/vol.14.6.htm>).

Поводом для написания Л. Андреевым фельетона в газете «Курьер» от 14 мая послужил факт избияния воспитанника смотрителем. Разбирательство специальной комиссии и Московского общества покровительства беспризорным и освобождаемым из мест заключения несовершеннолетним вскрыло проблемы ювенальной пенитенциарной юстиции и власти в целом.

«В то же время назначена ревизионная комиссия для исследования господствующих в приюте беспорядков. Нужно же отыскать виновного!

Пусть ищет комиссия – желаю ей полного успеха! Со своей стороны я, пожалуй, мог бы оказать ей некоторое содействие, но не хочу врываться в чужую область. Скажу только, кто не виновен в распушенности мальчиков, настолько сильной, что является возможным

применить к этим малышам страшное слово “беспорядки”, – слово, предназначенное для более взрослых. Не виноват председатель, не виноват казначей, не виноваты члены комитета. Не виноваты попечители и не виноват, наконец, смотритель. И больше всего нужно остерегаться винить последнего. Дело в том, что это очень легко и первое напрашивается на язык. Впрочем... разве сказать? Виновата...»

В газете «Курьер» от 21 мая 1900 г. данная тема была продолжена. В центре внимания были порядки, царившие в ювенальной пенитенциарной системе. Общественный резонанс вызвало известие о том, что к провинившейся воспитаннице приюта в качестве дисциплинарного наказания были применены розги. Это событие в полной мере охарактеризовало общее состояние пенитенциарных учреждений и жестокость системы мер дисциплинарного воздействия. Между тем суд присяжных осудил только факт применения розог, а не всю систему в целом.

«И что страшнее всего: ведь это только в будущем, близком или далеком, будут сажать детей только в светлый карцер и не кормить только по одному дню. А что же творилось до сих пор за этими четырьмя стенами, где вдали от мира выпрямляют нравственные горбы, и что творится теперь? Какие страшные картины рисует воображению этот промелькнувший в отчетах эпизод со смотрителем, который поил детей чаем с табаком, а благосклонный директор аккуратно отмечал это “наказание” в кондуите. Покровом тайны облечено все, что творится там, в этих четырех стенах, и невольно вспоминаются сумасшедшие дома доброго старого времени с их ужасами, дома, откуда никогда не выходил наружу живой и протестующий голос – принадлежал ли он человеку с больным или со здоровым умом».

Для сравнения приведем выдержку из ст. 397 «Свода Учреждений и Уставов о содержании под стражею»:

«За нарушение порядка в исправительных арестантских отделениях, в более важных случаях, арестанты подвергаются:

1) аресту в светлом карцере на срок свыше одного месяца;

2) аресту в темном карцере на срок не свыше одного месяца с переводом в светлый карцер и с разрешением прогулки каждые три дня в четвертый».

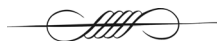
Данные виды наказаний могли быть заменены наказанием розгами не свыше 50 ударов.

Таким образом, анализ художественных текстов и нормативных правовых документов позволяет нам сделать следующий вывод: несоответствие правовой культуры задачам уголовной

политики и правоохранительной реформы в целом является основным конфликтом между развитием общества и государства и отстающими правовыми сознанием и культурой. И это вполне объяснимо, ведь появление реформ есть результат сознания передовой части общества, а реформы в свою очередь призваны скорректировать сознание и сформировать определенную культуру остальной части общества согласно интересам и потребностям времени.

Правовая культура аккумулирует в себе и закрепляет для всего общества нравственные нача-

ла правды, справедливости, в ней отражаются многие этические, религиозные, традиционные устои, сформировавшиеся за многовековую историю развития человечества; она благодаря своим внутренним общегуманистическим качествам, четкой структурированности, идеологической и психологической ауре активно воздействует на формирование субъективных целей граждан, способствует установлению нормальных взаимоотношений в обществе.

Библиографический список

1. *Андреев Л. Н.* Повести и рассказы / Л. Н. Андреев. – М., 1957.
2. *Семитко А. П.* Развитие правовой культуры как правовой прогресс / А. П. Семитко. – Екатеринбург, 1996.

References

1. *Andreev L. N.* Stories and Narratives / L. N. Andreev. – M., 1957.
2. *Semitko A. P.* Development of the Legal Culture as a Legal Progress / A. P. Semitko. – Ekaterinburg, 1996.

В. В. Фефелов,

*доцент кафедры уголовного права и процесса
Юридического института
Восточной экономико-юридической
гуманитарной академии
кандидат юридических наук, доцент*

Н. В. Ямалетдинова,

*преподаватель кафедры теории и истории
государства и права Уфимского юридического
института МВД России
кандидат юридических наук*

V. V. Fefelov,

*Associate Professor of the Department of Criminal Law
and Procedure of the Law Institute of the Eastern
Economic-Legal Humanitarian Academy
Candidate of Law, Assistant professor*

N. V. Yamaletdinova,

*Lecturer of the Department
of Theory and History of State and Law
of Ufa Legal Institute of the Ministry
of the Interior of the Russian Federation
Candidate of Law*

**СОЦИАЛЬНЫЙ АУДИТ КАК ЭЛЕМЕНТ КОНТРОЛЯ ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА
ЗА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ УЧРЕЖДЕНИЙ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ**

**Social Audit as Element of Supervision of Institutions
of Civil Society over Activities of Penal Institutions**

Аннотация. В статье анализируется возможность осуществления контроля за правоохранительной деятельностью со стороны институтов гражданского общества на примере учреждений уголовно-исполнительной системы России.

Ключевые слова: гражданское общество, правоохранительные органы, правоохранительная деятельность, контроль, общественные организации, социальный аудит.

Abstract. The article describes the authors' viewpoint on law enforcement activities in the Russian Federation and the possibility of exercising supervision over it by the institutions of the civil society on the example of the penal institutions of Russia.

Key words: civil society, law enforcement agencies, law enforcement activities, supervision, public organizations, social audit.

Сотрудничество государства с гражданским обществом, в том числе через диалог с общественными объединениями, имеет важное значение для успешного проведения государственной политики, в частности, реформ в сфере правоохранительной деятельности.

Как отмечал известный австрийский и американский экономист, социолог и историк экономической мысли Й. Шумпетер, государство должно участвовать в обеспечении функционирования гражданских институтов, дабы гарантировать, чтобы они управлялись демократически (Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия / предисл. и общ. ред. В. С. Автономова. М., 1995. С. 127).

В России, как и во многих странах мира, граждане высказывают множество претензий к деятельности правоохранительных органов. В последние годы социологические службы фиксируют высокий уровень недоверия к ним со стороны населения. Так, по данным Аналитического центра Ю. Левады, регулярно проводящего тематические общероссийские опросы, доля граждан, не доверяющих правоохранительной системе России, остается неизменной в течение 10 лет и достигает 40 %. Результаты исследования фонда «Общественное мнение» и Всероссийского центра изучения общественного мне-

ния также подтверждают эти данные (Фефелов В. В. Понятие правоохранительной деятельности и ее оценка в современном российском обществе // Евразийск. юрид. журн. 2010. № 5. С. 117–121). Сложившуюся ситуацию образно характеризует выражение, появившееся на страницах газеты The Washington Post относительно положения в России, правда в другой сфере деятельности: «Все чаще власть и общество напоминают две галактики, которые движутся в разных направлениях» (URL: http://www.ng.ru/new-sng/2010-08-16/100_obzor160810.html).

Сейчас, когда и общество, и руководители отдельных правоохранительных органов, и даже государство понимают необходимость изменений в характере работы ряда правоохранительных органов, таких как МВД России, ФСИН России, деятельность общественных организаций в этой сфере может оказаться особенно востребованной. При этом отдача от подобных проектов во многом будет зависеть от того, насколько цели, формы и методы деятельности общественных организаций будут соответствовать реальному состоянию правоохранительных органов и учитывать их место в системе органов власти и обществе.

Гражданское общество можно определить как совокупность неополитических отношений, т. е. общественных отношений вне рамок властно-государственных структур. Иначе говоря, оно яв-

ляется сферой самостоятельного выражения интересов свободных граждан и сформировавшихся на добровольной основе ассоциаций и организаций, их объединяющих, не зависимой от вмешательства и регламентации своей деятельности со стороны органов государственной власти.

Если базовым элементом конструкции гражданского общества является личность, то институты гражданского общества, или социальные институты, призваны содействовать всесторонней реализации интересов, целей, устремлений личности и являются его опорными составляющими. Социальные институты – это исторически сложившиеся устойчивые формы организации совместной деятельности людей. Наиболее употребляемое значение термина «социальный институт» связано с характеристикой всякого рода упорядочения, формализации и стандартизации общественных связей и отношений. В этом контексте в число функций гражданского общества входят защита частных сфер жизни людей, сдерживание политической власти от абсолютного господства, стабилизация общественных отношений и процессов.

Некоторые негосударственные объединения осознали необходимость построения гражданского общества и способы решения этой проблемы, опережая государство (власть). Недовольство граждан деятельностью правоохранительной системы и постепенное осознание руководителями государства необходимости изменения этого положения – тот контекст, в котором появилась и развивается деятельность российских общественных организаций в сфере защиты прав лиц, находящихся в местах принудительного содержания.

Российские правозащитники, обеспокоенные состоянием дел в правоохранительной сфере, в течение многих лет подвергали жесткой критике деятельность российской правоохранительной системы, в том числе и при содержании граждан под стражей и исполнении уголовных наказаний. Получая жалобы на пытки, незаконные задержания и другие нарушения прав и свобод человека со стороны сотрудников правоохранительных органов, правозащитные организации долгое время ограничивались опубликованием этих жалоб и выдвижением требований по искоренению подобных нарушений.

В настоящее время развитие правозащитного сообщества привело к появлению новых форм и методов деятельности, которые направлены на совершенствование системы российских правоохранительных органов. Например, был создан и опробован на практике метод общественных исследований, к проведению которых привлекались известные в стране люди, в том числе и входящие в общественные советы и наблюда-

тельные комиссии различного уровня. Подобная деятельность позволила не только выявлять грубые нарушения прав и свобод человека при осуществлении правоохранительной деятельности (как не странно это звучит), но и эффективно применять юридические механизмы защиты пострадавших и привлечения к ответственности сотрудников правоохранительных органов, виновных в этих нарушениях и даже преступлениях.

Оценка современного состояния правоохранительной системы и планирование действий, направленных на улучшение ее работы, невозможны без представления о необходимой модели устройства этой институции. Все осуществляемые в настоящее время действия по реформированию отдельных правоохранительных органов не принесут результата, пока не появится такая модель, которая будет соответствовать базовым принципам защиты прав и свобод человека, закрепленным в международных документах. Однако возможность соответствия этим принципам относится больше к результатам правоохранительной деятельности, в то время как методы достижения такого результата могут быть весьма различны.

Проблема общественного контроля над закрытыми структурами существует в нашем обществе давно, обсуждается на разных уровнях (законодательном, правительственном, в институтах гражданского общества) и имеет некоторую законодательную основу. В 2008 г. 10 июля был принят Федеральный закон № 76-ФЗ «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания» (Рос. газ. 2008. 18 июня).

Данный Закон предполагает – по сути, впервые в новейшей истории России – создание института общественного контроля в местах принудительного содержания.

Основными формами содействия лицам, находящимся в местах принудительного содержания в соответствии со ст. 22 данного Закона, являются:

- 1) участие в решении вопросов их трудового, жилищно-бытового устройства, медицинского обслуживания и социального обеспечения;
- 2) участие в обустройстве лиц, находящихся на иждивении подвергнутых административному аресту, подозреваемых и (или) обвиняемых, осужденных к лишению свободы, в случаях, если указанных лиц необходимо поместить в медицинские учреждения или учреждения социального обслуживания либо они нуждаются в постороннем уходе;
- 3) участие в обеспечении их свободы совести и вероисповедания;
- 4) оказание содействия администрации места принудительного содержания в создании новых

рабочих мест для осужденных к лишению свободы, размещении производственных заказов в исправительных учреждениях и на их предприятиях;

5) оказание помощи администрации места принудительного содержания в получении лицами, находящимися в местах принудительного содержания, общего образования, профессиональной подготовки, начального профессионального, среднего профессионального и высшего профессионального образования;

6) оказание помощи администрации воспитательной колонии в организации учебно-воспитательного процесса и ряд других.

Понятие социальной адаптации лиц, находящихся в местах принудительного содержания, в рассматриваемом Законе отсутствует, но многие из мероприятий, проводимых в форме содействия общественными объединениями и их участниками, близки или совпадают с основными направлениями деятельности следственных изоляторов по социальной адаптации несовершеннолетних обвиняемых и предупреждению преступности. Это позволяет говорить о том, что законодатель предусмотрел участие общественных объединений в социальной адаптации лиц, содержащихся в местах принудительного заключения.

Проблемы общественного контроля за деятельностью ФСИН России нашли свое отражение и в Концепции развития уголовно-исполнительной системы в Российской Федерации до 2020 года, получив название «Привлечение общественности к оказанию социальной помощи осужденным и воспитательной работе с ними, совершенствование сотрудничества с институтами гражданского общества. Создание условий для осуществления общественного контроля за деятельностью уголовно-исполнительной системы» (п. III.6) (Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 43, ст. 5544).

В документе в тезисной форме изложены следующие формы участия общественных объединений в деятельности мест принудительного содержания:

1) обеспечение прозрачности в деятельности уголовно-исполнительной системы (далее: УИС) на основе широкого привлечения институтов гражданского общества к процессу исполнения уголовных наказаний, осуществления общественного контроля за деятельностью УИС с участием Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации и уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации, сотрудничества с неправительственными организациями, со средствами массовой информации на основе изучения общественного мнения о работе учреждений и органов УИС; а также разъяснение имеющих публичное значение аспектов уголовно-исполнительной политики,

прав и обязанностей осужденных, их родственников и близких; публичная реакция на получившие общественный резонанс запросы и жалобы в адрес учреждений УИС;

2) постепенное повышение роли общественных наблюдательных комиссий, в частности, апробация их участия в обеспечении деятельности институтов условно-досрочного освобождения и помилования, подготовке решений об изменении условий отбывания наказания и вида исправительного учреждения в качестве мер поощрения или взыскания, применяемых к осужденному;

3) взаимодействие с представителями средств массовой информации в вопросах освещения мер, направленных на обеспечение надлежащих условий содержания подследственных и осужденных, повышения престижа службы в УИС, противодействия дискредитации ее деятельности; содействие формированию в обществе позитивного и уважительного отношения к труду сотрудников УИС, их роли в обеспечении общественной безопасности;

4) расширение практики размещения актуальной информации на официальных интернет-сайтах ФСИН России и ее территориальных органов, а также на сайтах крупных информационных агентств;

5) повышение роли общественных советов при ФСИН России и территориальных органах УИС как координаторов взаимодействия с институтами гражданского общества;

6) активное включение в воспитательный процесс деятелей культуры и искусства, известных спортсменов, а в отношении лиц молодежного возраста – представителей молодежных движений и организаций, зарегистрированных в установленном законом порядке;

7) содействие реализации общественно-гуманитарных проектов, в рамках которых создаются дополнительные стимулы к законопослушному поведению осужденных и их ресоциализации, в частности, за счет участия общественности в устройстве судьбы освобождающегося из мест лишения свободы спецконтингента;

8) использование потенциала религиозных конфессий в духовно-нравственном просвещении и воспитании осужденных и персонала УИС, а также для социальной адаптации лиц, освободившихся из мест лишения свободы; создание института тюремных священников;

9) привлечение общественных организаций к работе по повышению уровня правосознания и правовой грамотности осужденных и сотрудников УИС;

10) развитие спонсорской деятельности, благотворительности, попечительства, создание в каждом территориальном органе УИС, а также

при исправительных учреждениях попечительских советов.

Если все эти начинания нового руководства ФСИН России будут реализованы, российскую пенитенциарную систему ждут большие и, несомненно, позитивные перемены.

Посредством участия в различных рабочих группах, советах и комиссиях, создаваемых при органах власти, правозащитники стремятся донести до государства свои рекомендации о способах предотвращения нарушений прав и свобод человека в деятельности правоохранительных органов. В настоящее время осуществляется подготовка общественных организаций и правоохранительных органов к взаимодействию в сфере контроля. При этом происходит изучение существующих нормативных актов, устанавливающих правовые основы общественного контроля, международного опыта в этой сфере (в частности, опыта советов визитеров Великобритании), специфики функционирования российских правоохранительных органов (в частности, мест принудительного содержания), форм и методов общественного контроля, взаимодействия общественности с сотрудниками мест лишения свободы.

Общественный контроль – понятие неоднозначное. Кроме контроля за деятельностью правоохранительной системы в широком смысле этого слова, куда относятся ранее перечисленные элементы, ряд специалистов выделяют специализированный общественный контроль (Взаимодействие неправительственных организаций с правоохранительными органами в сфере общественного контроля за соблюдением прав человека в местах изоляции : материалы «круглого стола», 22 июня 2004 г. URL: <http://www.kuban-justice.ru/kruglstol/22june2004-p2.htm>).

Это деятельность специальных общественных инспекторов, которые уполномочены обществом на то, чтобы получать информацию о том, что происходит в органах внутренних дел, УИС и других правоохранительных структурах, как там защищаются, обеспечиваются и восстанавливаются права и свободы, законные интересы граждан и каким образом можно наиболее оптимально, эффективно организовать их деятельность. Подобной системы общественного контроля в России пока не существует.

Среди механизмов общественного контроля специалисты называют следующие: проведение анонимного и именного анкетирования; личные беседы с обвиняемыми; беседы с лицами, освобожденными из следственного изолятора по реабилитирующим обстоятельствам; проведение социологических опросов среди различных групп граждан (в том числе и среди подростков); мониторинг информации от адвоката; посещение

мест заключения с участием экспертов (педагогов, психологов, медиков, социологов, социальных работников); анализ библиотечного фонда в местах лишения свободы и следственных изоляторах (имеется ли в наличии правозащитная и нормативная литература); изучение условий соблюдения прав потерпевших; опрос потерпевших и т. п.

Это далеко не полный перечень механизмов общественного контроля. Эффективность их различна, одним из наиболее действенных из них мог бы стать социальный аудит правоохранительной деятельности. Однако Федеральный закон от 30 декабря 2008 г. № 307-ФЗ «Об аудиторской деятельности» даже в последней редакции, к сожалению, дает понятие только финансового аудита (Рос. газ. 2008. 31 дек.). Складывается впечатление, что законодатель не знает, что существуют другие вид аудита.

Социальный аудит в последние годы стал одним из существенных явлений в современной системе общественных отношений развитых стран. В конце прошлого века он выделился из других форм аудита, в первую очередь из финансового, став признанной практикой в системе регулирования отношений в социуме. Можно согласиться со следующим определением, приведенным в Концепции российской модели социального аудита, разработанной Академией труда и социальных отношений (г. Москва): «Социальный аудит – инструмент регулирования социальноэкономических отношений посредством добровольного социального диалога всех сторон, заинтересованных в достижении социального консенсуса» (URL: <http://www.cheit.ru/2007/8-07/s-audit-807.html>).

Анализ доступных печатных и электронных источников по данному вопросу позволяет говорить о том, что на современном этапе недостаточно разработаны теоретические и практические основания выделения социального аудита правоохранительной деятельности. Более того, авторам не удалось там найти подобного понятия, поэтому они сформулировали это определение самостоятельно.

Социальный аудит правоохранительной деятельности – это процедура диагностирования общественных отношений, осуществляемая в процессе исполнения правоохранительными органами своих функций посредством добровольного социального диалога всех сторон, заинтересованных в подтверждении достоверности сведений об их деятельности.

Социальный аудит правоохранительной деятельности проводится в целях выявления противоречий, возникающих в том или ином правоохранительном органе или в правоохранительной системе в целом, оценки их важности и возможностей разрешения, а также выработки кон-

кретных рекомендаций для заинтересованных лиц, организаций и органов.

Общественный контроль над правоохранными органами самым тесным образом связан с общественным воздействием на лиц, совершивших правонарушения и преступления и их последующей адаптацией к жизни в социуме. Одним из основных средств их адаптации к жиз-

ни в новых условиях и предупреждения преступлений выступает общественное воздействие. Возвращение обществу социально благополучного гражданина, в особенности подростка, полностью отказавшегося от преступных намерений, является не только специальной задачей правоохранительных органов, но и всенародной в деле борьбы с преступностью.

Библиографический список

1. О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года : распоряжение Правительства Рос. Федерации : [от 14 окт. 2010 г. № 1772-р] // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2010. – № 43, ст. 5544.

2. Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания : федер. закон от 10 июня 2008 г. № 76-ФЗ // Рос. газ. – 2008. – 18 июня.

3. Фефелов В. В. Понятие правоохранительной деятельности и ее оценка в современном российском обществе / В. В. Фефелов // Евразийс. юрид. журн. – 2010. – № 5.

4. Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия : пер. с англ. / Й. Шумпетер, предисл. и общ. ред. В. С. Автономова. – М., 1995.

References

1. On the Concept of Development of the Penal System of the Russian Federation till 2020 : Decree of the Government of the Russian Federation : [of October 14, 2010 № 1772-p] // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2010. – № 43, art. 5544.

2. On Public Control over Maintenance of Human Rights in Places of Compulsory Custody and on Assistance to People Who Are in Places of Compulsory Custody : Federal Law of June 10th, 2008 № 76-FZ // Rossiyskaya Gazeta. – 2008. – June 18.

3. Fefelov V. V. Concept of Law Enforcement Activities and Its Assessment in Modern Russian Society / V. V. Fefelov // Journal of Eurasian Law. – 2010. – № 5.

4. Schumpeter J. Capitalism, Socialism and Democracy : Translated from English / J. Schumpeter, ed. by V.S. Avtonomov. – M., 1995.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

УДК 352

В. В. Авилов,
преподаватель кафедры
гражданско-правовых дисциплин
Института права и экономики (г. Липецк)

V. V. Avilov,
Lecturer of the Department of Civil Law Studies
of the Institute of Law and Economics
of the city of Lipetsk

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ УДАЛЕНИЯ ГЛАВЫ МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ОТСТАВКУ КАК МЕРЫ КОНСТИТУЦИОННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Some Issues of Dismissal of Head of Municipal Formation as a Measure of Constitutional Responsibility

Аннотация. В статье рассматривается санкция специфической разновидности конституционно-правовой ответственности органов и должностных лиц должностного лица местного самоуправления – мера ответственности непосредственно перед муниципальным образованием. Основная проблема ее исследования заключается в том, что в действующем законодательстве указанный вид ответственности не упоминается. В статье на основе федерального законодательства, правоприменительных актов ряда муниципальных образований, научной литературы анализируются некоторые аспекты правового регулирования удаления в отставку главы муниципального образования, предложены возможные пути совершенствования законодательного регулирования данной меры ответственности.

Ключевые слова: конституционно-правовая ответственность, мера ответственности перед муниципальным образованием, удаление в отставку, сбалансированная система отношений внутри муниципального образования, отрешение от должности, система ответственности органов и должностных лиц местного самоуправления перед муниципальным образованием.

Abstract. The article deals with the sanctions of the specific kind of the constitutional responsibility of local self-government bodies and officials and describes it as a measure of responsibility to the municipal formation. The main idea of the study is that the current legislation does not contain this type of responsibility.

On the basis of federal legislation, law enforcement acts of a number of municipal formations, scientific literature the author analyzes some aspects of legal regulation of dismissal of the head of a municipal formation and offers possible ways of improving the legislative regulation of the above-mentioned responsibility measure.

Key words: constitutional and legal responsibility, measure of the responsibility to the municipal formation, dismissal, balanced system of relations within a municipal formation, resignation, system of responsibility of the bodies and officials of the local self-government to the municipal formation.

Федеральным законом от 7 мая 2009 г. № 90-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации”» в российское законодательство введена новая мера конституционно-правовой ответственности – удаление в отставку главы муниципального образования его представительным органом (Собр. законодательства Рос. Федерации. 2009. № 19, ст. 2280).

В соответствии с ч. 1 ст. 74.1 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее: Закон о местном самоуправлении) представительный орган муниципального образования вправе удалить

главу муниципального образования в отставку по инициативе депутатов представительного органа муниципального образования или по инициативе высшего должностного лица субъекта Российской Федерации (руководителя высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации).

Согласно ч. 2 ст. 74.1 Закона о местном самоуправлении основаниями для удаления главы муниципального образования в отставку являются:

1) решения, действия (бездействие) главы муниципального образования, повлекшие (повлекшее) наступление последствий, предусмотренных пп. 2 и 3 ч. 1 ст. 75 Закона о местном самоуправлении (в первом случае речь идет о возможности введения временной финансовой администрации, во втором – о нецелевом расходе-

вании бюджетных средств, предоставленных для осуществления отдельных переданных государственных полномочий либо о нарушении Конституции Российской Федерации, федерального закона, иных нормативных правовых актов, установленных соответствующим судом);

2) неисполнение в течение трех и более месяцев обязанностей по решению вопросов местного значения, осуществлению полномочий, предусмотренных Законом о местном самоуправлении, иными федеральными законами, уставом муниципального образования, и (или) обязанностей по обеспечению осуществления органами местного самоуправления отдельных государственных полномочий, переданных органам местного самоуправления федеральными законами и законами субъекта Российской Федерации;

3) неудовлетворительная оценка деятельности главы муниципального образования представительным органом муниципального образования по результатам его ежегодного отчета перед представительным органом муниципального образования, данная два раза подряд (Там же. 2003. № 40, ст. 3822).

Важным моментом является отсутствие необходимости судебного подтверждения факта совершения главой муниципального образования деяний, предусмотренных ч. 2 ст. 74.1 Закона о местном самоуправлении, что идет вразрез с регулированием оснований отзыва и отрешения от должности.

Основания удаления в отставку, предусмотренные пп. 1 и 2 указанной статьи, сформулированы как правонарушения, следовательно, можно говорить, что данная санкция является мерой юридической ответственности. В связи с этим возникает вопрос о ее видовой принадлежности. Так, Е. С. Шугрина полагает, что поскольку окончательное решение принимается представительным органом муниципального образования, представляющим интересы населения муниципального образования, данный вид ответственности должен рассматриваться как ответственность перед населением (Шугрина Е. С. Совет Европы рекомендует отменить институт удаления глав муниципальных образований в отставку // Муницип. служба. 2011. № 1. С. 6).

С этой позицией сложно согласиться. Удалить главу в отставку действительно правомочен только представительный орган местного самоуправления, но действующий от имени муниципального образования, хотя Закон о местном самоуправлении и предусматривает, что решение об отставке главы муниципального образования принимается с учетом мнения высшего должностного лица субъекта Российской Федерации, а в ряде случаев – его согласие необходимо (ч. 4, 5, ст. 74.1). В данном

случае инстанцией ответственности выступает само муниципальное образование (сельское поселение, городской округ и т. д.), соответственно указанная санкция не является мерой ответственности ни перед населением, ни перед государством. По этому же основанию удаление в отставку нельзя назвать и мерой муниципально-правовой ответственности, ибо последняя представляет собой не что иное, как частный случай конституционно-правовой ответственности (конституционно-правовая ответственность перед населением соответствующего муниципального образования).

Таким образом, можно заключить, что налицо еще одна разновидность конституционно-правовой ответственности органов и должностных лиц местного самоуправления – ответственность перед муниципальным образованием.

Проблема заключается в том, что такой вид ответственности Законом о местном самоуправлении не предусмотрен (ст. 70). Получается, что мера ответственности существует, но самой этой ответственности нет. Причина такой несостыковки, вероятно, кроется в той поспешности, с которой законодатель старался исполнить Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 5 ноября 2008 г., в котором он отметил, что «представительные органы местного самоуправления должны иметь возможность более действенно контролировать, а при необходимости – и отстранять от должности руководителей муниципалитетов» (Рос. газ. 2008. 6 нояб.). Решение данной проблемы возможно путем внесения соответствующих дополнений в ст. 70 Закона о местном самоуправлении и изложения ее в следующей редакции: «Органы местного самоуправления и должностные лица местного самоуправления несут ответственность перед населением муниципального образования, муниципальным образованием, государством, физическими и юридическими лицами в соответствии с федеральными законами».

К сожалению, указанными недостатками законодательное регулирование удаления в отставку не исчерпывается. Так, представительный орган вправе лишить главу муниципального образования полномочий в случае, если тот виновен в нецелевом расходовании бюджетных средств, выделенных для осуществления переданных государственных полномочий. Аналогичное основание, только в более общем виде, предусмотрено ст. 74 Закона о местном самоуправлении. В обеих статьях речь идет о субвенциях из бюджета государства. Соответственно возникает вопрос: может быть, в данной ситуации более логичным было бы определить инстанцией ответственности государство, а не муниципальное образование? То же самое можно сказать и применительно-

но к основанию удаления в отставку, предусмотренному п. 2 ч. 2 ст. 74.1 Закона о местном самоуправлении, а именно: «неисполнение в течение трех и более месяцев обязанностей... по обеспечению осуществления органами местного самоуправления отдельных государственных полномочий, переданных органам местного самоуправления федеральными законами и законами субъекта Российской Федерации». А как быть с положениями ст. 72 Закона о местном самоуправлении, которая гласит, что «ответственность органов местного самоуправления и должностных лиц местного самоуправления перед государством наступает на основании решения соответствующего суда в случае... ненадлежащего осуществления указанными органами и должностными лицами переданных им отдельных государственных полномочий»?

Возможно, вводя рассматриваемую санкцию, законодатель относил ее к мерам ответственности перед государством, тогда определенная логика усматривается. Однако эта логика порочна, так как применять удаление в отставку вправе только представительный орган муниципального образования, который, будучи органом местного самоуправления, в соответствии со ст. 12 Конституции Российской Федерации, не входит в систему органов государственной власти.

Представляется, что ответы на поставленные вопросы снова кроются в поспешности, с которой указанную норму ввели в законодательство, не озаботившись в должной мере степенью ее соответствия логике регулирования ответственности за ненадлежащее осуществление переданных государственных полномочий.

Однако в указанной статье есть и положительные моменты. Мы предлагаем расширить перечень оснований ответственности главы муниципального образования следующим: «неисполнение без уважительных причин (возможно, с уточнением «длительное») главой муниципального образования возложенных на него полномочий, повлекшее нарушение прав и свобод человека и гражданина, причинение значительного материального ущерба и т. д., в случае подтверждения деяния решением суда» (Авилов В. В. Отрешение от должности главы муниципального образования (главы местной администрации) как мера конституционно-правовой ответственности // Вестн. Елец. гос. ун-та. Серия «Право». Елец, 2008. Вып. 19. С. 70). Представляется, что формулировка «неисполнение в течение трех и более месяцев обязанностей по решению вопросов местного значения, осуществлению полномочий, предусмотренных настоящим Федеральным законом, иными федеральными законами, уставом муниципального образования» очень схожа с

вышеприведенным предложением. Правда, мы говорили о расширении оснований отрешения от должности, так как в то время (2008 г.) ст. 74.1 в Законе о местном самоуправлении еще не было, однако наличие данной нормы среди оснований удаления в отставку также можно приветствовать. По нашему мнению, данная мера позволит добиться того, что глава муниципального образования будет добросовестно исполнять свои обязанности.

При рассмотрении процедур отрешения от должности и удаления в отставку важным обстоятельством является то, что пассивный субъект этих мер ответственности не всегда совпадает. В случае удаления в отставку им может быть только глава муниципального образования, вне зависимости от того, какой орган он возглавляет (местную администрацию или представительный орган), а отрешенным от должности может быть руководитель администрации, не являющийся одновременно главой муниципального образования.

Пристального внимания заслуживает такое основание удаления в отставку, как «неудовлетворительная оценка деятельности главы муниципального образования представительным органом муниципального образования по результатам его ежегодного отчета». Полагаем, что в данном случае можно говорить о политической ответственности главы муниципального образования, так как неудовлетворительная оценка не подразумевает в качестве обязательной составляющей совершение правонарушения, а значит, здесь речь не идет о юридической ответственности. Представительный орган может дать неудовлетворительную оценку по разным мотивам и причинам, в первую очередь, конечно, политическим, например: политические взгляды главы муниципального образования и подавляющего большинства депутатов кардинально различаются, хотя определенной гарантией от необоснованного отправления в отставку служит необходимость вынесения неудовлетворительной оценки два раза подряд. Таким образом, можно заключить, что одна и та же мера ответственности может быть и мерой конституционной, и мерой политической ответственности.

Несмотря на свою новизну, удаление в отставку стало активно применяться. Первое удаление главы муниципального образования в отставку состоялось в закрытом административно-территориальном образовании Озерск (Челябинская область) 1 июня 2009 г., но было отменено решением Озерского городского суда от 16 июня 2009 г. В том же году 16 июня был удален в отставку мэр г. Суздаля (Владимирская область), 29 июля – мэр г. Купино (Новосибирская область), 30 июля решением думы Чайковского городского поселения (Пермский

край) удален в отставку мэр, 16 ноября – глава Балтийского муниципального района (Калининградская область). В следующем году применение рассматриваемой меры ответственности продолжилось: 22 января 2010 г. был удален глава городского поселения Луховицы (Московская область), но решение было отменено, 18 марта 2010 г. было принято решение об удалении в отставку главы Лахденпохского городского поселения (Республика Карелия), а 14 апреля был удален мэр г. Гороховца (Владимирская область) (Шугрина Е. С. Указ. соч. С. 2–3). 3 июня 2010 г. депутаты городского совета г. Мурманска удалили в отставку главу муниципального образования (Об удалении в отставку главы муниципального образования город Мурманск Субботина Сергея Алексеевича и досрочном прекращении его полномочий : решение совета депутатов г. Мурманска от 3 июня 2010 г. № 55 // Вечерний Мурманск. 2010. 7 июня). Самый свежий пример применения указанной меры ответственности – удаление в отставку главы городского поселения Сергиев Посад Сергиевопосадского муниципального района Московской области. 23 декабря 2010 г. совет депутатов отправил его в отставку «в связи с неисполнением в течение трех и более месяцев обязанностей по решению вопросов местного значения, осуществлению полномочий, предусмотренных федеральными законами, Уставом городского поселения Сергиев Посад» (Об удалении главы городского поселения Сергиев Посад Сергиевопосадского района Московской области Маслова Н. В. в отставку : решение совета депутатов гор. поселения Сергиев Посад от 12 дек. 2010 г. № 2-25/164-ГС. URL: http://www.sovetspu.ru/www/documents/other/23.12.10_reshenie_ob_udalenii.pdf).

Практика столь активного использования рассматриваемой меры, по всей видимости, обусловлена отсутствием необходимости судебного подтверждения факта совершения главой муниципального образования деяний, предусмотренных ч. 2 ст. 74.1 Закона о местном самоуправлении, а неудовлетворительная оценка деятельности главы муниципального образования может быть дана и при отсутствии его правонарушения. В связи с этим в случае наличия серьезных противоречий между главой муниципального образования и депутатским корпусом высока вероят-

ность удаления неугодного чиновника в отставку. Едва ли подобный факт заслуживает одобрения, так как это может привести к нестабильности и излишней конфронтации органов власти, что, в свою очередь, негативно скажется на эффективности управления муниципальным образованием, а следовательно, и на жителях соответствующего города, села и т. д.

Указанный вид ответственности обладает значительным потенциалом, поскольку устанавливает ответственность местной власти перед теми людьми, от имени которых она осуществляет свои полномочия, что представляется логичным и обоснованным. Однако для ее успешного функционирования требуется надлежащее законодательное регулирование, в первую очередь введение в законодательство понятия «ответственность органов и должностных лиц местного самоуправления перед муниципальным образованием». Появление подобной нормы наглядно демонстрирует стремление государства «завинтить гайки» в отношении регулирования местного самоуправления, выстроить единую систему власти снизу доверху, что едва ли будет способствовать реальному действию конституционной нормы о самостоятельности местного самоуправления. Между тем введение таких норм на федеральном уровне отчасти обосновано, так как способствует повышению дисциплины органов местного самоуправления, ведь на местном уровне появление данной нормы маловероятно. Однако законодателю следует очень взвешенно подходить к регулированию отношений на местном уровне (в том числе и ответственности) с тем, чтобы создать сбалансированную систему отношений как между местным самоуправлением и государством, так и внутри муниципального образования. В этой связи вполне возможно создать определенную систему сдержек и противовесов в системе органов местного самоуправления и закрепить ответственность (в том числе и политическую) не только главы муниципального образования перед представительным органом, но и ответственность последнего перед главой. Совокупность подобных норм вполне может стать системой ответственности органа местного самоуправления перед муниципальным образованием, предтечей которой является возможность удаления главы муниципального образования в отставку.

Библиографический список

1. Авилов В. В. Отрешение от должности главы муниципального образования (главы местной администрации) как мера конституционно-правовой ответственности / В. В. Авилов // Вестн. Елец. гос. ун-та. Серия «Право». – Елец, 2008. – Вып. 19.
2. О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации местного

References

1. Avilov V. V. Resignation of Head of Municipal Formation (Head of Local Self-Government Body) as a Measure of Constitutional Responsibility / V. V. Avilov // Bulletin of Yelets State University. «Pravo». – Yelets, 2008. – Iss. 19.
2. On Amending the Federal Law «On General Principles of Organization of Local Self-Government

самоуправления в Российской Федерации : федер. закон от 7 мая 2009 г. № 90-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2009. – № 19, ст. 2280.

3. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации : федер. закон от 6 окт. 2003 г. № 131-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2003. – № 40, ст. 3822.

4. Об удалении главы городского поселения Сергиев Посад Сергиевпосадского района Московской области Маслова Н. В. в отставку : решение Совета депутатов гор. поселения Сергиев Посад от 12 дек. 2010 г. № 2-25/164-ГС. – Режим доступа: http://www.sovetspu.ru/www/documents/other/23.12.10_reshenie_ob_udalenii.pdf.

5. Об удалении в отставку главы муниципального образования город Мурманск Субботина Сергея Алексеевича и досрочном прекращении его полномочий : решение Совета депутатов г. Мурманска от 3 июня 2010 г. № 55 // Вечерний Мурманск. – 2010. – 7 июня.

6. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 5 нояб. 2008 г. // Рос. газ. – 2008. – 6 нояб.

7. Шугрина Е. С. Совет Европы рекомендует отменить институт удаления глав муниципальных образований в отставку / Е. С. Шугрина // Муницип. служба. – 2011. – № 1.

in the Russian Federation» : Federal Law № 90-FZ of May 7th, 2009 // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2009. – № 19, art. 2280.

3. On General Principles of Organization of Local Self-Government in the Russian Federation : Federal Law № 131-FZ of October 6th, 2003 // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2003. – № 40, art. 3822.

4. On Dismissal of Maslov N.V. Head of the Town of Sergiev-Posad of Sergiev-Posad District of Moscow Region : Decision of the Council of Deputies of the Town of Sergiev-Posad № 2-25/164-GS of December 12th, 2010. – URL: http://www.sovetspu.ru/www/documents/other/23.12.10_reshenie_ob_udalenii.pdf.

5. On Dismissal of Subbotin Sergey Alekseevich – Head of the Municipal Formation of the City of Murmansk and Preterm Termination of His Powers : Decision of Murmansk Council of Deputies № 55 of June, 3rd, 2010 // Vecherniy Murmansk. – 2010. – June 7.

6. Message of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly of the Russian Federation of November 5th, 2008 // Rossiyskaya Gazeta. – 2008. – November 6.

7. Shugrina E. S. Council of Europe Recommends to Cancel the Institution of Dismissal of Heads of Municipal Formations / E. S. Shugrina // Municipal Service. – 2011. – № 1.

Н. В. Вантеева,

доцент кафедры теории и истории государства
и права Ярославского государственного
университета им. П. Г. Демидова
кандидат юридических наук

N. V. Vanteeva,

Associate Professor of the Department of Theory
and History of State and Law of Yaroslavl
State University named after P.G. Demidov
Candidate of Law

МУНИЦИПАЛЬНЫЕ НОРМЫ ПРАВА: ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ И КЛАССИФИКАЦИИ

Municipal Norms of Law: Main Features and Classifications

Аннотация. Статья посвящена исследованию муниципальных норм права. Автор рассматривает их основные черты, обозначает место в системе отечественного права, классифицирует по различным основаниям.

Ключевые слова: муниципальные нормы права, муниципальное правотворчество, классификации муниципальных норм права.

Abstract. The article is dedicated to the research of municipal norms of law. The author considers their main features, defines their place in the system of domestic law, classifies them according different grounds.

Key words: municipal norms of law, municipal lawmaking, classifications of municipal norms of law.

Отечественная правовая система, претерпевшая существенную реорганизацию в 90-е гг. XX в., дополнилась новым юридическим явлением – муниципальным правотворчеством, результатом которого стало создание собственной системы правовых норм в каждом отдельно взятом муниципальном образовании.

«Включение в правовую систему норм, которые издаются не государственными органами, но имеют то же название, что и нормы, исходящие от государства, а не от общественной организации, – отмечала Н. В. Щербакова, – заставляет теоретически переосмыслить понятие нормы права» (Щербакова Н. В. К вопросу о нормативных правовых актах органов местного самоуправления в РФ // Проблемы реализации Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»: материалы науч.-практ. конф., 25 апр. 1996 г. / отв. ред. С. А. Авакьян. М., 1996. С. 111).

Нуждается в осмыслении и сущность норм, создаваемых в муниципальных образованиях, к пониманию которой можно подойти через изучение их основных черт и классификаций.

Муниципальные нормы права некоторые ученые рассматривают как корпоративные нормы, т. е. нормы, исходящие от определенного сообщества или его органов, регламентирующие внутреннюю организацию, основные направления его деятельности, взаимные права и обязанности его участников, подкрепленные авторитетом и влиянием этого образования (Шугрина Е. С. Муниципальное право: учебник. М., 2004. С. 74).

На наш взгляд, повод для подобных трактовок дает отечественный законодатель, противопоставляющий органы местного самоуправления

органам государственной власти, позиционирующий их как организационно-самостоятельные, не зависящие от государства структуры. Безусловно, местное самоуправление является элементом гражданского общества, обладает известной автономией, в том числе в части установления правил собственного существования в границах муниципального образования, однако и с другой стороны медали – о том, что муниципальная власть является разновидностью публичной власти в стране, – не следует забывать.

Корпоративные нормы по своей природе являются нормами частного права (Кашанина Т. В. Корпоративное право: учебник. М., 2010. С. 26). Местное же самоуправление соединяет в себе как частноправовые, так и публично-правовые начала. Значительное число актов органов местного самоуправления, нормы, которые они содержат, пополняют блок публичного права России (например, включенные в устав и определяющие систему органов местного самоуправления муниципального образования, издаваемые в связи с осуществлением отдельных переданных государственных полномочий, положения о бюджетном процессе в муниципальном образовании и др.).

Корпоративные нормы, как известно, обязательны для участников корпорации, а нормы муниципальных образований – для всех находящихся на территории муниципального образования граждан, организаций, органов власти. Действующие в муниципальном образовании правила благоустройства, например, должны соблюдаться как его жителями, так и иными находящимися на соответствующей территории отдельными лицами, их коллективами и организациями независимо от их организационно-правовых

форм и видов собственности. Иными словами, при определении пределов действия муниципальных норм исходят из территориального критерия, а корпоративных – из признака субъектного состава.

Многие исследователи современного российского местного самоуправления отмечают государственную природу последнего со ссылкой на его генезис, фактическую роль этого института в социальной действительности (Васильев В. И. Законодательная основа муниципальной реформы. М., 2005. С. 174 ; Сергеев А. А. Местное самоуправление в Российской Федерации: проблемы правового регулирования. М., 2006. С. 114, 116–117).

На наш взгляд, не следует допускать смешения норм муниципальных образований и корпоративных норм, как нельзя ставить знак равенства между исследуемыми нормами и нормами права, создаваемыми государством.

Для уяснения сущности норм муниципальных образований необходимо рассмотреть их основные черты.

1. Данные нормы закрепляют правила поведения *общего* характера. Как и любые иные нормы права, нормы муниципальных образований рассчитаны на наиболее распространенные, типичные ситуации, обращены к персонально не определенным субъектам.

2. Муниципальные нормы права являются *обязательными* правилами поведения, однако действие их распространяется исключительно *на территорию муниципального образования*. Соответствующие предписания должны исполняться всеми находящимися на территории муниципального образования гражданами, организациями и органами власти.

3. Они *обеспечиваются мерами государственного и иного воздействия*. В правовой литературе данный признак норм, создаваемых в процессе осуществления местного самоуправления, обозначается так же, как и свойство гарантированности со стороны государства.

В юридической науке высказано и альтернативное мнение, согласно которому нормы, принимаемые органами местного самоуправления, ограничены силой исключительно общественного воздействия, в связи с чем нормативные акты органов местного самоуправления не носят и не могут носить правового характера (Апт Л. Ф. О природе нормативных актов органов местного самоуправления // Рос. правосудие. 2006. № 4. С. 31). Анализ норм отечественного права, однако, не позволяет согласиться с подобным утверждением.

Так, в соответствии с ч. 3 ст. 7 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ (в ред. от 20 марта 2011 г.) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской

Федерации» (далее: ФЗ № 131) ответственность за неисполнение муниципальных правовых актов устанавливается федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации (Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. № 40, ст. 3822 ; Рос. газ. 2011. 25 марта).

Функцию охраны норм, устанавливающих правила поведения на территории муниципального образования, выполняет институт административной ответственности, конкретные меры которой закрепляются в законах субъектов Федерации. При этом общей нормы об ответственности за нарушение муниципальных правовых актов обычно не устанавливается; предусматриваются лишь меры воздействия в случае неисполнения отдельных видов правил. Например, ст. 8.2 Закона Саратовской области от 29 июля 2009 г. № 104-ЗСО «Об административных правонарушениях на территории Саратовской области» предусмотрена ответственность за нарушение норм и правил в области благоустройства и обращения с отходами, установленных муниципальными правовыми актами (Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

В некоторых муниципальных образованиях России предпринимались попытки конструирования собственных норм, предусматривающих ответственность за нарушение муниципальных правовых актов. Необходимо, однако, иметь в виду, что правовыми актами органов и должностных лиц местного самоуправления согласно подп. «ж» п. 18 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2007 г. № 48 (в ред. от 10 июня 2010 г.) «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов полностью или в части» не может быть установлена какая-либо ответственность за их неисполнение (санкция как мера принуждения) (Рос. газ. 2007. 8 дек. ; 2010. 17 июня).

Нормы муниципального уровня обеспечиваются самыми разнообразными мерами (экономического и политического, поощрительного и принудительного, государственного и общественного, коллективного и иного) воздействия. Действующее законодательство (в частности, Федеральный закон от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ (с изм. от 7 февраля 2011 г.) «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» предусматривает возможность применения мер воздействия в случае выявления органом муниципального контроля фактов нарушений требований, установленных муниципальными правовыми актами (Собр. законодательства Рос. Федерации. 2008. № 52, ч. 1, ст. 6249 ; Рос. газ. 2011. 11 февр.). Согласно ст. 17 данного закона нару-

шителю выдается предписание об устранении нарушений с указанием сроков их устранения.

Невыполнение предписания органа муниципального контроля влечет применение мер административной ответственности. Так, ст. 25.1 Закона Ярославской области от 3 декабря 2007 г. № 100-3 (в ред. от 1 декабря 2010 г.) «Об административных правонарушениях» предусматривает меры ответственности в виде предупреждения или наложения административного штрафа за неисполнение предписания органа, осуществляющего муниципальный контроль за соблюдением правил благоустройства (Губерн. вести. 2007. 8 дек.).

Рассмотрение трех обозначенных выше признаков позволяет сделать вывод о том, что нормы, создаваемые в рамках муниципальных образований, обладают свойствами правовых норм. Однако открытым является вопрос о том, каково место указанных норм в системе права, какова их юридическая сила и т. д.

4. Нормы права, содержащиеся в муниципальных правовых актах, на наш взгляд, органично вписываются в систему отечественного права, являясь своего рода «третьим этажом» в ней.

При создании правовых норм муниципальных образований должны учитываться положения, содержащиеся в федеральном и региональном законодательстве. Согласно ч. 4 ст. 7 ФЗ № 131 муниципальные правовые акты не должны противоречить Конституции Российской Федерации, федеральным конституционным законам, федеральным законам и иным нормативным правовым актам Российской Федерации, а также конституциям (уставам), законам, иным нормативным правовым актам субъектов Федерации.

Муниципальное правотворчество носит *подзаконный* характер, поскольку право издания законов является прерогативой представительных органов государственной власти. Подзаконный характер местного самоуправления констатируется в ст. 3 Европейской хартии местного самоуправления (URL: <http://www.memo.ru/pravo/euro/euselfgo.htm>), ч. 2 ст. 1 и некоторых других положениях ФЗ № 131. Данные нормы призваны подчеркнуть, что автономия муниципальной власти, наделенной правом установления собственных правил на своей территории, не является абсолютной.

Сказанное не умаляет значения норм, создаваемых в рамках муниципальных образований: они лишь облекаются в иную форму. Локальное правотворчество местного самоуправления в научной литературе рассматривается как один из основных видов правотворчества в Российской Федерации (Общая теория государства и права : академ. курс / под ред. М. Н. Марченко. М., 1998. Т. 2. С. 164).

Однако единого подхода к пониманию сущности муниципального правотворчества до сих

пор в отечественной науке не сложилось. Одни авторы, подчеркивая производность от государства соответствующих полномочий, ведут речь о *санкционировании* государством права органов местного самоуправления создавать правовые нормы (Шугрина Е. С. Указ. соч. С. 75). Правотворчество органов местного самоуправления по вопросам местного значения носит предварительно санкционированный характер. Самостоятельной разновидностью санкционирования правотворческой деятельности является утверждение разработанных органами самоуправления нормативных правовых актов.

Другие исследователи в данной связи отмечают, что имеют дело с *делегированным правотворчеством* (Щербакова Н. В. Указ. соч. С. 107). По их мнению, государственная власть передала органам местного самоуправления часть своих полномочий, предусмотрев в законе право издавать муниципальные правовые акты.

Подобные трактовки, на наш взгляд, уходят корнями в советское правоведение, которое исходило из того, что исключительным правом создания нормативных правовых предписаний обладает государство, компетентное наделить нормотворческими полномочиями ту или иную организацию. Сегодня ученые констатируют, что правотворчество перестало быть прерогативой только государственных органов.

Изучение специальной литературы по проблеме делегирования нормотворческих полномочий (Кузнецова Н. В. Делегирование полномочий в сфере взаимодействия органов государственной власти и местного самоуправления в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005 ; Толстик В. А. К вопросу о юридической силе актов, принятых в рамках делегированных нормотворческих полномочий // Юрист. 2001. № 10. С. 31–33 ; Троицкий В. С. Делегированное законодательство: теория и практика : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005 и др.) привело нас к следующим выводам.

Процедура делегирования предполагает соблюдение соответствующих требований, как то: определенная форма делегации полномочий; указание срока пользования последними; четкое определение целей, пределов полномочий, а также принципов и критериев, которыми необходимо руководствоваться в процессе осуществления указанных полномочий. Акт о делегировании полномочий должен содержать указание не только на то, какое конкретно полномочие передается, какому органу, на какой срок, но и каков порядок компенсации затрат на реализацию делегированных полномочий.

Делегирующий орган оставляет за собой право санкционировать издаваемые акты или в

определенный срок выразить несогласие с ними для прекращения их действия, контролировать соответствие действий исполняющих полномочия органов условиям делегирования и положениям исходного нормативного акта и т. п.

Делегирование полномочий в его классическом варианте сегодня имеет место, например, при наделении органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями в соответствии с гл. 4 ФЗ № 131.

Нормотворчество по вопросам местного значения – это, на наш взгляд, результат перераспределения правотворческих полномочий государства, которое уже утратило монополию на издание правовых норм. В специальной литературе справедливо отмечается, что делегирование нормотворческих полномочий следует отличать от первоначального наделения такими полномочиями государственных органов и общественных объединений. Объем подобных полномочий, закрепленный в учредительном акте, следует рассматривать как первичный, базовый, статусный (Толстик В. А. Указ. соч. С. 31–33).

Подтверждением сказанному является отраженный в законодательстве дифференцированный подход к определению правил отмены (приостановления действия) муниципальных правовых актов (ч. 1 ст. 48 ФЗ № 131). Последние могут быть отменены органами (должностными лицами) местного самоуправления, их издавшими, а также судом; а в части, регулирующей осуществление органами местного самоуправления переданных им отдельных государственных полномочий, – уполномоченным органом государственной власти.

Вопрос о назначении муниципального правотворчества дискутируется также не одно десятилетие (Азовкин И. А. Местные Советы в системе органов власти. М., 1971. С. 233 ; Антонова Н. А. Акты органов местного самоуправления // Проблемы реализации Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» : материалы науч.-практ. конф., 25 апр. 1996 г. / отв. ред. С. А. Авакьян. М., 1996. С. 115 ; Таболин В. В. Право муниципального управления. М., 1997. С. 64). Первоначально была высказана позиция (И. А. Азовкин и др.), согласно которой для местных органов власти должно быть характерно не столько нормативное регулирование общественных отношений, сколько применение норм права с учетом местных условий. Другая группа ученых (Ю. А. Тихомиров, И. М. Степанов и др.) полагала, что нормотворчество на местах возможно в форме конкретизации положений нормативных правовых актов более высокой юридической силы. Иными словами, муниципальное

правовое регулирование носит вторичный характер, «первичных» норм права в муниципальных образованиях не создается.

Наиболее обоснованной представляется позиция третьей группы авторов (В. М. Баранов, А. В. Леоненков, В. В. Таболин и др.), считающих, что при осуществлении местного самоуправления создаются как вторичные, так и первичные нормативные правовые предписания. Первичные нормативные правовые акты содержат нормы права, принятые по вопросам исключительной компетенции местного самоуправления и регулируют те общественные отношения, которые не могут регулироваться нормами федерального и регионального законодательства. Вторичные муниципальные правовые акты принимаются на основании и во исполнение норм права, содержащихся в актах, принятых органами государственной власти в целях их конкретизации с учетом местных условий. К вторичным (производным) можно отнести также все акты, принятые в рамках делегированных полномочий (Баранов В. М., Леоненков А. В. Муниципальные правовые акты в системе источников российского права : монография. Н. Новгород, 2006. С. 159–160).

Изучение положений действующего законодательства, а также правотворческой практики местных образований приводит к выводу, что в одних случаях пределы муниципального правового регулирования определяются законодателем по «остаточному» принципу. Задача органов муниципальной власти здесь состоит в грамотном выявлении и упорядочении объективно необходимых общественных отношений. Так, нормы уставов муниципальных образований, определяющие виды, порядок принятия (издания), официального опубликования (обнародования) и вступления в силу муниципальных правовых актов, будут дополнять положения гл. 7 ФЗ № 131 и являться по отношению к ним вторичными.

В других случаях возможности правового оформления тех или иных общественных отношений ограничены лишь действием принципа законности. Государство дает широкий простор усмотрению муниципальных образований, инициативе, самостоятельности, учету местных условий и т. д. Например, ст. 9 ФЗ № 131 предусматривает, что уставами муниципальных образований и (или) нормативными правовыми актами представительных органов устанавливаются официальные символы муниципальных образований и порядок их официального использования. Нормы права муниципальных образований, касающиеся символики, следует рассматривать в качестве первичных.

Необходимо отметить, что соотношение полномочий федеральных, региональных и муници-

пальных органов власти в сфере правового регулирования местного самоуправления меняется по мере развития соответствующих институтов. В связи с этим не является статичным и содержание категорий «первичные» и «вторичные» нормы муниципальных образований.

5. Муниципальные нормы права могут приниматься как *населением непосредственно* (на местном референдуме, сходе граждан), так и *органами и должностными лицами местного самоуправления*. В основе первых лежит волеизъявление жителей муниципального образования, в основе вторых – воля соответствующих органов и должностных лиц.

6. Нормы муниципальных образований обычно *выражаются в письменной форме и закрепляются в муниципальных нормативных правовых актах и иных формах права* (например, нормативных договорах).

Проведенный анализ показывает, что нормы права муниципального уровня обладают общими признаками, характерными для иных разновидностей правовых норм, и вместе с тем, им присущи некоторые особенности. С одной стороны, они призваны отражать волю местного сообщества как определенного автономного образования, с другой – закреплять властные веления местного уровня публичной власти в стране. Более глубокому уяснению сущности исследуемых норм служит их классификация.

Нормы муниципальных образований подразделяются на виды по различным основаниям.

1. По *предмету правового регулирования* они классифицируются на нормы в сфере градостроительства, налогообложения, земельных отношений, управления муниципальной собственностью, межмуниципального сотрудничества, муниципальной службы и т. д., изданные в пределах компетенции органов местного самоуправления.

2. В зависимости от *«отраслевой» принадлежности* следует выделять нормы публичного и частного права. Первые заключают в себе положения, касающиеся устройства власти в муниципальном образовании, организации муниципальной службы и т. д. Вторые регулируют отношения, связанные, например, с управлением муниципальным имуществом, находящимся в хозяйственном ведении, оперативном управлении муниципальных унитарных предприятий и муниципальных учреждений.

Нормы муниципальных образований по указанному критерию подразделяются также на материальные и процессуальные (процедурные). Целый ряд предписаний процедурного характера содержится в решении муниципалитета г. Ярославля от 7 февраля 2008 г. № 621 (в ред. от 9 октября 2008 г.) «О порядке проведения конкурса на заме-

щение должности муниципальной службы в органах городского самоуправления, муниципальных органах» (Город. новости. 2008. 16 февр.).

3. По *характеру содержащегося* в норме права *предписания* муниципальные нормы подразделяются на учредительные и обычные. Учредительные нормы содержатся в уставе муниципального образования, определяющем статусные характеристики последнего, систему органов местного самоуправления, их полномочия и т. п. (Правовое обеспечение местного самоуправления. Сфера ведения представительного органа муниципального образования : учеб. пособие для преподавателя / под общ. ред. М. А. Якутовой. М., 2007. С. 585 ; Правовое регулирование организации и осуществления местного самоуправления : учеб. пособие / под ред. В. А. Сивицкого. М., 2009. С. 246 и след.). Большинство муниципальных норм (например, правила землепользования и застройки, использования водных объектов в муниципальном образовании) являются обычными.

4. Муниципальные нормы права могут быть классифицированы по *юридической силе*. Правовые предписания, содержащиеся в уставе муниципального образования и актах, принятых путем прямого волеизъявления населения, являются нормами высшей юридической силы в системе муниципальных норм. Предписания, установленные в решении представительного органа муниципального образования, обладают более высокой юридической силой, нежели положения, выраженные в актах иных органов и должностных лиц местного самоуправления.

5. По *субъекту правотворчества* следует выделять нормы, изданные органами и должностными лицами местного самоуправления, с одной стороны, и нормы, принятые путем непосредственного волеизъявления населения муниципального образования (на местном референдуме, сходе граждан), с другой.

6. По *форме закрепления* нормы муниципальных образований подразделяются на содержащиеся в муниципальных правовых актах и нормативных правовых договорах.

В последнем случае нормативные правовые предписания являются результатом согласования воли различных муниципальных образований в лице представляющих их интересы органов местного самоуправления.

7. В зависимости от *сферы действия* выделяются нормы, определяющие правила поведения на территории муниципального образования, и нормы по вопросам организации работы того или иного органа местного самоуправления. Первые содержатся, например, в решении думы Угличского муниципального района от 2 июня 2008 г. № 438 (в ред. от 25 ноября 2010 г.) «О порядке

управления и распоряжения муниципальной собственностью Угличского муниципального района» (Углич. газ. 2008. 7 июня), вторые – в решении думы Ростовского муниципального района от 10 июня 2010 г. № 65 (в ред. от 28 октября 2010 г.) «Об утверждении регламента думы Ростовского муниципального района» (Ростов. вестн. 2010. 22 июня).

8. Учитывая *объем правотворческой компетенции*, следует разграничивать нормы, изданные органами местного самоуправления в пределах собственных полномочий (по вопросам местного значения), и нормы, принятые в связи с реализацией отдельных переданных государственных полномочий. Данное деление имеет важное теоретическое и практическое значение, поскольку различен порядок отмены (приостановления действия) тех и других.

В настоящее время в связи с включением в текст ФЗ № 131 ст. 14.1, 15.1 и 16.1 рассмотренная классификация может быть дополнена указанием

на третью группу норм, устанавливающих правила по вопросам, не отнесенным к вопросам местного значения других муниципальных образований, органов государственной власти и не исключенным из их компетенции федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации.

9. По признаку *первичности правового регулирования* в правовой науке выделяются первичные и производные (вторичные) нормативные правовые предписания муниципального уровня. Как уже отмечалось, первые регулируют те общественные отношения, которые не могут регулироваться нормами федерального и регионального законодательства; последние имеют конкретизирующий характер, принимаются на основании и во исполнение федеральных и региональных правовых актов.

Нормы муниципальных образований классифицируются также по степени категоричности сформулированных в них правил, кругу лиц, срокам действия и иным основаниям.

Библиографический список

1. Баранов В. М. Муниципальные правовые акты в системе источников российского права : монография / В. М. Баранов, А. В. Леонтьев. – Н. Новгород, 2006.
2. Сергеев А. А. Местное самоуправление в Российской Федерации: проблемы правового регулирования / А. А. Сергеев. – М., 2006.
3. Шугрина Е. С. Муниципальное право : учебник / Е. С. Шугрина. – М., 2004.

References

1. Baranov V. M. Municipal Legal Acts in the System of the Sources of Russian Law / V. M. Baranov, A. V. Leontenkov. – N. Novgorod, 2006.
2. Sergeev A. A. Local Government in the Russian Federation: Problems of Legal Regulation / A. A. Sergeev. – M., 2006.
3. Shugrina E. S. Municipal Law / E. S. Shugrina. – M., 2004.

С. С. Вележев,

доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
Самарского юридического института ФСИН России
кандидат юридических наук

S. S. Velezhev,

Associate Professor of the Department
of State and Law Studies of
Samara Law Institute of the FPS of Russia
Candidate of Law

НОРМАТИВНОСТЬ ПРАВА КАК ПРОЯВЛЕНИЕ НОРМАТИВНОСТИ СОЗНАНИЯ

Normativity of Law as a Manifestation of Normativity of Consciousness

Аннотация. Статья посвящена основополагающему свойству права – нормативности. Автор, основываясь на анализе современного состояния проблемы понимания затрагиваемого свойства права, рассматривает нормативность права как проявление нормативности человеческого сознания.

Ключевые слова: нормативность, право, сознание.

Abstract. The article is devoted to considering the basic characteristic of law which is normativity. Guided by the analysis of the modern state of the problem of understanding the characteristic of law touched upon the author considers the normativity of law as a manifestation of the normativity of the human consciousness.

Key words: normativity, law, consciousness.

В настоящее время явлению права как в отечественной, так и зарубежной науке посвящено колоссальное количество работ, в которых всесторонне анализируются различные его аспекты. И такое основополагающее свойство права, как нормативность не является исключением.

Вопросы, связанные с нормативностью права, в большинстве случаев находят свое отражение в исследованиях отраслевого и прикладного характера, нежели общетеоретического. Среди теоретико-правовых исследований, прямо или косвенно посвященных данному явлению, можно назвать труды таких отечественных ученых, как: С. С. Алексеев, В. К. Бабаев, М. И. Байтин, В. М. Баранов, С. И. Вележев, Н. Н. Вопленко, С. Б. Глушаченко, Ю. И. Гревцов, А. В. Зиновьев, Д. А. Керимов, В. В. Лазарев, Д. И. Луковская, А. В. Малько, П. Е. Недбайло, Л. С. Мамут, Н. С. Малеин, В. С. Нерсисянц, Л. И. Петражицкий, А. С. Пиголкин, И. Ф. Покровский, А. В. Поляков, Р. А. Ромашов, В. П. Сальников, Л. И. Спиридонов, А. Г. Хабибулин, А. Ф. Черданцев и др. В то же время, отмечая достаточно глубокую степень изученности многих аспектов затрагиваемой проблематики, следует отметить наблюдающуюся сегодня определенную узость при раскрытии сущности нормативности права. В основном вопросы, связанные с взаимосвязью и взаимообусловленностью права и психики человека, практически перестали подниматься. Психологическая концепция права не заслужено подвергается неустанным нападкам сторонников других типов правопонимания, за исключением лишь представителей относительно нового направления – так называемого интегративного правопонимания. Право и его свойства, в том

числе и нормативность, стали представляться учеными как полностью самостоятельно существующие проявления объективной реальности. Складывается впечатление, что ученые-юристы и практики находятся под неким наваждением, когда уже не право стало зависеть от человечества, а человечество с его мышлением и сознанием от права. Между тем именно право есть чистый продукт человеческого мышления и сознания. Пока существует человечество, будет существовать и право, исчезнет человечество, не будет и права. В данном случае нам могут возразить некоторые исследователи следующим образом: «Материей права является закон. И если человечество исчезнет, то право в виде законов в печатной форме останется существовать». Здесь сразу следует сказать: «Право не имеет материи. Закон, как впрочем и любой нормативный правовой акт, в печатной форме представляет собой лишь совокупность бумаги и краски, не более того. И лишь когда живое существо – человек – в процессе своей активной мыслительной деятельности вкладывает в него смысл, он и приобретает все те свойства и качества, выделяемые учеными».

Кроме неопределенности в установлении природы нормативности права, до сих пор также не разрешен спор о самой роли данного свойства в праве. Сторонники различных концепций права по-разному решают этот вопрос. Так, представители социологического направления (Ю. И. Гревцов, М. М. Ковалевский, Н. М. Коркунов и др.) в своем понимании сущности права, направленном главным образом на содержательную сторону права, в определенной степени принижают роль нормативности. Последователи нормативистского направления (П. Н. Новгородцев, Е. Н. Трубецкой, большинство ученых-юристов советского периода, а

также М. И. Байтин и др.), напротив, придают нормативности права основополагающее значение, нередко игнорируя иные свойства права, в частности, казуальность. Неоднозначное отношение к нормативности права и у сторонников естественно-правовой и исторической школы права. В качестве исключения следует отметить интегративный тип правопонимания, который в настоящее время в отечественной юриспруденции постепенно укрепляет свои позиции. Среди наиболее ярких отечественных представителей данного направления нужно отметить Р. А. Ромашова с его концепцией реалистического позитивизма, В. С. Нерсисянца и его либертарно-юридическую концепцию, А. В. Полякова и его коммуникативную концепцию, И. Л. Честнова с диалогической концепцией. Сторонники интегративного правопонимания пытаются, с одной стороны, не преувеличивать роль нормативности в праве, а с другой – не принижать ее. А. В. Поляков пишет, что данный тип правопонимания призван «...синтезировать теоретически значимые моменты, проработанные конкурирующими научными теориями: нормативный аспект права и его специфический механизм функционирования в государстве – у этатического подхода; субъективно-деятельностный аспект – у социологической школы; восприятие права как ценности – у юснатурализма; психическая составляющая права – у сторонников психологической школы и т. д.» (Поляков А. В. Общая теория права : курс лекций. СПб., 2001. С. 125). В данном случае психологическая природа права хотя бы не отрицается.

Представляется, что одной из причин существования неопределенности в понимании природы нормативности и его роли в праве является искусственная объективация нормативности. Вопрос о роли нормативности в праве в определенной степени приобретает качественно новое значение, если рассматривать нормативность как проявление особенностей человеческого сознания. В данном случае нормативность будет представлять одну из наивысших ценностей права. При этом нормативность как свойство будет присуща праву до тех пор, пока сама нормативность будет присуща сознанию и мышлению человека.

В основном в юридической литературе понимание нормативности права сводится к следующим положениям. «Суть нормативности заключается в том, что индивид или социум в целом ставится в такие условия, когда он должен придерживаться определенного вида, типа поведения, использовать или, наоборот, не использовать те или иные способы и средства достижения целей, воплощения намерений и т. д.» (Вележев С. И. Нормативные и казуальные основы правового регулирования. СПб., 2005. С. 22). Кроме того, отмечается, что нормативность пра-

ва проявляется в его типичности, т. е. в том, что норма права, будучи первичным элементом права, устанавливает типовой стандарт нормального с позиции юридической оценки поведения в обществе. В свою очередь, нормативность законодательного акта определяется дефинитивным элементом юридической нормы, содержащим модель возможного, должного, недопустимого поведения субъекта. «Нормативность – свойство права, выявляющее его смысл и предназначение; в нормативности выражается потребность утверждения в общественных отношениях нормативных начал, связанных с обеспечением упорядоченности общественной жизни, движения общества к свободе, согласия и компромисса в общественной жизни, защищенного статуса автономной личности, ее прав и свободы поведения» (Алексеев С. С. Теория права. М., 1994. С. 86).

Не так часто ученые обращают внимание на то, что нормативность – это не сугубо правовое явление. Она обладает всеобъемлющим характером и представляет собой универсальное средство упорядочивания и развития как мысли, так и поведения людей; берет свое начало в природе человека и обусловлена особенностями его психики, ее социальной ориентацией, а также физиологическими механизмами его жизнедеятельности.

Нормативность человеческого поведения и его результатов заложена уже в самом сознании. По точному замечанию О. В. Лысун, «сознание изначально содержит в себе свойство нормативности» (Лысун О. В. Нормативность сознания как условие и ресурс развития цивилизации : дис. ... канд. филос. наук. Хабаровск, 2006. С. 14). Сознание нормирует действия человека в отношении самого себя и по отношению к другим. Возникновение данного свойства сознания предопределено необходимостью сохранения и развития индивидуальной, а также социальной жизни. Нормативность выражается в осознании человеком необходимости организации и обеспечения порядка в совместной жизни людей. Характерное для сознания свойство нормативности проявляется во всех сферах человеческой деятельности, где возникает необходимость урегулировать человеческие поступки. При этом нормативность всегда социальна и детерминирована уровнем развития сознания.

Свойство нормативности характерно для различных форм сознания, а не только правового. Посредством данного свойства сознания человек, основываясь на опыте практической деятельности, вырабатывает общие принципы, ценности, оценки, суждения, которые затем реализуются в реальных общественных отношениях, выступая при этом регулятором поведения людей. По точному замечанию Г. Н. Манова, «...вне регулирующей роли со-

знания деятельность невозможна. Поэтому норма является сплавом общественных отношений и сознания, она органично проникает и в отношения, и в сознание и придает им энергию социального регулятора» (Теория права и государства / под ред. Г. Н. Манова. М., 1995. С. 113).

В сознании человека, основополагающим свойством которого является нормативность, в свернутом виде содержится вся совокупность цивилизованных эталонов поведения, из них реализуются лишь те, которые оказываются необходимыми на определенном уровне развития социальной деятельности (Цивилизационный подход к концепции человека и проблема гуманизации общественных отношений / С. Э. Крапивенский [и др.] ; под ред. д-ра филос. наук, проф. С. Э. Крапивенского. Волгоград, 1998. С. 91). При этом нормативность сознания как субъективное свойство направлено на обеспечение организации такой жизнедеятельности человека, которая обеспечила бы полноценную социаль-

ную жизнь человека в обществе, реальность его индивидуальной свободы. Важно отметить, что нормативность сознания, выступающая субъективным свойством человеческого сознания и зависящая напрямую от уровня его развития, предопределяет социальную ориентированность общественных отношений (Лысун О. В. Указ. соч. С. 34, 35, 55).

Таким образом, наличие свойства нормативности право обязано особенностям человеческого сознания, в частности, такому его свойству, как нормативность. Этот подход приводит к субъектоцентрическому восприятию правовой реальности и способен в определенной степени помочь в решении теоретических проблем, связанных с установлением сущности права, его природы и роли в регулировании общественной жизни людей, а впоследствии и практических вопросов, напрямую связанных с определением функциональных и ценностных ориентиров правового регулирования.

Библиографический список

1. *Алексеев С. С.* Теория права / С. С. Алексеев. – М., 1994.
2. *Вележнев С. И.* Нормативные и казуальные основы правового регулирования / С. И. Вележнев. – СПб., 2005.
3. *Лысун О. В.* Нормативность сознания как условие и ресурс развития цивилизации : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11 / Лысун Ольга Валерьевна. – Хабаровск, 2006.
4. *Поляков А. В.* Общая теория права : курс лекций / А. В. Поляков. – СПб., 2001.
5. Теория права и государства / под ред. Г. Н. Манова. – М., 1995.
6. Цивилизационный подход к концепции человека и проблема гуманизации общественных отношений / С. Э. Крапивенский [и др.] ; под ред. д-ра филос. наук, проф. С. Э. Крапивенского. – Волгоград, 1998.

References

1. *Alekseev S. S.* Theory of Law / S. S. Alekseev. – M., 1994.
2. *Velezhev S. I.* Normative and Casual Basis of Legal Regulation / S. I. Velezhev. – SPb., 2005.
3. *Liysun O. V.* Normativity of Consciousness as a Condition and Resource for the Development of Civilization / Liysun Olga Valeryevna. – Khabarovsk, 2006.
4. *Polyakov A. V.* General Theory of Law / A. V. Polyakov. – SPb., 2001.
5. Theory of Law and State / ed. by G. N. Manov. – M., 1995.
6. Civilizational Approach to the Concept of Human and the Problem of Humanization of Social Relations / S. E. Krapivenskiy [et al.] ; ed. by S. E. Krapivenskiy. – Volgograd, 1998.

О. А. Владимирова,
преподаватель кафедры
гражданско-правовых дисциплин
Самарского юридического института ФСИН России

O. A. Vladimirova,
Lecturer of the Department
of Civil Law Studies
of Samara Legal Institute of the FPS of Russia

ПОТЕРПЕВШИЙ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ: ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ

Victim in Criminal Law: Problem of Concept Definition

Аннотация. В статье анализируется уголовно-правовое понятие потерпевшего (содержание, значение), сопоставляется с уголовно-процессуальным понятием. Приводится авторский вариант определения понятия потерпевшего и обосновывается необходимость его закрепления в Уголовном кодексе Российской Федерации.

Ключевые слова: потерпевший, физическое лицо, юридическое лицо, физический вред, моральный вред, вред деловой репутации, имущественный вред, угроза причинения вреда.

Abstract. In the article the criminal and legal concept of a victim (its content and definition) is analyzed and compared with its criminal and procedural concept. The author introduces her own definition of the concept "victim" and grounds the necessity of its consolidation in the Criminal Code of the Russian Federation.

Key words: a victim, a physical person, a legal person, physical harm, moral harm, business reputation damage, property damage, threat of causing damage.

Уголовный кодекс Российской Федерации (далее: УК РФ) не дает определения понятия потерпевшего, и до недавнего времени последний рассматривался только как участник уголовно-процессуальных отношений. Сегодня ученые пришли фактически к единодушному мнению о том, что потерпевший для уголовного права имеет большое значение. Именно поэтому в уголовно-правовой литературе последних десятилетий нашли отражение результаты многочисленных исследований данного феномена. Проблематика понятия потерпевшего в уголовном праве начала разрабатываться еще в советский период (Дагель П. С. Потерпевший в советском уголовном праве // Потерпевший от преступления. Владивосток, 1974. С. 16–37; Кокорев Л. Д. Потерпевший от преступления в советском уголовном процессе. Воронеж, 1964; Красиков А. Н. Сущность и значение согласия потерпевшего в советском уголовном праве. Саратов, 1976), и в настоящее время можно говорить о сложившемся в российском уголовном праве учении о потерпевшем (Анощенкова С. В. Уголовно-правовое учение о потерпевшем. М., 2006; Батюкова В. Е. Потерпевший в уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1995; Фаргиев И. А. Учение о потерпевшем в уголовном праве России: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005). Многие авторы однозначно разграничивают понятие потерпевшего в уголовно-правовом и уголовно-процессуальном смысле. Более того, как совершенно справедливо замечают некоторые исследователи, понятие потерпевшего в уголовно-правовом смысле первично (Красиков А. Н. Указ.

соч. С. 45–46; Новоселов Г. П. Объект преступления // Уголовное право. Общая часть: учебник / под ред. И. Я. Козаченко, З. А. Незнамовой. М., 2000. С. 135; Савинов В. Н. Потерпевший в уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Харьков, 1978. С. 6), поскольку потерпевшим лицо становится в результате причинения ему вреда (или угрозы его причинения), именно с этого момента, независимо от начала процесса по данному факту и вынесения процессуального решения о признании его потерпевшим.

Потерпевший как самостоятельная фигура уголовного судопроизводства наделен достаточно широкими правами. Однако он не может эффективно использовать их потому, что все эти права возникают у него слишком поздно – только с того момента, когда дознаватель, следователь, прокурор вынесут постановление о признании его потерпевшим. Пока же этого не произошло, лицо, потерпевшее от преступления, остается фактически бесправным (Проблемы защиты прав потерпевших от преступлений: спец. докл. Уполномоченного по правам человека в Рос. Федерации от 27 мая 2008 г. // Рос. газ. 2008. 4 июня).

В связи с тем, что в Конституции Российской Федерации, а потом и в ином федеральном законодательстве закреплено положение о приоритете прав человека, роль потерпевшего в уголовном праве, несомненно, возросла. Свидетельством принципиально нового отношения к потерпевшему служит включение ст. 76 в УК РФ, где потерпевшему фактически дается право решения вопроса об освобождении виновного от уголовной ответственности без ограничения по видам уголовного преследования. В соответствии с принятым 20 августа

2004 г. Федеральным законом № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» принимаются дополнительные меры по защите прав потерпевших от преступных посягательств. Особенностью этого закона является то, что в нем законодатель разделяет уголовно-процессуальное и уголовно-правовое понятие потерпевшего. Это вытекает из того, что ст. 2 закона распространяет государственную защиту не только на потерпевших как участников уголовного судопроизводства, но и на потерпевших лиц до возбуждения уголовного дела в отношении «жертвы преступления» (Рос. газ. 2004. 25 авг.). Однако само понятие «жертва» в названном законе не раскрывается.

Результаты научных изысканий, следственно-судебной практики свидетельствуют о широком использовании понятия «потерпевший» в юридическом обороте. В связи с этим, как нам представляется, уже давно назрела необходимость закрепления в нормах уголовного права понятия «потерпевший». Это предложение разделяют и некоторые другие авторы (Божьев В. П. Условия допуска потерпевшего к участию в предварительном следствии // Предварительное следствие в условиях правовой реформы / под ред. В. С. Шадрина. Волгоград, 1991. С. 95 ; Яни П. С. Законодательное определение потерпевшего от преступления // Рос. юстиция. 1995. № 4. С. 50–51). Возникла необходимость сформулировать названное понятие.

На данный момент существует единственное законодательное определение потерпевшего, которое, к сожалению, зафиксировано не в УК РФ, а в ч. 1 ст. 42 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее: УПК РФ): «Потерпевшим является физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред, а также юридическое лицо в случае причинения преступлением вреда его имуществу и деловой репутации». Проанализируем существующее определение.

К кругу лиц, которые могут являться потерпевшими, в рассматриваемой норме отнесены как физические, так и юридические лица. Уголовным законом охраняется жизнь, здоровье, наиболее важные интересы и права любого человека, принадлежащие ему с момента рождения до наступления смерти. В связи с этим на признание лица потерпевшим не влияют ни возрастные ограничения, ни его вменяемость, ни его физические данные. Для того чтобы быть потерпевшим от преступления, важна только правоспособность физического лица, которой обладают все индивиды, находящиеся на территории Российской Федерации. Безусловно, не все потерпевшие могут самостоятельно реализовать свои права в процессе уголовного судопроизводства в силу разных причин (возраст, психиче-

ское и физическое состояние), поэтому в таких случаях обязательно участие законных представителей и представителей потерпевших с целью защиты их прав и законных интересов (ч. 2 ст. 45 УПК РФ).

Относительно новым для российского права является включение в круг потерпевших юридических лиц, что вполне оправданно, так как юридические лица являются объединениями, создаваемыми гражданами для совместной реализации таких конституционных прав, как право свободно использовать свои способности и имущество для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности и право иметь в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом как единолично, так и совместно с другими лицами (По делу о проверке конституционности части первой статьи 2 Федерального закона от 7 марта 1996 года «О внесении изменений в Закон Российской Федерации “Об акцизах”»: постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 24 окт. 1996 г. № 17-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 45, ст. 5202). То есть юридические лица – это полноправные участники общественных отношений, и восстановление их прав, нарушенных преступлением, должно осуществляться полноценно. УК РФ в некоторых случаях прямо указывает на нарушение общественно опасным деянием прав и интересов юридических лиц (например, в ст. 169, 176, 183, 180 УК РФ и др.).

Понятие юридического лица дается в Гражданском кодексе Российской Федерации (далее: ГК РФ). Юридическим лицом признается организация, которая имеет в собственности, хозяйственном ведении или оперативном управлении обособленное имущество и отвечает по своим обязательствам этим имуществом, может от своего имени приобретать и осуществлять имущественные и личные неимущественные права, нести обязанности, быть истцом и ответчиком в суде (ч.1 ст. 48 ГК РФ). Юридическое лицо должно обладать право- и дееспособностью, которые оно приобретает с момента создания, т. е. со дня внесения соответствующей записи в Единый государственный реестр юридических лиц. С точки зрения правоприменительной деятельности, по нашему мнению, примирение с юридическим лицом может быть реализовано через представителя. Для этого необходимо внести в УПК РФ уточнения о том, кто конкретно имеет право представлять интересы юридического лица, потерпевшего от преступления. Действующая редакция п. 8 ч. 2 ст. 42 УПК РФ предусматривает лишь общее право для потерпевших физических и юридических лиц иметь представителя. В ч. 1 ст. 45 УПК РФ также предусмотрена лишь

общая возможность для всех потерпевших иметь в качестве представителей адвокатов, а для гражданского истца, являющегося юридическим лицом, его законными представителями могут быть иные лица, правомочные в соответствии с ГК РФ представлять его интересы. Парадокс заключается в том, что в ГК РФ, на который ссылается УПК РФ, нет четкого и однозначного ответа на вопрос, кто может являться представителем юридического лица. Кроме того, этот вопрос не решен ни в юридической литературе, ни в судебной практике. В ч. 3 ст. 53 ГК РФ говорится только об обязанности лица, выступающего от имени юридического лица, действовать в интересах представляемого им юридического лица добросовестно и разумно. Кто же может участвовать в примирении с лицом, совершившим преступление, в качестве представителя юридического лица? Подобная проблема решена в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях, где в ч. 2 ст. 25.4 закреплено: «Законными представителями юридического лица в соответствии с настоящим Кодексом являются его руководитель, а также иное лицо, признанное в соответствии с законом или учредительными документами органом юридического лица. Полномочия законного представителя юридического лица подтверждаются документами, удостоверяющими его служебное положение». Полагаем, что аналогичную норму целесообразно включить и в УПК РФ, дополнив ст. 45 ч. 2 следующего содержания: «2. Представителем потерпевшего – юридического лица в соответствии с настоящим Кодексом являются его руководитель, а также иное лицо, имеющее в соответствии с законом или учредительными документами полномочия на основании доверенности осуществлять права и представлять интересы данного юридического лица».

В последние годы в научной литературе обсуждается вопрос отнесения общества и государства к кругу потерпевших лиц (Анощенкова С. В. Указ. соч. С. 104 ; Кленова Т. В. Уголовно-правовые гарантии прав потерпевшего // Рос. следовател. 2001. № 2. С. 15 ; Фаргиев И. А. Указ. соч. С. 120–122). С точки зрения материального (уголовного) права наличие таких потерпевших не исключается. В конечном счете потерпевшим от любого преступления можно считать общество, ведь объектом всех преступлений являются именно охраняемые общественные отношения, особенно если речь идет о преступлениях против общественной безопасности, общественной нравственности, окружающей среды, мира и безопасности человечества. Государство – понятие абстрактное, традиционно являющееся субъектом права, но не правоотношений. Однако, несмотря на это, государство также

может быть непосредственно потерпевшим по многим видам преступлений, касающихся в первую очередь таких атрибутов государства, как власть, правосудие, основы конституционного строя и др. Вполне законно воспринимать Российскую Федерацию, ее субъекты, а также муниципальные образования потерпевшими от преступлений. Общество, т. е. население, рассматривается учеными как часть государства, как и непосредственно власть, как и народ, проживающий на определенной территории. Из этого следует, что вред, ущерб от преступления причиняется одновременно обществу и государству. В интересах общества и государства (и от его имени) осуществляется уголовное преследование по всем делам публичного обвинения. От имени государства всегда действуют его органы власти, имеющие, как правило, статус юридического лица (Вопросы Министерства юстиции Российской Федерации : указ Президента Рос. Федерации от 13 окт. 2004 г. № 1313 // Рос. газ. 2004. 19 окт. ; О Министерстве финансов Российской Федерации : постановление Правительства Рос. Федерации от 30 июня 2004 г. № 329 // Там же. 31 июля).

Причинение вреда – еще один из элементов, определяющих понятие «потерпевший». В ст. 42 УПК РФ указываются три вида вреда применительно к физическому лицу – физический, имущественный, моральный, к юридическому лицу – вред имуществу и деловой репутации. По нашему мнению, данная формулировка требует уточнений, касающихся указанных видов вреда.

Под физическим вредом понимается вред здоровью, т. е. нарушение анатомической целостности и физиологической функции органов и тканей человека в результате воздействия физических, химических, биологических и психических факторов внешней среды (Об утверждении Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека : постановление Правительства Рос. Федерации от 17 авг. 2007 г. № 522 // Рос. газ. 2007. 24 авг.). Исчерпывающий список признаков вреда здоровью изложен в ст. 111, 112, 115 УК РФ. Физический вред включает и причинение смерти человеку (ст. 105 УК РФ). Имущественный (материальный) вред означает нарушение имущественной сферы лица в форме уменьшения его имущественных благ либо умаления их ценности. Иногда имущественный вред определяют как разность между материальным положением потерпевшего до причинения вреда и после (Малеин Н. С. Возмещение вреда, причиненного личности. М., 1965. С. 9). Понятие морального вреда содержится в ГК РФ. Под ним понимаются физические и нравственные страдания. Более содержательное понятие морального вреда приводится Верховным Судом Российской Федерации в постановлении Пле-

нума от 20 декабря 1994 г. № 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда» (в редакции от 6 февраля 2007 г.) (Рос. газ. 1995. 8 февр. ; Бюл. Верхов. Суда Рос. Федерации. 2007. № 5). Под моральным вредом здесь понимаются нравственные или физические страдания, причиненные действиями (бездействием), посягающими на принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона нематериальные блага (жизнь, здоровье, достоинство личности, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна и т. п.), или нарушающими его личные неимущественные права (право на пользование своим именем, право авторства и другие неимущественные права в соответствии с законами об охране прав на результаты интеллектуальной деятельности) либо нарушающими имущественные права гражданина. Моральный вред, в частности, может заключаться в нравственных переживаниях в связи с утратой родственников, невозможностью продолжать активную общественную жизнь, потерей работы, раскрытием семейной, врачебной тайны, распространением не соответствующих действительности сведений, порочащих честь, достоинство или деловую репутацию гражданина, временным ограничением или лишением каких-либо прав, физической болью, связанной с причиненным увечьем, иным повреждением здоровья либо в связи с заболеванием, перенесенным в результате нравственных страданий и др. (п. 2).

Под деловой репутацией юридического лица понимают относящуюся к общественно значимой деятельности лица его оценку обществом, мнение общества о качествах, достоинствах и недостатках этого лица (Эрделевский А. М. Компенсация морального вреда: анализ и комментарий законодательства и судебной практики. М., 2004. С. 116); характеристику, которая включает инновационность стратегии предприятия, порядочность взаимоотношений с компаньонами и конкурентами, социальную ответственность, культуру в производственных и организационных составляющих деятельности предприятия, его известность на рынке (Смолина Л. В. Защита деловой репутации организации. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»). Деловая репутация юридического лица – это нематериальное благо, заключающееся в приобретенной юридическим лицом положительной или отрицательной общественной (возможна и государственная) оценке его деятельности, достоинств, недостатков и деловых качеств. Вред деловой репутации юридического лица не является разновидностью морального вреда, поскольку организация не может испытывать физические и нравственные

страдания в результате совершения преступления. Именно поэтому в ч.1 ст. 42 УПК РФ он выделен в самостоятельный вид вреда. Вред, причиненный деловой репутации, возникает, например, в результате распространения сведений, порочащих деловую репутацию юридического лица, либо незаконного использования товарного знака, других действий.

Одним преступлением лицу может быть причинен вред и физический, и имущественный, и моральный, но потерпевшим от данного преступления лицо являться все-таки не будет. В качестве иллюстрации приведем следующий пример.

Последствием нарушения правил обгона водителем П. явилось столкновение его автомобиля ВАЗ 2110 и автомобиля ВАЗ 2104 под управлением водителя Б. В результате данного дорожно-транспортного происшествия пострадало 4 человека: 1 пассажир автомобиля ВАЗ 2110, 2 пассажира и водитель автомобиля ВАЗ 2104. По делу все четверо были признаны потерпевшими, однако после проведения судебно-медицинских экспертиз было установлено, что всем пассажирам был причинен тяжкий вред здоровью, а водителю Б. – вред здоровью средней тяжести. В соответствии со ст. 264 УК РФ, по которой было возбуждено дело, лицо, управляющее транспортным средством и нарушившее Правила дорожного движения, подлежит ответственности только в случае причинения не менее чем тяжкого вреда здоровью человека. В связи с этим следователь вынес решение об отмене постановления о признании Б. потерпевшим, и уголовное преследование в части причинения вреда здоровью Б. также было прекращено за отсутствием состава преступления. С остальными потерпевшими виновный в дорожно-транспортном преступлении водитель П. примирился, и уголовное дело было прекращено. При этом по делу стали известны следующие факты: водитель Б. долго копил деньги на покупку автомобиля ВАЗ 2104, который после дорожно-транспортного происшествия восстановлению не подлежал; сам Б. только зарегистрировался в качестве индивидуального предпринимателя и заплатил за аренду торгового помещения, которым не пользовался, поскольку находился на стационарном лечении по поводу полученных травм, в итоге он остался без средств к существованию. Таким образом, Б. были причинены и физический, и материальный, и моральный вред, возможно, даже больше, чем другим пострадавшим по данному делу (этим он и аргументировал свои последующие многочисленные жалобы, ссылаясь на ст. 42 УПК РФ), но потерпевшим он не является.

Приведенный пример позволяет говорить о том, что определение лица как потерпевшего

должно оперировать не только (и не столько) видами причиненного вреда, а делать акцент на ответственность причиненного вреда непосредственному объекту преступления, т. е. на конкретные общественно опасные последствия.

Кроме того, могут возникнуть проблемы и с определением вида вреда (из числа указанных в уголовно-процессуальном законе) в случае совершения, например, такого преступления, как нарушение неприкосновенности жилища (ст. 139 УК РФ) или нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений (ст. 138 УК РФ). Какой вред причинен, если в дом вошел незнакомый гражданин без разрешения хозяина, и ничего не тронув, вышел? Или при проведении оперативных мероприятий среди других телефонных разговоров без специального разрешения была прослушана чья-то безобидная беседа? Ясно, что в приведенных примерах речь идет только о моральном вреде, а значит, на первый взгляд, причинены нравственные страдания. Однако нравственные страдания отражаются лишь в психике пострадавшего, а она у всех разная. Один человек будет сильно переживать из-за того, что в его дом вошли без спроса, другой будет рад, что ничего не взяли, а третьему в своих телефонных переговорах скрывать вообще нечего. Закон же для всех одинаков. Независимо от того, переживает ли лицо какие-то нравственные страдания, в приведенных примерах имеется состав преступлений (относящихся к делам публичного обвинения), а следовательно, должны быть и потерпевшие, законные права и интересы которых, предусмотренные Конституцией Российской Федерации, были нарушены.

Мы солидарны с мнением А. Д. Бойкова о том, что вред, причиняемый преступлением, не ограничивается указанными тремя видами. Это явление гораздо более сложное, характеризующее состояние объекта как до, так и после преступного посягательства (Бойков А. Д. Третья власть в России. М., 2002. Кн. 2: Продолжение реформ. С.156–166). Проблеме общественно опасных последствий или преступного вреда посвящен ряд исследований (Анисимова И. А. Уголовно-правовое значение преступного вреда : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2008 ; Землюков С. В. Преступный вред: теория, законодательство, практика : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1993 ; Курс уголовного права. Общая часть / под ред. Н. Ф. Кузнецовой и И. М. Тяжковой. М., 2002. Т. 1: Учение о преступлении). Выделяются две формы причиняемого вреда (преступный результат и преступные последствия), а также типы вреда, причиняемого преступным действием и преступным бездействием, и виды вреда в зависимости от характера нарушенного блага. К таким видам относят: физический

вред, психический вред, синдром жертвы преступления, моральный, имущественный, организационный вред. Эти классификации обычно используют для того, чтобы выделить вред как основной, дополнительный и квалифицирующий признак состава преступления или как отягчающее обстоятельство. Они же дают представление о ситуациях, в которых физическое и юридическое лицо может быть признано потерпевшим от преступлений, способах обеспечения защиты их интересов.

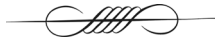
С учетом изложенного считаем, что в формулировке понятия потерпевшего должно быть указание не на виды вреда, а на вред охраняемым законом правам и интересам в целом.

Нельзя оставить без внимания и вопрос о наличии потерпевшего в случае угрозы причинения преступного вреда, что также является дискуссионным моментом. Недостаток сегодняшней позиции законодателя при определении потерпевшего заключается в указании только реального вреда. Данное обстоятельство в юридической литературе неоднократно подвергалось критике (Красиков А. Н. Указ. соч. С. 41–42 ; Савинов В. Н. Указ. соч. С. 6). Сторонники противоположной позиции считают, что порой гражданин не замечает и не знает, является ли он объектом преступного посягательства, поэтому вызывать таких лиц к следователю и рассказывать им о покушении нецелесообразно (Савицкий В. М., Потеружа И. И. Потерпевший в советском уголовном процессе. М., 1963. С. 8–9). Некоторые авторы полагают, что при неоконченном преступлении следует в каждом конкретном случае выяснять, какой вид вреда и в какой степени был причинен. В случае отсутствия вреда оснований для признания лица потерпевшим нет (Дубровинный В. А. Потерпевший на предварительном следствии. Саратов, 1966. С. 17–22). Между тем УК РФ предусматривает ответственность и за неоконченное преступление (ст. 30), т. е. когда преступление не было доведено до конца по независящим от лица, его совершающего, обстоятельствам. Следовательно, уголовный закон защищает не только тех лиц, чьи интересы были нарушены преступлением, но и тех, интересы которых были поставлены преступлением под угрозу. Мы разделяем точку зрения тех авторов, которые признают наличие потерпевшего при совершении посягательства на совершение преступления фактом объективной реальности, вне зависимости от наличия причиненного вреда (Кокорев Л. Д. Указ. соч. С. 6 ; Красиков А. Н. Указ. соч. С. 41–42 ; Рахунов Р. Д. Участники уголовно-процессуальной деятельности. М., 1961. С. 244 ; Шаров Д. В. Признание лица потерпевшим при неоконченном преступлении: вчера и сегодня. URL: <http://www.iuaj.net/node/476>).

С учетом всех аспектов, изложенных выше, предлагаем следующий вариант определения

потерпевшего: это физическое или юридическое лицо, а также государство, его субъекты и муниципальные образования, чьим охраняемым законом правам и интересам в результате

преступления и в соответствии с непосредственным объектом посягательства был причинен вред либо возникла реальная угроза его причинения.

Библиографический список

1. *Анощенкова С. В.* Уголовно-правовое учение о потерпевшем / С. В. Анощенкова. – М., 2006.
2. *Дагель П. С.* Потерпевший в советском уголовном праве / П. С. Дагель // Потерпевший от преступления. – Владивосток, 1974.
3. *Красиков А. Н.* Сущность и значение согласия потерпевшего в советском уголовном праве / А. Н. Красиков. – Саратов, 1976.

References

1. *Anoshchenkova S. V.* Criminal and Legal Doctrine on Victim / S.V. Anoshchenkova. – M., 2006.
2. *Dagel P. S.* Victim in the Soviet Criminal Law / P. S. Dagel // Victim of Crime. – Vladivostok, 1974.
3. *Krasikov A. N.* Essence and Role of Consent of the Victim in the Soviet Criminal Law / A.N. Krasikov. – Saratov, 1976.

Т. Ю. Герцог,
*преподаватель кафедры юридических дисциплин
 Московского социально-экономического института*

T. Yu. Gertsog,
*Lecturer of the Department of Legal Disciplines
 of Moscow Socio-Economic Institute*

**ПРАВОВАЯ ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ГРАМОТНОСТЬ И ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА:
 ВОПРОСЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ, СООТНОШЕНИЯ, СТРУКТУРЫ**

Legal Functional Literacy and Legal Culture: Issues of Definition, Correlation and Structure

Аннотация. В статье анализируются правовая функциональная грамотность и правовая культура как иерархические уровни последовательности «грамотность – образованность – культура».

Автор формулирует аутентичное определение правовой функциональной грамотности, выступающей в качестве интегративного свойства личности, определяющего ее возможности как субъекта правовой деятельности.

Правовая культура личности рассматривается как сложная структура, содержащая ряд взаимообусловленных компонентов социально-правовой и психологической направленности.

Ключевые слова: правовая деятельность, правовая функциональная грамотность, правовая культура личности.

Abstract. The article includes the analysis of legal functional literacy and legal culture as hierarchical levels of the succession “literacy – education – culture”.

The author of the article gives the authentic definition of the concept “legal functional literacy”, which is regarded as an integrative personal feature which determines the opportunities of a person as a subject of legal activity.

According to the author legal culture of a person is a complicated structure which includes a complex of interdependent socio-legal and psycho-legal components.

Key words: legal activities, legal functional literacy, legal culture of a person.

В условиях современного общества решение задачи становления правового знания связано с процессами воспитания и образования, предопределяющими роль и значение правовой функциональной грамотности как базового иерархического уровня последовательности «правовая грамотность – правовая образованность – правовая культура». То есть понятия «правовая функциональная грамотность» и «правовая культура» различаются как две степени интериоризации правовых знаний и формирования правовой деятельности.

Анализ определений правовой функциональной грамотности, приведенных в работах различных исследователей (П. Р. Атутов, Б. С. Гершунский, С. А. Крупник, В. В. Мацкевич и др.), позволяет нам сформулировать аутентичную дефиницию: правовая функциональная грамотность как структурная составляющая функциональной грамотности предстает в виде сложного личностного образования, в основе которого лежит система теоретических знаний и практических умений, ориентированных на реализацию правосубъектной деятельности.

Правовая функциональная грамотность является основой для формирования у человека гражданской позиции как точки зрения, влияющей на выбор жизненного пути, построение стратегий взаимодействия с другими людьми, обществом в целом.

Качественный уровень функциональной грамотности определяется базовым образованием, высокой профессиональной компетентностью и технологической подготовленностью индивида, наличием устойчивой совокупности личностных черт, которые востребованы в конкретной культуре на определенном этапе ее развития, социальной адаптацией, потребностью в саморазвитии и творческом самовыражении.

Эффективность процесса формирования правовой функциональной грамотности обусловлена социальной ответственностью индивида, выступающей в качестве одного из элементов структуры личности и определяющей степень ее участия в социальных переменах, наращивании темпов общественного прогресса и совершенствовании общественных отношений. Без правовой функциональной грамотности нет правовой культуры.

Несмотря на то, что история правовой культуры насчитывает не одну тысячу лет, сам термин «правовая культура» появился лишь в 60–80-е гг. XX в. Ряд авторов (Р. С. Могилевский, К. А. Моралева, В. В. Орехов и др.) в правовую культуру включают комплекс осуществленных и идеальных элементов, относящихся к сфере действия права.

А. Ф. Гранин, М. Б. Смоленский, В. Д. Шишкин, Л. С. Явич и другие трактуют правовую культуру как совокупность ценностей правовой сферы, имманентных определенному историческому периоду.

Е. В. Аграновский, Е. А. Зорченко, С. Н. Кожевникова, А. Л. Липас рассматривают право-

вую культуру как способ деятельности, как совокупность приемов, методов, процедур, характеризующих уровень правовой работы, достигнутый обществом.

Другие авторы (В. И. Каминская, Н. М. Кейзеров, А. Р. Ратинов) в состав правовой культуры включают культурные комплексы: правотворческую деятельность, правовую науку, право, правоотношения, критерии политической оценки права и правового поведения, правосознание, правовые учреждения.

Исследования правовой культуры сопряжены с анализом двух различных, но взаимосвязанных объектов – «правовая культура общества» и «правовая культура личности».

Существенное значение для повышения уровня правовой культуры общества имеет правовое воспитание, которое выступает в виде систематического воздействия на сознание и поведение субъекта с целью создания у него чувства уважения к праву и формирования навыков соблюдения нормативных правовых актов на основе развитого мировоззрения. В процессе правового воспитания неоспорима роль государства и других институтов политической системы общества (религиозных, профсоюзных, военных и других организаций).

Говоря о правовом воспитании, чаще всего имеют в виду нравственно-правовое, гражданско-правовое, этико-правовое, патриотическое воспитание. Правовая воспитанность ведет к процветанию государства, поскольку правовые знания и правовые навыки являются основой и эффективной экономической деятельности граждан.

В. Н. Гуляихин идентифицирует правовую культуру в качестве правовой сферы жизни социума, детерминированной общественно-экономическим строем и выражающейся в достигнутом уровне правовой деятельности, правосознания личности и в целом в правовом развитии граждан (Гуляихин В. Н. Правовая культура: понятие и структура // Мировоззрение. Духовность. Ценности : сб. науч. ст. Волгоград, 2000. Вып. 7, 8. С. 76).

Однако данное определение представляется нам не вполне корректным, поскольку «достигнутый уровень правовой деятельности, правосознания личности и в целом в правовом развитии граждан» может оказаться недостаточным и характеризовать, например, правовую функциональную грамотность, являющуюся низшим звеном по отношению к правовой культуре.

Вопрос о структуре правовой культуры в отечественной юридической литературе является дискуссионным. Некоторые авторы, в частности В. П. Сальников, считают, что структурными элементами правовой культуры выступают компоненты юридической действительности в их роли быть эталонами поведения: «право, право-

сознание, правовые отношения, законность и правопорядок, правомерная деятельность субъектов» (Сальников В. П. Правовая культура: проблемы формирования гражданского общества и правового государства // Демократия и законность. Самара, 1991. С. 7).

Другие исследователи (В. И. Калинская, А. Р. Ратинов) включают в число структурных элементов правовой культуры еще и правовые учреждения, обеспечивающие правовой контроль, регулирование и исполнение права, а также критерии политической оценки права и правового поведения, правовую науку.

Г. В. Назаренко определяет правовую культуру в широком и узком смысле: в широком – это правовая культура общества, которая охватывает все правовые ценности, в том числе ясные законы, развитую законодательную технику, правовую науку, развитое юридическое образование, совершенную юридическую практику и стабильный правопорядок; в узком смысле – это культура отдельного лица, которая включает в себя определенный уровень правосознания, качественное овладение умениями и навыками правомерного поведения (Назаренко Г. В. Теория государства и права : учеб. пособие. М., 2000. С. 100).

Правовая культура личности проявляется в совокупности представлений, взглядов, чувств индивида, выражающего свое отношение к праву. Высокая правовая культура личности обуславливает нетерпимость к любым нарушениям законности и правопорядка, в том числе к нарушениям субъективных прав граждан.

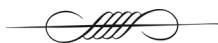
По результатам анализа представленных в научной литературе положений нами разработана структура концепта «правовая культура личности», которая включает в себя следующие компоненты:

1. Эффективная самореализация личности в качестве субъекта социально-правовых отношений.
2. Правовая социализация личности, соотношенная с нормами поведения в конкретном обществе.
3. Правовая функциональная грамотность как основа иерархии «правовая грамотность – правовая образованность – правовая культура».
4. Совершенное индивидуальное правосознание, устойчивый правовой менталитет.
5. Правопсихологическая направленность как свойство, которое включает систему побуждений, определяющую правовую активность личности и избирательность ее отношений.
6. Ценностно-мотивационная основа для реализации паттернов правомерного поведения с опорой на социальную ответственность индивида.

Обеспечение максимального взаимного соответствия между всеми элементами правовой культуры призвано способствовать укреплению в обществе законности и правопорядка.

Потребность в самореализации личности, в том числе в качестве субъекта правовых отношений, органически входит в общую структуру ее отношений к окружающему миру, людям, себе, своей деятельности и является одним из внутренних мотивов, предопределяющих высоко-

нравственное поведение. Стремление к знаниям, трудовой и общественной деятельности обеспечивает повышение уровня функциональной грамотности, побуждает человека к активным действиям во имя долга, выполнению своих обязанностей перед обществом и государством.

Библиографический список

1. *Гуляихин В. Н.* Правовая культура: понятие и структура / В. Н. Гуляихин // Мировоззрение. Духовность. Ценности : сб. науч. ст. – Волгоград, 2000. – Вып. 7, 8.
2. *Назаренко Г. В.* Теория государства и права : учеб. пособие / Г. В. Назаренко. – 2-е изд., доп. и перераб. – М., 2000.
3. *Сальников В. П.* Правовая культура: проблемы формирования гражданского общества и правового государства / В. П. Сальников // Демократия и законность. – Самара, 1991.

References

1. *Gulyaikhin V. N.* Legal Culture: Concept and Structure / V. N. Gulyaikhin // World Outlook. Spirituality. Values. – Volgograd, 2000. – Iss. 7, 8.
2. *Nazarenko G. V.* Theory of State and Law / G. V. Nazarenko. – M., 2000.
3. *Salnikov V. P.* Legal Culture: Problems of Formation of a Civil Society and Legal State / V. P. Salnikov // Democracy and Lawfulness. – Samara, 1991.

И. В. Головинская,
профессор кафедры уголовно-процессуального права
ВЮИ ФСИН России
доктор юридических наук
Д. З. Хамадишин,
начальник УФСИН России
по Республике Татарстан

I. V. Golovinskaya,
professor of the Department of Criminal Procedure of
VLI of the FPS of Russia
Doctor of Law
D. Z. Hamadishin,
Chief of the administration of the Federal Service of
Execution of Punishments in the Republic of Tatarstan

**ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА РЕАБИЛИТИРОВАННОГО НА ВОЗМЕЩЕНИЕ ВРЕДА,
ПРИЧИНЕННОГО НЕЗАКОННЫМ УГОЛОВНЫМ ПРЕСЛЕДОВАНИЕМ**

**Problems of Realization of Rehabilitated Person's Right to Receive Compensation
for Damages Caused by Illegal Criminal Prosecution**

Аннотация. Статья посвящена порядку и проблемам реализации права реабилитированного на возмещение имущественного и морального вреда.

Ключевые слова: реабилитация, оправдание, прекращение уголовного преследования, приговор, определение, постановление.

Abstract. The article is devoted to describing the order and problems of realization of a rehabilitated person's right to receive compensation for the property and moral damages.

Key words: rehabilitation, justification, the termination of the criminal prosecution, sentence, decision, resolution.

Возмещение реабилитированному имущественного вреда согласно ч. 1 ст. 135 УПК РФ включает в себя возмещение: 1) заработной платы, пенсии, пособия, других средств, которых он лишился в результате уголовного преследования; 2) конфискованного или обращенного в доход государства на основании приговора или решения суда его имущества; 3) штрафов и процессуальных издержек, взысканных с него во исполнение приговора суда; 4) сумм, выплаченных им за оказание юридической помощи; 5) иных расходов.

Возмещение заработка и других трудовых доходов, являющихся основным источником средств к существованию гражданина, которых он лишился в результате незаконных действий; штрафов, взысканных во исполнение приговора суда; судебных издержек и иных сумм, выплаченных гражданином в связи с незаконными действиями; сумм, выплаченных гражданином юридической консультации за оказание юридической помощи производится за счет средств государственного бюджета. Возмещение пенсий или пособий осуществляется органами социального обеспечения или другими соответствующими органами по месту жительства гражданина к моменту предъявления требования о компенсации. Имущество (в том числе деньги, денежные вклады и проценты на них, облигации государственных займов и выпавшие на них выигрыши, иные ценности), конфискованное или обращенное в доход государства судом либо изъятое органами дознания или предварительного следствия, а также имущество, на которое наложен

арест, возвращается в натуре, а при невозможности возврата в натуре возмещается его стоимость.

Для определения срока, в течение которого реабилитированный вправе обратиться с требованием о возмещении имущественного вреда, УПК РФ в ч. 2 ст. 135 отсылает к ГК РФ. Статьей 196 ГК РФ установлен общий срок исковой давности – три года. В этот период реабилитированный вправе обратиться с требованием о возмещении имущественного вреда.

Закон допускает заявление требования о возмещении имущественного вреда законным представителем реабилитированного (ч. 3 ст. 135 УПК РФ).

Не позднее одного месяца со дня поступления требования о возмещении имущественного вреда судья, прокурор, следователь или дознаватель определяет его размер и выносит постановление о производстве выплат в возмещение этого вреда. Указанные выплаты производятся с учетом уровня инфляции (ч. 4 ст. 135 УПК РФ).

Требование о возмещении имущественного вреда разрешается судьей в порядке, установленном ст. 399 УПК РФ для разрешения вопросов, связанных с исполнением приговора (ч. 5 ст. 135 УПК РФ). Копия постановления вручается или направляется реабилитированному, а в случае его смерти – наследникам, близким родственникам, родственникам или иждивенцам умершего реабилитированного (ч. 6 ст. 135 УПК РФ).

Таковы общие правила, по которым осуществляется процедура возмещения имущественного вреда реабилитированному.

Ввиду противоречивости правовых норм уголовно-процессуального, гражданского законодательства, положения 1981 г. (О некоторых вопросах применения в судебной практике Указа Президиума Верховного Совета СССР от 18 мая 1981 г. «О возмещении ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями государственных и общественных организаций, а также должностных лиц при исполнении ими служебных обязанностей» : постановление Пленума Верхов. Суда СССР от 23 дек. 1988 г. № 15 // Бюл. Верхов. Суда СССР. 1989. № 1) и инструкции 1982 г. (Инструкция по применению Положения о порядке возмещения ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда (с изм. от 29 сент. 2009 г.) // Бюл. норматив. актов министерств и ведомств СССР. 1984. № 3) возникает достаточно много ошибок в практике их применения. Проблемными вопросами являются следующие: куда нужно обращаться реабилитированному для возмещения причиненного ему вреда и как определить надлежащего ответчика по возмещению имущественного вреда, причиненного реабилитированному?

Наряду с ч. 2 ст. 135 УПК РФ процедура рассмотрения требований о возмещении вреда вследствие незаконного уголовного преследования регламентируется ст. 1070 ГК РФ, гласящей: «Вред, причиненный гражданину в результате незаконного осуждения, незаконного привлечения к уголовной ответственности, незаконного применения в качестве меры пресечения заключения под стражу или подписки о невыезде, незаконного привлечения к административной ответственности в виде административного ареста, а также вред, причиненный юридическому лицу в результате незаконного привлечения к административной ответственности в виде административного приостановления деятельности, возмещается за счет казны Российской Федерации, а в случаях, предусмотренных законом, за счет казны субъекта Российской Федерации или казны муниципального образования в полном объеме независимо от вины должностных лиц органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда в порядке, установленном законом».

Сложность состоит в том, что указанная норма не содержит разъяснения, каким законом регламентирована обязанность казны субъектов Российской Федерации возмещать вред реабилитированному.

Не упрощает ситуацию и содержание ст. 1071 ГК РФ, определяющей, что в случаях, когда в соответствии с ГК РФ или другими законами причиненный вред подлежит возмещению за счет казны Российской Федерации, казны субъекта Россий-

ской Федерации или казны муниципального образования, от имени казны выступают соответствующие финансовые органы, если согласно п. 3 ст. 125 ГК РФ эта обязанность по их специальному поручению не возложена на другой орган, юридическое лицо или гражданина. Содержащиеся в данной правовой норме термины «другими законами» также не находят разъяснения.

Такая конструкция правовых норм создает значительные сложности для лиц, обращающихся в компетентные органы для разрешения вопроса о возмещении вреда вследствие незаконного уголовного преследования.

Так, Владимирским областным судом 6 октября 2008 г. было частично удовлетворено заявление реабилитированного С. о возмещении имущественного вреда, причиненного в результате уголовного преследования. В кассационной жалобе Управление Федерального казначейства России по доверенности от Минфина России просило отменить постановление суда как вынесенное с нарушением норм материального и процессуального права, а материал направить на новое рассмотрение. В обоснование доводов жалобы указывалось, что судом в нарушение требований ст. 158 БК РФ необоснованно возложена ответственность по возмещению С. имущественного вреда не на органы прокуратуры, а на Минфин России. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации 26 ноября 2008 г. постановление суда оставила без изменения, а доводы кассационной жалобы – без удовлетворения по следующим основаниям.

В постановлении суда было указано, что «...в соответствии с положениями ст. ст. 1069, 1070 ГК РФ вред, причиненный гражданину в результате незаконного привлечения к уголовной ответственности, возмещается за счет казны Российской Федерации, а согласно ст. 242.2 ч. 1 Бюджетного кодекса РФ исполнение взыскания возлагается на Министерство финансов РФ...».

Вывод суда первой инстанции мотивирован и основан на законе. В соответствии с ч. 1 ст. 133 УПК РФ вред, причиненный гражданину в результате уголовного преследования, возмещается государством в полном объеме независимо от вины органа дознания, дознавателя, следователя, прокурора и суда. Согласно ст. 1070 ГК РФ вред, причиненный гражданину в результате незаконного осуждения, незаконного привлечения к уголовной ответственности, возмещается за счет казны Российской Федерации, а в случаях, предусмотренных законом, – за счет казны субъекта Российской Федерации или казны муниципального образования. В силу ст. 1071 ГК РФ в случаях, когда причиненный вред подлежит возмещению за счет казны Российской Федерации, от ее имени выступает

Минфин России в лице Управления Федерального казначейства России. Именно на Минфин России возложена обязанность по исполнению судебных актов по искам к Российской Федерации о возмещении вреда, причиненного незаконными действиями (бездействием) государственных органов Российской Федерации или иных должностных лиц, а также судебных актов по иным искам о взыскании денежных средств за счет казны Российской Федерации (ст. 165 и 242.2 БК РФ). Нормы БК РФ, на которые ссылался автор кассационной жалобы, в данном случае неприменимы, поскольку не регулируют отношения по возмещению вреда, причиненного незаконными решениями органов дознания, предварительного следствия и суда. При таких обстоятельствах оснований для отмены постановления суда первой инстанции по указанному доводу не имеется (Определение Верхов. Суда Рос. Федерации от 26 нояб. 2008 г. № 86-О08-24 // Бюл. Верхов. Суда Рос. Федерации. 2009. № 12).

Мы солидарны с Н. А. Колоколовым, который считает, что «сохранившие до сих пор силу закона нормативные акты безнадежно устарели не только морально, но и юридико-технически, о чем свидетельствуют далеко не единичные факты признания не подлежащими применению ряда положений этих норм Конституционным Судом РФ и Верховным Судом РФ (определение КС РФ от 21.04.2005 № 242-О, решения ВС РФ от 05.04.2004 № ГКПИ03-1383, от 13.03.2008 № ГКПИ07-1738, от 29.09.2009 № ГКПИ03-1131)... современное законодательство, определяющее механизм реабилитации, фрагментарно и противоречиво» (Колоков Н. А. Право на реабилитацию есть, а вот закон не позволяет : интервью // ЭЖ-Юрист. 2010. № 11).

Помимо противоречий и пробелов в УПК РФ и ГПК РФ, значительные препятствия в реализации права на возмещение вреда создают и нормы БК РФ. Так, обращение взыскания на средства бюджета производится на основании исполнительных документов – исполнительного листа либо судебного приказа (п. 1 ст. 242.1 БК РФ). Исполнительный документ должен сопровождаться копией судебного акта (п. 2 ст. 242.1 БК РФ). Непредставление таких документов является основанием для возврата документа о взыскании (п. 3 ст. 242.1 БК РФ). Однако документы органов предварительного расследования не имеют юридической силы исполнительного документа. Такое противоречие приводит к отказу финансовых органов в выплате реабилитированному сумм в возмещение причиненного вреда незаконным уголовным преследованием.

Производство в отношении А. может служить ярким тому примером. Так, постановлением следователя СУ при УВД Липецкой области от 24 марта 2004 г. № 020280288 было прекращено уголовное

дело, возбужденное 16 мая 2002 г. прокуратурой г. Липецка в отношении Л. и А., за отсутствием в их действиях состава преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 159 УК РФ. За Л. и А. было признано право на реабилитацию. Заочным решением Рамоновского районного суда Воронежской области от 24 мая 2005 г. было постановлено взыскать в пользу А. денежные средства, из которых в счет возмещения понесенных убытков – 88500 руб.

Кассационным определением судебной коллегии по гражданским делам Воронежского областного суда от 27 октября 2005 г. № 33-2508 вышеуказанное заочное решение в части взыскания 88500 руб. было отменено, так как решение о взыскании данной суммы должен принять следователь, прекративший уголовное дело. Органы предварительного расследования разрешить такое ходатайство по существу отказались. А. обжаловал их бездействие в порядке ст. 125 УПК РФ. Постановлением судьи Правобережного суда г. Липецка от 26 февраля 2006 г. было вменено в обязанность правильно разрешить вопрос о возмещении ущерба. 13 марта 2006 г. старший следователь СО по РНП СУ при УВД Липецкой области постановил выплатить А. 88500 руб., взыскав их с Минюста России за счет казны Российской Федерации.

Руководитель Управления Федерального казначейства по Воронежской области в выплате отказал, мотивируя это тем, что деньги выдаются только на основании судебного решения. Попытки А. побудить суд оказать ему содействие во взыскании указанной суммы с Минфина России были тщетны, поскольку вынесение соответствующего решения – компетенция следователя. В свою очередь, следователь рекомендовал А. отнести постановление следователя в казначейство.

Очевидно, что реабилитированный не может реализовать право на возмещение ему имущественного вреда, поскольку суд по закону не вправе взыскивать тот вред, который причинен в стадии предварительного расследования, а документы следователя не имеют силы исполнительного листа.

А. подал жалобу уполномоченному по правам человека, последний обратился за разъяснением ситуации в Верховный Суд Российской Федерации. Заместитель Председателя Верховного Суда Российской Федерации ответил, что проблема может быть разрешена только на уровне внесения изменений в законодательство (Там же).

Между тем такие изменения до настоящего времени не внесены.

Другим примером нарушения прав реабилитированного вследствие противоречивости норм УПК РФ и БК РФ может служить дело о возмещении имущественного вреда, причиненного незаконным привлечением к уголовной ответственно-

сти гражданина Д., производство о возмещении имущественного вреда которому длилось почти тридцать лет. Так, 5 июля 1981 г. в отношении Д. вынесен обвинительный приговор; 12 декабря 1990 г. постановлением президиума Воронежского областного суда приговор отменен; 4 сентября 1992 г. уголовное дело в отношении Д. прекращено за отсутствием состава преступления; 9 октября 1992 г. удовлетворены частично требования, заявленные в рамках реабилитации: возмещен утраченный заработок за время отбывания наказания и расходы по оплате юридических услуг; 14 апреля 2005 г. постановлением заместителя прокурора Воронежской области удовлетворены требования о выплате денежных средств, незаконно изъятых в ходе следствия; 6 июля 2006 г. постановлением первого заместителя прокурора Воронежской области пересчитана подлежащая выплате денежная сумма с учетом уровня инфляции; 2 марта 2010 г. на уровне Конституционного Суда Российской Федерации найден способ выплаты всех этих сумм.

Окончания рассмотрения вопроса о возмещении ему вреда сам гражданин Д. не дождался, он скончался 8 июля 1991 г. (Там же).

В компромиссном постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 2 марта 2010 г. № 5-П было сказано, что ст. 242.1 БК РФ – по своему конституционно-правовому смыслу во взаимосвязи с положениями ч. 2, 4 и 5 ст. 135 УПК РФ – предполагает, что обязанности взыскателя средств бюджета приложить к исполнительному документу копию судебного акта, на основании которого он выдан, корреспондирует право данного лица на обращение в суд с требованием о принятии судебного акта относительно возмещения вреда, причиненного незаконным уголовным преследованием. Соответственно положение ч. 5 ст. 135 УПК РФ о том, что требование о возмещении имущественного вреда разрешается судьей в порядке, установленном ст. 399 УПК РФ для разрешения вопросов, связанных с исполнением приговора, – во взаимосвязи с положениями ст. 133, ч. 2 и 4 ст. 135, ст. 137 и 138 УПК РФ – означает, что данная процедура применяется для возмещения имущественного вреда не только лицам, право на реабилитацию которых признано оправдательным приговором или определением, постановлением вышестоящей судебной инстанции о прекращении уголовного дела, но и лицам, реабилитированным на стадии досудебного производства по уголовному делу, что согласуется также с п. 1 ст. 397 УПК РФ, в силу которого вопросы, связанные с возмещением вреда реабилитированному, восстановлением его трудовых, пенсионных, жилищных и иных прав, рассматриваются судом в порядке, установленном для разрешения вопросов, связанных

с исполнением приговора (По делу о проверке конституционности положений статьи 242.1 Бюджетного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации : постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 2 марта 2010 г. № 5-П // Рос. газ. 2010. 12 марта).

Уместно в данной ситуации вспомнить резолюцию, которую наложил император Николай I 16 ноября 1848 г. по делу «Об имении и долгах коллежского регистратора Ивана Боташева»: «Изучение причин медлительности непомерной, с которой производится сие столь известное дело, ясно выявляет все неудобства и недостатки нашего судопроизводства» (Цит. по: Кони А. Ф. Новый суд // Соч. М., 1966. Т. 1. С. 401).

При разрешении вопросов о восстановлении прав реабилитированного следует помнить о ст. 6.1 УПК РФ, в силу ч. 6 которой заявление об ускорении рассмотрения уголовного дела рассматривается председателем суда в срок не позднее 5 суток со дня поступления этого заявления в суд. По результатам рассмотрения заявления председатель суда выносит мотивированное постановление, в котором может быть установлен срок проведения судебного заседания по делу и (или) могут быть приняты иные процессуальные действия для ускорения рассмотрения дела.

Несогласованность норм различных отраслей права порождает на практике противоречивое их правоприменение. Такая ситуация нуждается в законодательном разрешении. К сожалению, содержание постановления Конституционного Суда Российской Федерации о том, что «федеральный законодатель – с учетом как повышенного уровня гарантий государственной защиты реабилитированных лиц, так и провозглашенного им иммунитета бюджетов бюджетной системы Российской Федерации – должен установить непротиворечивый, адекватный правовой механизм возмещения имущественного вреда, причиненного незаконным уголовным преследованием, на стадии досудебного производства по уголовному делу, который обеспечивал бы реабилитированным лицам эффективное восстановление в правах посредством правосудия, отвечающего общеправовым требованиям справедливости и равенства» (Постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 2 марта 2010 г. № 5-П) до настоящего времени остается лишь пожеланием.

В целом можно сказать, что УПК РФ закрепил судебный порядок окончательного решения вопроса о реабилитации. Постановление судьи о реабилитации выносится в рамках процедуры, предусмотренной ст. 399 УПК РФ, и может быть обжаловано в порядке, установленном гл. 43–45 УПК РФ.

Наряду с возмещением имущественного вреда реабилитированный имеет право на возмещение причиненного ему морального вреда, причиненного уголовным преследованием. Данное право закреплено в ст. 136 УПК РФ, а также регламентировано ст. 151, 1100, 1101 ГК РФ, постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20 декабря 1994 г. № 10 (в ред. от 6 февраля 2007 г.) «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда», в п. 2 которого под моральным вредом понимаются «нравственные или физические страдания, причиненные действиями (бездействием), посягающими на принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона нематериальные блага (жизнь, здоровье, достоинство личности, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна и т. п.) или нарушающими его личные неимущественные права (право на пользование своим именем, право авторства и другие неимущественные права в соответствии с законами об охране прав на результаты интеллектуальной деятельности) либо нарушающими имущественные права гражданина» (Рос. газ. 1995. 8 февр.).

Устранение последствий морального вреда может иметь место как в денежной, так и в иной форме.

В силу ч. 2 ст. 136 УПК РФ иски о компенсации за причиненный моральный вред в денежном выражении предъявляются в порядке гражданского судопроизводства. Однако, как показывает практика, суды допускают ошибки при определении подсудности данных исков. Так, в нарушение положений ч. 2 ст. 136 УПК РФ требование заявителя И. о компенсации морального вреда было рассмотрено не в порядке гражданского судопроизводства районным судом, а в порядке уголовного судопроизводства краевым судом, постановившим оправдательный приговор. При этом краевой суд принял по делу решение, в то время как при разрешении вопросов, связанных с реабилитацией в порядке УПК РФ, выносится постановление (Обзор законодательства и судеб. практики Верхов. Суда Рос. Федерации за второй квартал 2008 г. // Бюл. Верхов. Суда Рос. Федерации. 2008. № 11). Это дело примечательно тем, что правильное по существу решение Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила только потому, что были нарушены правила подсудности. Считаем, что правила подсудности должны соблюдаться, но не в ущерб интересам граждан. Мы полностью разделяем мнение Л. Тереховой о том, что «ссылка при этом на статью Конституции по отношению к гражданину, положительное решение по делу которого было

отменено, выглядит парадоксом. Гражданин получил положительное для себя и правильное по существу решение, но данного гражданина будут защищать от нарушений ст. 47 Конституции Российской Федерации. Норма о “рассмотрении дела тем судом и тем судьей” довлеет над самой сущностью судебной защиты. Ситуация выглядит абсурдом, степень фетишизации правил подсудности не поддается объяснению» (Терехова Л. Фетишизация правил подсудности в гражданском судопроизводстве // Арбитраж. и гражд. процесс. 2009. № 6).

Более того, парадоксальной выглядит ситуация, когда реабилитированный должен обращаться за восстановлением его имущественных и моральных прав соответственно и в порядке гражданского, и в порядке уголовного судопроизводства. Лицо пострадало от незаконного уголовного преследования, ему причинен имущественный и моральный вред, и оно же должно неоднократно обращаться в различные инстанции для восстановления его законных прав. При этом преимущества такой процедуры объясняются тем, что реабилитированному не нужно доказывать свои притязания в суде. Однако если это так, то почему же не установить единый процессуальный порядок для рассмотрения вопросов о реабилитации?

При опросе судей о том, каким, на их взгляд, должен быть механизм реабилитации лиц, мы в большинстве случаев получили следующий ответ: «единый, уголовно-процессуальный». Причина такого единодушия заключается в том, что судьям гораздо легче в уголовном процессе рассмотреть ходатайство о возмещении реабилитированному морального вреда, чем имущественного, а между тем именно имущественный вред рассматривается судьями в уголовном процессе, в то время как моральный – в гражданском.

В среде процессуалистов существуют различные мнения по вопросу о правовой природе возмещения вреда, причиненного незаконным уголовным преследованием. Камнем преткновения является вопрос о публичных либо частных интересах, исходя из этого авторы аргументируют точки зрения о том, к какому виду судопроизводства следует отнести порядок возмещения вреда реабилитированному.

Не вдаваясь в подробный анализ высказываемых доводов сторонников различных позиций, позволим заметить, что законы создаются человеком и для человека. Закон, создающий препятствия к защите прав граждан, рано или поздно будет упразднен.

Считаем, что в целях реализации защиты прав реабилитированных, а также для упрощения и единообразия применения правовых норм в ч. 2

ст. 136 УПК РФ необходимо закрепить уголовно-процессуальный порядок разрешения требований реабилитированного о компенсации морального вреда. В связи с этим предлагаем ч. 2 ст. 136 УПК РФ изложить в следующей редакции: «2. Иски о компенсации за причиненный моральный вред в денежном выражении предъявляются в порядке уголовного судопроизводства».

Помимо денежной компенсации за причиненный моральный вред, ст. 136 УПК РФ предусматривает следующие меры возмещения морального вреда:

1) принесение прокурором реабилитированному официального извинения от имени государства за причиненный ему вред (ч. 1 ст. 136 УПК РФ);

2) помещение в средствах массовой информации сообщения о реабилитации, если сведения о применении мер уголовного преследования в отношении реабилитированного лица были распространены в средствах массовой информации (ч. 3 ст. 136 УПК РФ);

3) направление по требованию реабилитированного письменных сообщений о принятых решениях, оправдывающих гражданина, по месту его работы, учебы или по месту жительства (ч. 4 ст. 136 УПК РФ).

Следует, на наш взгляд, признать значимой и верной норму ч. 1 ст. 136 УПК РФ, в соответствии с которой прокурор как участник уголовного судопроизводства со стороны обвинения от имени государства приносит официальное извинение реабилитированному за причиненный ему вред. Между тем в ч. 1 ст. 136 УПК РФ не указано, какое именно должностное лицо органов прокуратуры должно принести официальное извинение реабилитированному за причиненный ему вред. Считаем, что такая обязанность должна быть возложена на прокурора, уполномоченного утверждать обвинительное заключение (акт).

Возникают некоторые противоречия в регламентации принесения извинений прокурором. Так, обязанность прокурора принести извинения содержится в ст. 136 УПК РФ «Возмещение морального вреда», следовательно, только при причинении морального вреда могут быть принесены такие извинения. Считаем, что реабилитированный заслуживает официальных извинений и в случае причинения имущественного вреда. При этом процессуальный порядок принесения извинений уголовно-процессуальным законом не установлен. Полагаем целесообразным внесение дополнений в ч. 1 ст. 134 УПК РФ, где следует указать, что при направлении лицу извещения с разъяснением порядка возмещения вреда, связанного с уголовным преследованием, должен быть направлен документ, содержащий официальные извинения прокурора от имени государства. Это позволит компен-

сировать реабилитированному страдания не только в случае причинения ему морального вреда, но и материального, поскольку ст. 134 УПК РФ является общей в части ее применения для всех видов вреда, возмещаемых в порядке реабилитации. В этой связи считаем, что ч. 1 ст. 134 УПК РФ следует дополнить новым предложением: «Прокурор от имени государства приносит официальное извинение реабилитированному за причиненный ему вред», при этом ч. 1 ст. 136 УПК РФ следует исключить.

К видам компенсации морального вреда согласно ч. 3 ст. 136 УПК РФ относится размещение в средствах массовой информации сообщения о реабилитации, если сведения о применении мер уголовного преследования в отношении реабилитированного лица были распространены в них. Данные действия осуществляются по требованию реабилитированного, а в случае его смерти – его близких родственников или родственников либо по письменному указанию суда, прокурора, руководителя следственного органа, следователя, дознавателя. Для этого соответствующие средства массовой информации обязаны в течение 30 суток сделать сообщение о реабилитации.

Представляется упущением законодателя отсутствие в перечне субъектов, указанных в данной правовой норме, начальника подразделения дознания. В этой связи считаем целесообразным ч. 3 ст. 136 УПК РФ после слова «следователя» дополнить словами «начальник подразделения дознания». Аналогичный пробел содержится и в ч. 4 ст. 136 УПК РФ, в содержании которой законодатель безосновательно не указал соответствующую обязанность руководителя следственного органа и начальника подразделения дознания. В целях ликвидации данного упущения полагаем возможным предложить дополнить ч. 4 ст. 136 УПК РФ после слова «прокурор» словами «руководитель следственного органа», после слова «следователь» – словосочетанием «начальник подразделения дознания».

В связи с применением ч. 3 ст. 136 УПК РФ возникает проблема в связи с сообщением в средствах массовой информации сведений о реабилитации лица, а именно в сети Интернет. Ссылки на необходимость или возможность опубликования сведений о реабилитации в Интернете УПК РФ не содержит, при этом данный вид коммуникаций относится к средствам массовой информации. Подтверждением тому является рассмотрение дела Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, в котором указано, что «...Интернет так же, как и радио, и телевидение, относится к электронным средствам массовой информации» (Обзор кассационной практики Судеб. коллегии по уголов. делам Верхов. Суда

Рос. Федерации за 2007 г. // Бюл. Верхов. Суда Рос. Федерации. 2008. № 9).

Некоторыми авторами вносятся различные предложения по разрешению данной проблемы, в частности, о легальном закреплении обязанности официальных сайтов средств массовой информации, информационных агентств помещать сообщение о необоснованном уголовном преследовании с указанием времени его появления в конце всех статей о виновно-

сти лица (Рогачев С. А. Реабилитация в уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 27).

Мы полагаем, что соответствующие разъяснения должны найти отражение в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации, а также в новом нормативном правовом акте, регламентирующем производство по возмещению вреда реабилитированным, необходимость принятия которого сегодня очевидна.

Библиографический список

1. Инструкция по применению Положения о порядке возмещения ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда : утв. М-вом юстиции СССР, Прокуратурой СССР, М-вом финансов СССР 2 марта 1982 г. (с изм. от 29 сент. 2009 г.) // Бюл. норматив. актов министерств и ведомств СССР. – 1984. – № 3.

2. Колоколов Н. А. Право на реабилитацию есть, а вот закон не позволяет : интервью с проф. каф. судеб. власти и организации правосудия Гос. ун-та – Высш. шк. экономики д-ром юрид. наук Никитой Колоколовым / подготовили Ольга Аверина, Вениамин Захаров // ЭЖ-Юрист. – 2010. – № 11.

3. О некоторых вопросах применения в судебной практике Указа Президиума Верховного Совета СССР от 18 мая 1981 г. «О возмещении ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями государственных и общественных организаций, а также должностных лиц при исполнении ими служебных обязанностей» : постановление Пленума Верхов. Суда СССР от 23 дек. 1988 г. № 15 // Бюл. Верхов. Суда СССР. – 1989. – № 1.

4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : [принят Гос. Думой 22 нояб. 2001 г., одобрен Советом Федерации 5 дек. 2001 г.] // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2001. – № 52, ч. 1, ст. 4921.

5. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учебник / отв. ред. П. А. Лупинская. – М., 2009.

References

1. Instruction on the Application of the Provision on the Order of Paying a Compensation Caused to a Citizen by Illegal Activities of Investigatory Bodies, Preliminary Inquest, Prosecution Service and Court : Approved by the Ministry of Justice of the USSR, Public Prosecutor's Office of the USSR, the Ministry of Finance of the USSR on March 2, 1982 (with Changes of September 29, 2009) // The Bulletin of Normative Acts of the Ministries and Departments of the USSR. – 1984. – № 3.

2. Kolokolov N. A. Right to Rehabilitation Exists, but the law doesn't permit / N. A. Kolokolov // EG-Lawyer. – 2010. – № 11.

3. Some Questions on Putting into Practice the Decree of the Presidium of the Supreme Council of the USSR of May 18, 1981 «On Compensating Damages Caused to a Citizen by Illegal Actions of State and Public Organizations and Officials While Fulfilling Their Official Duties» : Decree of the Plenum of the Supreme Court of the USSR #15 of December 23, 1988 // Bulletin of the Supreme Court of the USSR. – 1989. – № 1.

4. The Criminal Procedural Code of the Russian Federation : [adopted by the State Duma on November 22, 2001, approved by the Federation Council on December 5, 2001] // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2001. – № 52, pt. 1, art. 4921.

5. Criminal and Procedural Law of the Russian Federation / ed. by P. A. Lupinskaya. – M., 2009.

А. Ю. Гулягин,
заместитель прокурора
Владимирской области
кандидат юридических наук

A. Yu. Gulyagin,
Deputy Prosecutor
of Vladimir region
Candidate of Law

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ЮРИСДИКЦИЯ: ПРИЗНАКИ И ПОНЯТИЕ

Administrative Jurisdiction: Signs and Concept

Аннотация. В статье предпринята попытка проанализировать юридическое существо такой категории, как административная юрисдикция. На основе трудов известных отечественных ученых, а также собственных выводов автор приводит элементы содержания административной юрисдикции, а также формулирует понятие административной юрисдикции.

Ключевые слова: юрисдикция, административная юрисдикция, процесс, административный процесс, административно-юрисдикционная деятельность.

Abstract. The author attempts to analyze the legal sense of such a category as administrative jurisdiction. On the basis of the works of prominent Russian scientists and personal deduction the author gives elements of content of administrative jurisdiction and formulates the concept of administrative jurisdiction.

Key words: jurisdiction, administrative jurisdiction, process, administrative process, administrative and jurisdictional activity.

В современном русском языке слово «юрисдикция» понимается как правомочие производить суд, решать правовые вопросы (Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1997. С. 915). Правомочие в свою очередь толкуется следующим образом: правомочный – обладающий законным правом, полномочием (Там же. С. 577).

Правомочие есть предусмотренная законом возможность участника правоотношения совершать определенные действия или требовать известных действий от другого участника этого правоотношения. Реальность правомочия гарантируется государством. При невыполнении лицом своих обязанностей управомоченная сторона может обратиться в суд, арбитражный суд или иной государственный орган для защиты своего права.

Правомочие может быть самостоятельным субъективным правом или одним из его компонентов. Например, право собственности включает в себя три правомочия: владение, пользование, распоряжение вещью (Большой юридический словарь / под ред. А. Я. Сухарева, В. Е. Крутских. М., 2002. С. 467).

Проблемы административной юрисдикции, административно-юрисдикционной деятельности находятся в центре внимания отечественных ученых уже достаточно давно.

Особый интерес вызывает работа А. П. Шергина, изданная в 1979 г., в которой автор подробно и последовательно описывает это юридическое явление, приводя его признаки, раскрывая различные аспекты сущности (Шергин А. П. Административная юрисдикция. М., 1979).

Представляется правильным с точки зрения целей настоящей статьи привести основные положения концепции административной юрисдикции, разработанной А. П. Шергиным.

Прежде всего, юрисдикционная деятельность является частью правоохранительной деятельности (Там же. С. 15). Причем юрисдикция – это самостоятельный вид правоохранительной деятельности, к тому же центральный. С ее появлением связывается начало управления с помощью права, возможность искать защиты у компетентного органа, судьи (Там же. С. 17).

В качестве основных признаков юрисдикции, характеризующих этот вид деятельности, А. П. Шергин называет наличие правового спора (правонарушения), состязательную процедуру разрешения дела, издание юрисдикционного акта в установленной законом форме (Там же).

Характеризуя первый из названных признаков юрисдикции, А. П. Шергин пишет, что юрисдикция является подзаконной, правоприменительной, правоохранительной деятельностью. Юрисдикцию связывают обычно с рассмотрением и разрешением юридических дел и применением государственного принуждения. Она возникает лишь тогда, когда необходимо решать спор о праве, нарушении. Рассмотрение и разрешение дел, обусловленных позитивными обстоятельствами, не охватывается юрисдикционной деятельностью (Там же. С. 17–18). Именно разрешение конфликтов составляет содержание юрисдикционной деятельности (Там же. С. 18).

Установление и доказывание событий, их юридическая оценка осуществляются в рамках особой процессуальной формы, которая является

вторым обязательным признаком юрисдикции. Строгая процессуальная форма характерна для всех видов юрисдикционной деятельности (Там же. С. 19). В этом заключается ее отличие от разрешения дел в процессе оперативно-распорядительной деятельности (Там же. С. 20).

Третий признак характеризуется А. П. Шергиным следующим образом. Юрисдикция как процесс – это не самоцель, а способ решения правовых конфликтов. Итогом его является принимаемое по результатам рассмотрения дела решение, т. е. акт применения нормы права к конкретному случаю. В отличие от других правоприменителей юрисдикционный орган обязан принять решение в виде юрисдикционного акта. Эта обязанность обусловлена самой природой юрисдикционной деятельности, в ходе которой должна быть оказана правовая защита (Там же. С. 20–21).

В качестве еще одного характеризующего юрисдикцию элемента А. П. Шергин называет ее функции, которые обусловлены, по его мнению, общими функциями права и не должны быть изолированными от них и какими-то самостоятельными, но вместе с тем они должны иметь свою специфику. Это охранительная, воспитательная и регулятивная функции (Там же. С. 23).

Кроме того, юрисдикция осуществляется на основе принципов законности, объективности, самостоятельности в принятии решения, гласности, всесторонности и непосредственности, экономии принудительных средств, обеспечения права на защиту всем участникам процесса (Там же. С. 27).

Согласно мнению А. П. Шергина, административная юрисдикция, с одной стороны, обладает всеми признаками общей юрисдикции, с другой – это самостоятельный вид правоохранительной деятельности, обладающий присущими ему признаками, назначением, обособленностью нормативной регламентации и системы органов (Там же. С. 29–30).

Для уяснения правовой природы административной юрисдикции принципиальную роль играют связь рассматриваемого вида деятельности с целями и задачами государственного управления, зависимость от них. В первую очередь речь идет о сохранении целостности правоотношений, складывающихся в процессе управления, посредством устранения негативных обстоятельств, создаваемых правонарушениями. При этом юрисдикционный способ защиты является принудительным механизмом административно-правового регулирования.

А. П. Шергин приводит следующее определение рассматриваемой категории: «Административная юрисдикция представляет собой часть исполнительно-распорядительной деятельности, причем ее обособленную часть, которая по своему харак-

теру является подзаконной, правоприменительной, правоохранительной. Эта деятельность – один из видов юрисдикции, обладающий всеми признаками данного способа правоохраны (наличие правонарушения, спора; состязательная процедура рассмотрения дела; обязательность принятия юрисдикционного акта)» (Там же. С. 34–35).

Существует другое, не менее интересное и ценное, исследование административно-юрисдикционной деятельности В. А. Поникарова. В своем диссертационном исследовании на соискание ученой степени доктора юридических наук он выделяет следующие признаки административно-юрисдикционной деятельности, которая:

1) имеет обязательное нормативно-правовое закрепление в законах и подзаконных нормативных актах. Следовательно, такая деятельность фиксируется законодателем в соответствующих актах и в силу этого приобретает юридический характер;

2) создается, организовывается, формируется государством в лице Президента Российской Федерации, а также законодательных и исполнительных органов Российской Федерации;

3) находится в непосредственной зависимости от степени развитости общественно-экономической системы, совершенства ее правовой основы;

4) определяется подведомственностью того или иного правоохранительного органа, т. е. разграничением компетенции между ними по рассмотрению дел об административных правонарушениях;

5) является не только разновидностью управленческой деятельности, но и самостоятельным видом государственно-властной правоохранительной деятельности. Это подтверждается тем, что анализируемая деятельность направлена на защиту личности, охрану прав и свобод человека и гражданина, защиту общественного порядка и обеспечение общественной безопасности;

6) рассматривается в контексте разрешения административно-правовых конфликтов деликтного содержания (т. е. производства по делам об административных правонарушениях, дисциплинарного и материального производства, а также производства по жалобам) и споров согласительного характера;

7) применяется органами исполнительной власти, судьями и органами местного самоуправления;

8) необходима для того, чтобы посредством процессуальных норм права реализовать соответствующие материальные правовые нормы в практическую действительность (Поникаров В. А. Теоретико-прикладные основы организации и осуществления административно-юрисдикционной деятельности в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук. Рязань, 2009. С. 53–54).

На основании анализа вышеприведенных признаков административно-юрисдикционной деятельности В. А. Поникаров дает свое определение исследуемого понятия: «Административно-юрисдикционная деятельность – закрепленная в нормах преимущественно административного и иного права государственно-властная, управленческая, правоприменительная, правоохранительная деятельность для разрешения административно-правовых конфликтов деликтного содержания и споров согласительного характера» (Там же).

Авторы учебника административного права под редакцией Л. Л. Попова понимают под административной юрисдикцией установленную нормами административного права совокупность правомочий органов исполнительной власти и их должностных лиц разрешать во внесудебном порядке споры в административно-правовой сфере и привлекать лиц к юридической ответственности (Административное право Российской Федерации / под ред. Л. Л. Попова : учебник. М., 2007. С. 230). Кроме того, они выделяют следующие виды административно-юрисдикционного производства: производство по жалобам; производство по делам об административных правонарушениях; дисциплинарное производство (Там же).

В. А. Поникаров, выстраивая систему, в которую включается административная юрисдикция, приводит следующую «цепочку» правовых категорий: государственное управление – процесс управления – административный процесс – административно-процессуальная деятельность – административная юрисдикция.

Содержанием процесса управления является государственное управление в целом. Процесс управления охватывает деятельность всех управляющих систем государственных (законодательных, исполнительных, судебных, прокуратуры) и иных (местного самоуправления) органов и его необходимо отличать от понятия «управленческий процесс», который следует определить как деятельность лишь одной из систем органов государственного управления и иных институтов, наделенных соответствующими полномочиями. Таким образом, понятие «процесс управления» является более широким, нежели «управленческий процесс», так как последний представляет собой лишь часть или разновидность процесса управления (Поникаров В. А. Указ. соч. С. 48).

Понятие «процесс управления» достаточно полно исследовано многими учеными права и управления. Так, Б. М. Лазарев отмечал, что «...следует различать близкие по звучанию понятия “процесс управления” и “управленческий процесс”. Процесс управления – это динамика управления в материальных и процессуальных его аспектах. Управленческий же процесс – только процедурная сторона

управленческой деятельности» (Управленческие процедуры / под ред. Б. М. Лазарева. М., 1988).

Необходимо отметить, что административно-юрисдикционная деятельность тесно связана с государственным управлением. Если представить эту связь в наиболее общем выражении, то административно-юрисдикционную деятельность можно определить как часть управленческой деятельности, в ходе осуществления которой происходит применение норм как материального, так и процессуального права (прежде всего административного), т. е. разрешение индивидуально-конкретных дел в сфере государственного управления.

Административный процесс обладает всеми признаками, присущими юридическому процессу (властный характер деятельности; ее регламентация процессуальными нормами; деятельность целевая, сознательная, направленная на достижение определенных юридических результатов и оформленная в документах), и представляет собой часть управленческой (исполнительно-распорядительной) деятельности, подлежащей правовой регламентации. Общее между управленческой деятельностью и административным процессом заключается в единой сущности, которая реализуется одними и теми же государственными органами системы исполнительной власти. Сторонники данной концепции считают административный процесс видом управленческого. Например, Д. Н. Бахрах пишет, что «...он должен быть частью управленческого процесса» (Бахрах Д. Н. Формы государственного управления. М., 1983. С. 24).

Административный процесс – это также нормативно установленная форма упорядочения правовых документов (актов органов исполнительной власти), где раскрываются все особенности органов исполнительной власти: их многообразие и многочисленность; реализация, помимо федеральных законов, законов субъектов Российской Федерации, актов исполнительной власти.

Из вышеизложенного следует, что понятие управленческой (исполнительно-распорядительной) деятельности значительно шире понятия административного процесса и включает наряду с правовыми и неправовыми (организационные, материально-технические) отношения. Многие правовые управленческие отношения не подвергаются процессуальному регулированию (а лишь часть правовых, творческих, правонаделительных, юрисдикционных отношений) (Панова И. В. Административный процесс в Российской Федерации: понятие, принципы и виды // Правоведение. 2000. № 2. С. 35).

До настоящего времени ученые-административисты не пришли к единому мнению по поводу границ и объема административного процесса, его

соотношения с уголовным и гражданским процессами, выделения административно-процессуального права в самостоятельную отрасль права.

В 1972 г. В. Д. Сорокиным была опубликована первая монография по проблемам административно-процессуального права (Сорокин В. Д. Административно-процессуальное право. М., 1972). В последующие годы эта тема не нашла должного освещения в юридической литературе. Только в 1985 г. было издано пособие О. К. Засторожной «Советский административный процесс» (Воронеж, 1985), а в 1988 г. – коллективная работа под названием «Управленческие процедуры», в которой авторы во главе с Б. М. Лазаревым детально раскрывают сущность таких понятий, как «управленческая процедура», «административно-правовые процедуры», «административный процесс», «процессуальное право», дают узкое и широкое определение административного процесса, а также рассматривают его структуру. По мнению данных ученых, не все процедуры, закрепляемые нормами административного права, являются управленческими. К последним они относят лишь те, которые определяют порядок управленческой деятельности.

Наряду с точкой зрения относительно реальности административного процесса, которая разделяется представителями самых разных подходов к правовой процессуальной деятельности в целом, высказывалось мнение и о том, что административного процесса не существует вообще (Алексеев С. С. Теория права. М., 1994. С. 23).

Результаты научных исследований свидетельствуют о расхождении в трактовке понятия «административный процесс». Одни ученые считают, что административный процесс охватывает весь комплекс мер по осуществлению компетенции органов государственного управления (от принятия правового акта до наложения административных взысканий), другие полагают, что административным процессом является только производство об административных правонарушениях.

В научной и учебной литературе по юриспруденции высказываются различные мнения по поводу уяснения определения административного процесса. Рассмотрим их более подробно.

Само слово «процесс» происходит от латинского *processus*, что обозначает продвижение (Современный словарь иностранных слов. М., 1992. С. 499).

В теории права юридический процесс понимается как урегулированный процессуальными нормами порядок деятельности компетентных государственных органов, состоящий в подготовке, принятии и документальном закреплении юридически обоснованных решений общего и индивидуального характера (Теория государства и права : учеб. для юрид. вузов и фак. / под ред. В. М. Корельского и В. Д. Перевалова. М., 1999. С. 393).

Наиболее широкое распространение получили два подхода к определению административного процесса.

Первый, возникший в 1960-е гг., заключался в том, что под административным процессом предлагалось понимать только деятельность по применению мер административного принуждения, т. е. урегулированный правом порядок юрисдикционной деятельности при рассмотрении индивидуальных дел (так называемое узкое, юрисдикционное понимание административного процесса, альтернативные термины – «негативный административный процесс», «административно-юрисдикционный процесс», «правоохранительный процесс»).

Н. Г. Салищева отмечала, что административный процесс в правовом смысле – это порядок (способы и формы) осуществления юрисдикции. Главной отличительной чертой концепции узкого толкования административного процесса является отнесение управленческих процедур (частично урегулированных нормами права) к нормам материального, а не процессуального права (Салищева Н. Г. Административный процесс в СССР. М., 1964).

Второй подход к определению административного процесса состоит в том, что в административный процесс, помимо отношений по осуществлению принуждения, включает так называемые отношения положительного управленческого характера, которые возникают при применении регулятивных норм материального права, т. е. в данном случае административный процесс не ограничивается рамками принудительных юрисдикционных действий и мероприятий, а включает в себя всевозможные управленческие действия, решения его задачи (альтернативные термины – «позитивный административный процесс» и «организационно-процедурный»). Иначе говоря, административный процесс есть процесс применения норм материального административного права. По мнению Д. Н. Бахраха, «особенностью административного процесса является то, что он регулирует не только юрисдикционную деятельность, т. е. деятельность по рассмотрению споров и применению принудительных мер, но и деятельность по реализации регулятивных норм, деятельность, так сказать, положительного характера» (Бахрах Д. Н. Советское законодательство об административной ответственности. Пермь, 1969. С. 276).

Г. И. Петров рассматривал административный процесс как в широком, так и в узком смысле. «Административный процесс в широком смысле – это процесс исполнительной и распорядительной деятельности органов государственного управления. Административный процесс в узком смысле – это процесс деятельности органов государственного управления по рассмотрению ин-

дивидуальных административных дел, относящихся к их компетенции» (Петров Г. И. О кодификации советского административного права // Сов. государство и право. 1962. № 5. С. 30).

По мнению некоторых ученых, например И. В. Пановой, следует выделять три вида процесса, включающих в себя три правовых вида деятельности:

- деятельность по созданию (изменению, приостановлению, отмене) подзаконных нормативных актов исполнительных органов публичной власти и Банка России (административно-нормотворческий процесс);

- деятельность указанных органов публичного управления по реализации прав и обязанностей индивидуальных и коллективных субъектов в сфере управления, осуществляемая в административной форме (административно-правонаделительный процесс);

- правоприменительная деятельность юрисдикционного правоохранительного характера, применение государственного правового принуждения в административно-процессуальной форме (административно-юрисдикционный процесс) (Панова И. В. Указ. соч. С. 39–40).

В. Д. Сорокин критикует идею дробления административного процесса на несколько его видов. Он считает, что «есть только один административный процесс, складывающийся из нескольких производств, которые без труда поддаются классификации» (Сорокин В. Д. Административный процесс и административно-процессуальное право. СПб., 2002. С. 37–38).

Ю. Н. Старилов отождествляет такие правовые категории, как административный процесс и административная юстиция. По его мнению, административный процесс – это система административно-правовых процессуальных норм, регламентирующих порядок рассмотрения судом (судьями) административных дел и споров, возникающих из административно-правовых отношений. Следовательно, главный смысл административно-процессуальной деятельности заключается в административном судопроизводстве (Старилов Ю. Н. Административный процесс в системе современных научных представлений об административной юстиции // Государство и право. 2004. № 6. С. 5–13).

В свою очередь, Д. Н. Бахрах различает административный процесс и административную юстицию. «Административный процесс – это урегулированная правом деятельность публично-исполнительной (административной) власти. А административное судопроизводство (и административная юстиция) – форма правосудия» (Бахрах Д. Н. Административное судопроизводство, административная юстиция и административный процесс // Государство и право. 2005. № 2. С. 20).

Сегодня в научном обиходе утвердились две концепции административного процесса: «юрисдикционная» и «управленческая» (Сорокин В. Д. «Юрисдикционная» и «управленческая» концепция административного процесса: 40 лет спустя // Юрид. мысль. 2005. № 3. С. 31–45).

Научную базу «юрисдикционной» концепции составляет то, что в ней административный процесс расценивается как деятельность по рассмотрению государственными органами спора о праве, а также применению мер административного принуждения (Салищева Н. Г. Указ. соч. С. 474).

Основа «управленческой» концепции административного процесса выражается в том, что административный процесс является атрибутом не только юрисдикционной, но и так называемой позитивной деятельности органов исполнительной власти (Административно-процессуальное право : курс лекций / под ред. И. Ш. Киясханова. М., 2004. С. 5).

Таким образом, фактическое содержание административного процесса применительно к прокуратуре сводится к трем основным видам административно-процессуальной деятельности:

- правотворческая деятельность (ст. 8 Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2201-1 «О прокуратуре Российской Федерации» гласит: «Прокурор при установлении в ходе осуществления своих полномочий необходимости совершенствования действующих нормативных правовых актов вправе вносить в законодательные органы и органы, обладающие правом законодательной инициативы предложения об изменении, о дополнении, об отмене или о принятии законов и иных нормативных правовых актов» (Рос. газ. 1992. 18 февр.);

- организационно-процедурная деятельность по исполнению функций и осуществлению целей;

- юрисдикционная деятельность (согласно ст. 25.11 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях прокурор вправе возбуждать производство по делу об административном правонарушении, участвовать в рассмотрении дела об административном правонарушении и приносить протест на постановление по делу об административном правонарушении) (Парламент. газ. 2002. 5 янв.).

Существующие в теории административного права подходы к понятию административного процесса позволяют выделить два варианта административно-процессуальной деятельности:

- административно-процедурная;

- административно-юрисдикционная (Миронов А. Н. Административное право : учебник. М., 2008. С. 123).

Соответственно административно-юрисдикционная деятельность прокуратуры является со-

ставной частью административного процесса, и все особенности данного процесса свойственны этой деятельности.

Рассмотрение административно-юрисдикционной деятельности непосредственно связано с этимологическим аспектом понятия «юрисдикция». Принято считать, что этот термин происходит от латинских слов *jus* «право» и *dico* «говорю» (Юридическая энциклопедия. М., 1998. С. 504).

В теории права под юрисдикцией обычно понимают установленную законом (или нормативным актом) совокупность правомочий соответствующих государственных органов разрешать правовые споры и дела о правонарушениях, т. е. оценивать действия лица или иного субъекта права с точки зрения их правомерности применять юридические санкции к правонарушителям (Российская юридическая энциклопедия. М., 1999. С. 1102).

Многие правоведы, занимающиеся разработками общетеоретических проблем права, юрисдикцию определяют как «деятельность компетентных органов, уполномоченных на рассмотрение юридических дел и на вынесение по ним юридически обязательных решений» (Алексеев С. С. Государство и право. Начальный курс. М., 1994. С. 148).

Кроме того, к понятию юрисдикции относят подведомственность, подсудность разрешаемых дел, полномочия по применению санкций, а также ее отождествляют с правоохранительной (право-разрешительной) деятельностью государства (Александров Н. Г. Теория государства и права. М., 1968. С. 491).

Более широкое определение юрисдикции охватывает: всю оперативно-исполнительную деятельность государства и общественности по применению права; процессуальную деятельность государства и общественности по применению права, область (круг) ведения, на которую распространяются юрисдикционные полномочия (Осипов Ю. К. Понятие подведомственности. Свердловск, 1969. С. 84–95).

В юридической литературе под административной юрисдикцией традиционно понимаются рассмотрение и разрешение:

- 1) дел об административных правонарушениях;
- 2) индивидуальных дел в случае возникновения спора о праве в сфере государственного управления (исполнительной власти) (Иванов В. А. Советский административный юрисдикционный процесс // Сов. государство и право. 1980. № 6. С. 30 ; Салищева Н. Г. Гражданин и административная юрисдикция в СССР. М., 1970. С. 19–20 ; Шергин А. П. Указ. соч. С. 29).

Под административной юрисдикцией А. Ю. Якимов понимает «рассмотрение дел об административных правонарушениях и принятие решений по ним в установленном порядке и формах» (Яки-

мов А. Ю. Статус субъекта административной юрисдикции и проблемы его реализации. М., 1999. С. 7).

Рассмотрение и разрешение дел об административных правонарушениях в некоторых работах называется административно-наказательной юрисдикцией (Стайнов П. Особенности юрисдикции в областта на администрацията. София, 1956. С. 21–24). Следует, однако, учесть, что административно-наказательной (карательной) юрисдикция может быть названа только в случае, когда результатом административно-юрисдикционной деятельности было наказание правонарушителя. В случае наложения административного наказания можно говорить о том, что юрисдикция носила административно-наказательный (карательный) характер. Однако в случае прекращения дела производством не следует называть такую юрисдикцию наказательной (карательной).

Более удачное название юрисдикционного производства по делам об административных правонарушениях – административно-деликтная юрисдикция (т. е. юрисдикция по административному деликту).

В теории административного права юрисдикция рассматривается большинством ученых в качестве самостоятельного вида правоохранительной, правоприменительной деятельности государства (Попов Л. Л., Шергин А. П. Управление. Гражданин. Ответственность (сущность, применения и эффективность административных взысканий). М., 1975. С. 130–133). Так, А. Н. Гришаев утверждает, что административная юрисдикция – это вид правоохранительной деятельности органов исполнительной власти (Гришаев А. Н. Обеспечение прав граждан при назначении органами внутренних дел административных наказаний : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 9).

Существует и более объемное определение юрисдикции. Так, В. В. Денисенко, А. Н. Позднышов и А. А. Михайлов вывели следующую дефиницию: «Юрисдикция – это подведомственность и компетенция по осуществлению правоприменительной, правоохранительной, государственно-властной, квазисудебной деятельности¹ по рассмотрению и разрешению юридических споров (конфликтов)» (Денисенко В. В., Позднышов А. Н., Михайлов А. А. Административная юрисдикция органов внутренних дел : учебник. М., 2002. С. 7).

Заслуживает внимания и точка зрения, согласно которой в составе административной юрисдикции выделяют: 1) производство по жалобам; 2) производство по делам об административных правонарушениях и 3) согласительное производство (Ани-

¹ Под квазисудебными органами в административном праве принято понимать юрисдикционные учреждения, которые действуют в рамках исполнительной власти и разрешают административные споры в как бы судебном порядке.

кин С. Б. Проблемы и перспективы административной юрисдикции органов внутренних дел РФ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1996. С. 12–13). Близка к данному мнению и позиция А. Н. Миронова, который вместо согласительного производства в состав административной юрисдикции включает дисциплинарное производство (Миронов А. Н. Указ. соч. С. 123).

Таким образом, учитывая сложившиеся представления о понятиях «юрисдикция» и «административная юрисдикция», мы предлагаем собственную дефиницию понятия «административная юрисдикция»: это подведомственность и компетенция по осуществлению и само осуществление правоприменительной, правоохрани-

тельной, государственно-властной, квазисудебной деятельности по рассмотрению и разрешению юридических споров (конфликтов) и дел об административных правонарушениях, осуществляемая государственными органами и органами местного самоуправления, включающая в себя юрисдикционное производство по делам об административных правонарушениях, производство по жалобам, согласительное и дисциплинарное производство.

Таким образом, административно-юрисдикционная деятельность с точки зрения управления есть компонент административного процесса, который в свою очередь является частью государственного управления.

Библиографический список

1. Бахрах Д. Н. Формы государственного управления / Д. Н. Бахрах. – М., 1983.
2. Поникаров В. А. Теоретико-прикладные основы организации и осуществления административно-юрисдикционной деятельности в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.11 / Поникаров Владимир Анатольевич. – Рязань, 2009.
3. Шергин А. П. Административная юрисдикция / А. П. Шергин. М., 1979.

References

1. Bakhrah D. N. Forms of State Control / D. N. Bakhrah. – M., 1983.
2. Ponikarov V. A. Theoretical and Practical Basics of Organization and Implementation of Administrative and Jurisdictional Activity of the Penal System of the Russia / Ponikarov Vladimir Anatolyevich. – Ryazan, 2009.
3. Shergin A. P. Administrative Jurisdiction / A. P. Shergin. – M., 1979.

Д. А. Зыков,
доцент факультета внебюджетного образования
ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук, доцент

D. A. Zykov,
Associate Professor of the Extra-Budgetary Department
of VLI of the FPS of Russia
Candidate of law, Assistant professor

ПРОБЛЕМЫ УСТАНОВЛЕНИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПО СТАТЬЕ 274 УК РФ

Problems of Establishing Criminal Liability under Article 274 of the Criminal Code of the Russian Federation

Аннотация. В статье раскрываются проблемы применения норм гл. 28 УК РФ. Особое внимание уделено проблемам применения ст. 274 УК РФ. Отмечается, что до разработки правил эксплуатации ЭВМ, системы ЭВМ или их сети применение ст. 274 УК РФ является незаконным.

Ключевые слова: уголовная ответственность, преступления в сфере компьютерной информации, изменения уголовного закона, бланкетные диспозиции, правила эксплуатации ЭВМ, системы ЭВМ или их сети, нормативный правовой акт, индивидуальный нормативный акт.

Abstract. The article discloses the problems of application of norms of chapter 28 of the Criminal Code of the Russian Federation. Special attention is paid to the problems of application of article 274 of the Criminal Code of the Russian Federation. It is underlined that before the development of rules of operation of electronic computers, their systems and networks the use of article 274 of the Criminal Code of the Russian Federation was illegal.

Key words: criminal liability, crimes in sphere of computer information, change of the criminal law, blanket dispositions, rules of operation of electronic computers, system of computers or their network, regulatory legal act, individual statutory act.

С момента принятия Уголовного кодекса Российской Федерации (далее: УК РФ) прошло уже 14 лет. Впервые в УК РФ появилась целая глава (гл. 28), в которой устанавливалась уголовная ответственность за преступления в сфере компьютерной информации. В эту главу входят три статьи, предусматривающие ответственность за следующие преступления в сфере компьютерной информации: неправомерный доступ к компьютерной информации (ст. 272 УК РФ); создание, использование и распространение вредоносных программ для ЭВМ (ст. 273 УК РФ) и нарушение правил эксплуатации ЭВМ, системы ЭВМ или их сети (ст. 274 УК РФ).

Внесение в УК РФ указанной главы вызвало бурную реакцию научного сообщества – появились многочисленные публикации, комментарии, было защищено свыше 40 кандидатских и несколько докторских диссертаций, написано большое количество монографий и учебных пособий. Причем свой вклад в изучение проблем преступлений в сфере компьютерной информации внесли специалисты не только в области уголовного права и криминологии, но и уголовного процесса, криминалистики и оперативно-розыскной деятельности. Все исследователи данной проблемы едины во мнении, что установление уголовной ответственности за преступления в сфере компьютерной информации является обоснованным, необходимым и своевременным шагом нашего законодателя. Это обстоятельство

обусловлено возрастающим значением и широким, повсеместным применением компьютерной техники (ЭВМ, систем ЭВМ и их сетей). Компьютеризация охватила все сферы деятельности, а нарушение нормального функционирования компьютерной техники может привести к самым тяжелым последствиям, например, авариям и катастрофам с человеческими жертвами.

За период существования действующего УК РФ произошло очень много изменений в общественной жизни, что предопределило и внесение соответствующих поправок в законодательство России, в том числе и уголовное. Так, было принято свыше 80 новых федеральных законов, которые внесли в первоначальную редакцию УК РФ из 360 статей более 900 изменений и поправок. При этом ни одной поправки в диспозиции статей гл. 28 УК РФ внесено не было! Это говорит о многом. Мы не склонны считать, что указанные нормы были сформулированы законодателем так безупречно, что не нуждались в изменениях столь длительное время. За 14 лет, прошедших с момента введения данных норм, произошли революционные преобразования компьютерной техники и компьютерных технологий, что естественным образом должно было отразиться и на диспозициях ст. 272–274 УК РФ. Однако этого не произошло. Наверное, законодатель, введя в УК РФ гл. 28, посчитал свое дело выполненным, оставив практикам разбираться с возникающими проблемами применения этих норм. Говоря о практике применения ст. 272–274 УК РФ, следует отметить, что статистика не фикс-

сирует большого количества преступлений указанной категории. Так, доля преступлений в сфере компьютерной информации в общей массе зарегистрированных преступлений составляет порядка 0,3 %, а доля лиц, привлеченных к уголовной ответственности за указанные преступления, еще меньше – 0,08 %. Таким образом, складывается противоречивая ситуация: с одной стороны, повсеместно говорят о повышенной общественной опасности преступлений в сфере компьютерной информации, о повышенной значимости объекта уголовно-правовой охраны указанных преступлений и т. п., а с другой – уголовное законодательство в борьбе данными преступлениями остановилось на уровне середины 90-х гг. прошлого века. Следует особо подчеркнуть, что за последние 10 лет было разработано и принято несколько международных конвенций по борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации, но ни одну из них Российская Федерация не ратифицировала.

Одной из проблем правоприменительной практики ст. 272–274 УК РФ является высокий уровень бланкетности их диспозиций. Именно поэтому для установления признаков объективной стороны этих преступлений необходимо обращаться к нормативным правовым актам, регулирующим отношения в различных отраслях права. Среди них в первую очередь следует назвать: Закон РФ от 23 сентября 1992 г. № 3523-1 «О правовой охране программ для электронных вычислительных машин и баз данных» (Ведомости Съезда нар. депутатов Рос. Федерации и Верхов. Совета Рос. Федерации. 1992. № 42, ст. 2325) и Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (Рос. газ. 2006. 29 июля). Больше никаких иных нормативных правовых актов в указанной сфере не существует!!! И это, на наш взгляд, является основной причиной возникновения трудностей в правоприменительной практике. Законодатель, введя в УК РФ соответствующие статьи с бланкетным содержанием, должен был создать и специальную нормативно-правовую базу под них. Однако этого сделано не было, в связи с чем возникают определенные трудности при квалификации указанных преступлений, нарушается принцип законности.

Все статьи гл. 28 УК РФ вызывают у нас критику. Однако наиболее уязвимой, на наш взгляд, является ст. 274 УК РФ. В ней законодатель установил уголовную ответственность за нарушение правил эксплуатации ЭВМ, системы ЭВМ или их сети лицом, имеющим доступ к ЭВМ, системе ЭВМ или их сети, повлекшее уничтожение, блокирование или модификацию охраняемой законом информации ЭВМ, если это деяние причинило существенный вред.

Как мы уже говорили выше, диспозиция указанной статьи является бланкетной, т. е. не содержит конкретных технических правил эксплуатации ЭВМ и отсылает к инструкциям и правилам, определяющим порядок работы ЭВМ, системы ЭВМ или их сети. Анализ специальной литературы по этому вопросу показал неоднозначность трактовки правовой природы правил эксплуатации ЭВМ, системы ЭВМ или их сети. Существуют различные точки зрения относительно того, что понимать под правилами эксплуатации ЭВМ, системы ЭВМ или их сети. Так, В. В. Крылов выделил два вида правил эксплуатации ЭВМ, которыми должны руководствоваться в своей деятельности лица, работающие с ЭВМ, системой ЭВМ или их сетью. Первый вид правил – инструкции по работе с ЭВМ и машинными носителями информации, разработанные изготовителем ЭВМ и периферийных технических устройств, которые поставляются вместе с данным экземпляром ЭВМ. Эти правила обязательны для соблюдения пользователем ЭВМ под угрозой потери прав на гарантийный ремонт и обслуживание. Второй вид правил – правила, установленные собственником или владельцем информационных ресурсов, информационных систем, технологий и средств их обеспечения, определяющие порядок пользования ЭВМ, системой ЭВМ и сетью ЭВМ, а также иными машинными носителями (Крылов В. В. Криминалистические проблемы оценки преступлений в сфере компьютерной информации // Уголов. право. 1998. № 3. С. 88).

Другие ученые к правилам относят: ведомственные положения; правила, установленные в конкретной организации; паспорта качества; технические описания и инструкции по эксплуатации; инструкции по использованию программ для ЭВМ и др. (Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. П. Н. Панченко. Н. Новгород, 1996. Т. 2. С. 240). Как видим, по своей правовой природе эти правила являются ничем иным как **индивидуальными актами**. Конечно, и нормативные правовые, и индивидуальные акты являются юридическими по своему характеру, с ними могут быть связаны определенные юридические последствия. Однако они принципиально различаются по целому ряду оснований. Нормативные правовые акты содержат общие предписания и рассчитаны на многократное применение; адресованы неопределенному кругу лиц; регулируют широкий круг общественных отношений; действуют относительно долгое время. Индивидуальные акты, в свою очередь, являются предписаниями индивидуального характера; обращены к строго определенным лицам или кругу лиц и обязательны для исполнения только ими; действие индивидуального акта прекращается с мо-

мента прекращения существования конкретных отношений.

В связи с этим возникает закономерный вопрос: можно ли в качестве основания привлечения к уголовной ответственности принять неисполнение не закона и (или) иных нормативных правовых актов, а неисполнение индивидуальных актов, технической документации производителя продукции и т. п.? Ответ однозначно отрицательный. Использование указанных правил, инструкций, положений ведет к избыточной криминализации деяния. В основании бланкетной диспозиции может лежать только нормативный правовой акт, принятый уполномоченным

органом или должностным лицом, а не индивидуальный нормативный акт.

В заключение особо отметим, что правил эксплуатации ЭВМ, системы ЭВМ или их сети вообще не существует! Для того чтобы привлечь лицо к уголовной ответственности за нарушение правила эксплуатации ЭВМ, необходимо разработать технико-юридическую норму, в которой полностью бы регламентировался порядок обращения с ЭВМ, системой ЭВМ или их сетью, причем разработать и принять это должен орган государственной власти. До тех пор, пока это не будет сделано, применение ст. 274 УК РФ, на наш взгляд, является незаконным.

Библиографический список

1. Крылов В. В. Криминалистические проблемы оценки преступлений в сфере компьютерной информации / В. В. Крылов // Уголов. право. – 1998. – № 3.
2. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. В 2 т. Т. 2 / под ред. П. Н. Панченко. – Н. Новгород, 1996.

References

1. Krylov V. V. Criminalistical Problems of Evaluation Crimes in the Sphere of Computer Information / V. V. Krylov // Criminal Law. – 1998. – № 3.
2. Scientific and Practical Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation. In 2 vol. Vol. 2 / ed. by P. N. Panchenko. – N. Novgorod, 1996.

А. В. Лебедев,
начальник лаборатории Научно-исследовательского
института информационных и производственных
технологий ФСИН России (г. Тверь) кандидат
физико-математических наук

A. V. Lebedev,
Head of Department
of SRIIT of FSEP of Russia
Candidate of Physics
and Mathematical Science

**КРИТЕРИИ ТОЧНОСТИ И ДОСТОВЕРНОСТИ ИНФОРМАЦИИ,
ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ ПРИ ОБРАБОТКЕ ИНФОРМАЦИИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ**

**Criteria of Accuracy and Reliability of Information in Process of Handling Information
of Law Enforcement Bodies**

Аннотация. В работе рассмотрены критерии точности и достоверности информации, которые могут быть использованы при обработке информации правоохранительных органов. Введено понятие «измерение преступности» и как следствие рассмотрены ошибки, существенно влияющие на точность и достоверность информации.

Ключевые слова: критерии точности и достоверности информации, измерение преступности, ошибки, существенно влияющие на точность и достоверность информации.

Abstract. The criteria of accuracy and reliability of information used in processing information of law-enforcement bodies are examined. The conception of measuring crime is introduced and as a result the mistakes are considered which influence accuracy and reliability of information.

Key words: criteria of accuracy and reliability of information, measuring crime, mistakes which influence accuracy and reliability of information.

В условиях все расширяющегося влияния информатизации на функционирование ФСИН России, особенно в рамках ее реформирования, административная и оперативная деятельность организации все больше зависит от качества подготовки информации. На начальных стадиях исследования сложных систем, к числу которых относится и уголовно-исполнительная система (далее: УИС), когда имеется только предварительных набор категорий, не связанных нетривиальными закономерностями, анализ является средством индуктивного построения теории на основе эмпирической информации. Анализируя данные, исследователь постепенно уточняет систему терминов и связывающих их утверждений, переходя к некоторым модельным характеристикам. Для достижения вышеизложенного исследователь изначально должен обладать достоверными показателями, отраженными в официальной ведомственной статистической отчетности.

Основной характеристикой достоверности показателя является его точность, отражающая размеры отклонения показателя от его истинного значения, определенный допуск, в пределах которого находится истинная его величина. В теории измерений априори предполагается, что «ни одно измерение, как бы оно тщательно не проводилось, не может быть совершенно свободно от ошибок» (Тейлор Дж. Введение в теорию ошибок. М., 1985. С. 12). В противовес этому в пра-

вовой статистике считается, что поскольку **измерение величины** заменено **учетом явлений**, то интересующее нас событие может быть **учтено с точностью до одного события**.

Однако данное утверждение вызывает у нас сомнения.

Проанализируем значения одного из показателей деятельности УИС за период с 2001 – по I полугодие 2008 г. (данные в таблице приведены не нарастающим итогом).

Год Месяц	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Январь	17	11	4	2	13	8	10	6
Февраль	9	10	3	2	13	22	8	10
Март	15	11	5	6	29	17	127	7
Апрель	18	14	11	13	13	20	-3	8
Май	19	15	6	18	22	17	15	16
Июнь	37	19	25	18	0	27	20	22
Июль	60	19	32	31	24	30	12	
Август	69	52	24	35	32	45	25	
Сентябрь	52	27	24	9	44	82	24	
Октябрь	34	19	13	33	37	23	30	
Ноябрь	20	13	11	63	33	20	13	
Декабрь	16	12	0	22	17	30	17	

Данная таблица представляет собой официальную статистическую отчетность, направляемую в другие министерства и ведомства.

Если мы остановимся на точке зрения, что учеты ведутся с точностью до одного события, то сразу возникает вопрос об отрицательном значении в апреле 2007 г. (как это могло произойти?) и аномально высоком значении в марте 2007 г.

Каждое из этих значений находит аргументированное объяснение с точки зрения служебной проверки. Так, отрицательное значение в апреле 2007 г. возникло в результате переквалификации событий в предыдущем периоде, а аномально высокое значение в марте 2007 г. было обнаружено в результате инспекторской проверки (на самом деле эти события накапливались в течение достаточно длительного промежутка времени – не менее 8–10 месяцев – однако были зафиксированы в один отчетный период).

Проведем оценку значений данного показателя с точки зрения математической статистики. По мнению С. А. Айвазяна, экспериментальный анализ закона распределения исследуемой генеральной совокупности является частью предварительной статистической обработки исходного объема данных (Айвазян С. А., Евнюков И. С., Мешалкин Л. Д. Основы моделирования и первичная обработка данных. М., 1983. С. 32).

В связи с достаточно большим объемом динамического ряда (90 значений) обратимся к способу трансформирования дискретного ряда в

интервальный ряд распределения. Для этого проведем его разбивку на некоторые группы. При группировке внутри однокачественных совокупностей существует возможность использования равных интервалов, величина которых зависит от размаха вариации признака в совокупности и количества обследованных единиц.

Определение величины интервала производится следующим образом:

1) вычисляется разность между максимальным и минимальным значениями признака (отрицательное значение было заменено нами на ноль, так как оно не имеет физического смысла)

$$R = x_{\max} - x_{\min} = 127 - 0 = 127;$$

2) размах вариации (R) делится на число групп k , которое определяется по формуле Стёрджесса $k \approx 1 + 3,322 \lg n$, где n – число изучаемых единиц совокупности (Ефимова М. Р., Рябцев В. М. Общая теория статистики. М., 1991. С. 91).

Таким образом,

$$k = 1 + 3,322 \lg 90 = 1 + 3,322 \cdot 1,9542 = 7,49 \approx 7.$$

Величина интервала $h = 127/7 = 18,14 \approx 18$.

Таким образом, таблица примет вид:

Величина показателя (интервал)	Число показателей в объеме выборки	Ожидаемые частоты, найденные по закону Пуассона	Ожидаемые частоты для случая нормального распределения
0–18	47	23	38
19–36	32	67	33
37–54	6	0	15
55–72	3	0	3
73–90	1	0	1
91–108	0	0	0
109–127	1	0	0
Итого	90	0	90

Уже первоначальный взгляд на трансформированную таблицу позволяет судить о значительной левосторонней асимметрии распределения, если среднее значение для данного динамического ряда составит

$$(9 \cdot 47 + 27 \cdot 32 + 45 \cdot 6 + 63 \cdot 3 + 81 \cdot 1 + 117 \cdot 1)/90 = 1944/90 = 21,6.$$

Дисперсия в этом случае составит 327,2, а среднее квадратичное отклонение – 18,1.

Мы получили спадающее распределение частот, что может соответствовать распределению Пуассона, отвечающее тем событиям, возникновение которых является довольно редким случаем:

$$p_m = \frac{\lambda^m e^{-\lambda}}{m!},$$

где λ равна среднему числу появления событий в одинаковых независимых испытаниях, m – частота данного события.

Однако сопоставление полученных частот и теоретических частот закона Пуассона представляет достаточно не простую задачу. В графе 3 таблицы наблюдается очень серьезное расхождение между эмпирическим и найденным теоретическим распределениями Пуассона. Для их со-

поставления воспользуемся критерием Пирсона (хи-квадрат)

$$\chi^2 = \sum_1^k \frac{(f_i - f_i')^2}{f_i'},$$

где f_i и f_i' – соответственно частоты эмпирического и теоретического распределений в определенном интервале, k – число интервалов (при этом, если теоретические частоты в некоторых интервалах меньше 5, то такие интервалы объединяются так, чтобы частоты были больше 5).

В данном случае величина критерия хи-квадрат составит 53,3, а табличное значение величины хи-квадрат равно 9,5 при уровне значимости 0,05. Таким образом, расчетное значение существенно превышает табличное значение, и мы имеем все основания полагать, что указанный ряд не может быть описан в рамках распределения Пуассона.

Проведем расчет теоретических частот для случая нормального распределения (данные приведены в графе 5 таблицы). Вновь воспользуемся критерием Пирсона (хи-квадрат) для проверки гипотезы о нормальном характере распределения. Расчет критерия дает нам значение 7,6, что не превышает табличного значения и позволяет

нам говорить о нормальном распределении исследуемой величины.

В целях усиления нашего предположения о нормальности распределения воспользуемся критерием Романовского для оценки близости эмпирического распределения к нормальному распределению. Расчет будет производиться по отношению

$$R = \frac{\chi^2 - (k-3)}{\sqrt{2(k-3)}},$$

где k – число групп.

В нашем случае величина критерия Романовского составляет 1,27, поэтому мы принимаем гипотезу о нормальном характере эмпирического распределения.

В предположение о нормальности распределения можно считать, что в промежутке $\bar{x} \pm 3\sigma$ находится 99,7 всех значений величины, т. е. в нашем случае следует считать, что все значения сосредоточены в интервале 0–75,9. Что же мы видим на самом деле? В сентябре 2006 г. значение составляло 82, а в марте 2007 г. – 127. Таким образом, как минимум два значения не укладываются в доверительный интервал. В случае обработки результатов эксперимента исследователь просто исключил бы указанные значения как промахи. В случае учетов это недопустимо.

Поступим таким образом: проведем сглаживание этих значений по трем соседним месяцам. Тогда трансформированная таблица будет иметь следующий вид:

Год Месяц	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Январь	17	11	4	2	13	8	10	6
Февраль	9	10	3	2	13	22	44	10
Март	15	11	5	6	29	17	44	7
Апрель	18	14	11	13	13	20	44	8
Май	19	15	6	18	22	17	15	16
Июнь	37	19	25	18	0	27	20	22
Июль	60	19	32	31	24	30	12	
Август	69	52	24	35	32	50	25	
Сентябрь	52	27	24	9	44	50	24	
Октябрь	34	19	13	33	37	50	30	
Ноябрь	20	13	11	63	33	20	13	
Декабрь	16	12	0	22	17	30	17	

Произведя пересчет частот, получаем интервальную таблицу в следующем виде:

Величина показателя (интервал)	Число показателей в объеме выборки	Ожидаемые частоты для случая нормального распределения
0–10	18	23
11–20	35	28
21–30	16	15
31–40	9	13
41–50	7	7
51–60	3	3
61–69	2	1
Итого	90	90

В этом случае распределение нормализуется еще сильнее (критерий хи-квадрат равен 5,13), но и сейчас в промежуток $\bar{x} \pm 3\sigma$, который составляет 0–65,4, не попадает значение августа 2001 г. В принципе возможно проведение еще одного сглаживания до тех пор, пока мы не придем к идеальному совпадению с нормальным распределением (что само по себе очень правдоподобно, поскольку нормальное распределение осуществляется в случае взаимного влияния на величину множества случайных событий), но нашей целью было показать, что в официальной статистике присутствуют ошибки, т. е. как следствие она не вполне достоверна.

Еще раз вернемся к вопросу о точности измерения. Если мы считаем, что итоговый результат абсолютно верен, то априори мы предписываем точность измерения нашего события на уровне отчитываемой единицы менее 0,001 события.

Как мы пришли к такому выводу? Поскольку считается, что итоговый результат точен, то его абсолютная ошибка не превышает 1. Мы имеем более 2000 отчитывающихся подразделений, поскольку для случая наличия погрешности в сумме итоговая погрешность равна квадратичной сумме исходных погрешностей:

$$\delta X = \sqrt{(\delta x_1)^2 + (\delta x_2)^2 + \dots + (\delta x_n)^2}$$

и в любом случае не превышает их обычную сумму

$$\delta X = \delta x_1 + \delta x_2 + \dots + \delta x_n.$$

Тогда мы можем говорить о том, что точность измерения нашего события на уровне отчитываемой единицы менее 0,001 события. Конечно, оценка является достаточно грубой, но в то же время и вполне правдоподобной.

Для интерпретирования данной величины вновь обратимся к теории измерений. Как правило, в ней за ошибку принимается половина цены деления прибора, что основывается на равнозначной вероятности допустить отклонения как в большую, так и в меньшую сторону.

В нашем случае мы не можем приписать каждому исполнителю, составляющему отчет, ошибку в половину измеряемой величины, что будет соответствовать одной верной и одной неверной квалификации события преступления в случае двух последовательных измерений. Конечно, квалификация специалистов-юристов гораздо выше, но такие случаи, о которых мы говорим, когда происшествие содержит признаки состава преступления, но не квалифицируется как преступление, имеют место. В этом случае мы имеем ошибку измерения, которая в конечном счете для всех объектов учета приводит к ее накоплению, и она может достигнуть достаточно значительных величин. Об этом косвенным образом свидетельствуют отрицатель-

ные и аномально высокие значения в соответствующих рядах.

В связи с этим мы предлагаем, прежде всего, ввести в официальную статистическую отчетность понятие точности величины, которая отражает размеры отклонения показателя от его истинного значения, определенный допуск, в пределах которого находится истинная его величина. Это будет особенно необходимо в случае отчетности о событиях преступления.

В. В. Лунеев считает, что «надежность статистических показателей существенно снижается при отражении действительного состояния преступности...» (Лунеев В. В. Юридическая статистика. М., 2004. С. 99). Он же говорит о латентной преступности, которая, по его оценкам, составила более 8 млн преступлений (Там же. С. 102).

Однако в официальной статистической отчетности сведения о количестве зарегистрированных преступлений приводятся с точностью до 1 (Преступность и правонарушения. М., 2007. С. 12). Здесь мы опять можем перейти в плоскость обсуждения системы регистрации и работы системы по единой государственной регистрации и учету преступлений, однако, несмотря на все предпринимаемые усилия по ее совершенствованию, заявленная точность (а именно до 1 факта регистрации) нам кажется неправдоподобно высокой.

Год	Количество преступлений, тыс.	Год	Количество преступлений, тыс.	Год	Количество преступлений, тыс.
1976	834,99	1986	1338,40	1996	2625,10
1977	824,20	1987	1185,90	1997	2397,30
1978	889,60	1988	1220,30	1998	2581,90
1979	970,50	1989	1619,20	1999	3001,70
1980	1028,30	1990	1839,50	2000	2952,40
1981	1087,90	1991	2167,90	2001	2968,30
1982	1128,60	1992	2760,70	2002	2526,30
1983	1398,20	1993	2789,60	2003	2756,40
1984	1402,70	1994	2632,70	2004	2893,80
1985	1418,90	1995	2755,70	2005	3554,70

Отметим, что в работе В. В. Лунеева указанные данные приведены с точностью до 1, мы же приводим их с точностью до второго знака после запятой, т. е. не выше ± 50 преступлений, и даже в этом случае мы попробуем показать, что указанная точность является завышенной.

Осуществим проверку однородности дисперсий, реализуемой с помощью F -критерия Фишера, который основан на сравнении расчетного отношения

$$F = \frac{s_1^2}{s_2^2}$$

при $s_1^2 > s_2^2$.

В целях упрощения расчетов представим нашу совокупность в виде 30 последовательных значений, не принимая во внимание значение 2006 г. Разделим ряд на две равные половины (по

Возникает вопрос, насколько необходима такая точность? Речь ведь идет о почти 4 млн преступлений (точнее говоря, о 3855373 зарегистрированных преступлениях). Очевидно, что даже в пределах одних суток в стране регистрируется более 10 тыс. преступлений, таким образом, в час регистрируется около 400 преступлений. Мы еще очень далеки от создания системы учетов в рамках реального времени. Так зачем же нам такая точность? Мы отнюдь не призываем к ее снижению, а просто пытаемся сформулировать подход к правильному отражению событий, происходящих в правоохранительных органах.

Наверное, гораздо важнее было бы знать верхнюю грань преступности. Нахождение ее – очень не простая математическая задача, а сейчас эта верхняя грань очевидна, количество зарегистрированных преступлений не превышает 3855374 случаев, поскольку ошибка измерения не превышает 1 события.

Обратимся к анализу динамического ряда годовых данных о состоянии преступности в России в 1976–2006 гг. (Лунеев В. В. Указ. соч. С. 163 ; Преступность и правонарушения. М., 2007). При этом мы предпримем попытку подвергнуть сомнению безоговорочную достоверность информации о количестве зарегистрированных преступлений (тысяч), размещенной в указанных источниках.

15 последовательных значений в каждой). Вычисляя дисперсии для указанных рядов, находим их значения – 85787,69 и 99426,6 соответственно. Расчетное значение F -критерия, найденное как отношение этих двух значений, составит 1,158984. Сравнивая его с табличным значением при $P = 0,05$, т. е. при 95 % вероятности наступления данного события, имеем, что табличное значение составит 2,35 (Митропольский А. К. Техника статистических вычислений. М., 1971. С. 539). Это говорит о том, что расчетное значение меньше табличного и можно принять гипотезу о равенстве дисперсий. Таким образом, нет оснований называть различия между образованными выборками существенными.

Можно считать, что состояние преступности в стране со времени руководства МВД Н. А. Ще-

локовым (1968 –1982 гг.) до Р. Г. Нургалиева (2004 г. – настоящее время) не претерпело значительных изменений. Так ли это?

Попробуем вновь определить доверительный интервал в предположении о нормальности распределения. Расчет дает нам среднее значение – 1985,06 преступлений в год за указанный период, дисперсию – 706870,92 и среднее квадратичное отклонение – 840,76. Как мы видим, все предельные значения логично укладываются в доверительный интервал.

Рассмотрим данные показателей состояния преступности за годы руководства МВД Н. А. Щелоковым. В этом случае расчет дает нам среднее значение – 966,30 преступлений в год за указанный период, дисперсию – 14717,85 и среднее квадратичное отклонение – 121,32. И уже следующее за этим периодом значение на 1983 г. не укладывается в рамки доверительного интервала (не более 1330,25). При этом нужно помнить, что мы устанавливаем очень высокую планку, говоря, что в указанном промежутке находится 99,7 % всех значений.

Если взять меньший промежуток $\bar{x} \pm 2\sigma = 966,30 \pm 2 \cdot 121,32$, то верхняя грань не должна превысить 1208,93 события, а в этом промежутке должно находиться 95,4 % всех измерений, т. е. все семь наших измерений.

Если еще уменьшить доверительный интервал до величины $\bar{x} \pm \sigma = 966,30 \pm 121,32$, то верхняя грань не должна превысить 1087,616 события, а в этом промежутке должно находиться 68,3 % всех измерений, т. е. пять из семи наших измерений, что в принципе и осуществляется. Однако уже последующий год, когда Н. А. Щелокова на посту министра внутренних дел сменил В. В. Федорчук, не вписывается в указанную схему, происходит рост количества зарегистрированных преступлений на 23,9 %.

Вообще для оценки доверительного интервала в нашем случае можно воспользоваться стандартным отклонением среднего, которое для нашей совокупности может быть вычислено по формуле

$$\sigma_{\bar{x}} = \sigma_x / \sqrt{N},$$

значение которого составит 153,34, округлив его до двух значащих, получим 150 событий.

Таким образом, руководствуясь стандартной схемой обработки результатов, мы имеем итоговый результат в виде 1990 ± 150 , т. е. мы получили формальную точность до 10 тыс. зарегистрированных преступлений. Такой результат и такая точность многим покажутся неприемлемыми, однако для такого предположения есть все основания.

Более того, используя такую схему, мы можем считать подозрительным целый ряд значений, а именно:

Год	Количество преступлений, тыс.
1999	3001,7
2000	2952,4
2001	2968,3
2004	2893,8
2005	3554,7

Рассмотрим более подробно вопрос отбрасывания данных. Указанные выше значения кажутся нам подозрительными, поскольку они отличаются от среднего более чем на одно стандартное отклонение. Воспользуемся критерием Шовене для вынесения решения об отбрасывании аномально больших значений. Для этого найдем разность между самым маленьким значением и средним для данного ряда

$$\frac{x_{\text{под}} - \bar{x}}{\sigma_x} = \frac{820 - 1990}{840} = -1,39.$$

Вероятность того, что результат будет отличаться от среднего значения на $1,39 \sigma_x$ составит 0,1715. Так как произведение этого числа на число испытаний (30) больше $\frac{1}{2}$, установленного критерием Шовене, то мы можем считать все наши результаты достоверными.

Достаточно сильным возражением против проводимых нами вычислений может служить гипотеза о нормальном распределении исследуемой величины. Однако вывод о формальной точности делался безотносительно к форме распределения, а вместо интервалов в кратное число (1, 2 и 3 σ_x) среднеквадратичных отклонений, мы можем руководствоваться неравенством Чебышева, которое гласит: пусть имеется случайная величина X с математическим ожиданием M и дисперсией D , тогда каково бы не было положительное число a , вероятность того, что X отклонится от своего математического ожидания M не меньше, чем на a , ограничена сверху

$$P(|X - M| \geq a) \leq \frac{D}{a^2}.$$

Воспользуемся неравенством Чебышева для случая самой малой величины, тогда $|X - M| = |820 - 1990| = a = 1170$, а $P \leq 706870/1170^2 = 0,52$. Таким образом, мы получили верхнюю границу вероятности данного отклонения.

Обратимся вновь к случаю первоначальных данных. Для этого случая применение критерия Чебышева дает нам $|X - M| = |127 - 22| = a = 105$, а $P \leq 327/105^2 = 0,03$. И в этом случае неравенство Чебышева не дает нам возможности исключить данное значение из рассмотрения¹.

¹ Многие ученые полагают, что отбрасывание данных никогда не может быть оправдано, пока не найдется внешнее свидетельство, что подозреваемые данные не верны. Помимо того, считается, что критерий Шовене может быть применен только один раз.

Далее остановимся на расчете величины показателя «коэффициент преступности» (число преступлений в расчете на 100 тыс. населения).

Как известно, при независимых и случайных погрешностях относительная погрешность величины равна квадратичной сумме исходных относительных погрешностей

$$\frac{\delta x}{X} = \sqrt{\left(\frac{\delta x_1}{x_1}\right)^2 + \left(\frac{\delta x_2}{x_2}\right)^2}.$$

Как мы показали выше, формальная точность измерения количества зарегистрированных преступлений составляет 10 тыс. единиц, точность измерения численности населения. На официальной странице Федеральной службы государственной статистики (URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b08_11/IssWWW.exe/Stg/d01/05-01.htm) численность населения за 2006 г. приведена в виде 142,8 млн человек, т. е. с точностью до 50 тыс. человек. Число зарегистрированных преступлений за 2006 г. на странице (URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b08_11/IssWWW.exe/Stg/d01/11-01.htm) приведено в виде 3583 тыс. преступлений, т. е. с точностью до 500 преступлений (более высокой, чем мы предположили).

Однако и в этом случае относительная ошибка измерения коэффициента преступности составит

$$\frac{\delta x}{X} = \sqrt{\left(\frac{500}{3583000}\right)^2 + \left(\frac{50000}{142800000}\right)^2} = 3,76 \cdot 10^{-4}.$$

Переходя к абсолютным величинам, находим, что точность измерения показателя «коэффициент преступности» составит 1,02.

Таким образом, заявленная точность 2707,7 (до десятых) является недостижимой.

В заключение отметим, что понятие точности проводимых измерений не свойственно социологическим наукам, к числу которых можно отнести правовую статистику. В официальной статистике результат измерения приводится со всеми значащими цифрами, что в принципе не верно. Проблема влияния проводимых измерений на точность полученных результатов не рассматривается, все это может приводить к принятию неверных управленческих решений.

При этом мы не рассматриваем так называемую ошибку определения, когда следует понимать, что само событие преступления не является вполне точно определяемой количественной величиной. В связи с этим приведем мнение Б. Я. Гаврилова, который, в частности, считает, что «каждые девять из десяти отказных материалов о кражах являются фактически не раскрытыми преступлениями» (Гаврилов Б. Я. Латентная преступность: понятие, структура, факторы латентности и меры по обеспечению достоверности уголовной статистики. М., 2007. С. 46).

Кроме того, им приводится красноречивая статистика об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с кражей (форма 2-Е). Так, по его сведениям, в 2006 г. МВД России было зарегистрировано 1676983 кражи и 521628 отказных материалов о них.

Ранее мы рассуждали об ошибке в половину измеряемой величины, что будет соответствовать одной верной и одной неверной квалификации события преступления в случае двух последовательных измерений. Так вот, по данным Б. Я. Гаврилова, в отношении краж складывается очень похожая ситуация, когда удельный вес отказных материалов в 2003 г. составил 54,6 на каждые 100 зарегистрированных краж. Таким образом, каждую зарегистрированную кражу мы можем интерпретировать как измерение с ошибкой в половину цены деления, и в этом случае мы получим просто колоссальную итоговую погрешность.

Указанные оценки могут быть существенно улучшены в случае детальной фиксации количества отказных материалов по каждому виду совершенных преступлений, а также при рассмотрении отчетности в разрезе территориальных органов.

Величина отклонений значения показателя может появляться в пределах поля допуска с различной вероятностью, поэтому оценка только точности показателя является недостаточной. Эту оценку необходимо дополнить показателем, определяющим надежность самой оценки точности, т. е. степенью вероятности, с которой появляются отклонения в пределах поля допуска. Оценки точности и надежности показателей взаимосвязаны: чем шире установлен предел точности, тем с большей вероятностью он будет соблюдаться; чем жестче допуск на величину показателя, тем меньше шансов на его полное соблюдение. При этом важно знать не только крайние пределы поля допуска, но и характер распределения величин в пределах поля допуска (его населенность).

Для оценки динамической точности показателей, связанной с изменением определяющих его факторов, следует ввести характеристики чувствительности и устойчивости показателей.

Чувствительность есть свойство показателя реагировать на изменения или ошибки исходных данных. Разные схемы построения показателей имеют разную степень чувствительности или, иначе говоря, разную степень сохранения своей первоначальной точности и надежности.

Будем считать показатель устойчивым по отношению к исходным величинам, если их ограниченные по размеру изменения или ошибки вызывают изменения результата в определенных и допустимых пределах, которые составляют область устойчивости. Изучение чувствительности и

устойчивости показателей позволяет выявить степень влияния исходных параметров на результирующий показатель и тем самым дифференцировать требования к точности этих параметров.

В основном при правильно организованной методике сбора статистической отчетности погрешность возникает из-за случайных ошибок. Случайные ошибки являются следствием действия множества мелких и примерно одинаковых по силе влияния причин и условий, причем эти причины практически не поддаются индивидуальному изучению. Случайные ошибки носят характер случайных величин или случайных функций, т. е. пределы, в которых может находиться их размер, можно устанавливать лишь с некоторой вероятностью. Устранить такие ошибки полностью нельзя.

Действие случайных ошибок обычно взаимопоглощается в результате агрегирования или же проведения других расчетов, однако, что касается показателей деятельности ФСИН России, это далеко не всегда так. Здесь, как и в других правоохранительных органах, существует борьба за рейтинг, стремление улучшить показатели путем приписок, которые представляют собой проявление тенденциозных ошибок. Последние являются следствием умышленного искажения, сокрытия или же одностороннего освещения тех или иных данных. Объективная возможность возникновения таких ошибок кроется в рассогласовании интересов элементов системы (вплоть до отдельных ее сотрудников) с интересами (целями и задачами) системы в целом. Борьба с тенденциозными ошибками, как и со всеми сознательными нарушениями, должна вестись в двух направлениях. Во-первых, надо усиливать ответственность виновных и создавать в учреждениях ФСИН России непримиримое отношение к случаям приписок и обмана. Во-вторых, действенным способом уменьшения тенденциозных ошибок является их профилактика. Она должна состоять в устранении причин, толкающих сотруд-

ников системы на искажения. Для этого следует добиваться, чтобы система планирования, материального и морального стимулирования сочетала интересы системы и ее сотрудников. Методика учета, сбора и контроля статистической информации должна содержать (и в зачаточном виде уже содержит) контрольные операции, гарантирующие своевременное выявление искажений и защиту от ошибок.

В связи с этим следует отметить роль грубых ошибок в общем результате. Они являются очевидным искажением результатов, следствием факторов, посторонних для данной методики построения показателя. В результате их значения не принадлежат к генеральной совокупности значений, определяющих величину показателя. Грубые ошибки, выходящие за пределы вероятных случайных ошибок, всегда должны своевременно и полностью устраняться (что происходит далеко не всегда). Отбор таких ошибок можно проводить на основе анализа совместимости результатов расчета с практически возможным его значением и статистических методов оценки существенности отклонения исходных данных.

В любой системе показателей, оценивающей деятельность той или иной системы, все они рассматриваются не изолированно, а во взаимосвязи и взаимообусловленности. Для каждого варианта организации деятельности имеется оптимальный уровень того или же иного показателя, который отражает гармоничное и устойчивое развитие всех сторон системы. Однако текущее совершенствование одних показателей может происходить за счет ухудшения или замедления в улучшении других показателей. В процессе принятия управленческих решений на основе системы показателей «объективные противоречия должны быть разрешены, сняты; в противном случае система может рухнуть, выйти из относительного равновесия» (Суслов И. П. Теория статистических показателей. М., 1975. С. 237).

Библиографический список

1. Айвазян С. А. Основы моделирования и первичная обработка данных / С. А. Айвазян, И. С. Евнюков, Л. Д. Мешалкин. – М., 1983.
2. Ефимова М. Р. Общая теория статистики / М. Р. Ефимова, В. М. Рябцев. – М., 1991.
3. Лунеев В. В. Юридическая статистика / В. В. Лунеев. – М., 2004.
4. Тейлор Дж. Введение в теорию ошибок / Дж. Тейлор. – М., 1985.

References

1. Ayvazyan S. A. Principles of Modelling and Primary Data Processing / S. A. Ayvazyan, I. S. Evnuykov, L. D. Meshalkin. – M., 1983.
2. Efimova M. P. General Theory of Statistics / M. P. Efimova, V. M. Ryabtsev. – M., 1991.
3. Luneev V. V. Legal Statistics / V. V. Luneev. – M., 2004.
4. Taylor J. Introduction to Theory of Errors / J. Taylor. – M., 1985.

А. С. Морозов,
*адъюнкт кафедры
 государственно-правовых дисциплин
 Псковского юридического института
 ФСИН России*

A. S. Morozov,
*post-graduate student
 of the Department of State and Law Studies
 of Pskov Legal Institute
 of the FPS of Russia*

**ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ СУБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ
 СОСТАВА ПРАВОМЕРНОГО ПОВЕДЕНИЯ**

**Problematic Issues of Qualification of Subjective Side
 of Composition of Legitimate Behaviour**

Аннотация. В статье представлен авторский подход к пониманию субъективной стороны состава правомерного поведения, сформулированный на основе анализа различных, нередко противоположных, точек зрения ученых. Автор разграничивает мотивы поведения, направленные на соблюдение норм права, и мотивы, соответствующие нормам государственного закона.

Ключевые слова: правомерное поведение, мотив, бессознательное, правонарушение, преступление, субъективная сторона, нравственность.

Abstract. The author offers his own approach to understanding the subjective side of the composition of legitimate behavior formulated on the basis of the analysis of different, often opposite viewpoints of scientists. The author distinguishes the motives of behavior aimed at following legal norms and motives which correspond to the norms of state legislation.

Key words: legitimate behavior, motive, the unconscious, offence, crime, subjective side, morality.

Сегодня правомерное поведение гражданина остается предметом острых дискуссий теоретиков права вообще, и уголовного права, в частности. Одним из элементов состава правомерного поведения является субъективная сторона. Обосновывая значимость последней, В. М. Баранов отмечает, что квалификация состава правомерного поведения не будет полной, адекватной, если она не воспримет внутреннюю мотивацию личности, совершившей такое деяние (Цит. по: Оксамытный В. В. Правомерное поведение личности (теоретические и методологические проблемы) : дис. ... д-ра юрид. наук. Киев, 1990. С. 70). Субъективная сторона поступков нередко остается для стороннего наблюдателя (и для самого субъекта) скрытой. Однако при этом она является аналогом запятой в выражении «казнить нельзя помиловать», определяющей качество деяния. Один и тот же поступок, совершенный с различными мотивами, может быть геройским или подлым, хорошим или плохим.

Субъективная сторона представляет собой очень важную часть состава поступка, в том числе и правомерного. Традиционно в науке большое внимание уделяется осознанным мотивам и целям совершения деяния. Как правило, они скрыты от третьих лиц, но вполне четко осознаются самим субъектом. В качестве основных можно назвать следующие:

1. Убеждение личности в необходимости права и сознательном исполнении правовых предписаний.
2. Боязнь ответственности.

3. Конформистское подчинение правовым предписаниям.

Г. А. Маградзе относительно соглашательского поведения отмечал, что «нередко конформизм предполагает внешнее согласие с группой при внутреннем расхождении с мнением большинства» (Цит. по: Оксамытный В. В. Указ. соч. С. 152). Причиной такого согласия может быть множество различных факторов, таких как, например, нежелание быть «белой вороной», пойти против друзей, потерять доверие окружающих. Однако в таком случае, на наш взгляд, не совсем корректно рассуждать о субъективной стороне поступка (поведения), поскольку она «разделяется надвое»: на истинное желание, сформированное в силу настоящего морально-нравственного облика субъекта, и на решение, принятое по определенным причинам. И первое, и второе составляют субъективную сторону, но «истинное желание» в большей мере характеризует самого субъекта, а принятое им решение – его поступок.

В науке также получило распространение учение о бессознательных целях и мотивах. Е. Л. Ковалёва внесла, на наш взгляд, существенный вклад в развитие дискуссии о субъективной стороне поступка, выдвинув мнение о том, что «для права безразличны или даже противоположны акты поведения, порождаемые автоматизмами и другими бессознательными проявлениями человеческой психики» (Ковалёва Е. Л. Правомерное и противоправное поведение: их соотношение : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 50–52). Социаль-

но полезные поступки, хотя бы и совершенные в состоянии аффекта или при неполном контроле сознания и воли, по мнению этого автора, могут иметь ту же правовую силу, что и совершенные под полным контролем сознания – они влекут предусмотренные законом позитивные юридические последствия. Поскольку для права одинаково важна вся область определения субъективной стороны, мы приходим к выводу о том, что для отнесения поступка к «правовому» или «неправовому» не имеет значения субъективная сторона его совершения.

Развивая учение о бессознательном в субъективной стороне поступка, Е. Л. Ковалёва указывает следующее: «Бессознательное психическое не есть просто негативное определение (т. е. отсутствие сознания в процессе психического отражения), а является особой, исключительно человеческой формой психического отражения наряду с сознанием и в неразрывной связи с ним» (Там же. С. 53).

Единого мнения о том, может ли бессознательное выступать в качестве мотива деятельности, в науке пока не существует. Так, Е. Л. Ковалёва полагает, что «бессознательное оказывает немалое влияние на образ жизни и поведение личности, активно участвует в формировании мотивов» (Там же. С. 52). Н. И. Тюрина, напротив, считает, что «бессознательное в качестве мотива деятельности выступать не может. Осознание побуждения является необходимым этапом процесса формирования мотива» (Тюрина Н. И. Правомерное поведение как объект юридического исследования : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2003. С. 85).

Ни позицию Е. Л. Ковалевой, ни позицию Н. И. Тюриной нельзя однозначно назвать правильной. Обе из предложенных точек зрения требуют большого внимания и детального изучения.

На наш взгляд, если бессознательное непосредственно, без формирования мотива, влечет выполнение субъектом какого-либо деяния, образуя своего рода рефлекторное действие/бездействие, то такое деяние совершается без участия субъективной стороны, а следовательно, не может каким-либо образом характеризовать его субъекта. Если бессознательное (т. е. неосознаваемое в момент совершения деяния, но содержащееся в памяти субъекта) влечет формирование мотива, осознаваемого субъектом, то оно выступает не в качестве причины деяния, а лишь в качестве предпосылки формирования такой причины, т. е. предпосылки формирования мотива. Вторая ситуация, описывая, казалось бы, сложную по сравнению с традиционной схему поступка, по нашему мнению, является наиболее распространенной. В жизни человек, четко осознавая мотив своего поступка, мотив своего поведения, порой не может и не пытается себе от-

ветить на вопрос о первопричинах такого мотива. При этом первопричины есть, но они могут носить бессознательный характер. Например, мужчина, подав руку выходящей из транспорта женщине вряд ли сразу осознает первопричину мотива своего поступка. Мотивы очевидны: желание произвести благоприятное впечатление; нежелание оказаться невежей; желание сделать человеку приятное; соблюдение общепринятых правил поведения и т. п.; а их первопричина может заключаться во внутренней воспитанности этого субъекта, в том, что ему в более раннем возрасте были привиты хорошие манеры и т. п. Мы уверены, что человек не в состоянии отследить всю цепочку «мотивов своих мотивов», уходящих глубоко в его подсознание, но каждый из них формирует мотив вышестоящего уровня.

В науке также активно рассматривается вопрос о мотивации деяния субъекта относительно правовых норм поведения. По нашему мнению, Е. Л. Ковалёва справедливо полагает, что «в основной массе поступков человек действует, не соотнося свое поведение с предписаниями правовых норм, а по привычке, в соответствии с конкретными жизненными обстоятельствами (во многом это связано просто с элементарным незнанием им норм права)» (Ковалёва Е. Л. Указ. соч.). Трудно с этим не согласиться. Общеизвестно, что подавляющее большинство граждан не имеют не только юридического образования, но и даже основ юридических знаний, однако мы уверены, что каждому человеку с детства привиты элементарные понятия о добре и зле, являющиеся первоосновой и в некотором роде даже принципами, критериями квалификации правомерного и неправомерного поведения.

Небезынтересным в этой связи также представляется утверждение А. Ф. Черданцева о том, что «для права безразлично, по каким мотивам не нарушаются нормы права» (Черданцев А. Ф. Теория государства и права : учеб. для вузов. М., 2002. С. 307).

Предположим, что субъект под принуждением, связанным с насилием, не желая того, совершает ряд правомерных поступков. При рассмотрении добровольности правомерного поведения по аналогии с добровольностью совершения преступления интересным является следующее обстоятельство. Взяв за основу российское уголовное законодательство (ст. 40 УК РФ), устанавливающее, что не является преступлением причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам в результате физического или психического принуждения, вполне обоснованно можно заключить, что поведение, реализованное под физическим или психическим давлением, является поведением неправомерным. Например, со-

блюдение водителем правил дорожного движения под угрозой насилия со стороны пассажиров. Абсурдность полученного вывода свидетельствует о неполноценности и ложности предположения, на котором он основан. Мотив правомерного поведения не может как-либо влиять на его правомерность, поскольку при любом качестве мотива поведение в силу объективных причин продолжает быть правомерным (при прочих равных условиях).

К словам А. Ф. Черданцева о том, что для права безразлично, по каким мотивам не нарушаются нормы права, мы считаем нужным добавить: «и нарушаются». Да, субъективная сторона поведения совершенно справедливо имеет огромное, а нередко и решающее значение при отнесении деяния к числу соответствующих либо не соответствующих закону. Заметим, что нарушение нормы права посягает не на абстрактные общественные отношения, а на права конкретных субъектов этих отношений. При нарушении их прав по положительным мотивам они все равно являются нарушенными, как и всякие предметы материального мира, уничтоженные из благих побуждений.

Мы уверены, что знание нормы права и осознанное ее соблюдение может быть признаком какого-либо из видов правомерного поступка, но правомерное поведение в целом не может основываться на осознанном соблюдении субъектом всех правовых норм, поскольку в случае соблюдения субъектом нормы права, о существовании которой он и не подозревал, его поведение не становится неправомерным, оно остается в рамках правомерности. Полагаем, что в данном случае принцип «незнание закона не освобождает от ответственности» смело можно распространять не только на отрицательную, но и на положительную ее составляющие.

К сожалению, к несоответствию поведения (поступка) субъекта существующим правовым нормам часто прикрепляется ярлык неправомерности. Причина конфликта между субъективной стороной субъекта и внешней правовой действительностью часто заключается в несоответствии этой действительности идеалу права. В таком случае нарушитель «плохого» права может являться его «реформатором». В. В. Лапаева, по нашему мнению, нашла довольно убедительное объяснение такому явлению. Она говорит о том, что при расхождении, противоречии между правовым и нравственным сознанием обычно рассматриваются два типа ситуаций. «Первая из них возникает в случае отставания нравственного сознания населения от выраженного в действующем законодательстве более прогрессивного сознания законодателя... Вторая из возможных ситуация складывается в случаях

опережающего развития нравственного сознания, по отношению к которому многие нормы действующего законодательства предстают как устаревшие, не соответствующие прогрессивным потребностям современной жизни». (Цит. по: Оксамытний В. В. Указ. соч. С. 221). Кроме того, В. В. Оксамытний приводит следующее утверждение Л. Богораза: «С позиций сегодняшнего дня нет сомнений в том, что “инакомыслящие нужны обществу”. Их активность – это “опережающее”, “алармистское” поведение тех, кто ранее других стал действовать, утверждая “суверенность личности, которая при дефиците работающих общественных структур оказывалась один на один с властью”» (Там же). В связи с этим примечательна точка зрения П. А. Александрова, известного судебного оратора начала XX в., выступавшего в защиту В. Засулич: «Физиономия государственных преступлений нередко весьма изменчива. То, что вчера считалось государственным преступлением, сегодня или завтра становится высокочтимым подвигом гражданской доблести. Государственное преступление нередко – только одновременно высказанное учение преждевременного преобразования, проповедь того, что еще недостаточно созрело и для чего еще не наступило время» (Цит. по: Смолярчук В. И. Гиганты и чародеи слова (русские судебные ораторы второй половины XIX – начала XX века). М., 1984. С. 44).

На основании вышеизложенного можно заключить следующее:

- не всегда конформистское поведение субъекта отражает содержание его субъективной стороны, его внутренние убеждения. Порой оно может говорить о слабых характеристиках человека, а не об истинной убежденности;

- бессознательные мотивы правомерного поведения, несмотря на свою отдаленность от «видимого» побуждения, играют весьма значимую роль при формировании субъективной стороны поведения субъекта, подчас неосознанно для него самого;

- мотивация относительно правовых норм поведения не всегда может иметь место, учитывая низкий уровень правовой грамотности населения. К тому же положительное (либо отрицательное) отношение к правовой норме не может служить критерием правомерности поведения, поскольку правовая норма и права субъектов нарушаются независимо от мотивов их нарушения;

- несоблюдение субъектом правовых предписаний не следует категорично рассматривать в качестве его неправомерного поведения. В силу различия сущности права и закона поведение субъекта может противоречить противоправному закону, во благо права.

Библиографический список

1. Ковалева Е. Л. Правомерное и противоправное поведение: их соотношение : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Ковалева Елена Леонидовна. – М., 2002.
2. Оксамытний В. В. Правомерное поведение личности (теоретические и методологические проблемы) : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / Оксамытний Виталий Васильевич. – Киев, 1990.
3. Смолярчук В. И. Гиганты и чародеи слова (русские судебные ораторы второй половины XIX – начала XX века) / В. И. Смолярчук. – М., 1984.
4. Тюрина Н. И. Правомерное поведение как объект юридического исследования : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Тюрина Наталья Ивановна. – Саратов, 2003.
5. Черданцев А. Ф. Теория государства и права : учеб. для вузов / А. Ф. Черданцев. – М., 2002.

References

1. Kovaleva E. L. Legitimate and Unlawful Conduct: Their Correlation / Kovaleva Elena Leonidovna. – M., 2002.
2. Oskamytniy V. V. Legal Behavior of a Person (Theoretical and Methodological Problems) / Oskamytniy Vitaliy Vasilievich. – Kiev, 1990.
3. Smolyarchuk V. I. Giants and Masters of Word (Russian Judicial Orators of the Second Half of the XIXth – Early XXth Century) / V. I. Smolyarchuk. – M., 1984.
4. Tyurina N. I. Legitimate Behavior as Object of Legal Study / Tyurina Natalya Ivanovna / – Saratov, 2003.
5. Cherdantsev A. F. Theory of State and Law / A. F. Cherdantsev. – M., 2002.

Я. Л. Петрова,
 аспирант кафедры теории
 и истории государства и права
 Ярославского государственного
 университета им. П. Г. Демидова

Ja. L. Petrova,
 post-graduate student of the Department
 of Theory and History of State and Law
 of Yaroslavl State University
 named after P. G. Demidov

ЭЛЕМЕНТНЫЙ СОСТАВ ВНЕШНЕЙ СТОРОНЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ АНТИКУЛЬТУРЫ

Element Structure of the Outer Side of Legal Anticulture

Аннотация. В статье дается понятие юридической антикультуры, в рамках ее логической структуры рассматриваются внешняя сторона юридической антикультуры и ее элементы (объект, предмет, субъект и т. д.), раскрывается понятие каждого элемента.

Ключевые слова: право, юридическая антикультура, логическая структура, внешняя сторона, объект, предмет, субъект, действие, бездействие, средства, способы, результат, причинно-следственная связь.

Abstract. In the article the concept of legal anticulture is defined, within the framework of its logic structure the outer side of legal anticulture and its elements (object, subject, subject-matter) are considered and the concept of each element is disclosed.

Key words: a right, legal anticulture, logic structure, outer side, object, subject, subject-matter, action, inaction, means, ways, result, cause-and-effect relation.

В нашем обществе наряду с позитивными правовыми явлениями существуют такие процессы и состояния, которые оказывают отрицательное влияние на развитие гражданского общества. Это правонарушения, преступления, иное противоправное поведение, конфликты, пробелы и коллизии в праве, ошибочная юридическая деятельность и т. д. Начиная с 90-х гг. XX в., в эпоху распада Советского Союза и становления Российской Федерации, в теории государства и права социальные отклонения активно изучались, в науке были предприняты попытки объединить все негативные проявления социально-правовой среды в одно понятие. В качестве таких терминов предлагали следующие варианты: «правовой нигилизм», «деформация правосознания», «правовой идеализм», «правовой негативизм» и др. (см., напр.: Гойман В. Правовой нигилизм: пути преодоления // Сов. юстиция. 1990. № 9; Матузов Н. И. Правовой нигилизм и правовой идеализм как две стороны «одной медали» // Правоведение. 1994. № 2; Петров В. Р. Деформация правосознания граждан России. Проблемы теории и практики : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2000). Наиболее емким, отражающим признаки всех негативных процессов и состояний, происходящих в правовой системе общества, является, на наш взгляд, термин «юридическая антикультура».

Под юридической антикультурой в современной науке понимаются «определенное качественное состояние и уровень развития правовой системы, которые проявляются в совокупности всех

юридических антиценностей, образующих деструктивный пласт правосознания и юридической деятельности отдельных людей, их коллективов, классов, социальных слоев, групп и общества в целом» (Карташов В. Н. Теория правовой системы общества : учеб. пособие. Ярославль, 2006. Т. 2. С. 102).

Анализ современного российского законодательства и научной юридической литературы позволил нам сделать вывод о слабой разработанности такого вопроса, как логическая структура юридической антикультуры. Между тем его подробное исследование позволит более полно, глубоко и системно раскрыть понятие юридической антикультуры.

Общее понятие логической структуры дает В. Н. Карташов, однако при этом указывает, что более глубокое изучение данной проблемы не входит в его планы и, без сомнения, ждет своих исследователей (Там же. С. 114).

А. С. Бондарев пишет, что правовая антикультура имеет двухуровневую структуру. Первая часть правовой антикультуры – это общая ее часть, которая проявляется в антиправовой деятельности субъектов права в сфере объективного права, а вторая – статусно-ролевая часть, предстающая перед нами в образе антиправовой деятельности субъектов права в процессе реализации ими своих статусно-ролевых субъективных юридических прав и обязанностей (Бондарев А. С. Юридическая ответственность и безответственность – стороны правовой культуры и антикультуры субъектов права. СПб., 2008. С. 106–108).

Данная точка зрения, на наш взгляд, является недоработанной в связи с тем, что юридическая ан-

тикультура – сложное явление, которому свойственна полиструктурность, т. е. взаимопереплетение разнокачественных подсистем, образующих несколько связанных между собой иерархических структур (генетической, логической и др.).

Логическая структура юридической антикультуры отражает взаиморасположение и взаимосвязи ее составных частей, ее устройство (строение).

В структуре юридической антикультуры можно выделить две крупные подсистемы: внешнюю – видимую и внутреннюю – невидимую стороны. В обществе юридическая антикультура проявляется через свою внешнюю сторону, поэтому данная подсистема представляется нам более интересной. В связи с этим в рамках настоящей статьи мы рассмотрим лишь внешнюю сторону юридической антикультуры как часть ее логической структуры.

Прежде всего, нужно определить понятие внешней стороны юридической антикультуры. По мнению А. С. Бондарева, внешняя, т. е. видимая, сторона юридической антикультуры – это неправомерное поведение субъектов права, а невидимая находится внутри правосознания последних (Там же. С. 100).

Однако, с нашей точки зрения, неверно сводить внешнюю сторону юридической антикультуры только к неправомерному поведению субъектов права. Это еще и видимое проявление юридических антиценностей, выраженное в определенных предметах, процессах и состояниях внешнего мира и деятельности отдельных людей, их коллективов, классов, социальных слоев, групп и общества в целом.

Кроме неправомерного поведения, в данную подсистему входят и другие элементы.

Нам представляется целесообразным выделить следующие элементы внешней стороны юридической антикультуры.

1. *Объект юридической антикультуры.* Согласно толковому словарю С. И. Ожегова объект – это, во-первых, то, что существует вне нас и независимо от нашего сознания, внешний мир, материальная действительность; во-вторых, явление, предмет, на который направлена какая-нибудь деятельность, например, объект изучения (Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1960. С. 428).

Большинство ученых, характеризуя антисоциальные правовые явления, указывают на объект юридической антикультуры. Так, М. Е. Панкратова, характеризуя юридический нигилизм, считает, что это комплексное опасное социально-деструктивное правовое явление, которое масштабно поглощает и деформирует большинство сфер общественной, культурной, политической (правовой) жизни общества и государства; оказывает значительное влияние на формирование

правосознания широких масс населения (Панкратова М. Е. Современное толкование понятия «юридический нигилизм» // История государства и права. 2007. № 7. С. 5).

Юридическая антикультура оказывает влияние на общественные отношения, государственный строй, политическую, культурную жизнь и т. д. (Напр.: Карташов В. Н., Вантеева Н. В. Ошибочная юридическая деятельность органов местного самоуправления (некоторые методологические, теоретические и практически-прикладные аспекты проблемы). Ярославль, 2010. С. 53).

Таким образом, объектом юридической антикультуры являются любые процесс и (или) состояние общества и государства, подвергающиеся ее действию.

2. *Предмет юридической антикультуры.* Предмет есть всякое материальное явление, вещь, находящиеся в рамках, границах объекта (Ожегов С. И. Указ. соч. С. 570). А. С. Бондарев полагает, что правовая антикультура может быть материализована и выражена в тех или иных предметах (Бондарев А. С. Указ. соч. С. 100). Действительно, в процессе воздействия юридической антикультуры на объект неизменно затрагиваются и преобразуются под ее влиянием предметы материального мира.

К предметам юридической антикультуры относится всякое материальное явление, преобразованное вследствие воздействия юридической антикультуры на процессы и состояние общества и государства. Например, незаконные акты органов государственной власти, неправильные акты толкования права, ошибки ученых-юристов и т. д.

3. *Субъектами юридической антикультуры* являются физические и юридические лица, носители юридических антиценностей. Например, граждане, ученые-юристы, чиновники, преступные группы, незаконные формирования, государственные и иные компетентные органы.

4. *Объективная сторона юридической антикультуры.* Во внешнем мире юридическая антикультура проявляется через объективную сторону. Она состоит из действий (например, совершение преступления, издание заведомо противоправного акта) и бездействия (игнорирование чиновником жалоб граждан) субъектов юридической антикультуры.

5. *Средства и способы юридической антикультуры.* В своей деятельности субъекты юридической антикультуры пользуются общесоциальными, специально-юридическими и техническими средствами. Однако эти средства пропущены через призму антиценностей. К общесоциальным средствам в данном случае относятся все антисоциальные нормы, противоречащие нормам морали, нравственности, религии, а также общесоциальные нормы, не точно, не полностью или не верным об-

разом истолкованные. В качестве специально-юридических средств можно назвать переименованные, «как бы вывернутые наизнанку» субъектами юридической антикультуры юридические нормы, нормативно-правовые, правоприменительные, интерпретационные и распорядительные акты, решения судов (Напр.: Алексеев С. С. Правовые средства: постановка проблемы, понятия, классификация // Сов. государство и право. 1987. № 6. С. 14). Технические средства представлены приборами, инструментами, приспособлениями, фото-, видеоаппаратурой.

Юридическая антикультура использует различные способы в достижении своих целей, например, игнорирование закона, нарушение определенной процедуры, сроков и т. д. Они могут быть антиправовыми и антисоциальными, общими и конкретными, индивидуальными и коллективными.

6. *Результатом юридической антикультуры* всегда выступает вред. Различают вред юридический или общесоциальный, потенциальный или причиненный общественным интересам, имуществу, жизни или здоровью людей.

Библиографический список

1. *Бондарев А. С.* Правовая антикультура в правовом пространстве общества / А. С. Бондарев. – Пермь, 2006.
2. *Бондарев А. С.* Юридическая ответственность и безответственность – стороны правовой культуры и антикультуры субъектов права / А. С. Бондарев. – СПб., 2008.
3. *Карташов В. Н.* Ошибочная юридическая деятельность органов местного самоуправления (некоторые методологические, теоретические и практически-прикладные аспекты проблемы) / В. Н. Карташов, Н. В. Вантеева. – Ярославль, 2010.
4. *Карташов В. Н.* Теория правовой системы общества : учеб. пособие. В 2 т. Т. 2 / В. Н. Карташов. – Ярославль, 2006.

7. *Причинно-следственная связь* между совершенными действиями (бездействием) субъектов юридической антикультуры и определенными вредными последствиями – также важнейший элемент внешней стороны юридической антикультуры (см., напр.: Карташов В. Н., Вантеева Н. В. Указ. соч. С. 56).

В заключение необходимо отметить, что все указанные элементы внешней стороны логической структуры юридической антикультуры выделены условно. В конкретных правоотношениях они неразрывно связаны и обладают качеством системности. В то же время такое структурирование призвано помочь практическим работникам и средствам массовой информации в своей деятельности, официально-деловой и публицистической литературе не подменять понятие юридической антикультуры как более широкое более узким (например, юридический нигилизм). Оно позволяет полно и глубоко понять каждое конкретное негативное явление в обществе, выявить его слабые стороны. Только после этого можно определить меры борьбы с данным явлением и юридической антикультурой в целом.

References

1. *Bondarev A. S.* Legal Anticulture in the Legal Space of Society / A. S. Bondarev. – Perm, 2006.
2. *Bondarev A. S.* Legal Responsibility and Irresponsibility – Parties to the Legal Culture and Anticulture of Subjects of Law / A. S. Bondarev. – SPb., 2008.
3. *Kartashov V. N.* Erroneous legal activity of Bodies of Local Self-Government (Some Methodological, Theoretical and Practically-Applied Aspects of the Problem) / V. N. Kartashov, N. V. Vanteeva. – Yaroslavl, 2010.
4. *Kartashov V. N.* Theory of the Legal System of Society. In 2 vol. Vol. 2 / V. N. Kartashov. – Yaroslavl, 2006.

М. В. Сербин,

заместитель заведующего кафедрой гражданского права Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения
кандидат юридических наук, доцент

M. V. Serbin,

Deputy Chief of the Department of Civil Law of Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation
Candidate of Law, Assistant professor

ОСОБЕННОСТИ УЧАСТИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ НА ОТДЕЛЬНЫХ СТАДИЯХ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА

Features of Participation of Political Parties at Certain Stages of the Electioneering Process

Аннотация. В статье рассматриваются отдельные аспекты участия политических партий в избирательном процессе в Российской Федерации. Наибольшее внимание уделено таким стадиям избирательного процесса, как регистрация кандидатов, предвыборная агитация, формирование избирательных комиссий (с участием политических партий).

Ключевые слова: политические партии, избирательный процесс, выборы, предвыборная агитация, избирательные комиссии, избиратель.

Abstract. The article considers certain aspects of participation of political parties in the electioneering process of the Russian Federation. Much attention is paid to such stages of the electioneering process as registration of candidates, pre-election campaigns, formation of election committees (with participation of political parties).

Key words: political parties, electioneering process, elections, pre-election campaign, election committees, a voter.

В соответствии с действующим избирательным законодательством Российской Федерации основными стадиями избирательного процесса являются: 1) назначение выборов; 2) образование избирательных округов, в том числе единого избирательного округа, избирательных участков, составление списков избирателей на основе сведений о государственной регистрации (учете) избирателей; 3) выдвижение кандидатов (списков кандидатов) и их регистрация; 4) информационное обеспечение выборов и проведение предвыборной агитации; 5) голосование и определение итогов голосования, установление результатов выборов, их официальное опубликование (публикация) (Головин А. Г. Избирательное право России : курс лекций для студентов юрид. вузов и фак. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2007. С. 37).

Рассмотрим особенности участия политических партий на некоторых стадиях избирательного процесса в Российской Федерации.

Анализируя стадию выдвижения кандидата (списка кандидатов), необходимо отметить, что сегодня в России политические партии являются, пожалуй, основным субъектом выдвижения кандидатов на выборные должности. Так, Федеральный закон от 18 мая 2005 г. № 51-ФЗ (ред. от 23 февр. 2011 г. № 17-ФЗ) «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» предусматривает, что непосредственное выдвижение кандидатов может быть осуществлено путем выдвижения спис-

ка кандидатов политической партией (Рос. газ. 2005. 24 мая ; 2011. 25 февр.). В этой связи нельзя не отметить то обстоятельство, что беспартийный гражданин Российской Федерации фактически утратил возможность быть избранным в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации. Аналогичным образом кандидаты на должность Президента Российской Федерации могут быть выдвинуты политическими партиями, имеющими право принимать участие в выборах или в порядке самовыдвижения (О выборах Президента Российской Федерации : федер. закон от 10 янв. 2003 г. № 19-ФЗ (ред. от 28 дек. 2010 г. № 404-ФЗ) // Рос. газ. 2003. 16 янв. ; 2010. 30 дек.).

При этом выдвижение кандидата возможно только в случае, если данный кандидат обладает пассивным избирательным правом.

Важной особенностью на данной стадии избирательного процесса является установленная норма о том, что «политическая партия не вправе выдвигать кандидатами в депутаты, в том числе в составе списков кандидатов, и на иные выборные должности в органах государственной власти и органах местного самоуправления граждан Российской Федерации, являющихся членами иных политических партий» (Елисеев С. М. Политическая социология. СПб., 2007. С. 281).

Кроме того, выдвижение кандидата возможно при условии представления лицом (каждым из выдвинутых лиц) письменного заявления о согласии баллотироваться, в котором указываются сведения биографического характера, занимае-

мая должность, сведения о судимостях, гражданстве, образовании, основном месте работы, размерах и источниках доходов, об имуществе, о вкладах в банках и т. п., а также дается обязательство в случае избрания прекратить деятельность, не совместимую со статусом депутата или с замещением иной выборной должности.

Политическая партия в случае выдвижения ею кандидата (списка кандидатов) и последующей регистрации этого кандидата (списка кандидатов) избирательной комиссией не позднее чем за 10 дней до дня голосования обязана опубликовать свою предвыборную программу не менее чем в одном государственном или муниципальном периодическом печатном издании, а также разместить ее в Интернете. Обязательная публикация программы партии предусматривается и в случае выдвижения партией кандидата на должность Президента Российской Федерации (Ершов В. А. Основы избирательного права Российской Федерации : учеб. пособие для студентов вузов. М., 2008. С. 146).

Не менее важной (а быть может и самой главной) особенностью данной стадии является обязательное участие политической партии в выборах. После чего согласно Федеральному закону от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ (ред. от 3 нояб. 2010 г. № 289-ФЗ) «О политических партиях» политическая партия предоставляет в уполномоченный орган сведения об участии в выборах. В противном случае в соответствии с ч. 2 ст. 37 указанного закона «политическая партия, не принимавшая в течение пяти лет подряд участия в выборах... подлежит ликвидации» (Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 29, ст. 2950 ; 2010. № 45, ст. 5754). При этом попытки, даже неоднократные, такого участия с выдвижением кандидатов и списков кандидатов, не зарегистрированных либо зарегистрированных, но по тем или иным причинам «не дошедших» до дня голосования, в расчет не принимаются. Не учитывается участие в выборах (и даже победа в них) также тех кандидатов, которые являются членами партии, но выдвигались в порядке самовыдвижения.

Согласно ч. 1 ст. 37 Федерального закона «О политических партиях» «политическая партия считается участвующей в выборах в одном из следующих случаев проведения голосования на выборах за:

а) выдвинутый ею и зарегистрированный федеральный список кандидатов в депутаты Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации...

в) выдвинутого ею и зарегистрированного кандидата на должность Президента Российской Федерации...

д) выдвинутых ею и зарегистрированных кандидатов (списки кандидатов) в депутаты законо-

дательных (представительных) органов субъектов Российской Федерации не менее чем в 20 процентах субъектов Российской Федерации;

е) выдвинутых ею и зарегистрированных кандидатов (списки кандидатов) на выборах в органы местного самоуправления более чем в половине субъектов Российской Федерации).

Законодательство провозглашает принцип равенства кандидатов, и это означает, что все кандидаты имеют одинаковые права (например, право иметь доверенных лиц, самостоятельно избирать формы своей агитационной деятельности), несут одинаковые обязанности (представлять финансовые отчеты о расходовании средств из избирательного фонда), должны соблюдать одинаковые запреты (кандидаты не вправе использовать преимущества своего должностного или служебного положения в целях выдвижения или избрания), а зарегистрированные кандидаты имеют одинаковые гарантии своей деятельности (в области обеспечения трудовых прав, особого порядка привлечения к уголовной или административной ответственности).

Таким образом, еще раз подчеркнем то обстоятельство, что участие политических партий в стадии избирательного процесса в форме выдвижения кандидатов является не только правом политической партии, но и обязанностью.

После выдвижения кандидата (списка кандидатов) политическая партия участвует в стадии агитации избирателей в форме непосредственного осуществления последней.

По мнению И. В. Выдрина, «предвыборная агитация – один из самых важных и одновременно сложных этапов избирательной кампании. Она представляет собой деятельность, складывающуюся из определенных избирательным законодательством действий, направленных на формирование у избирателей положительного или отрицательного образа претендента и имеющих целью побудить их к голосованию за кандидата или против него» (Выдрин И. В. Избирательное право Российской Федерации. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2009. С. 173).

Особенностью стадии агитации является, например, то, что на выборах Президента Российской Федерации бесплатное эфирное время, бесплатная печатная площадь предоставляются, помимо самих кандидатов, также политическим партиям, выдвинувшим зарегистрированных кандидатов, что, естественно, увеличивает шансы на избрание таких кандидатов. Для проведения предвыборной агитации политическим партиям, выдвинувшим зарегистрированных кандидатов, отводится одна треть общего объема бесплатного эфирного времени, кроме бесплатного эфирного времени, предоставляемого при повторном голосовании,

выделяемого государственными организациями телерадиовещания.

Еще одной особенностью является обязанность государственных органов и органов местного самоуправления содействовать зарегистрированным кандидатам, избирательным объединениям, инициативной группе по проведению референдума в организации и проведении собраний, встреч с избирателями, публичных дебатов и дискуссий, митингов, демонстраций и шествий (Безруков А. В., Бендюрина С. В., Игнатенко В. В. Конституционное право России : учебник. 4-е изд. перераб. и доп. М., 2010. С. 356).

Согласно позиции Конституционного Суда Российской Федерации, выраженной в постановлении от 16 июня 2006 г. № 7-П «По делу о проверке конституционности ряда положений статей 48, 51, 52, 54, 58 и 59 Федерального закона “Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации” в связи с запросом Государственной Думы Астраханской области», «граждане, не являющиеся кандидатами и не выступающие от имени кандидатов, избирательных объединений в установленном законом порядке, вправе проводить предвыборную агитацию в таких формах и такими методами, которые не требуют финансовых затрат: они могут организовывать агитационные публичные мероприятия и участвовать в них, осуществлять устную агитацию, агитировать иными способами. При наличии согласия кандидата, избирательного объединения граждане имеют возможность проводить предвыборную агитацию в рамках предоставляемых кандидату, избирательному объединению эфирного времени и печатной площади, а также создавать и распространять печатные, аудиовизуальные и иные агитационные материалы, при том что соответствующие финансовые затраты производятся исключительно за счет средств избирательного фонда» (Вестн. Конституц. Суда Рос. Федерации. 2006. № 4).

Помимо этого, согласно п. «г» ч. 3 ст. 48 Федерального закона от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ (ред. от 20 марта 2011 г. № 38-ФЗ) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» допускается проведение агитации любыми не запрещенными законом методами (Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 24, ст. 2253 ; Рос. газ. 2011. 25 марта).

Конкуренция среди политических партий является одним из единственных эффективных механизмов стимулирования власти в области непосредственного осуществления полномочий в интересах населения. Однако можно встретить так называемую недобросовестную конкуренцию, когда политическая партия осуществляет распро-

странение информации, искажающей действительность, очерняющей честь другого политического объединения, и т. д. Как правило, если данные сведения распространяются через средства массовой информации и рассчитаны на привлечение, «переманивание» на свою сторону избирателя, то для юридической «чистоты» чаще всего не приводятся конкретные названия, факты и т. д., а лишь аналогия. В качестве иллюстрации приведем выдержку из информационной листовки, отражающей деятельность политической партии «Справедливая Россия» (данный агитационный материал свободно раздавался предположительно активистами данной партии около одной из станций метро Санкт-Петербурга в апреле 2010 г.): «СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ в отличие от “Единой России” борется за власть народа, а не за власть номенклатуры. СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ – партия людей труда, партия бюджетников, а не чиновников и работодателей. “Единая Россия” – бюрократическая корпорация, сообщество чиновников всех мастей. Им важен крупный собственник, госчиновник, а не простой человек. Их задача – защитить свое монопольное положение в системе власти... СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ в отличие от КПРФ строит новый социализм, опираясь на международный социал-демократический опыт. КПРФ призывает вернуться в прошлое, в эпоху пустых прилавков» (URL: http://www.spravedlivo-online.ru/pdf/korotko_o_glavnom.pdf).

Подобных примеров (причем с участием разных политических партий) можно привести множество, однако следует отметить, что в большинстве случаев происходит завуалированное искажение действительности для того, чтобы себя представить в более выгодном свете по сравнению с другими политическими объединениями. К сожалению, в результате таких политических «игрищ» страдает рядовой избиратель, которого либо вводят в заблуждение, либо обещают ему все, что только он может пожелать (например, пенсии в размере 40 000 рублей). В конечном счете данный гражданин не будет участвовать в выборах вообще, потеряв хоть какую-то надежду на законность выборов, или же придя на выборы, станет поддерживать не известных ему кандидатов, которые покажутся ему более честными и порядочными благодаря сведениям о них, расположенным на агитационном стенде.

На законодательном уровне агитационная деятельность строго регламентирована, установлены нормы-запреты, условия проведения агитации, и в случае полнейшего и безоговорочного соблюдения всех этих мер в нашей стране был бы гармоничный избирательный процесс, в том числе и без судебных тяжб.

Помимо проводимой предвыборной агитации, после регистрации кандидат обязан сформиро-

вать избирательный фонд и представить избирательной комиссии отчеты о размерах и обо всех источниках создания своего избирательного фонда, а также обо всех произведенных затратах.

Особенностью формирования избирательного фонда является то, что на законодательном уровне запрещено внесение пожертвования в избирательные фонды кандидатов, зарегистрированных кандидатов, избирательных объединений: иностранным государствам и иностранным организациям; иностранным гражданам, за исключением случаев, когда они согласно закону имеют право избирать и быть избранными в органы местного самоуправления; лицам без гражданства; гражданам Российской Федерации, не достигшим возраста 18 лет; российским юридическим лицам с иностранным участием, если доля иностранного участия в их уставном (складочном) капитале превышает 30 % на день официального опубликования решения о назначении выборов; международным организациям и международным общественным движениям; органам государственной власти, иным государственным органам, органам местного самоуправления; государственным и муниципальным учреждениям и унитарным предприятиям; юридическим лицам, в уставном (складочном) капитале которых доля России, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований превышает 30 % на день официального опубликования решения о назначении выборов; воинским частям, военным учреждениям и организациям, правоохранительным органам; благотворительным и религиозным организациям; анонимным жертвователям; юридическим лицам, зарегистрированным менее чем за один год до дня голосования на выборах или референдуме.

Помимо рассмотренных стадий избирательного процесса, политические партии имеют право на выдвижение кандидатур в состав избирательных комиссий различного уровня (Заславский С. Е. Политические партии России: Проблемы правовой

институционализации. М., 2003. С. 101). Составы избирательных комиссий в связи с действующим законодательством о выборах формируются на основе предложений политических партий, избирательных объединений, выдвинувших списки кандидатов и допущенных к распределению депутатских мандатов в Государственной Думе, законодательном (представительном) органе государственной власти субъекта Российской Федерации, представительном органе местного самоуправления (Выдрин И. В. Указ. соч. С. 66).

Участие членов различных политических партий в работе избирательных комиссий (в частности, участковых) способствует минимизации фактов нарушения избирательного законодательства в период регистрации кандидатов, голосования и подсчета голосов, что неуклонно ведет к чистоте и прозрачности избирательного процесса в целом.

Таким образом, существует много особенностей участия политической партии в избирательном процессе, которые вытекают из форм участия данных избирательных объединений в электоральном процессе.

Однако приходится констатировать, что современная партийная система России переживает кризис в связи с тем, что за последние пять лет количество официально зарегистрированных политических партий в России сократилось с 14 до 7. Это говорит о том, что, с одной стороны, значительно ужесточены нормы действующего законодательства, регулирующие порядок создания, регистрации и дальнейшей деятельности политических партий, а с другой стороны, отсутствует реальная оппозиция существующей партии власти. Данные обстоятельства, безусловно, ведут к снижению эффективности института многопартийности в Российской Федерации, стагнации и деградации политических процессов, протекающих в России, что в общей сложности снижает уровень демократии в нашей стране.

Библиографический список

1. Безруков А. В. Конституционное право России : учебник / А. В. Безруков, С. В. Бендюрина, В. В. Игнатенко. – 4-е изд., перераб. и доп. – М., 2010.
2. Выдрин И. В. Избирательное право Российской Федерации / И. В. Выдрин. – 3-е изд., перераб. и доп. – М., 2009.
3. Головин А. Г. Избирательное право России : курс лекций для студентов юрид. вузов и фак. / А. Г. Головин. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 2007.
4. Елисеев С. М. Политическая социология / С. М. Елисеев. – СПб., 2007.
5. Ершов В. А. Основы избирательного права Российской Федерации : учеб. пособие для студентов вузов / В. А. Ершов. – М., 2008.

References

1. Bezrukov A. V. Constitutional Law of Russia / A.V. Bezrukov, S.V. Bendyurina, V.V. Ignatenko. – 4th ed., rev. and enl. – М., 2010.
2. Vydrin I. V. Election Law of the Russian Federation / I. V. Vydrin. – 3rd ed., rev. and enl. – М., 2009.
3. Golovin A. G. Election Law of Russia / A. G. Golovin. – 2th ed., rev. and enl. – М., 2007.
4. Eliseev S. M. Political Sociology / S. M. Eliseev. – SPb., 2007.
5. Ershov V. A. Basics of the Election Law of the Russian Federation / V. A. Ershov. – М., 2008.

Л. А. Сиверская,
соискатель факультета подготовки
научно-педагогических кадров
ВЮИ ФСИН России

L. A. Siverskaya,
applicant of the Faculty of Research
and Teaching Staff Training
of VLI of the FPS of Russia

РАССМОТРЕНИЕ СООБЩЕНИЯ О ПРЕСТУПЛЕНИИ КАК УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ

Considering Report about Crime as a Criminal and Procedural Institution

Аннотация. В статье анализируется уголовно-процессуальная деятельность на стадии возбуждения уголовного дела по рассмотрению сообщения о преступлении как уголовно-процессуальный институт, раскрываются его понятие, содержание и значение, предлагаются пути усовершенствования.

Ключевые слова: стадия возбуждения уголовного дела, понятие, содержание и значение рассмотрения сообщения о преступлении.

Abstract. In this article the author analyzes the criminal-procedural activity at the stage of instituting a case before a court for considering the report about a crime as a criminal-procedural institution. As well the author discloses its notion, content and meaning and offers ways of improving it.

Key words: stage of institution of legal proceedings, notion, content and meaning of considering a report about crime.

Уголовное судопроизводство, назначение которого, в частности, состоит в «защите прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений» (п. 1 ч. 1 ст. 6 УПК РФ), является одним из направлений реализации государственной власти в сфере противодействия преступности и эффективным правовым механизмом защиты прав и свобод человека и гражданина. В практической деятельности по уголовному преследованию лиц, совершивших преступление, реализация основного назначения уголовного судопроизводства, изложенного в ст. 6 УПК РФ, начинается с досудебного производства, первоначальной стадией которого является стадия возбуждения уголовного дела. «Важным, необходимым и обязательным элементом процессуальной деятельности первоначальной стадии процесса по каждому поводу о преступлении» (Березина Л. В. Доказывание в стадии возбуждения уголовного дела по УПК РФ : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2003. С. 118) является деятельность уполномоченных законом должностных лиц по рассмотрению сообщения о преступлении. Выполняя предписания закона, «дознатель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа обязаны принять, проверить сообщение о любом совершенном или готовящемся преступлении... и принять по нему решение в срок не позднее суток со дня поступления указанного сообщения» (ч. 1 ст. 144 УПК РФ). Целью данной деятельности является защита прав и законных интересов граждан, обеспечение беспрепятственного доступа к правосудию, установление наличия или отсутствия условий, необходимых для возбуждения уголовного дела, отказа в таковом

или передачи по подследственности. О доминирующем значении этой деятельности в первой стадии досудебного производства свидетельствует тот факт, что многие ученые-процессуалисты, исследующие вопросы оптимизации стадии возбуждения уголовного дела, предлагали изменить ее название. В качестве альтернативы предлагалось использовать термины «проверка», «рассмотрение сообщения о преступлении».

В уголовно-процессуальной доктрине по поводу данной проблемы сложилось в основном три позиции. Сторонники первой предлагают следующие варианты названия: «рассмотрение (проверка) заявлений и сообщений о преступлениях» (Афанасьев В. С., Сергеев Л. А. Рассмотрение сообщений о преступлениях. М., 1972 ; Бородин С. В. Разрешение вопроса о возбуждении уголовного дела – стадия советского уголовного процесса // Тр. ВНИИ МВД СССР. 1972. № 23. С. 67 ; Павлов Н. Е. Рассмотрение криминальной милицией заявлений и сообщений о преступлениях организованных групп и преступных сообществ. М., 1996); «проверка и разрешение заявлений и сообщений о преступлениях» (Балашов А. Б. Действительно ли возбуждение уголовного дела первоначальная стадия процесса? // Соц. законность. 1989. № 8 ; Матусевич Г. В. Поводы и основания для возбуждения уголовного дела : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004); «рассмотрение сообщений о совершенных преступлениях» (Васильев А. Н. Рассмотрение сообщений о совершенных преступлениях. М., 1955 ; Рассмотрение органами дознания заявлений и сообщений о преступлениях : учеб. пособие / С. П. Щерба [и др.]. М., 1987); «рассмотрение и разрешение сообщений о преступлениях» (Копылова О. П. Проверка заявлений и сообщений о преступлениях.

СПб., 1999. С. 11 ; Митрофанова Е. В. Действие принципа состязательности сторон на досудебных стадиях уголовного процесса : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2004. С. 14).

Другая точка зрения более консервативна. Ее авторы позиционируют сохранение привычного названия стадии, однако выделяют в ней нормы самостоятельного уголовно-процессуального института проверки сообщения о преступлении (Химичева Г. П. Досудебное производство по уголовным делам: концепция совершенствования уголовно-процессуальной деятельности. М., 2003).

И наконец, третья, более умеренная позиция, представители которой считают, что «существующие споры ученых-юристов не имеют под собой веских оснований. Суть начальной стадии уголовного судопроизводства от иного ее наименования измениться не может» (Иващенко Ю. А. Правовое обеспечение быстрого реагирования органов предварительного расследования на преступления : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 43).

Несмотря на позитивное утверждение авторов последней позиции, дискуссия до настоящего времени сохраняет свою остроту и актуальность (Бессонов А. А. К вопросу о стадиях досудебного уголовного судопроизводства // Рос. судья. 2008. № 7 ; Полищук Н. И. Новый взгляд на стадии уголовного процесса // Соврем. право. 2009. № 6 ; Удовыдченко И. В. Процессуальные способы проверки сообщения о преступлении на стадии возбуждения уголовного дела : дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2008). К числу причин столь паллиативных суждений большинство исследователей относят несовершенство действующего УПК РФ, наличие в нем противоречий и серьезных пробелов процессуальной регламентации первоначального этапа досудебного производства. Не способствуют стабильности нормативных предписаний и многочисленные нормативные правовые акты федеральных ведомств, которые не только не корреспондируют нормам УПК РФ, но и достаточно противоречивы и несогласованны между собой.

Мы с уважением относимся к мнениям различных авторов, полагая, что в суждениях сторонников каждой из трех позиций есть рациональное зерно, однако предлагаем свое видение этого вопроса. Название гл. 19 УПК РФ «Поводы и основания для возбуждения уголовного дела» не отражает сущности целей и задач собственно деятельности по рассмотрению сообщений о преступлении, не устанавливает оптимальных параметров форм реагирования на сообщение о преступлении и алгоритма действий правоприменителя. Результаты рассмотрения сообщения о преступлении являются фактической и правовой основой для возбуждения уголовного дела, а это обуславливает необходимость определения четких и конкретных рамок правового пространства

регулируемой деятельности. В связи с вышеизложенным мы предлагаем выделить новеллы уголовно-процессуального закона, посвященные деятельности, связанной с рассмотрением сообщений о преступлении, в отдельную главу разд. VII УПК РФ и озаглавить ее «Рассмотрение и разрешение сообщений о преступлении». Понимая, что подобные заявления нуждаются в развернутой аргументации, полагаем, что столь нестандартный подход позволит разрешить ряд следующих проблемных вопросов.

Во-первых, положит конец дискуссии о содержании и сущности стадии возбуждения уголовного дела, примирит сторонников различных позиций и переведет научные споры в плоскость дальнейших исследований.

Во-вторых, позволит отделить фактическую и юридическую основу для возбуждения уголовного дела (поводы и основания) от деятельности по рассмотрению сообщений о преступлении. Это, на наш взгляд, соответствует законам формальной логики, юридико-техническим требованиям конструкции раздела, приводит его структуру к «стройному внутреннему единству» (Гирько С. И. Уголовно-процессуальные функции милиции: теоретические, правовые и прикладные проблемы: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2004. С. 113) и устраняет проблему «процессуальных ребусов» (Бозров В. Лабиринты первой процессуальной стадии // Уголов. право. 2005. № 2) законодательного регулирования. Кроме того, такое название главы является терминологически более удачным, так как четко определяет и саму деятельность, и ее результат.

В-третьих, устранит несоответствие норм ведомственных актов, создаст правовую основу для оптимальной организации деятельности по рассмотрению сообщений о преступлении, наделив должностных лиц законным и эффективным правовым инструментарием.

В-четвертых, «подчинит деятельность правоприменителей установленным процессуальным нормам, окажет мобилизирующее воздействие на уполномоченных лиц, приучая их неукоснительно следовать предписаниям закона» (Меликян М. Н. Процессуальные и криминалистические аспекты предварительной проверки заявлений и сообщений о преступлениях : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 1998).

В-пятых, позволит решить вопрос о выделении норм, регламентирующих рассмотрение сообщений о преступлении, в самостоятельный правовой институт.

Необходимо отметить, что в юридической литературе до настоящего времени вопрос о принадлежности этих норм к тому или иному уголовно-процессуальному правовому институту решен неоднозначно. Одни ученые высказывают мнение о том, что данные нормы непосредственно состав-

ляют институт возбуждения уголовного дела. Так, Р. К. Бобров считает, что «совокупность правовых норм, которые определяют порядок приема, рассмотрения, проверки и разрешения заявлений о преступлении», представляют собой институт возбуждения уголовного дела (Бобров Р. К. Стадия возбуждения уголовного дела : учеб. пособие. М., 1997. С. 25). По утверждению О. П. Копыловой, институт возбуждения уголовного дела есть «совокупность норм, регулирующих производство предварительной проверки» (Копылова О. П. Указ. соч. С. 11). По мнению Б. С. Тетерина, данный институт определяется как «совокупность процессуальных норм, регламентирующих основания и порядок деятельности компетентных государственных органов и должностных лиц в связи с поступившими сведениями о преступлении» (Тетерин Б. С., Трошкин В. З. Возбуждение и расследование уголовных дел. М., 1997. С. 5). Аналогичное суждение высказывают Л. Н. Масленникова и Г. П. Химичева (Цит. по: Гирько С. И. Указ. соч. С. 107). Точка зрения других ученых-процессуалистов ограничивается выделением в стадии возбуждения уголовного дела лишь института проверки сообщений о преступлении (Власова Н. А. Проблемы совершенствования форм досудебного производства в уголовном процессе : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001. С. 70). На наш взгляд, оба рассмотренных подхода вызывают возражение, так как исследователи неоправданно сужают границы нормативно-правового регулирования. Сторонниками первой точки зрения не учтены нормы, регламентирующие поводы и основания для возбуждения уголовного дела. Аргументы авторов второго подхода не затрагивают такие аспекты рассмотрения сообщений, как прием, регистрация и разрешение. Многочисленность мнений о месте нормативно-правовых предписаний, регламентирующих деятельность по рассмотрению сообщений о преступлении, приводит к размыванию их роли в регулировании общественных отношений, возникающих в процессе этой деятельности, что, бесспорно, актуализирует исследовательский интерес к теоретическому определению границ ее правовой регламентации и выделению этих правовых норм в самостоятельный правовой институт. В связи с этим необходимо выяснить, отвечают ли эти нормы критериям правового института.

«Используя слово “институт” как научное понятие» (Иоффе О. С. Структурные подразделения системы права (на материалах гражданского права) // Учен. зап. ВНИИСЗ. М., 1968. Вып. 14. С. 51), теоретически обоснуем нашу позицию. Обратимся к анализу понятийного аппарата. В общей теории права под правовым институтом принято понимать «совокупность норм права, обособленных в рамках определенной отрасли права, регулирующих группу взаимосвязанных

общественных отношений, близких между собой по предмету правового регулирования» (Краткий юридический словарь / под ред. М. Ю. Тихомирова. М., 2009. С. 542). По мнению других ученых, правовой институт – это «сравнительно небольшая, устойчивая группа правовых норм, регулирующих более определенную группу общественных отношений, отражающая их своеобразие» (Малько О. В. Теория государства и права : учебник. М., 2008. С. 171). С. С. Алексеев под правовым институтом понимает «совокупность норм, обеспечивающих относительно законченное регулирование в пределах определенного участка общественных отношений данного вида или рода» (Цит. по: Баранов А. М., Марцифин П. Г. Словарь основных уголовно-процессуальных понятий и терминов. URL: <http://law-tech.agava.ru.pub/buppdicl/>).

Анализируя теоретические определения правового института, можно выделить его основные признаки: наличие нормативно-правовых предписаний, представляющих собой систему юридических норм, предмета и метода правового регулирования. Согласно общей теории права норма есть общеобязательное, официально выраженное правило поведения, реализация которого уполномоченными субъектами позволяет урегулировать возникающие общественные отношения по конкретному поводу. Правовые предписания, регламентирующие порядок рассмотрения сообщения о преступлении, не содержатся в едином кодифицированном нормативном акте, а представляют собой комплекс правовых актов, различных по юридической силе. Основным источником является Конституция Российской Федерации, в частности, статьи, которые посвящены защите прав и свобод человека и гражданина на стадии досудебного производства. Правовую основу первой стадии уголовного процесса составляют действующий УПК РФ; федеральные законы: от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (Рос. газ. 1992. 18 февр.), от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации» (Там же. 2010. 30 дек.), от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (Там же. 1995. 18 авг.), от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (Там же. 2011. 8, 10 февр.).

К числу источников, в которых содержатся нормативные предписания, имеющие значение для рассматриваемого института, можно отнести и некоторые международно-правовые документы: договоры, конвенции, правила, стандарты. Нормами, конкретизирующими и детализирующими эту деятельность, являются подзаконные акты. Среди них указы Президента Российской Федерации: от 19 июля 2004 г. № 927 «Вопросы Министерства внутренних дел Российской Федерации» (Там же. 2004. 21 июля), от 5 июня 2003 г. № 613 «О право-

охранительной службе в органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ» (Там же. 2003. 11 июня), от 14 января 2011 г. № 38 «Вопросы деятельности Следственного комитета Российской Федерации» (Там же. 2011. 17 янв.), от 13 октября 2004 г. № 1314 «Вопросы Федеральной службы исполнения наказаний» (Там же. 2004. 19 окт.) и др.

Вышеназванными федеральными ведомствами изданы адресные нормативные документы, регулирующие порядок рассмотрения сообщения о преступлении. Среди них: «Типовое положение о едином порядке организации приема, регистрации и проверки сообщений о преступлениях», утвержденное приказами Генеральной прокуратуры Российской Федерации № 39, МВД России № 1070, Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий № 1021, Минюста России № 253, ФСБ России № 780, Министерства экономического развития и торговли Российской Федерации № 353, ФСКН России № 399 от 29 декабря 2005 г. «О едином учете преступлений» (Там же. 2006. 25 янв.); Инструкция о порядке приема, регистрации и разрешения в органах внутренних дел Российской Федерации заявлений, сообщений и иной информации о происшествиях, утвержденная приказом МВД России от 4 мая 2010 г. № 333 (Там же. 2010. 25 июня); приказы Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 6 сентября 2007 г. № 136 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия» (Законность. 2007. № 11), № 137 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания» (Там же), от 10 сентября 2007 г. № 140 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях в органах дознания и предварительного следствия» (Там же).

Отдельные вопросы находят правовое разрешение в постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 29 апреля 1998 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 113 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с запросом Костомукшского городского суда Республики Карелия» (Рос. газ. 1998. 7 мая); определения Конституционного Суда Российской Федерации: от 27 декабря 2002 г. № 300-О «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 116, 211, 218, 219 и 220 УПК РСФСР в связи с запросом Президиума Верховного Суда Российской Федерации и жалобами ряда граждан» (Там же. 2003. 15 янв.), от 15 апреля 2008 г. № 304-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Андрю-

кова Александра Мамаджановича на нарушение его конституционных прав статьей 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» (Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»); постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2009 г. № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» (Рос. газ. 2009. 18 февр.).

Большинство вышеперечисленных норм не относится к уголовному судопроизводству, однако их правоположения объединяет наличие правовых предписаний, регламентирующих деятельность по рассмотрению сообщений о преступлении. И это, бесспорно, дает нам возможность говорить о совокупности качественно обособленных, взаимосвязанных, но относительно самостоятельных нормативно-правовых предписаний, об их системе.

Для любого правового института обязателен предмет правового регулирования – «фактические отношения людей, объективно нуждающиеся в правовом опосредовании» (Теория государства и права : учебник / отв. ред. В. Д. Перевалов. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2011. С. 461). В процессе осуществления функций по реализации уголовно-процессуальной деятельности на первоначальной стадии уголовного процесса между должностными лицами уполномоченных органов, с одной стороны, и участниками, с другой стороны, объективно существуют правоотношения, связанные с рассмотрением информации о преступлении. Они возникают из установленных законом поводов (юридических фактов), перечисленных в ст. 140 УПК РФ, наполнены конкретным содержанием, которое составляет собственно деятельность по рассмотрению сообщений, имеют свой круг участников, наделенных корреспондирующими правами и обязанностями. Регулятивный характер нормы права проявляется в установлении комплекса процедурных правил, обязательных для выполнения с момента возникновения отношений и до их окончания. Третьим критерием видового разграничения институтов является метод правового регулирования, который представляет собой «совокупность приемов юридического воздействия, их сочетание, характеризующие использование в данной области общественных отношений того или иного комплекса юридических средств» (Алексеев С. С. Восхождение к праву. Поиски и решения. М., 2001. С. 330). Он объединяет объективные и субъективные моменты, произведен от предмета, так как является его вспомогательным элементом и отвечает на вопрос о том, как право регулирует общественные отношения. Применительно к рассматриваемому институту метод регу-

лирования носит характер императивных, государственно-властных предписаний, обязательных для выполнения, определяющих особый процессуальный порядок, способы, приемы и условия процедуры рассмотрения сообщения о преступлении.

Таким образом, общественные отношения, возникающие при осуществлении деятельности по рассмотрению сообщений о преступлении, являются обособленным видом, регламентируются нормативно-правовыми предписаниями, имеющими свой предмет и метод правового регулирования. Приведенные аргументы о наличии всех трех компонентов, составляющих правовой институт, представляются достаточно убедительными для решения вопроса о признании совокупности правовых норм, регламентирующих деятельность по рассмотрению сообщений о преступлениях, в качестве самостоятельного уголовно-процессуального института. В связи с этим наши процессуальные симпатии на стороне авторов, которые считают, что «рассмотрение сообщений о преступлении представляет собой самостоятельный правовой институт, т. е. совокупность норм уголовно-процессуального законодательства, определяющих порядок “производства информации об уголовно наказуемом деянии”» (Гирько С. И. Указ. соч. С. 121). Придание данным нормам статуса самостоятельного процессуального института позволит более четко и детально урегулировать процедурные вопросы рассмотрения сообщения о преступлении, внести разумные предложения по совершенствованию законодательства, повысить ответственность компетентных органов и эффективность реагирования на информацию о совершенном преступлении, укрепить правозащитную и охранительную функции уголовного процесса.

В связи с вышеизложенным считаем необходимым несколько расширить угол зрения на определение института рассмотрения сообщения о преступлении. Институт рассмотрения сообщения о преступлении есть совокупность обособленной группы правовых норм, содержащихся в федеральных, подзаконных и ведомственных актах, регулирующих общественные отношения, возникающие между субъектами деятельности по рассмотрению сообщений о преступлении (приему, регистрации, проверке и принятию решения) и устанавливающих порядок процессуального ведомственного и судебного контроля, прокурорского надзора.

В настоящее время ни УПК РФ, ни федеральные законы, ни ведомственная нормативно-правовая база не дают теоретического определения деятельности по рассмотрению сообщения о преступлении, что, по нашему мнению, является существенным изъяном правовой регламентации и создает определенные трудности при осуществле-

нии нормотворческой деятельности ведомственным законодателем. Непоследовательное и фрагментарное правовое регулирование негативно отражается и на практике правоприменения. Норма, предполагающая многовариантность толкования и субъективного усмотрения, никогда не станет абсолютным императивным правилом. Обращение к доктринальным дефинициям понятийного аппарата «рассмотрение сообщений о преступлении» показало, что ученые-процессуалисты занимались этим вопросом, и в научной литературе имеются теоретические определения данного вида уголовно-процессуальной деятельности.

По мнению Г. П. Химичевой, «рассмотрение сообщения о преступлении есть уголовно-процессуальная деятельность, заключающаяся в системе процессуальных действий и решений по принятию сообщения о преступлении, его проверке и разрешению по существу» (Химичева Г. П. Указ. соч. С. 37).

А. В. Капранов считает, что «рассмотрение данных о совершенном или готовящемся преступлении представляет собой особый вид процессуальной деятельности, образующей начальную стадию уголовного процесса, задачей которой является рассмотрение, а в необходимых случаях и проверка методами, установленными законом, обнаруженных данных о совершенном или готовящемся преступлении, в результате чего принимается решение о возбуждении уголовного дела или отказе в таком» (Капранов А. В. Оптимизация стадии возбуждения уголовного дела : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2005. С. 127).

Н. А. Власова полагает, что «рассмотрение и разрешение сообщений о преступлениях – это самостоятельная и необходимая стадия уголовного процесса, в рамках которой устанавливается наличие или отсутствие фактических и юридических оснований для производства предварительного расследования и возможности применения мер процессуального принуждения (Власова Н. А. Проблемы совершенствования форм досудебного производства в уголовном процессе : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001. С. 87).

Вышеприведенные научные дефиниции отличны по содержанию, несут разную смысловую нагрузку и не лишены недостатков. В них не в полном объеме раскрыты сущность данного вида уголовно-процессуальной деятельности, установленный законом процедурный порядок, не конкретизированы составляющие его элементы. Однако, несмотря на различия в авторских трактовках теоретических понятий, есть то, что их объединяет. Таким связующим элементом, положенным в основание конструирования дефиниции, является признание уголовно-процессуального характера деятельности, осуществляемой в рамках первоначальной стадии уголовного процесса, необходимость которой пред-

определена установлением законности повода и достаточности оснований для принятия решения. Не претендуя на право считаться первым автором абсолютно унифицированного теоретического определения понятия «деятельность по рассмотрению сообщений о преступлении», проведенное исследование данного вопроса позволяет нам предложить свое теоретическое определение. Рассмотрение сообщений о преступлении – уголовно-процессуальная деятельность дознавателя, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа и суда на стадии возбуждения уголовного дела, осуществляемая в пределах компетенции, установленной действующими нормативными актами, по приему, регистрации, проверке поступившего сообщения о совершенном или готовящемся преступлении в целях установления наличия или отсутствия фактических и юридических оснований для принятия законного и обоснованного решения в соответствии с ч. 1 ст. 145 УПК РФ.

Изучая вопрос о содержании исследуемой деятельности, необходимо заметить, что мнения ученых-процессуалистов по данному вопросу также неоднозначны и спорны. Предметом дискуссионного обсуждения стали различные точки зрения на институциональный характер деятельности по рассмотрению сообщений о преступлении. Так, одни исследователи полагают, что деятельность по рассмотрению сообщения о преступлении является содержанием стадии возбуждения уголовного дела (Усачев А. А. Возбуждение уголовного дела в российском уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2003. С. 82). Аналогичным по сути представляется и утверждение М. Г. Ковалевой о том, что «деятельность органов уголовного преследования по разрешению сообщений о преступлениях составляет содержание начальной стадии уголовного судопроизводства» (Ковалева М. Г. Возбуждение уголовного дела и обеспечение его законности и обоснованности : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2005. С. 117). На наш взгляд, такой подход имеет существенные изъяны. Во-первых, эти авторы отождествляют две различные по правовой, процессуальной и теоретической сущности категории. Во-вторых, отдавая приоритет рассмотрению сообщений о преступлении, умалчивают о том, что эта деятельность является всего лишь составляющей частью стадии возбуждения уголовного дела, пусть основной, но все же частью. Рассматривая деятельность в несколько ином ключе, они не ставят акценты на рассмотрении сообщения о преступлении как самостоятельной правовой категории. В своих определениях авторы оперируют исключительно обобщенным понятием «рассмотрение», не раскрывая элементы, его составляющие. За рамками остаются вопросы, которые требуют

разрешения в стадии возбуждения уголовного дела, такие как: «обнаружение преступлений и закрепление его следов» (Каз Ц. М. Пределы доказывания в стадии возбуждения уголовного дела // Вопросы уголовного права, уголовного процесса и криминалистики : учен. зап. Сарат. юрид. ин-та им. Д. И. Курского. Саратов, 1964. Вып. XI. С. 35), «принятие мер по предотвращению или пресечению преступления, обеспечению последующего расследования в соответствии с установленной законом подследственностью» (Ковалева М. Г. Указ. соч. С. 25), «обязательное и своевременное реагирование на каждое сообщение, недопущение фактов необоснованного вовлечения граждан в уголовный процесс, экономию сил и средств правоохранительных органов» (Иващенко Ю. А. Указ. соч. С. 42), предупреждение преступления и др.

В свете дискуссионных научных взглядов по исследуемому вопросу нам ближе позиция тех ученых-процессуалистов, которые не ставят знак равенства между содержанием стадии возбуждения уголовного дела и деятельностью по рассмотрению сообщений о преступлении. В своих авторских дефинициях они больше внимания уделяют приему, проверке и принятию решения как элементам порядка рассмотрения сообщения. Их трактовка дает расширенное толкование понятия, наполняет его конкретным содержанием с учетом деталей и нюансов процессуального механизма. Так, К. В. Капинус полагает, что «разрешение заявлений и сообщений как вид деятельности представляет собой выраженное в процессуальной форме решение специально уполномоченного законом органа либо должностного лица о начале уголовного судопроизводства при наличии оснований и поводов для этого, отказе в осуществлении указанного производства при отсутствии таковых либо определении должностного лица, к подследственности которого относится разрешение заявления» (Капинус К. В. Прокурорский надзор за исполнением законов при разрешении заявлений и сообщений о преступлениях : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 21). Несколько иной оттенок содержанию рассмотрения сообщения о преступлении придает мнение В. В. Аксенова, который считает, что в процессе проведения проверки поступившего сообщения осуществляется уголовно-процессуальное доказывание (Аксенов В. В. Проверка сообщения о преступлении как форма уголовно-процессуального доказывания : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 55). Подобный ракурс взгляда и детализация предмета исследования имеют право на существование, ибо содержание всей деятельности есть концентрированное суммарное выражение ее составляющих элементов. Вышеприведенный аргумент делает ло-

гичной и обоснованной точку зрения С. И. Гирько, который полагает, что содержание есть «обнаружение указанными в законе участниками уголовного судопроизводства наличия или отсутствия в объективной реальности преступления» (Гирько С. И. Указ. соч. С. 123).

Несколько изменив собирательный образ научного взгляда на содержание деятельности по рассмотрению сообщений о преступлении, сформулируем эту теоретическую категорию. Содержание деятельности по рассмотрению сообщения о преступлении представляет собой комплекс уголовно-процессуальных действий, осуществляемых участниками уголовного судопроизводства по приему, регистрации и проверке информации, содержащейся в поступившем сообщении о совершенном или готовящемся преступлении, направленный на установление наличия или отсутствия повода, основания и обстоятельств, подлежащих доказыванию, для принятия законного и обоснованного решения, предусмотренного ч. 1 ст. 145 УПК РФ.

В теоретических исследованиях первоначального этапа уголовного судопроизводства российские ученые-процессуалисты уделяют достаточно внимания его значению. Однако большинство из них анализируют значение стадии возбуждения уголовного дела в целом и мало говорят о значении собственно деятельности по рассмотрению сообщений о преступлении. На наш взгляд, этот институт уголовного процесса незаслуженно обойден вниманием, что вызывает необходимость остановиться несколько подробнее на значении именно этой деятельности. Наше видение ее роли в начальной стадии уголовного процесса базируется на платформе многочисленных исследований ученых-процессуалистов и представляет собой синтез доктринальных утверждений, результатов практической апробации и авторского осмысления теоретических вопросов в контексте современных процессуальных реалий. При определении теоретического понятия категории «значение» мы, используя комплексный и системный подходы, анализируем ее многоаспектно, как совокупность четырех взаимосвязанных между собой и взаимодополняющих друг друга компонентов.

Государственно-социальный компонент значения исследуемого института состоит в том, что государство устанавливает процессуальный порядок осуществления деятельности по рассмотрению сообщения о преступлении, формулируя законодательные предписания в правовых нормах. Для реализации этих правоположений государство наделяет государственно-властными полномочиями должностных лиц прокуратуры, суда, органов дознания и предварительного следствия, каждый из которых, действуя в системе, имеет четко поставленные задачи, строго

определенные функции и необходимый объем процессуальной компетенции. Это делает деятельность реально работающим механизмом государственной политики в сфере борьбы с преступностью. Предоставленная гражданам возможность обжалования действий должностных лиц, установление контроля и надзора со стороны государства за законностью и обоснованностью ее осуществления позволяет сделать данный механизм прозрачным.

Общественно-публичное значение деятельности по рассмотрению сообщений придает двойственный характер роли, которую государство играет в обществе. С одной стороны, государство, осуществляя шаги по реализации взятых на себя обязательств перед своими гражданами, выступает гарантом обеспечения их конституционных прав и свобод, защиты как от преступных посягательств, так и от необоснованного вовлечения в уголовный процесс. Это способствует формированию позитивного общественного мнения, уверенности граждан в стабильности жизни. С другой стороны, учитывая потребность общества и выполняя его социальный заказ, государство выступает организатором борьбы с преступностью и совместно с силами гражданского общества разрабатывает ее стратегию и направления. Условием эффективной борьбы с преступностью является быстрое раскрытие преступления, установление и изобличение виновных лиц, что, как известно, начинается с оперативного реагирования правоохранительных органов на информацию о совершенном или готовящемся преступлении.

Правовой компонент значения определяется тем, что единственной легитимной основой этой деятельности предстают исключительно нормы права, детально регламентирующие ее организационную, процессуальную и правовую составляющие. При конструировании дефиниций действующих законодательных положений используются доктринальные научные достижения и практическая апробация их результатов. Это придает нормам реалистичность и не позволяет превратить их применение в правовой эксперимент. Совокупность правоположений, содержащихся в различных нормативно-правовых источниках, дает возможность говорить о существовании в стадии возбуждения уголовного дела самостоятельного процессуального института рассмотрения сообщения о преступлении. Кроме того, данная деятельность предполагает применение не только норм процессуального права, но и норм материального (уголовного) права. Так, при принятии решения по результатам рассмотрения сообщения о преступлении необходимо установить наличие либо отсутствие признаков конкретного состава преступления, осуществить первичную квалификацию дея-

ния. Это позволяет заложить основы предварительного расследования преступления и предвидеть его дальнейшую перспективу. Залогом успеха в расследовании является использование научно обоснованных теоретических знаний криминалистики, криминологии, норм смежных отраслей права. Более того, принятое процессуальное решение порождает наступление правовых последствий, например, реализация норм института обжалования принятого решения, судебного контроля и прокурорского надзора.

«Стоимость уголовного процесса» (Бажанов С. В. Стоимость уголовного процесса : дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2002) при реализации уголовно-процессуальной деятельности определяется материально-техническими, финансовыми, ресурсными, временными и кадровыми затратами. Существенно снизить эти расходы и сэкономить средства на первоначальном этапе уголовного судопроизводства позволяет деятельность по рассмотрению сообщений о преступлении. Установленная законом процедура является своеобразной страховкой от непроизводительной траты сил и средств правоохранительных органов на стадии возбуждения уголовного дела, позволяет оптимизировать стоимостную составляющую уголовного процесса за счет использования высвободившихся средств, времени и сотрудников для другой работы и добиться баланса государственных и общественных интересов. Кроме того, существенный экономический эффект принесет и сбережение расходов, связанных с выплатой компенсации гражданам, необоснованно подвергнутым уголовному преследованию и вовлеченным в уголовный процесс. Таким образом, еще одним компонентом значения деятельности по рассмотрению сообщений о преступлении является ее экономическая составляющая.

На основании вышеизложенного мы пришли к следующим выводам, которые, на наш взгляд,

представляют научный и практический интерес и будут способствовать совершенствованию правового регулирования.

1. Нормативные предписания, регламентирующие деятельность по рассмотрению сообщения о преступлении, имеют институциональный характер, в связи с чем уместно выделить в стадии возбуждения уголовного дела самостоятельный уголовно-процессуальный институт и предложить его теоретическое определение.

2. Содержание института рассмотрения сообщения о преступлении представляет собой комплекс уголовно-процессуальных действий, осуществляемых участниками уголовного судопроизводства по приему, регистрации и проверке информации, содержащейся в поступившем сообщении о преступлении, направленный на установление наличия или отсутствия повода, основания и обстоятельств, подлежащих доказыванию, для принятия законного и обоснованного решения, предусмотренного ч. 1 ст. 145 УПК РФ.

3. Значение института рассмотрения сообщения о преступлении многогранно. Практически трудно подобрать аргументы, чтобы умалить его роль как обязательного и основного элемента первоначальной стадии уголовного судопроизводства, как средства обеспечения конституционных прав и свобод граждан, как условия быстрого и качественного расследования и последующего судебного разбирательства уголовного дела, как правового инструментария достижения целей уголовного процесса и реализации принципа неотвратимости наказания. Мы полагаем, что институт рассмотрения сообщения о преступлении необходимо анализировать в нескольких аспектах, так как он затрагивает государственно-социальные, общественно-публичные, правовые и экономические интересы первоначальной стадии уголовного судопроизводства.

Библиографический список

1. Алексеев С. С. Восхождение к праву. Поиски и решения / С. С. Алексеев. – М., 2001.
2. Афанасьев В. С. Рассмотрение сообщений о преступлениях / В. С. Афанасьев, Л. А. Сергеев. – М., 1972.
3. Березина Л. В. Доказывание в стадии возбуждения уголовного дела по УПК Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Березина Людмила Валентиновна. – Саратов, 2003.
4. Власова Н. А. Проблемы совершенствования форм досудебного производства в уголовном процессе : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Власова Наталья Анатольевна. – М., 2001.
5. Ковалева М. Г. Возбуждение уголовного дела и обеспечение его законности и обоснованности : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Ковалева Марина Геннадьевна. – СПб., 2005.

References

1. Alexeev S. S. Ascension to Law. Search and Solutions. – M., 2000.
2. Afanasyev V. S. Considering Reports about Crimes / V. S. Afanasyev, L. A. Sergeev. – M., 1972.
3. Berezina L. V. Proving at the Stage of Institution of Legal Proceedings According to the Criminal Procedural Code of the Russian Federation / Berezina Ludmila Valentinovna. – Saratov, 2003.
4. Vlasova N. A. Problems of Perfection of Forms of Pretrial Proceedings in Criminal Procedure / Vlasova Natalja Anatolyevna. – M., 2001.
5. Kovaleva M. G. Instituting a Case Before a Court and Providing Its Legality and Validity / Kovaleva Marina Gennadyevna. – SPb., 2005.

В. В. Солодовник,
*адъюнкт кафедры уголовного процесса
Санкт-Петербургского университета
МВД России*

V. V. Solodovnik,
*post-graduate student of the Department of Criminal
Process of St. Petersburg University of the Ministry of the
Interior of Russia*

**НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЛИЧНОСТИ
ПРИ ПРИОСТАНОВЛЕНИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ**

**Some Problems of Protection of Rights of Person
during Pretrial Investigation Suspension**

Аннотация. Статья посвящена исследованию наиболее важных уголовно-процессуальных проблем защиты прав личности при приостановлении предварительного следствия. Автором внесены предложения по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства, затрагивающего права и законные интересы личности при применении норм института приостановления предварительного следствия.

Ключевые слова: уголовный процесс, предварительное следствие, приостановление, защита прав личности, права потерпевшего.

Abstract. The paper is dedicated to studying the most significant criminal procedure problems related to protection of rights of a person during pretrial investigation suspension. The author proposes measures towards improvement of criminal procedure legislation concerning rights and lawful individual interests while applying norms of the institution of pretrial investigation suspension.

Key words: criminal procedure, pretrial investigation, suspension, protection of rights of a person, victim rights.

В настоящее время проблема защиты прав личности при приостановлении предварительного следствия является весьма актуальной в связи с тем, что каждое государство обязано обеспечивать и защищать права человека в объеме и пределах, определенных международными соглашениями и конвенциями, а также приводить в соответствие с ними свое внутреннее законодательство, в том числе и уголовно-процессуальное.

В соответствии со ст. 52 Конституции Российской Федерации права потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью охраняются законом. Однако следует обратить внимание на случаи, когда лицо, являясь потерпевшим от преступления, не сможет обеспечить защиту своих прав и законных интересов в связи с отсутствием для этого средств, например, чтобы нанять представителя.

Если потерпевший не может участвовать в уголовном деле и возражает против приостановления предварительного следствия, то его права и законные интересы по заявлению или доверенности должны защищать представители. В связи с этим считаем необходимым, чтобы права потерпевшего в случае его отсутствия или невозможности участия в уголовном деле, наряду с законным представителем, представлял профессиональный юрист – адвокат или юрист правозащитной организации.

На положение потерпевшего обратил внимание Конституционный Суд Российской Федера-

ции, признавший необоснованным предоставление права судебного представительства интересов потерпевшего, гражданского истца и частного обвинителя только адвокатам (ч. 1 ст. 45 УПК РФ) (По жалобе гражданки Ивкиной В. О. на нарушение ее конституционных прав частью первой статьи 45 и статьи 405 УПК РФ : определение Конституц. Суда Рос. Федерации от 5 февр. 2004 г. № 25-О // Вестн. Конституц. Суда Рос. Федерации. 2004. № 6. С. 42). Конституционный Суд Российской Федерации фактически вернулся к формуле УПК РСФСР, допускавшего в процесс, помимо адвокатов, также близких родственников и иных лиц.

Следует отметить, что в соответствии с ч. 5 ст. 50 УПК РФ в случае, если адвокат участвует в производстве предварительного расследования или судебном разбирательстве по назначению дознавателя, следователя или суда, расходы на оплату его труда компенсируются за счет средств федерального бюджета. Мы полагаем, что норма о расходах на услуги адвоката, предоставляемого подозреваемому и обвиняемому по назначению следователя, должна распространяться также и на случаи, когда в уголовном деле потерпевший не может лично защищать свои права и интересы. На наш взгляд, представители потерпевшего должны иметь такие же права, как и защитник, которые они «обязаны активно реализовывать в интересах потерпевшего» (Зилалиев Д. Т. Обеспечение доступа к правосудию потерпевшим от преступлений по делам публично-

го обвинения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. С. 26).

В связи с этим мы предлагаем дополнить ст. 45 УПК РФ ч. 5, в которой должно быть закреплено, что участие представителя потерпевшего в уголовном судопроизводстве является обязательным в случаях, когда последний ходатайствует об этом. Введение данного изменения в законодательство должно способствовать укреплению процессуальных гарантий прав потерпевших по уголовным делам.

Рассматривая проблему защиты прав участников уголовного судопроизводства, нужно отметить, что законодатель не указал в УПК РФ конкретные сроки уведомления потерпевшего о принятии решения о приостановлении предварительного следствия.

В этой связи В. В. Рябчиков предлагает предусмотреть в законе (ст. 209 УПК РФ) конкретный срок уведомления потерпевшего или лица, по заявлению которого возбуждено уголовное дело, и возможного обжалования заинтересованными лицами решения следователя о приостановлении предварительного следствия – 3 суток (Рябчиков В. В. Приостановление и возобновление предварительного расследования : дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2006. С. 45).

С данным предложением мы не можем согласиться, так как нет необходимости устанавливать в ст. 209 УПК РФ для следователя конкретный срок направления копии постановления о приостановлении предварительного следствия заинтересованным лицам. На наш взгляд, уведомление вместе с копией постановления должно быть направлено незамедлительно – сразу после приостановления предварительного следствия. При этом мы не считаем необходимым направлять копию данного постановления лицу, по заявлению которого возбуждено уголовное дело, потому что в ходе следствия данное лицо должно быть наделено определенным уголовно-процессуальным статусом, в соответствии с которым у него появляются соответствующие права и обязанности. Если же статус лица по объективным причинам в ходе следствия не определен, то у следователя нет оснований для направления ему копии указанного постановления. Кроме того, в практике нередки случаи, когда лицо, обладая одним уголовно-процессуальным статусом (например подозреваемого), в ходе следствия приобретает другой статус (например статус свидетеля). Так, при расследовании уголовного дела по факту квартирной кражи в отношении подозреваемой М. причастность последней к совершению данного преступления не была установлена. В связи с этим уголовное преследование в отношении последней было пре-

кращено, она была допрошена в качестве свидетеля, а уголовное дело приостановлено по п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ. Уведомление вместе с копией принятого решения о приостановлении предварительного следствия ей не направлялось (Архив уголов. дел отдела № 5 СУ при УВД по г. Белгороду. Уголов. дело № 20072351103).

Закрепление в уголовно-процессуальном законе срока возможного обжалования принятого следователем решения о приостановлении предварительного следствия мы также считаем недопустимым, так как это лишит заинтересованных лиц права обжаловать указанное решение следователя в течение всего срока приостановления уголовного дела, существенно нарушив тем самым их права. Подтверждением тому может служить тот факт, что 41,3 % из изученных нами 207 уголовных дел были возобновлены по инициативе руководителя следственного органа или прокурора. Это свидетельствует о том, что в расследовании были допущены недостатки, на которые обратили внимание указанные должностные лица, а в некоторых случаях и потерпевшие. В результате ограничения потерпевшему сроков обжалования будут существенно нарушены его права на обжалование принятых в ходе предварительного следствия решений. Мы считаем, что было бы нелогично отстранить потерпевшего от участия в деятельности по приостановленному уголовному делу, тем более что в практической деятельности следственных подразделений все чаще происходят случаи, когда следователь самоустраняется от ведения расследования, приостановив предварительное следствие по уголовному делу. Так, 75,7 % из 177 опрошенных нами следователей утверждают, что никакой работы после приостановления предварительного следствия по уголовным делам не ведется.

В ч. 1 ст. 209 УПК РФ не содержится указание на необходимость уведомления стороны защиты в случае приостановления уголовного дела по основанию, предусмотренному п. 2 ч. 1 ст. 208 УПК РФ. Нам представляется справедливым, что о приостановлении предварительного следствия, когда уголовное дело приостанавливается в связи с сокрытием подозреваемого, обвиняемого либо неустановлением его места нахождения по иным причинам, должны быть уведомлены также защитник и законный представитель подозреваемого, обвиняемого. В связи с этим мы предлагаем внести соответствующие изменения в УПК РФ, что будет служить дополнительной гарантией защиты их прав и законных интересов.

На основании вышеизложенного мы предлагаем ч. 1 ст. 209 УПК РФ изложить в следующей редакции: «1. Приостановив предвари-

тельное следствие, следователь направляет или вручает уведомление с копией постановления о приостановлении предварительного следствия потерпевшему, его представителю, гражданскому истцу, гражданскому ответчику или их представителям и одновременно разъясняет им порядок обжалования данного решения. В случае приостановления предварительного следствия по основаниям, предусмотренным пунктами 2, 3 и 4 части первой статьи 208 настоящего Кодекса, об этом уведомляются также подозреваемый, обвиняемый, его защитник и законный представитель».

Кроме того, сегодня остается важной такая уголовно-процессуальная проблема, как невозможность заочного, в отличие от УПК РСФСР, избрания меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении подозреваемых и обвиняемых, скрывшихся от следствия, за исключением тех лиц, которые объявлены в международный розыск.

Так, в результате уклонения подозреваемых и обвиняемых от уголовной ответственности органы, осуществляющие предварительное следствие, должны проводить трудоемкие и сложные мероприятия по розыску и задержанию скрывшихся подозреваемых и обвиняемых. По нашему убеждению, необходимо незамедлительно реагировать на каждый случай укрывательства обвиняемого от следствия объявлением последнего в розыск и избранием в отношении его меры пресечения в виде заключения под стражу без его участия.

Представляется, что решение законодателя о запрете избрания меры пресечения в виде заключения под стражу не совсем последовательно. Так, согласно ч. 2 ст. 238 УПК РФ суду разрешается в стадии назначения судебного разбирательства или подготовки к судебному заседанию в случае, если обвиняемый, не содержащийся под стражей, скрывается, избрать ему меру пресечения в виде содержания под стражей в его отсутствие и поручить организовать его розыск. Однако на стадии предварительного расследования избрание меры пресечения в отношении скрывшегося обвиняемого возможно только в случае объявления его в международный розыск. Данное решение законодателя нам не понятно. Полагаем, что указанные нормы УПК РФ следует привести к единообразию.

В результате проведенного нами анкетирования 177 следователей было выяснено, что на вопрос о том, следует ли законодателю допустить возможность заочного применения заключения под стражу в отношении скрывшегося подозре-

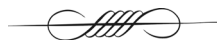
ваемого или обвиняемого, 79,1 % респондентов ответили положительно, а 20,9 % сказали, что «следует оставить действующий порядок».

Анализируя зарубежный опыт по данному вопросу, следует отметить, что заочное разбирательство по ст. 283 УПК Югославии может осуществляться по предложению прокурора, если подсудимый скрывается или если он недосыгаем для государственных органов по другим причинам. Согласно ст. 231 УПК Болгарии суд может разбирать уголовное дело в отсутствие подсудимого в двух случаях: а) если об этом просит сам подсудимый и суд согласен на это; б) если доказано, что подсудимый скрывается от суда.

Принимая во внимание изложенные обстоятельства, учеными-процессуалистами и практическими работниками неоднократно указывалось на необходимость внесения изменений в ч. 5 ст. 108 УПК РФ, в которой должна быть предусмотрена возможность принятия судебного решения об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отсутствие обвиняемого в случае объявления обвиняемого не только в международный, но также в местный и федеральный розыск (Абрамочкин В. В., Коршунов С. Л. Розыск лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия, суда и отбывания наказания : учеб. пособие. Брянск, 2007. С. 17 ; Жданов Е. В., Цилинский Б. П. Проблема дознания по делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотиков // Рос. следователь. 2004. № 1. С. 16–17).

Мы солидарны с данной точкой зрения и в связи с этим предлагаем ч. 5 ст. 108 УПК РФ изложить в следующей редакции: «5. Принятие судебного решения об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отсутствие обвиняемого допускается в случае объявления обвиняемого в розыск».

Завершая рассмотрение проблем, связанных с защитой прав личности при приостановлении предварительного следствия, мы пришли к выводу о необходимости совершенствования действующего законодательства, включив в него следующие нормы: об обязательном участии в уголовном судопроизводстве представителя потерпевшего, когда потерпевший ходатайствует об этом; о необходимости уведомления о приостановлении предварительного следствия по основанию, предусмотренному п. 2 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, защитника и законного представителя подозреваемого, обвиняемого; об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отсутствие обвиняемого в случае объявления последнего в розыск.

Библиографический список

1. *Абрамочкин В. В.* Розыск лиц, скрывшихся от органов дознания, следствия, суда и отбывания наказания : учеб. пособие / В. В. Абрамочкин, С. Л. Коршунов. – Брянск, 2007.
2. *Жданов Е. В.* Проблемы дознания по делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотиков / Е. В. Жданов, Б. П. Целинский // Рос. следователь. – 2004. – № 1.
3. *Зилалиев Д. Т.* Обеспечение доступа к правосудию потерпевшим от преступлений по делам публичного обвинения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Зилалиев Дуйшенбек Текшербекович. – М., 1999.
4. *Рябчиков В. В.* Приостановление и возобновление предварительного расследования : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Рябчиков Вадим Вячеславович. – Владимир, 2006.
5. По жалобе гражданки Ивкиной В. О. на нарушение ее конституционных прав частью первой статьи 45 и статьей 405 УПК РФ : определение Конституц. Суда Рос. Федерации от 5 февр. 2004 г. № 25-О // Вестн. Конституц. Суда Рос. Федерации. – 2004. – № 6.

References

1. *Abramochkin V. V.* Search for People Absconding from Bodies of Inquiry, Investigation, Trial and Punishment / V. V. Abramochkin, S. L. Korshunov. – Bryansk, 2007.
2. *Zhdanov E. V.* Problems of Inquiry in Cases of Crimes Related to Drug Trafficking / E. V. Zhdanov, B. P. Tselinskiy // Russian Investigator. – 2004. – № 1.
3. *Zilaliev D. T.* Ensuring Access to Justice for Victims of Crimes Related to Public Prosecution / Zilaliev Dujshenbek Teksherbekovich. – Saratov, 1999.
4. *Ryabchikov V. V.* Suspension and Recommendation of Preliminary Investigation / Ryabchikov Vadim Vjacheslavovich. – Vladimir, 2006.
5. On Complaint of a Citizen Ivkina V.O. Connected with Violation of Her Constitutional Rights by Part 1 of Article 45 and Article 405 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation : Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of February 5, 2004 № 25-O // Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation. – 2004. – № 6.

О. А. Тарнавский,
доцент кафедры уголовного процесса
Оренбургского государственного университета
кандидат юридических наук, доцент

O. A. Tarnavskiy,
Associate Professor of the Department of Criminal
Proceedings of Orenburg State University
Candidate of Law, Assistant professor

ЧАСТНОЕ ОБВИНЕНИЕ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Private Prosecution in Russian Criminal Proceedings

Аннотация. В статье анализируется институт частного обвинения в российском уголовном судопроизводстве. Определены преимущества данного института в плане защиты и обеспечения прав и законных интересов потерпевшего (частного обвинителя). Рассмотрен вопрос относительно расширения границ частного обвинения и совершенствования его правовой регламентации.

Ключевые слова: обвинение, частный обвинитель, уголовный иск, заявление.

Abstract. The article describes the institution of private prosecution in Russian criminal proceedings. The privileges of such an institution in the sphere of protection and ensuring the rights and legitimate interests of a victim (private prosecutor). The problem of widening the borders of private prosecution and improving its legal regulation is considered in the article.

Key words: prosecution, private prosecutor, lawsuit, application.

Конституция Российской Федерации провозгласила права и свободы человека и гражданина высшей ценностью государства, а их защиту имеющей бесспорный приоритет во всех отраслях отечественного права, в том числе в сфере уголовного судопроизводства. В связи с этим З. Д. Еникеев отмечает следующее: «Правоохранительное назначение Конституции РФ предполагает, что основанные на ней нормы уголовно-процессуального права должны не только сохранить это свойство, но и наращивать, развивать его. Конституционные нормы являются специфическим остоном уголовно-процессуальных норм и одновременно составляют их ткань. Поэтому правоохранительные способности первых при их трансформации в ткань вторых не могут устраняться или сужаться в содержании последних» (Еникеев З. Д. Правоохранительный потенциал Конституции России и проблемы его реализации в уголовном процессе // Вестн. Оренбург. гос. ун-та. 2005. № 3. С. 11).

Согласно ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее: УПК РФ) уголовное судопроизводство имеет своим назначением:

- 1) защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступления;
- 2) защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

Судопроизводство по уголовному делу направлено на восстановление нарушенных преступлением прав и законных интересов потер-

певших. Представляется, что движущей силой производства по уголовному делу должны быть именно интересы пострадавшего от преступления лица, которое должно быть наделено необходимыми для их защиты правами. Такое положение, в свою очередь, возможно при максимальном расширении частного начала уголовного судопроизводства. Институт частного обвинения позволяет максимально учитывать личные интересы потерпевшего. Именно в рамках данного института возбуждение и прекращение производства по делу зависят от желания заинтересованной стороны. Другое дело, что правовая регламентация данного института до настоящего времени далека от совершенства.

Частное обвинение – это деятельность частного лица, пострадавшего от преступления, которая заключается в официальном обращении в мировой суд с требованием о привлечении к уголовной ответственности лица, виновного в причинении ему вреда, в представлении суду доказательств совершения в отношении его преступного деяния, которые изобличат в этом деянии виновное лицо, а также в поддержании обвинения в суде. Заявление потерпевшего по делам частного обвинения является основным законным поводом возбуждения уголовного дела частного обвинения, ибо возбуждение уголовного дела частного обвинения без заявления потерпевшего возможно только в исключительных случаях, которые предусмотрены законом.

Основой института частного обвинения является диспозитивность, которая рассматривается как основанная на нормах уголовно-процессуального пра-

ва свобода распоряжения правами и обязанностями в пределах, установленных законом. Изложенное означает, что диспозитивное начало предполагает сочетание двух компонентов. Во-первых, в понятие диспозитивности следует включить свободу (право) распоряжения материальными правами. Это содержательный компонент диспозитивности, который означает свободу распоряжения материальными правами, в частности, правом на иск. Вторым составляющим элементом диспозитивности является свобода (право) распоряжения правами процессуальными. Это формальный компонент диспозитивности, означающий, что стороны имеют возможность оказывать воздействие на возникновение и дальнейшее движение процесса и использовать предоставленные процессуальные права в целях наиболее полной защиты своих личных интересов (Талынева З. З. Особенности уголовного производства по делам частного обвинения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2008. С. 7).

Деление обвинения на публичное и частное, несомненно, способствует дифференциации особенностей уголовного судопроизводства по признаку «публичное» и «частное». При определении сущности частного обвинения следует прежде всего исходить из общего смысла понятия обвинения как материально-правового явления. Другими словами, можно обозначить это так: если представленные документы отражают признаки конкретного состава преступления, совершенного лицом, то тогда фактически наступает обвинительная деятельность именно того лица, которому причинен вред в результате совершенного преступления, и оно тогда ведется исключительно на основе поданного им заявления. При этом надо подчеркнуть, что поданный иск такого лица есть средство его защиты (Гуськова А. П. К вопросу становления института частного обвинения в России // Актуальные проблемы уголовного процесса и криминалистики России и стран СНГ. Челябинск, 2009. С. 212–213).

Институт частного обвинения в уголовном судопроизводстве России имеет ярко выраженный исковой характер. Потерпевший, наделенный статусом частного обвинителя, является истцом, который подает, можно сказать, уголовный иск, с требованием привлечь лицо, совершившее преступление, к уголовной ответственности. Следовательно, частное обвинение есть уголовный иск, предъявляемый потерпевшим с требованием восстановления нарушенного преступлением права. Жалоба потерпевшего – это уголовный иск, содержащий в себе требование обвинения и осуждения того лица, кто совершил

в отношении его преступление. Предъявление такого иска означает начало производства по нему, а значит, начало уголовного преследования в том объеме и в тех пределах, которые определены в жалобе-иске потерпевшего.

Производство по делам частного обвинения можно рассматривать как выражение автономной формы уголовного судопроизводства. Характер действий, осуществляемых сторонами в суде при производстве по уголовным делам частного обвинения, значительно отличается от производства действий по обычным уголовным делам. На частного обвинителя возложена обязанность доказывания тех обстоятельств, о которых он заявил в своей жалобе, т. е. в поданном им уголовном иске к лицу в свою защиту. В данном случае потерпевший-обвинитель уже предстает как истец уголовного иска. Обвиняемый при этом вправе признать требования потерпевшего либо возражать против них. Для этого законодатель наделил его комплексом таких прав, которые позволяют ему обеспечить свою защиту, включая право на примирение с частным обвинителем.

По делам частного обвинения разбирательство инициируется исключительно по заявлению пострадавшего, прекращено дело может быть по его же инициативе на любом этапе, и участие прокурора в судебном процессе не обязательно (и является редкостью на практике). Другими словами, это те дела, в которых государственного обвинителя, за редким исключением, просто нет.

Дела частного обвинения, имеют отношение всего к четырем статьям Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации (далее: УК РФ): ч. 1 ст. 115, ч. 1 ст. 116, ч. 1 ст. 129, ст. 130.

Однако в последнее время все больше ученых высказываются за расширение данного перечня, что нам также видится целесообразным. Так, М. В. Соболев отмечает, что существующий перечень преступлений, преследуемых в порядке частного обвинения, можно было бы расширить. Он считает, что такие составы преступлений, как заражение лица венерической болезнью (ст. 121 УК РФ), клевета, содержащаяся в публичном выступлении или средствах массовой информации (ч. 2 ст. 129 УК РФ), разглашение тайны усыновления (удочерения) (ст. 155 УК РФ), злостное уклонение от уплаты средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей (ст. 157 УК РФ) должны быть включены в круг преступлений, преследуемых в порядке частного обвинения, так как они отвечают критериям, в силу которых преследование ряда деяний должно осуществляться только по жалобе потерпевшего (Соболев М. В. Производство по уголовным де-

лам частного обвинения в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 12).

Ф. Н. Багаутдинов идет в своих предложениях еще дальше. Он полагает, что дела частного обвинения, точнее, их значительная часть, относятся к сфере взаимоотношений между близкими людьми – родными, членами одной семьи и т. д., поэтому можно расширить сферу действия частного начала с учетом именно этого фактора. Речь идет о включении в перечень дел частного или частнопубличного обвинения таких преступлений, по которым обвиняемый и потерпевший являются членами одной семьи, близкими родственниками. Здесь можно говорить о самых различных преступлениях, связанных с посягательствами на личность, собственность и права граждан, за исключением тяжких и особо тяжких преступлений. В этой связи необходимо подчеркнуть несколько принципиальных моментов: по делу должны быть доказаны совершение преступления конкретным лицом и факт его близкого родства с потерпевшим; обязательно отсутствие тяжких последствий и наличие возмещения ущерба и заглаживания вреда (Багаутдинов Ф. Расширение частных начал в уголовном процессе // Рос. юстиция. 2002. № 2).

Ф. М. Ягофаров, напротив, считает, что крайне необдуманно со стороны законодателя стремиться к простому количественному увеличению состава преступлений, отнесенных к делам частного обвинения, рассчитывая таким образом расширить частные начала в уголовном судопроизводстве. Расширение диспозитивных начал, по мнению данного автора, должно проявляться в том, что нормой поведения для государственных органов станут согласование своей позиции с позицией частного лица и непринятие государственным органом решений, ущемляющих права частных лиц (Ягофаров Ф. М. Механизм реализации функции обвинения при рассмотрении дела судом первой инстанции: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2003. С. 21–22). Эта позиция не лишена смысла (хотя и количественное увеличение по-

добных составов необходимо), но ее реализация возможна лишь при одном условии – потерпевший должен стать частным обвинителем по всем делам, где присутствует его личный интерес. Об этом пишет и А. А. Шамардин, отмечая, что развитие частных начал в уголовном процессе потребует значительного расширения прав потерпевшего, усиления их процессуальных гарантий. Последний должен признаваться субъектом в уголовном процессе на стороне обвинения, выполняющим функцию частного обвинителя (Шамардин А. А. Проблемы развития частных начал обвинения в российском уголовном процессе. Оренбург, 2002. С. 117–118).

Институт частного обвинения, действующий в рамках российского уголовного судопроизводства, характеризуется явно положительными практическими результатами в сфере защиты прав и законных интересов личности. Аналитики считают, что отсутствие прокурора при производстве по уголовным делам данной категории позитивно сказывается на объективности судей, которые выносят решения, не оглядываясь на возможность их обжалования со стороны государственного обвинения. Так, на эти дела приходится 68 % всех оправданий, 76 % дел прекращены по реабилитирующим обстоятельствам, а 24 % дел, прекращенных по иным обстоятельствам (как правило, в данном случае речь идет о примирении сторон). При этом около трети (32 %) всех оправданий составляют оправдания по двум незначительным статьям: «Оскорбление» и «Клевета». Остальные приходятся на статьи «Побои» и «Умышленное нанесение легкого вреда здоровью», причем в обоих случаях без отягчающих обстоятельств, т. е. на составы, описывающие в общем случае участие в заурядной бытовой драке без серьезных последствий.

Таким образом, учитывая все положительные аспекты института частного обвинения в уголовном судопроизводстве, следует признать целесообразность расширения его рамок в целях обеспечения прав и законных интересов личности при производстве по уголовному делу.

Библиографический список

1. Гуськова А. П. К вопросу становления института частного обвинения в России / А. П. Гуськова // Актуальные проблемы уголовного процесса и криминалистики России и стран СНГ : материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 80-летию со дня рождения проф., д-ра юрид. наук засл. деятеля высш. шк. Лившица Юрия Даниловича, 2–3 апр. 2009 г. – Челябинск, 2009.

References

1. Guskova A. P. To the Question of Forming the Institution of Private Prosecution in Russia / A. P. Guskova // Topical Issues of Criminal Proceedings and Criminalistics in Russia and the CIS (the Commonwealth of Independent States). – Chelyabinsk, 2009.

2. Enikeev Z. D. Law Enforcement Potential of the Russian Constitution and its Realization in

2. Еникеев З. Д. Правоохранительный потенциал Конституции России и проблемы его реализации в уголовном процессе / З. Д. Еникеев // Вестн. Оренбург. гос. ун-та. – 2005. – № 3.

3. Обвинительный уклон в уголовном процессе: фактор прокурора / Э. Л. Панеях [и др.] // Аналит. зап. по проблемам правоприменения. – СПб., 2010.

4. Соболев М. В. Производство по уголовным делам частного обвинения в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Соболев Максим Викторович. – М., 2008.

5. Талынева З. З. Особенности уголовного производства по делам частного обвинения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Талынева Земфира Зинуровна. – Уфа, 2008.

6. Шамардин А. А. Проблемы развития частных начал обвинения в российском уголовном процессе : монография / А. А. Шамардин. – Оренбург, 2002.

7. Ягофаров Ф. М. Механизм реализации функции обвинения при рассмотрении дела судом первой инстанции : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Ягофаров Фарит Мухамедвалеевич. – Челябинск, 2003.

Criminal Proceedings / Z. D. Enikeev // Bulletin of Orenburg State University. – 2005. – № 3.

3. Accusatory Bias in Criminal Procedure: Factor of Prosecutor / E. L. Paneyah [et al.] // Analytical Notes on Law Enforcement Problems. – SPb., 2010.

4. Sobolev M. V. Criminal Proceedings on Private Prosecution Cases in Accordance with Criminal Procedure Code / Sobolev Maxim Victorovich. – M., 2008.

5. Talyneva Z. Z. Peculiarities of Criminal Court Proceedings in Private Prosecution Cases / Talyneva Z. Z. – Ufa, 2008.

6. Shamardin A. A. Development Problems of Private Prosecution in Russian Criminal Procedure / A. A. Shamardin. – Orenburg, 2002.

7. Yagofarov F. M. Mechanism of Realization of the Prosecution Function While Considering the Case by the Court of Original Jurisdiction / Yagofarov Farit Mukhamedvaleevich. – Chelyabinsk, 2003.

Е. Ю. Тихалева,
*ассистент кафедры конституционного
и административного права
Орловского государственного университета*

E. Ju. Tikhaleva,
*assistant Lecturer of the Department
of Constitutional and Administrative Law
of Orel State University*

**ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ КОМПЕТЕНЦИИ
МЕЖДУ ОРГАНАМИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ**

**On Differentiation of Powers between Local Self-Government
Units of Municipal Bodies**

Аннотация. В статье анализируются различные подходы к применению принципа разделения властей на уровне местного самоуправления. Раскрываются отдельные исторические аспекты разграничения компетенции между органами местного самоуправления. Даются рекомендации по совершенствованию действующего законодательства.

Ключевые слова: компетенция, разграничение компетенции, принцип разделения властей, представительные органы местного самоуправления, местная администрация.

Abstract. The article deals with different approaches to application of the principle of separation of powers at the municipal level. The author discloses certain historical aspects of differentiating powers between local self-government units. The recommendations are given with the purpose of perfection of the current legislation.

Key words: competence, differentiation of powers, separation of powers, representative bodies of the local self-government, local authorities.

Одной из форм оптимизации функций, осуществляемых органами власти, как государственными, так и местного самоуправления, является их разграничение путем разделения властей.

Вопрос о разграничении компетенции в системе органов местного самоуправления имеет свою историю.

В советский период развития нашего государства, когда органы власти на местах выступали как органы государственной власти и управления, проблема соотношения компетенции представительного органа власти (местного Совета) и исполнительно-распорядительных органов (исполнительного комитета, его отделов и управлений) решалась в государствоведении на основе следующих законодательных положений:

1) конституционное закрепление права местных Советов решать все вопросы местного значения;

2) признание основных полномочий во всех сферах жизни на местах за местными Советами независимо от того, осуществлял ли эти полномочия сам Совет, его исполнительный комитет или отделы и управления;

3) закрепление перечня исключительных полномочий местного Совета, т. е. тех полномочий из компетенции местного Совета, которые могли быть реализованы исключительно Советом на сессии;

4) признание за исполнительным комитетом права решать все вопросы, отнесенные к ведению местного Совета, за исключением тех, которые должны были решаться только на сессиях Совета.

Компетенция местного Совета трактовалась на этом основании как объединение всех прав и обязанностей Совета и его органов (так называемая единая компетенция Совета). Сторонники данной концепции исходили также из конституционного принципа полновластия, верховенства Советов в системе государственных органов, согласно которому все государственные органы были подотчетны и подконтрольны Советам, их сформировавшим и наделившим соответствующими полномочиями.

Таким образом, в нормативных правовых актах, определяющих те или иные задачи и полномочия местных Советов, их исполнительных комитетов, отделов и управлений, и особенно в положениях о местных Советах, явно усматривается непоследовательность законодателя в истолковании понятия «компетенция местного Совета». Замена этого термина в положениях о местных Советах понятием «права и обязанности Совета» имела нежелательные последствия для практики регулирования компетенции, а следовательно, и для обеспечения действительного полновластия Советов во всех делах местного значения.

Кроме того, нужно заметить, что «права и обязанности Советов», закрепленные в положениях о местных Советах, не во всех случаях являлись в юридическом смысле правами, а сводились, по существу, лишь к общим задачам, без указания каких-либо конкретных полномочий, к изложению лишь основных направлений деятельности. Расплывчатость, отсутствие юридической определенности в «правах и обязанностях

Советов» стали немаловажным препятствием на пути усиления роли этих органов.

Наконец, явная недооценка роли местных Советов заключается и в том, что акты, наиболее полно определяющие компетенцию местных Советов, были приняты в союзных республиках в форме положений о местных Советах, а не законов. Однако, по самой идее, такие акты должны были кодифицировать все основные нормы, регулирующие компетенцию местных Советов. И можно ли вообще говорить о юридической силе Положения о местном Совете, если оно было только «одобрено» Президиумом Верховного Совета союзной республики, как это имело место в отдельных случаях (например, в Украинской Советской Социалистической Республике)? В ряде же республик подобные положения вообще отсутствовали.

Практика показала, что исполнительные комитеты, образуемые местными Советами и им подотчетные, фактически полностью подменяли Советы. И это положение не могло изменить законодательное закрепление за Советом права рассмотреть и решить любой вопрос местного значения, законодательное закрепление исключительных полномочий Совета. Исполнительные комитеты рассматривали сессию Совета как формальную процедуру прохождения подготовленных ими проектов решений.

Становление местного самоуправления в Российской Федерации (далее: РФ) сопровождалось разграничением полномочий в системе органов местного самоуправления. В соответствии с Законом РСФСР от 6 июля 1991 г. № 1550-1 «О местном самоуправлении в РСФСР» (далее: Закон РСФСР № 1550-1) местные Советы и соответствующие органы управления наделялись собственной компетенцией, которая не могла быть изменена иначе как законом (Ведомости Съезда нар. депутатов и Верхов. Совета РСФСР. 1991. № 29, ст. 1010).

Закон РСФСР № 1550-1 в качестве органа управления на местах закрепил местную администрацию, подотчетную местному Совету и руководимую главой администрации на принципах единоначалия, установив при этом определенную «систему сдержек и противовесов» во взаимоотношениях местного Совета и местной администрации. Так, местные Советы были вправе выражать недоверие главе местной администрации, руководителям органов и структурных подразделений администрации, а также отменять акты местной администрации, противоречащие законодательству и решениям Совета, принятым в пределах его компетенции.

Вместе с тем Закон РСФСР № 1550-1 предоставлял главе местной администрации право опротестовывать решение соответствующего местного Совета, адресованное местной администрации, если это решение, по его мнению, про-

тиворечило законодательству или другим решениям данного Совета либо было недостаточно обеспечено финансовыми, материально-техническими и организационными средствами. Местный Совет также был вправе отклонить протест главы местной администрации, который мог быть в свою очередь обжалован главой местной администрации в суд или вышестоящий Совет (если решение Совета было опротестовано главой администрации по мотивам его противоречия законодательству).

Таким образом, в определенном смысле разграничение компетенции органов местного самоуправления на законодательном уровне было реализовано в Законе РСФСР № 1550-1 посредством разделения компетенции на блоки.

Однако такой подход имел один недостаток – возникла проблема отнесения полномочий к компетенции представительного либо исполнительно-распорядительного органа. Это было связано с тем, что многие законодательные акты содержали положения, устанавливающие определенный объем компетенции органов местного самоуправления в той или иной сфере правоотношений.

Не предусматривал четкого разграничения компетенции между органами местного самоуправления и Федеральный закон от 28 августа 1995 г. № 154-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее: Федеральный закон № 154-ФЗ) в связи с тем, что содержал обязательность создания лишь представительного органа местного самоуправления (ст. 14, 15).

Закрепляя статус представительного органа местного самоуправления, Федеральный закон № 154-ФЗ определил основы его компетенции (ядро компетенции представительного органа составили его исключительные полномочия). Вопрос о компетенции иных органов местного самоуправления, в отличие от ранее действовавшего закона, в котором закреплялась компетенция местной администрации, теперь оставался, по существу, открытым. Определяя лишь основные предметы ведения местного самоуправления в ст. 6, Федеральный закон № 154-ФЗ не затрагивал при этом конкретные полномочия по указанным вопросам исполнительно-распорядительных органов местного самоуправления.

В нем был определен ряд исходных положений, характеризующих статус главы муниципального образования (если такая должность была введена уставом муниципального образования), иных выборных должностных лиц местного самоуправления. Так, глава муниципального образования, иные выборные должностные лица местного самоуправления наделялись собственной компетенцией по решению вопросов местного значения в соответствии с уставом муниципального образования.

Если же обратиться к судебной практике, то Конституционный Суд РФ дает следующее толкование принципа разделения властей: «Конституционный принцип единства государственной власти требует, чтобы субъекты РФ в основном исходили из федеральной схемы взаимоотношений исполнительной и законодательной власти. Поскольку согласно Конституции РФ законодательная и исполнительная ветви власти являются самостоятельными, недопустимо, выходя за пределы, предусмотренные Конституцией РФ, закреплять в Уставе нормы, ставящие исполнительную власть в подчиненное по отношению к представительному органу положение» (По делу о проверке конституционности ряда положений Устава (Основного закона) Алтайского края : постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 18 янв. 1996 г. № 2-П. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

Другие аспекты разделения властей установлены постановлением Конституционного Суда РФ от 29 мая 1998 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности ч. 4 ст. 28 Закона Республики Коми «О государственной службе Республики Коми»»: «Принцип разделения властей предполагает не только распределение властных полномочий между органами различных ветвей государственной власти, но и взаимное уравнивание ветвей власти, невозможность ни для одной из них подчинить себе другую... Данный принцип не допускает сосредоточения функций различных ветвей власти в одном органе, а следовательно, и совмещение депутатского мандата с занятием должности на государственной службе» (Там же).

В современной юридической литературе распространена точка зрения, согласно которой разделение властей – это не разделение органов, а, прежде всего, разделение полномочий, составляющих содержание государственной власти (Джангирян Ж. Д. Соотношение теории разделения и единства властей // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 4. С. 11).

Унификация системы органов местного самоуправления означает в первую очередь законодательное закрепление принципа разделения властей на уровне местного самоуправления. Без этого становится реальной перспектива возникновения малоэффективных и недемократических моделей организации власти на местах, а также укрепляется традиционно сложившийся перекося в сторону полномочий (а значит, доминирования) местных администраций, которые формируются, как правило, одним, пусть даже выборным, лицом.

При слабой представительной власти исполнительный орган может быть полностью выведен из-под ее контроля. Отсутствие принципа разделения властей может привести и к еще одной негативной тенденции – усилению или пол-

ному доминированию представительного органа местного самоуправления, совмещающего исполнительные и контрольные функции.

Таким образом, принцип разделения властей и основанное на нем разделение полномочий между органами местного самоуправления внутри муниципальных образований должны быть основополагающими при формировании моделей организации муниципальной власти, предусматривающих определенную структуру органов местного самоуправления, которая закрепляется в уставах муниципальных образований.

Вместе с тем следует отметить, что в ст. 10 Конституции РФ используется термин «государственная власть». Однако согласно ст. 12 Основного закона органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти, следовательно, принцип разделения властей непосредственно на уровень местного самоуправления Конституцией РФ не распространяется. В то же время ст. 2 Конституции РФ содержит указание на обязанность государства признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина. В совокупности с положением ч. 2 ст. 3 Конституции РФ об осуществлении народом своей власти непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления это указание обуславливает применение принципа рациональной организации государственной власти и местного самоуправления.

В законодательстве о местном самоуправлении просматривается наличие органов с различными функциями, и каждый из них должен избегать дублирования друг друга. Границы разделения компетенции могут быть подвижными. Более того, нормативно возможно даже объединение органов, выполняющих разные функции. Так, согласно Федеральному закону от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее: Федеральный закон № 131-ФЗ) глава муниципального образования может входить в состав представительного органа и председательствовать на его заседаниях (Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. № 40, ст. 3822).

Среди российских ученых существуют различные мнения о применимости принципа разделения властей на уровне местного самоуправления. Ряд авторов считают, что в местном самоуправлении нецелесообразно применять ни один из элементов разделения властей. Так, Е. С. Шугрина указывает: «Принцип разделения властей в первую очередь означает ограничение сосредоточия власти в одних руках, применение механизмов сдержек и противовесов. Такие механизмы, необходимые на федеральном уровне, только усложнили бы работу органов местного самоуправления и затруднили опе-

ративное принятие решений» (Шугрина Е. С. Муниципальное право РФ : учебник. 2-е изд., доп. и перераб. М., 2007. С. 178).

В поддержку указанной позиции свидетельствует и тот факт, что на уровне местного самоуправления отсутствует классическое разделение публичной власти на законодательную (представительную), исполнительную и судебную. Так, принятие законов является исключительным правом РФ и субъектов РФ. На уровне местного самоуправления правотворчество в форме принятия законов не осуществляется. Следовательно, на уровне местного самоуправления надлежит говорить о представительной власти, а не о законодательной.

В соответствии с ч. 1 ст. 118 Конституции РФ правосудие осуществляется только судом. При этом в соответствии с Федеральным конституционным законом от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» судебную систему страны составляют федеральные суды и суды субъектов РФ (Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 1, ст. 1). Таким образом, учитывая ч. 3 ст. 118 Конституции РФ, создание местных (муниципальных) судов не допускается. И только в отношении исполнительных органов местного самоуправления просматривается определенная параллель с аналогичными федеральными и региональными органами исполнительной власти.

Однако большинство теоретиков и практиков склоняются к следующей точке зрения: несмотря на то, что «на уровне местного самоуправления не действует принцип разделения властей» в его классическом понимании, т. е. в полном объеме, «принципы рациональной организации труда по управлению требуют, чтобы каждый орган был наделен компетенцией, отличающей его действия от действий любого другого органа местного самоуправления» (Васильев В. И. Местное самоуправление. М., 1999. С. 257 ; Комментарий к Федеральному закону «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» / под ред. Н. Л. Пешина. М., 1997. С. 66).

Такое утверждение представляется неточным обоснованием верного по сути вывода. Разграничение компетенции (более того, баланс полномочий) обусловлено не требованием рациональной организации управленческого труда, т. е. сокращением затрат времени и средств на принятие решения, а требованием максимальной эффективности местного самоуправления.

В системе органов местного самоуправления существует функциональное разделение труда, нарушение которого может привести к снижению эффективности управленческих усилий и нарушению демократических основ муниципальной власти. При этом следует иметь в виду, что законодательно определяемые пропорции разделения труда

по горизонтали на местном уровне, значительно меняющиеся в зависимости от условий, в которых действуют органы местного самоуправления, могут модифицировать и потребность в применении механизмов сдержек и противовесов, присущих системе разделения властей.

Таким образом, если Федеральным законом № 131-ФЗ допускается выделение представительных и исполнительно-распорядительных органов местного самоуправления, то можно сделать вывод, что на этом уровне фактически действует принцип разделения властей, хотя и со своими особенностями.

Наделение представительного и исполнительно-распорядительного органов местного самоуправления соответствующей компетенцией происходит в соответствии с выполняемыми ими следующими функциями:

- функция представительного органа состоит в том, чтобы выражать волю населения местного сообщества, придавать ей общеобязательный характер, осуществлять от его имени власть;

- функции исполнительно-распорядительных органов заключаются в осуществлении повседневной оперативной управленческой, организационной деятельности, направленной на исполнение правовых актов, принятых непосредственно населением местного самоуправления на местных референдумах или его представительным органом.

При этом возникает закономерный вопрос: а можно ли установить принцип разделения властей в рамках одной власти? Дело в том, что в соответствии с ч. 2 ст. 1 Федерального закона № 131-ФЗ местное самоуправление уже признается одной из форм власти.

На наш взгляд, осуществление эффективного публичного управления, безусловно, требует четкого разграничения предметов ведения и полномочий между органами, его осуществляющими. Однако особенностью местного самоуправления является совпадение в одном лице объекта и субъекта управления, при том, что в полной мере данный принцип реализуется лишь в небольших поселениях. Из этого следует, что для них не является необходимым ни создание специальных органов муниципального управления, ни разграничение функций между ними. В таких муниципальных образованиях социальное управление может и должно осуществлять непосредственно население. А вот применительно к крупным поселениям и муниципальным образованиям «вторичного» типа – муниципальным районам – такое разграничение представляется не только возможным, но и обязательным, поскольку функции и задачи органов местного самоуправления крупных поселений и районов во многом совпадают с функциями и задачами органов государственной власти, и эффективным публичное управление может быть лишь при

условии создания на местном уровне четкой системы органов, ясном определении их задач и закреплении механизмов их взаимодействия с органами государственной власти.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что на местном уровне практика разделения властей не во всем оправдывает себя. Вместе с тем необходимо отметить, что эффективности организации муниципальной власти вряд ли станет препятствовать рациональное разграничение ее функций между главой муниципального образования, представительными и исполнительными органами.

Конечно, такая степень организационного разделения, которая присуща государственной власти, на местном уровне нецелесообразна. Система органов местного самоуправления должна быть устроена более компактно, функции ее органов – более тесно переплетены, так как задачи, стоящие перед местным самоуправлением, по своему характеру конкретнее задач, стоящих перед государством. Правильнее в данном случае говорить не о разделении властей, а о разделении органов местной власти, разграничении их полномочий в рамках самоуправления на местах.

В Федеральном законе № 131-ФЗ обязательный порядок формирования предусмотрен не только в отношении представительного органа местного самоуправления, но и местной администрации, являющейся исполнительным органом местного самоуправления общей компетенции, наделенным исполнительно-распорядительными полномочиями (ст. 34). Таким образом, произошло разграничение представительных и исполнительных функций. Так, п. 4 ч. 2 ст. 36 Федерального закона № 131-ФЗ установлен запрет на совмещение должности председателя представительного органа муниципального образования и главы местной администрации. При этом закон сохранил в качестве одного из элементов разделения властей запрет на совмещение полномочий муниципальных служащих и депутатов представительных органов местного самоуправления (ч. 6 ст. 40).

Проведенный анализ норм Федерального закона № 131-ФЗ свидетельствует о наличии в нем отдельных элементов системы сдержек и противовесов в отношениях органов местного самоуправления. Так, согласно ч. 13 ст. 35 нормативный правовой акт, принятый представительным органом муниципального образования, направляется главе муниципального образования для подписания и обнародования. Однако глава муниципального образования, являющийся главой местной администрации, имеет право его отклонить, т. е. использовать право «вето». При этом если при повторном рассмотрении указанный нормативный правовой акт будет одобрен в ранее принятой редакции большинством, не менее двух третей, от установленной численности де-

путатов представительного органа муниципального образования, он подлежит подписанию и обнародованию главой муниципального образования. Таким образом, имеющееся право «вето» у субъекта исполнительной власти может быть преодолено субъектом представительной власти.

В качестве элемента системы сдержек и противовесов имеет определенное значение и роль представительного органа в формировании исполнительно-распорядительного органа местного самоуправления. В соответствии со ст. 37 Федерального закона № 131-ФЗ структура местной администрации, порядок проведения конкурса на замещение должности главы местной администрации, члены конкурсной комиссии утверждаются представительным органом местного самоуправления.

Тем не менее говорить о полном разграничении компетенции представительного и исполнительно-распорядительного органов местного самоуправления на уровне Федерального закона № 131-ФЗ не представляется возможным. Определяющая роль в данном вопросе отводится уставам муниципальных образований, в которых согласно п. 5 ч. 1 ст. 44 Федерального закона № 131-ФЗ и должен быть закреплён конкретный объём полномочий каждого органа местного самоуправления муниципального образования. Однако не во всех уставах муниципальных образований прослеживаются подобные тенденции, что соответственно не приводит в организацию деятельности органов местного самоуправления определенной упорядоченности.

Таким образом, Федеральный закон № 131-ФЗ, разграничив полномочия муниципальных образований по территориальному принципу (ст. 14–16), недостаточно конкретно обозначил разграничение по функциональному принципу полномочий между представительными органами муниципального образования, главой муниципального образования и местной администрацией. Так, указанный закон практически не раскрывает конкретные полномочия местной администрации, закрепив лишь исключительные полномочия представительного органа и полномочия главы муниципального образования. Это является причиной возникновения конфликтов при распределении компетенции между органами местного самоуправления – присвоению местной администрацией полномочий представительного органа либо вмешательству представительного органа в prerogatives деятельности местной администрации, т. е. нередко приводит к «пересечению компетенций».

В Федеральном законе № 131-ФЗ также не дается подробной характеристики правового статуса главы муниципального образования, что приводит к непропорциональному расширению его полномочий. Поскольку вокруг фигуры главы муниципального образования строятся многие организационные модели местного самоуправления, то это свидетельствует о необходимости де-

тальной разработки системы сдержек и противовесов на местном уровне. Следует различать правовой статус главы муниципального образования и главы местной администрации, руководителя исполнительно-распорядительного органа местного самоуправления, так как данный вопрос согласно Федеральному закону № 131-ФЗ оставлен в ведении местных органов власти. Для этого глава муниципального образования должен наделяться собственной компетенцией, однако чаще всего в уставах такое разграничение до конца не проводится.

Анализ зарубежного опыта свидетельствует о существовании различных моделей взаимоотношений между представительными и исполнительными органами местного самоуправления. Так, в одних странах представительные органы обладают всей полнотой власти, предоставленной местному самоуправлению, т. е. разграничение полномочий на местном уровне не осуществляется. Глава муниципалитета избирается советом, может действовать только от его имени и во исполнение его функций (например, в Дании или в тех местных сообществах США и Великобритании, где применяется система «слабый мэр – совет»). Исполнительные органы в таких случаях подчинены представительным.

В других странах (в Германии, Швеции, Норвегии, в местных сообществах США, где применяется система «сильный мэр – совет», и др.) проводится четкое разделение полномочий между органами местного самоуправления. В этих государствах исполнительные органы местного самоуправления обладают относительной самостоятельностью и могут успешно противостоять политике представительных органов. Например, в Бельгии исполнительные комитеты следят за текущим управлением местными делами, выполняют решения совета, управляют общественной собственностью, наблюдают за сбором доходов и руководят комплектованием муниципальных служб.

Следует отметить, что разграничение полномочий между органами местного управления и самоуправления в развитых зарубежных странах не появилось одномоментно, а осуществлялось в результате продуманной и целенаправленной государственной политики. Предметы ведения и полномочия органов местного самоуправления создавались на протяжении длительного времени, исходя из действующей в определенный исторический период политической конъюнктуры. Некоторые формы взаимодействия между органами местного самоуправления в зарубежных странах заимствуются и успешно используются в России (в частности, организационные основы построения местного самоуправления).

От распределения компетенции между представительными и исполнительно-распорядительными органами местного самоуправления во многом за-

висит их фактическая роль. Варианты такого разграничения были выделены М. Н. Матвеевым:

1. Равновесная компетенция. Аргументы в пользу этого варианта сводятся к тому, что представительные и исполнительные органы местного самоуправления получают свой мандат непосредственно от избирателей, следовательно, у них одинаковый источник власти.

2. Более широкая компетенция местной администрации. Как отмечает М. Н. Матвеев, в этом случае часто возникает «диктат управления», т. е. ситуации, когда местный представительный орган служит «демократической» завесой всевластия администрации.

3. Более широкая компетенция представительного органа местного самоуправления, гарантирующая ему ведущую роль в системе местного самоуправления и обеспечивающая его достаточное влияние на развитие территории. В данном случае руководитель исполнительно-распорядительного органа местного самоуправления является управленцем – профессионалом; он должен уметь действовать в соответствии с законом и решениями представительного органа, а представительный орган местного самоуправления должен иметь возможность определять задачи администрации, которые затрагивают важнейшие вопросы развития муниципального образования. На наш взгляд, для муниципальных образований в России именно такое разграничение компетенции между представительными и исполнительно-распорядительными органами местного самоуправления является наиболее оптимальным (Матвеев М. Н. Взаимодействие представительных и исполнительных органов в системе местного самоуправления : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1992. С. 133–134).

Основываясь на зарубежном и отечественном опыте становления органов местного самоуправления, можно заключить, что при разграничении компетенции между представительными и исполнительно-распорядительными органами местного самоуправления необходимо исходить из следующих принципов:

– подотчетность исполнительно-распорядительных органов населению и представительному органу местного самоуправления;

– обеспечение проведения в жизнь исполнительно-распорядительными органами местного самоуправления общих правил по вопросам местного значения, сформулированных представительной властью и обязательных для исполнения на территории муниципального образования;

– невмешательство представительных органов местного самоуправления в текущую деятельность исполнительных органов местного самоуправления, в решение оперативных вопросов.

На наш взгляд, эффективное осуществление муниципальной власти возможно лишь при условии конкретного определения объема полномочий,

за который должен отвечать каждый вид органов местного самоуправления. Разграничение полномочий между представительными и исполнительно-распорядительными органами местного самоуправления способствует повышению ответственности за развитие территории муниципального образования, эффективности функционирования органов местного самоуправления и невмешательству их в деятельность друг друга.

Проведенный анализ позволяет сделать выводы о том, что для эффективного разграничения компетенции между органами местного самоуправления необходимо:

- разработать теоретическую модель разграничения компетенции между органами местного самоуправления, суть которой будет заключаться в функциональном и организационном разделении органов местного самоуправления, балансе полномочий и единстве их взаимодействия в интересах населения и под его контролем;

- в уставах муниципальных образований обязательно должны быть изложены цивилизованные процедуры рассмотрения и разрешения противоречий, вызванных конфликтами в борьбе за преимущество одного органа местного самоуправления над другим (например, создание согласительных комиссий) в целях эффективного функционирования органов местного самоуправления;

- определить отдельно вопросы, относящиеся к исключительной компетенции представительного органа местного самоуправления, которые не могут быть переданы для решения другим органам местного самоуправления, и вопросы дополнительной или общей компетенции, которые могут быть делегированы другим органам местного самоуправления;

- все дополнительные полномочия, передаваемые местным администрациям отраслевым законодательством (гражданским, земельным, жилищным, градостроительным и др.), необходимо отражать в виде соответствующих изменений и дополнений, вносимых в законы о местном самоуправлении, с целью недопущения возложения одних и тех же полномочий на представительные и исполнительно-распорядительные органы;

- принять Федеральный закон «Об основах компетенции органов местного самоуправления», в котором необходимо закрепить основные понятия и термины, такие как: «компетенция», «компетенция органов местного самоуправления», «вопросы местного значения», «полномочия» и т. д.; конкретные полномочия местной администрации;

- провести ревизию законодательства, содержащего нормы муниципального права в области компетенции органов местного самоуправления, и привести эти нормы в соответствие друг с другом.

Библиографический список

1. Абдулаизова П. Г. Местная администрация муниципального образования: организационно-правовые аспекты : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Абдулаизова Патимат Гасановна. – М., 2008.

2. Матвеев М. Н. Взаимодействие представительных и исполнительных органов в системе местного самоуправления : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Матвеев Михаил Николаевич. – М., 1992.

3. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации : федер. закон от 6 окт. 2003 г. № 131-ФЗ : в ред. от 29 дек. 2010 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2003. – № 40, ст. 3822 ; 2010. – № 49, ст. 6411.

4. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации : федер. закон от 28 авг. 1995 г. № 154-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1995. – № 35, ст. 3506.

5. Шеремет К. Ф. Вопросы компетенции местных советов / К. Ф. Шеремет // Сов. государство и право. – 1965. – № 4.

6. Шугрина Е. С. Муниципальное право РФ : учебник / Е. С. Шугрина. – 2-е изд., доп. и перераб. – М., 2007.

References

1. Abdulaizova P. G. Local Authorities of the Municipal Formation : Organizational and Legal Aspects / Abdulaizova Patimat Gasanovna. – M., 2008.

2. Matveev M. N. Interaction of Representative and Executive Bodies in the System of Local Self-Government / Matveev Michail Nicolaevich. – M., 1992.

3. On General Principles of Organization of Local Self-Government Units in the Russian Federation: Federal Law № 131-FZ of October 6, 2003 ; in the Edition of December 29, 2010 // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2003. – № 40, art. 3822 ; 2010. – № 49, art. 6411.

4. On General Principles of Organization of Local Self-Government Units in the Russian Federation : Federal Law № 154-FZ of August 28, 1995 // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1995. – № 35, art. 3506.

5. Sheremet K. F. Issues of Competence of Local Councils / K. F. Sheremet // Soviet State and Law. – 1965. – № 4.

6. Shugrina E. S. Municipal Law of the Russian Federation / E. S. Shugrina. – 2nd ed., augm. and rev. – M., 2007.

В. В. Тулегенов,
доцент кафедры
уголовно-исполнительного права
ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук, доцент

V.V. Tulegenov,
Associate Professor
of the Department of Penal Law
of VLI of the FPS of Russia
Candidate of Law, Assistant professor

**КРИМИНАЛЬНЫЙ ПРОФЕССИОНАЛИЗМ:
ПРОБЛЕМА ПОИСКА НОВОГО ПОДХОДА**

**The Criminal Professionalism:
Problem of Searching of the New Approach**

Аннотация. В статье автор рассматривает понятие «криминальный профессионализм» и подвергает критическому анализу существующий подход к изучению криминального профессионализма.

Ключевые слова: криминальный профессионализм, профессиональный преступник, устойчивость, познания и навыки, корыстная мотивация, асоциальная среда, криминальный микросоциум, системный подход.

Abstract. The article considers the concept of «criminal professionalism». The author analyzes the existing approach to the study of criminal professionalism.

Key words: criminal professionalism, professional criminal, stability, knowledge and skills, self-serving motivation, asocial environment, criminal microsocium, systematic approach.

Значение понятия «криминальный профессионализм» складывается из значений двух слов «криминальный» и «профессионализм». С точки зрения русского языка криминальный означает преступный, уголовный (Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1994. Т. 2. С. 498). В свою очередь профессионализм толкуется как профессиональное мастерство (Большой толковый словарь русского языка. СПб., 2000. С. 1035).

Кроме того, при расширительном толковании под профессионализмом понимают особое свойство людей системно, эффективно и надежно выполнять сложную деятельность в самых разнообразных условиях (URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/профессионализм>).

А. И. Гуров рассматривает криминальный профессионализм как разновидность преступного занятия, являющегося для субъекта источником средств существования, требующего необходимых знаний и навыков для достижения конечной цели и обуславливающего контакты с антиобщественной средой (Гуров А. И. Профессиональная преступность: прошлое и современность. М., 1990. С. 40). Из данного определения вытекают четыре обязательных признака криминального профессионализма, а именно:

- 1) устойчивый вид преступного занятия (специализация);
- 2) определенные познания и навыки (квалификация);
- 3) преступления как источник средств существования;

- 4) связь с асоциальной средой.

Следует отметить, что такой подход к криминальному профессионализму и профессиональной преступности стал частью современной криминологической парадигмы. Данное утверждение основывается на том, что именно этот подход используется в учебниках по криминологии при описании профессиональной преступности (Криминология / под ред. В. Н. Бурлакова, В. П. Сальникова, С. В. Степашина. СПб., 1999. С. 477–507 ; Криминология / под ред. Г. А. Аванесова. М., 2005. С. 394–412). Безусловно, подобный криминологический взгляд на преступность в обществе, где само отрицание профессиональной преступности было одной из составляющих государственной идеологии, не мог не заслуживать уважения. Кроме того, как нам представляется, в 80-е – начале 90-х гг. прошлого века перечисленные признаки достаточно четко идентифицировали преступников-профессионалов. Это было обусловлено в первую очередь тем, что в советском обществе существовало всего лишь два принципиальных жизненных сценария: «законопослушный» и «криминальный». «Законопослушный» сценарий заключался в том, что жизненный успех, который главным образом определялся конкретным набором материальных благ, обуславливался прохождением ряда институтов социализации (школа – профессионально-техническое училище, техникум, институт – армия – работа). Согласно «криминальному» сценарию индивидuum большую часть жизни находился в пенитенциарных учреждениях, отбывая наказания, а меньшую часть проводил на свободе. При этом, находясь на свободе, данные индивидуумы игно-

рировали законопослушный образ жизни, а жили так называемой другой жизнью. Художественная реконструкция криминального образа жизни тех лет представлена в фильме В. М. Шукшина «Калина красная» и произведениях Д. А. Корецкого (Корецкий Д. А. Свой круг. М., 1998).

По сути, лица, избравшие тот или иной жизненный сценарий, составляли относительно независимые друг от друга социальные группы.

В этих условиях рассмотренные выше признаки криминального профессионализма позволяли в общей массе преступников достаточно четко идентифицировать профессиональных преступников. При этом микросоциум профессиональных преступников состоял преимущественно из лиц, систематически совершающих корыстные преступления. Для их идентификации данные признаки были вполне достаточны. Вместе с тем за последние двадцать лет накопилась критическая сумма форм и методов преступной деятельности и знаний о них, обуславливающая качественно новый подход к криминальному профессионализму. При этом мы исходим из науковедческого принципа соответствия и строим собственное видение криминального профессионализма в рамках прогрессивного развития науки.

Полагаем, что в настоящее время классическое понимание криминального профессионализма не в полной мере соответствует существующим реалиям. В качестве обоснования этого тезиса приведем следующие аргументы.

1. Такой признак, как устойчивость вида преступного занятия предполагает систематическое совершение однородных преступлений. Как известно, в теории уголовного права количественным критерием систематичности выступает совершение не менее трех преступлений (Советское уголовное право. Общая часть. М., 1981. С. 291), из чего следуют три немаловажных аспекта.

а) Криминальный профессионализм присутствует только в тех случаях, когда виновный совершил не менее трех преступлений, а в его действиях наличествует совокупность преступлений или рецидив.

б) Латентность преступлений, умелое исполнение преступления, когда виновного привлечь к уголовной ответственности невозможно, грамотная линия защиты, в том числе и с использованием уголовно наказуемых способов, когда виновный избегает уголовной ответственности, фактически исключают устойчивость, а вместе с ней и криминальный профессионализм.

в) После совершения первого и второго преступления, даже если они были тщательно продуманы и искусно исполнены, а впоследствии выявлены, доказаны и по ним вступил в закон-

ную силу обвинительный приговор суда, криминальный профессионализм отсутствует.

Таким образом, современное прочтение устойчивости, предполагающей систематическое совершение однородных преступлений, фактически исключает криминальный профессионализм. Ввиду того, что чем выше криминальный профессионализм, тем выше вероятность того, что виновный избежит уголовной ответственности, устойчивость будет отсутствовать. Иными словами, мы приходим к криминологическому парадоксу: криминальный профессионализм исключает устойчивость, а отсутствие устойчивости исключает криминальный профессионализм. Данный криминологический парадокс позволяет говорить о том, что в современных условиях при существующем научном подходе криминальный профессионализм в большей степени можно рассматривать только как теоретическую конструкцию, без какой-либо имплементации в законодательную и правоприменительную деятельность. Однако нам представляется, что использование понятия «криминальный профессионализм» только лишь в теории криминологии обедняет арсенал мер, имеющихся в распоряжении законодателя и правоприменителя.

2. Следующий признак предполагает наличие определенных познаний и навыков. Если данный признак рассматривать в его классическом понимании, когда преступник либо обладает навыками, которые можно выработать только за длительный отрезок времени, или навыки обусловлены физическими особенностями индивидуума, либо идет на серьезные жертвы ради криминального профессионализма, то вопросов, как правило, не возникает. Например, к навыкам, которые можно выработать только в течение продолжительного времени, мы относим мастерство карманного вора, его ловкость пальцев позволяет ему за считанные секунды вытащить из кармана материальные ценности. К навыкам, обусловленным физическими особенностями индивидуума, относится, например, физическая инфантильность, когда преступник одевался как школьник и совершал карманные кражи в отношении ничего не подозревающих пассажиров автобуса. К случаям, когда преступник идет на серьезные жертвы ради криминального профессионализма, мы причисляем ампутацию большого пальца правой руки для облегчения совершения карманной кражи.

В то же время, если мы рассматриваем так называемые пограничные ситуации, применение данного признака носит проблемный характер. Напрашивается аналогия со ставшей анекдотичной философской дилеммой: «стакан наполовину полон, или стакан наполовину пуст». Например, можно ли усматривать криминальный профессио-

нализм в случае, если в зимнее время совершена кража предметов, содержащих цветной или черный металл, с дачного участка, а виновный при этом использовал разводной ключ, монтировку или иные инструменты? С одной стороны, признаки криминального профессионализма налицо: виновный, во-первых, знал, что в зимнее время на дачах нет хозяев, дачный массив, как правило, не охраняется, на даче есть искомые предметы преступления, а во-вторых, обладал навыками обращения со слесарным инструментом. С другой стороны, можно говорить о том, что криминальных познаний и навыков здесь нет, соответственно и криминальный профессионализм отсутствует ввиду того, что практически каждый взрослый человек знает, что большинство дачных участков в зимнее время не охраняется, и имеет элементарные навыки обращения со слесарным инструментом.

3. Преступление как источник средств существования предполагает наличие корыстной мотивации при его совершении. Однако в настоящее время известны случаи, когда у виновного корыстная мотивация отсутствует, но в то же время трудно назвать совершаемые им деяния непрофессиональными. Например, у членов группировок так называемых скинхедов, как правило, отсутствует корыстная мотивация, однако они длительное время посвящают совершенствованию криминальных навыков. Так, трудно усомниться в отсутствии криминального профессионализма в действиях Василия Кривца, признанного виновным в совершении 15 убийств, исполняя которые он и его соучастники сбивали жертву с ног, кололи ножами в шею, живот и спину, а нанеся десятки ударов, убегали. Чаще всего пострадавшие умирали от кровопотери. При нападениях скинхеды использовали также молотки, обрезки металлической арматуры (Федосенко В. Приговор ненависти. Неонацист получил пожизненный срок // Рос. газ. 2010. 29 окт.).

4. Связь с асоциальной средой, которая заключается в том, что человек, вставший на путь совершения преступлений, отказывается тем самым от общепринятых, установленных в обществе социальных норм поведения и приобретает, усваивает совершенно новые модели, характерные для определенной антиобщественной группы (микросреды) (Гуров А. И. Указ. соч. С. 46–47). Своеобразной художественной реконструкцией полной самоидентификации с криминальной средой служит произведение братьев Вайнеров «Эра милосердия», когда члены банды «Черная кошка» вместе совершали преступления, вместе проводили свободное время и даже вместе проживали. Соответственно место каждого члена такого криминального микросоциума на стратификационной шкале обуславливалось в первую очередь естественным неравенством

(наличием жизненного и криминального опыта, личной харизмой, умственными способностями, физическими особенностями и т. д.). Добытые же криминальным промыслом денежные средства были направлены в основном на то, чтобы «красиво пожить», или, говоря другими словами, «купить новые ощущения», или «купить кусочек счастья». Таким образом, перед нами предстает некая замкнутая микросоциальная группа, которая существует как бы параллельно с законопослушным обществом.

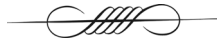
В настоящее время криминальный микросоциум стал принципиально иным. С одной стороны, он перестал быть замкнутым, растворился в обществе, на обществе же паразитирует и общество же разрушает. Яркой иллюстрацией выступает наркоситуация в стране. Так, в наркогруппировку, задержанную в Башкирии с 1 по 3 января 2011 г., входило пять группировок численностью более 200 активных наркодельцов. Ежемесячный доход от наркоторговли составлял примерно 1,5 млн долл., при этом большая часть «грязных» денег вкладывалась в легальный бизнес (Богданов В. Гендиректор по дури. Наркополиция ликвидировала крупнейшую в истории банду наркоторговцев // Рос. газ. 2011. 14 янв.).

С другой стороны, доходы, полученные от преступной деятельности, направлены в первую очередь не на покупку «ощущений» или «счастья», а на приобретение социального статуса в обществе (дорогой автомобиль, престижная недвижимость, средства производства и т. д.). Так, один из нападавших на инкассаторов в г. Санкт-Петербурге 28 декабря 2010 г. уже 3 января 2011 г. был задержан в автосалоне, где он выбирал престижную иномарку (Богданов В. Бандитов выдала детская коляска // Рос. газ. 2011. 5 янв.). Естественно, об идеале идентификации с преступной средой, воспетой еще Михаилом Кругом, когда все добытое преступным путем отдается в так называемый общак, виновный и не помышлял.

Проведенный нами анализ понятия криминального профессионализма не являет собой образец «критики ради критики», а выступает, как нам представляется, попыткой поиска нового подхода. Существующий подход к криминальному профессионализму, назовем его условно «статический», который основан на некоем «дозревании» преступника до количественного критерия (совершение трех и более преступлений); качественного критерия (наличие определенных умений и навыков); получения дохода от преступной деятельности, а также идентификации с криминальной средой, в настоящее время крайне проблематично проецировать на сложную криминальную обстановку в стране. Полагаем, что в современных условиях необходим иной подход,

основанный не на накоплении определенной критической массы, а скорее системный подход, когда о наличии криминального профессионализма можно судить даже на стадии планирования преступления. Мы исходим из того, что профессионализм – это особое свойство людей системно, эффективно и надежно выполнять сложную деятельность в самых разнообразных условиях. Преступная деятельность в условиях, когда преступнику противостоит государство в лице его правоохранительных органов, не может быть простой. То есть если индивидуум систем-

но, эффективно и надежно осуществляет преступную деятельность, то можно говорить о криминальном профессионализме. Таким образом, системный подход к изучению криминального профессионализма в первую очередь должен характеризоваться некой совокупностью критериев, которые позволяют говорить о том, что индивидуум системно, эффективно и надежно осуществляет или, наоборот, не осуществляет преступную деятельность и тем самым обладает или не обладает криминальным профессионализмом.

Библиографический список

1. Богданов В. Бандитов выдала детская коляска / В. Богданов // Рос. газ. – 2011. – 5 янв.
2. Богданов В. Гендиректор по дури. Наркополиция ликвидировала крупнейшую в истории банду наркоторговцев / В. Богданов // Рос. газ. – 2011. – 14 янв.
3. Гуров А. И. Профессиональная преступность: прошлое и современность / А. И. Гуров. – М., 1990.
4. Криминология. – М., 2005.
5. Советское уголовное право. Общая часть. – М., 1981.
6. Федосенко В. Приговор ненависти. Неонацист получил пожизненный срок / В. Федосенко // Рос. газ. – 2010. – 29 окт.

References

1. Bogdanov V. Bandits Given Away by a Baby Carriage / Bogdanov V. // Rossiyskaya Gazeta. – 2011. – Jan. 5.
2. Bogdanov V. Director General of Drug. Narco Police Liquidated the Largest Drug Gang in History / V. Bogdanov // Rossiyskaya Gazeta. – 2011. – Jan. 5.
3. Gurov A. I. Professional Crime: Past and Present / A. I. Gurov. – M., 1990.
4. Criminology. – M., 2005.
5. Soviet Criminal Law. Common Part. – M., 1981.
6. Fedosenko V. Verdict Hatred. Neo-Nazi Received a Life Sentence / V. Fedosenko // Rossiyskaya Gazeta. – 2010. – Oct. 29.

Д. З. Хамадишин,
начальник УФСИН России
по Республике Татарстан

D. Z. Khamadishin,
Chief of the Department of the FPS
in the Republic of Tatarstan

**ПРОБЛЕМЫ ВОЗМЕЩЕНИЯ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА РЕАБИЛИТИРОВАННОМУ:
ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ**

**Problems of Compensation for Moral Damage to the Rehabilitated:
Domestic and Foreign Experience**

Аннотация. Статья посвящена вопросам теории, отечественной и зарубежной практики возмещения морального вреда в уголовном процессе.

Ключевые слова: моральный вред, ущерб, потерпевший, компенсационные выплаты.

Abstract. The article is dedicated to the questions to theories and domestic and foreign practice of compensation for moral damage in criminal process.

Key words: moral damage, damage, victim, compensation payments.

Право на возмещение вреда, причиненного незаконным уголовным преследованием, закреплено в различных международных документах, в том числе в Конвенции о защите прав человека и основных свобод (1950 г.) (Бюл. междунар. договоров. 2001. № 3), Международном пакте о гражданских и политических правах (1966 г.) (Бюл. Верхов. Суда Рос. Федерации. 1994. № 12), Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (1984 г.) (Ведомости Верхов. Совета СССР. 1987. № 45, ст. 747), Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью (1985 г.) (Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»). Соответствующие правовые предписания о компенсации арестованному или лицу, признанному невиновным, содержатся в Римском статуте Международного уголовного суда (1998 г.) (Там же).

Все вышеназванные международные документы создали прочную основу для возмещения ущерба лицам, пострадавшим от незаконных действий в сфере уголовного судопроизводства, и стали базовыми при формировании института реабилитации в отечественном уголовном процессе. Конституция Российской Федерации в ст. 53 закрепила право каждого человека на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц. Данная конституционная норма получила дальнейшее развитие в ст. 1069 и 1070 ч. 2 ГК РФ.

Уголовно-процессуальный закон устанавливает исчерпывающий перечень видов возмещаемого вреда, причиненного реабилитированному незаконными действиями или решениями долж-

ностных лиц органов предварительного расследования, прокуратуры и суда (ст. 135, 136, 138 УПК РФ). Одним из прав реабилитированного является право на возмещение морального вреда.

УПК РФ, оперируя понятием «моральный вред», тем не менее ни в одной статье не закрепляет его определение.

Согласно ст. 151 ГК РФ под моральным вредом понимаются физические и нравственные страдания гражданина, причиненные действиями, нарушающими его личные неимущественные права или посягающими на другие нематериальные блага, принадлежащие гражданину, а в случаях, специально предусмотренных законом, – и нарушающими имущественные права гражданина).

Развернутое определение морального вреда содержится в п. 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20 декабря 1994 г. № 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда»: «Под моральным вредом понимаются нравственные или физические страдания, причиненные действиями (бездействием), посягающими на принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона нематериальные блага (жизнь, здоровье, достоинство личности, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна и т. п.), или нарушающими его личные неимущественные права (право на пользование своим именем, право авторства и другие неимущественные права в соответствии с законами об охране прав на результаты интеллектуальной деятельности), либо нарушающими имущественные права гражданина» (Рос. газ. 1995. 8 февр.).

Ученые-процессуалисты расходятся во мнениях по вопросам используемой терминологии и определения понятия «моральный вред».

Так, В. В. Нагаев говорит о необходимости замены понятия «моральный вред» на более удачное и емкое по содержанию «психологический вред» (существующий в США и Англии аналог). Психологический вред – это физические и психические страдания (Нагаев В. В. Основы судебно-психологической экспертизы. М., 2000. С. 245–246).

М. Н. Малеина рассматривает компенсацию морального вреда как способ защиты неимущественных благ. При этом она высказывает предположение о том, что «поскольку “нравственный” и “моральный” выступают как синонимы, более удачно было бы использовать в законодательстве термин “неимущественный вред”». Кроме того, «неимущественным вредом» предлагается считать физические и нравственные страдания, поэтому «правильно рассматривать неимущественный вред как физические и (или) нравственные переживания, а не как исключительно их альтернативу» (Малеина М. Н. Нематериальные блага и перспективы их развития // Закон. 1995. № 10. С. 102–105).

А. А. Власов под моральным вредом понимает «причиненный физическому лицу – независимо от умысла (вины) – нравственный ущерб. Ущерб выражается в унижении его чувств, состоит в создании у потерпевшего негативных ощущений и эмоций (нравственных переживаний, страданий) и влечет негативные последствия для его психики, носит нематериальный характер опосредованно (через сознание), причиняет также и физический вред. При этом данный автор выделяет (условно): нравственный вред, не связанный с физическим страданием (когда физическое страдание не соотносится с нравственным переживанием); нравственный вред, связанный с физическим страданием (когда физическое страдание соотносится с нравственным переживанием) (Цит. по: Кузнецова Н. В. Проблемы компенсации морального вреда в уголовном процессе. Ижевск, 1999. С. 11).

Следует разграничивать устранение последствий морального вреда и компенсацию за причиненный моральный вред в денежном выражении. К устранению последствий морального вреда относятся: а) принесение официального извинения от имени государства; б) опровержение порочащих лицо сведений, связанных с применением к нему незаконных действий, распространенных в средствах массовой информации или иным образом. Денежная компенсация морального вреда осуществляется в порядке гражданского судопроизводства.

Принесение официального извинения от имени государства должно производиться прокурором (Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Уголов-

ный процесс / под общ. ред. проф. А. В. Смирнова. М., 2008. С. 310).

Основное значение моральной реабилитации заключается в устранении образовавшегося в результате незаконного уголовного преследования разрыва между сложившимся о человеке негативным общественным мнением и истинной его невиновностью в инкриминированном ему преступлении. В связи с этим главным и наиболее действенным средством возмещения морального вреда является опровержение, которое позволяет восстановить честь человека, его доброе имя, репутацию. Отказ редакции или конкретного должностного лица в требовании реабилитированного, его родственников, органов дознания, следствия, прокурора или суда опровергнуть порочащие его сведения, необоснованность которых вытекает из самого факта реабилитации невиновного, есть не что иное, как незаконное лишение данного гражданина возможности осуществить свое право на восстановление его честного имени.

Возмещение морального вреда согласно ст. 136 УПК РФ включает: 1) принесение прокурором от имени государства официального извинения реабилитированному за причиненный ему вред; 2) возможность компенсации за причиненный моральный вред в денежном выражении; 3) восстановление необоснованно пострадавшей репутации путем сообщения о реабилитации в средствах массовой информации в случае, если сведения о его осуждении, заключении под стражу, применении мер принуждения и иных незаконных действиях в отношении реабилитированного были опубликованы в печати, распространены в иных средствах массовой информации; 4) направление письменных сообщений о принятых решениях, оправдывающих гражданина, по месту его работы, учебы или месту жительства.

Основным содержанием официального извинения являются публичное признание ошибки, допущенной органами расследования и судом, объявление о том, что ранее оглашенные данные о подозрении, обвинении или объявлении о виновности человека в совершении преступления, порочащие его честь и достоинство, не соответствуют действительности.

Официальное извинение может быть принесено реабилитируемому как в письменной, так и в устной форме. Обязанность принесения публичного извинения реабилитируемому согласно УПК РФ возлагается на прокурора, однако это не исключает подобных действий со стороны должностных лиц органов предварительного расследования или судей, непосредственно вынесших акт о реабилитации.

Решение суда о денежной компенсации реабилитированному за причиненный моральный

вред должно быть мотивированным. Нарушение этого требования влечет его отмену.

В случае смерти реабилитированного право на компенсацию морального вреда переходит в порядке универсального правопреемства его наследникам, родственникам или иждивенцам (за некоторыми изъятиями). В данном случае применяются нормы ст. 1116 ГК РФ о наследовании. Другие лица, имеющие в случае смерти потерпевшего (кормильца) право на возмещение вреда (обязательные наследники), определены в ст. 1088 ГК РФ и в федеральных законах от 15 декабря 2001 г. № 166-ФЗ (в редакции от 3 мая 2011 г.) «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации» (Рос. газ. 2001. 20 дек. ; 2011. 6 мая) и от 17 декабря 2001 г. № 173-ФЗ (в редакции от 27 июля 2010 г.) «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» (Парламент. газ. 2001. 20 дек. ; Рос. газ. 2010. 2 авг.). При отсутствии сведений о месте жительства, наследников, близких родственников, родственников или иждивенцев умершего реабилитированного извещение направляется им не позднее 5 суток со дня их обращения в органы дознания, органы предварительного следствия или в суд (ст. 134 УПК РФ).

В извещении, в частности, указывается, в какие органы и в какие сроки лицо вправе обратиться по поводу осуществления расчета вреда, связанного с уголовным преследованием, какими органами и в какой последовательности будут осуществляться выплаты, приниматься меры по восстановлению нарушенных прав, чести, деловой репутации, прежнего воинского, специального звания, возвращаться награды и т. д.

Опровержение в средствах массовой информации сведений о привлечении гражданина к уголовной ответственности, его задержании по подозрению в совершении преступления, об аресте или осуждении осуществляется по требованию реабилитированного, а в случае его смерти – его близких родственников или родственников или по письменному указанию суда, прокурора, следователя, дознавателя в течение 30 суток после поступления к ним указанных требований.

Письменные сообщения о принятых решениях, оправдывающих гражданина, направляются по месту его работы, учебы или месту жительства по требованию реабилитированного, а в случае его смерти – его близких родственников или родственников в срок не позднее 14 суток.

Размер денежной компенсации морального вреда определяется только судом в общеисковом порядке (ст. 1100 ГК РФ). При его определении суд руководствуется требованиями разумности и справедливости, учитывая все заслуживающие внимания обстоятельства: степень физических и

нравственных страданий, связанных с индивидуальными особенностями лица, которому причинен вред, степень распространения недостоверных сведений, характер и содержание публикации и т. п. (ст. 151, 1101 ГК РФ).

В настоящее время в практике российских судов институт компенсации морального вреда не нашел однозначного понимания, в связи с чем имеются трудности при его определении. Так, недостатки понятия «моральный вред» являются причиной различных его интерпретаций и неоднозначных суждений, что позволяет использовать определение в качестве аргументации, свободно трактуя его.

Очень серьезной практической проблемой является и вопрос определения соразмерности заявленной компенсационной суммы нравственным или физическим страданиям потерпевшего. Это в немалой степени обусловлено оценочным характером понятий разумности справедливости, а также отсутствием в законе каких-либо четких критериев определения размера компенсационной суммы. Данное обстоятельство и приводит к тому, что вместо обоснования конкретными факторами компенсационной суммы суд ссылается на оценочные законодательные формулировки без их конкретизации. В результате остается непонятным судебный вывод о том, почему и с учетом чего была взыскана та или иная сумма.

Так, житель села Дульдурга Агинского Бурятского автономного округа Михаил Романов провел в следственном изоляторе более двух лет. Он обвинялся в убийстве, а следствие по его делу длилось четыре года. Всего за это время было вынесено четыре приговора судом первой инстанции, которые последовательно отменялись в Верховном Суде Российской Федерации. Сначала районный суд дважды оправдывал Романова, но эти решения обжаловала прокуратура Агинского Бурятского автономного округа. Затем тот же районный суд дважды выносил обвинительные приговоры, которые опротестовывал уже сам Романов. В мае 2006 г. судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации окончательно признала его не причастным к преступлению, после чего Романов потребовал компенсации в размере 3 млн руб. Определяя сумму ущерба, пострадавший исходил из того, что в следственном изоляторе он заболел туберкулезом. Рассмотрение дела длилось почти год, пока 15 июня 2007 г. районный суд Агинского Бурятского автономного округа обязал Минфин России выплатить Романову 450 тыс. руб. (URL: <http://newtimes.ru/articles/print/10721>).

Другой пример. Жителю Тетюшского района Татарстана Сергею Сенину удалось добиться компенсации в размере 5 тыс. руб. С 2003 г. Сенин обвинялся в покушении на кражу и убий-

стве. В ночь с 12 на 13 июля 2003 г. в Тетюшах произошло убийство двух охранников в частном доме. Один из охранников перед смертью успел рассказать, что в охраняемый ими дом проникли двое грабителей, попытавшихся украсть сейф, в котором хранилось 15 тыс. руб. и два охотничьих ружья. При попытке скрыться грабители расстреляли охранников, один из которых умер на месте, а второй, успев вызвать «скорую помощь», скончался через несколько дней в больнице. Почему подозреваемым по этому делу стал именно Сенин, не понимал ни сам осужденный, ни следователи. Как три года утверждали оперативники, на его след милицию навел случайный свидетель, задержанный в ночь убийства за совершение административного правонарушения. Позже выяснилось, что из «свидетеля» показания «выбивали». Все три года, в течение которых велось следствие, родители Сенина прятали своего сына, а прокуратура отказывалась признавать его невиновным, не обращая внимание на убедительное алиби подозреваемого. Когда же обвинения в адрес молодого человека все же были сняты, суд оценил нанесенный ему моральный ущерб в 5 тыс. руб. (Там же).

Для российской правоприменительной практики является беспрецедентной сумма компенсации морального вреда, выплаченная жителю г. Альметьевска Республики Татарстан Евгению Веденину.

Евгений Веденин был арестован 20 мая 2001 г. по подозрению в убийстве начальника охраны ОАО «Татнефть» Александра Калякина. Как выяснилось в ходе следствия, жертва и обвиняемый не были знакомы друг с другом. Обвинение основывалось на показаниях свидетеля, который позже, в ходе судебного заседания, отказался от своих слов. Тем не менее Веденин был осужден по ст. 105 (убийство) и 222 (незаконное хранение огнестрельного оружия) УК РФ и приговорен к лишению свободы сроком на 15 лет с отбыванием наказания в колонии строгого режима, где провел почти 4 года.

Весной 2004 г. один из задержанных по другому делу сознался в убийстве Калякина. Уголовное преследование в отношении Веденина было прекращено, а он освобожден.

В мае 2005 г. Веденин обратился с иском о компенсации морального вреда, в котором просил обязать прокурора г. Альметьевска принести официальные извинения от имени государства и взыскать с ответчика – Минфина России – 5 млн руб. В заявлении он указал, что за время отбывания наказания был вынужден развестись с женой, его репутация честного человека среди близких и знакомых была подорвана, а в местах

лишения свободы он «был вынужден считаться с нормами и правилами тюремного сообщества».

По словам Веденина, в колонии он постоянно подвергался опасности быть убитым, искалеченным, морально униженным, заразиться каким-либо заболеванием. «Государство должно признавать и исправлять свои ошибки», – заявил на суде незаконно осужденный.

Альметьевский городской суд принял решение выплатить местному жителю Евгению Веденину 3 млн руб. в качестве компенсации морального вреда за незаконное осуждение (Независимая газ. 2006. 27 марта).

Теперь обратимся к зарубежному опыту и приведем примеры того, на какие компенсации государства могут рассчитывать бывшие подозреваемые, обвиняемые и незаконно осужденные в других странах, какова цена несвободы там.

Так, в конце июля 2007 г. в США суд удовлетворил иск 73-летнего Питера Лаймона и 75-летнего Джозефа Салвати к правительству страны. По решению суда руководство США обязалось выплатить Лаймону, Салвати, а также семьям двух других пострадавших денежную компенсацию в размере 101,7 млн долл. В 1968 г. суд США приговорил четверых невинных граждан – Питера Лаймона, Джозефа Салвати, Генри Тамелео и Луиса Греко – к длительным срокам тюремного заключения, в среднем до 30 лет лишения свободы, по обвинению в убийстве. Приговоры строились на основе показаний одного свидетеля, который, как выяснилось спустя 31 год, их оклеветал. Федеральный судья Нэнси Джертнер обязала правительство заплатить 101,7 млн долл. в качестве компенсации, из которых Лаймон получит 26 млн, Салвати – 29 млн, а наследники покойных Тамелео и Греко – по 13 млн и 28 млн долл. соответственно. В штате Массачусетс закон предусматривает, что незаконно осужденные могут получить до 500 тыс. долл. Такие же законы существуют еще в 12 штатах США (URL: <http://newtimes.ru/articles/print/10721>).

Другой пример. Гражданин Нидерландов Сеес Борсбоом провел в тюрьме четыре года. В июне 2000 г. его признали виновным в убийстве 10-летней девочки. По решению суда Борсбоом должен был провести в тюрьме 18 лет. Его спасло то, что в 2004 г. в полицию явился истинный убийца, Вик Хаалмейер, виновность которого подтвердил ДНК-тест. Расследование причин, по которым за решеткой оказался невиновный, показало, что и полиция, и прокуратура игнорировали важные улики и грубо обращались с единственным свидетелем – 11-летним подростком. В результате Борсбоому была выплачена компенсация в размере 600 тыс. 85 евро (Там же).

Рекордная выплата за неправильное осуждение была выплачена в Великобритании и составила 2,5 млн фунтов стерлингов. С 2006 г. расценки несколько снизились и теперь, как правило, не превышают 500 тыс. фунтов. Только за 2005 г. Великобритания выплатила жертвам судебных и следственных ошибок 8 млн фунтов стерлингов (Там же).

Таким образом, сегодня реабилитация потерпевшего происходит посредством взыскания в его пользу с виновного некой денежной суммы в качестве возмещения причиненного материаль-

ного ущерба и компенсации морального вреда. Полноценность реабилитации, законченность процесса восстановления нарушенных прав и законных интересов потерпевшего заключается в получении потерпевшим присужденной ему денежной суммы. Однако законодательные пробелы порождают неоднозначную практику правоприменения, которая часто складывается в зависимости от того, как толкуют правовые нормы правоприменители на местном уровне. Это оставляет вопрос о полноценности реабилитации потерпевшего в уголовном процессе открытым.

Библиографический список

1. Кузнецова Н. В. Проблемы компенсации морального вреда в уголовном процессе / Н. В. Кузнецова. – Ижевск, 1999.
2. Малеина М. Н. Нематериальные блага и перспективы их развития / М. Н. Малеина // Закон. – 1995. – № 10.
3. Нагаев В. В. Основы судебно-психологической экспертизы / В. В. Нагаев. – М., 2000.
4. Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 20 дек. 1994 г. № 10 // Рос. газ. – 1995. – 8 февр.
5. Смирнов А. В. Уголовный процесс : учебник / А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский ; под общ. ред. проф. А. В. Смирнова. – 4-е изд., перераб. и доп. – М., 2008.

References

1. Kuznetsova N. V. Problems of Compensation for Moral Damage in Criminal Process / N. V. Kuznetsova. – Izhevsk, 1999.
2. Maleina M. N. Non-Material Values and Prospects of Their Development / M. N. Maleina // Zakon. – 1995. – 10.
3. Nagaev V. V. Basics of Judicial and Psychological Examination / V. V. Nagaev. – M., 2000.
4. Some Questions of Putting into Practice Legislation on Compensation for Moral Damage : Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 20, 1994 № 10 // Rossiyskaya Gazeta. – 1995. – 8 Feb.
5. Smirnov A. V. Criminal Process / A. V. Smirnov, K. B. Kalinovskiy ; ed. by A. V. Smirnov. – 4th ed., rev. and enl. – M., 2008.

М. В. Шемелина,
*адъюнкт факультета подготовки
 научно-педагогических кадров
 Академии управления МВД России*

M. V. Shemelina,
*post-graduate student of the Faculty
 of Research and Teaching Staff Training
 of the Academy of Management
 of the Ministry of Internal Affairs of Russia*

ПОНЯТИЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ПРАВЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Concept of Legal Responsibility in Domestic Law: History and Modern Times

Аннотация. В статье автор анализирует понятие юридической ответственности в историческом аспекте и с современных позиций, приводит различные точки зрения по данному вопросу и высказывает собственную.

Ключевые слова: юридическая ответственность, государственное принуждение, правонарушение, виновность, наказание, права, обязанности, позитивный аспект, негативный аспект.

Abstract. In the article the author analyzes the concept of legal responsibility in its historical aspect and considers modern views as well as introduces different viewpoints on the given issue and expresses her own.

Key words: legal responsibility, state compulsion, offense, guilt, punishment, rights, duties, positive aspect, negative aspect.

Юридическая ответственность как категория права во многом зависит от конкретной исторической обстановки и законодательных изменений. В связи с этим встает вопрос о понимании ответственности в российском обществе.

Говоря об историческом аспекте данной проблемы, М. Ю. Горлач отмечает, что до тех пор, пока в отношении членов общества не вмешивалось государство, ответственность одного человека перед другим имела лишь социальный характер. Как только поведение людей стало подвергаться государственному регулированию, ответственность за отдельные деяния приобрела нормативное закрепление и юридический характер (Цит. по: Сиротин А. С. Юридическая ответственность по советскому праву // Проблемы ответственности и наказания в советском праве. М., 1990. С. 7). Государство, имея аппарат управления и подавления, активно включалось в социальные отношения людей, становилось их участником, переводя наиболее важные отношения в разряд правовых. Первоначально это участие было менее значительным. Однако увеличение государственного аппарата позволило защищать интересы личности в большем объеме. Государство стало расценивать посягательство на имущество или личность потерпевшего как вторжение в сферу общественно и государственно значимых отношений и приступило к воздействию правовыми средствами на нарушителей.

Будучи выражением взаимосвязи личности и государства, юридическая ответственность представляет собой один из гарантов правопорядка, гармонизации общественных отношений.

В отечественном праве дореволюционного периода не существовало единого и точного определения юридической ответственности. Различные ученые высказывали свои точки зрения по данному вопросу. Так, Н. С. Таганцев писал об определении меры ответственности и необходимости установления соотношения между посягательством на юридическую норму и следующей за ним карой (Таганцев Н. С. Русское уголовное право : лекции. Часть Общая. Спб., 1902. С. 45).

Для более точного раскрытия понятия юридической ответственности важно проанализировать основания наступления ответственности в Российской империи по Уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., к которым относились несомненная доказанность преступного деяния и виновность. Законодательство России этого периода уже знало такие формы вины, как умысел и неосторожность. Неосторожная вина влекла применение значительно более мягкого наказания по сравнению с виной умышленной. Кроме того, и это нужно отметить особо, неосторожность наказывалась только в случаях, прямо предусмотренных законом. Достаточно четко был определен случай как обстоятельство, не влекущее уголовной ответственности, в ст. 7 названного Уложения: «Зло, сделанное случайно, не только без намерения, но и без всякой со стороны учинившего оное неосторожности, не считается виною» (Свод законов Российской империи. Спб., 1912. Т. XV).

В дореволюционной России условия возникновения преступного деяния, значение его последствий сложно было объединить в определенном понятии конкретного преступления, так

как все они были очень разнообразны, но законодатель должен был оценить все эти условия и установить влияние их на меру ответственности.

Для установления правильной и точной меры ответственности за преступления необходимым руководством для судьи было то, что признал законодатель запретить под страхом наказания, т. е. само преступное посягательство. При выявлении лиц, подозреваемых в совершении преступлений в Российской империи, судья не мог назначить им наказание до тех пор, пока их вина не была доказана полностью.

В настоящее время проблема понимания юридической ответственности в отечественной правовой науке является также дискуссионной. В связи с этим необходимо рассмотреть некоторые подходы к пониманию данной категории права. Сегодня нет единого определения понятия «юридическая ответственность», поскольку оно довольно многогранно. Существование различных точек зрения объясняется разнообразием применяемых методов познания феномена юридической ответственности, акцентированием внимания авторов на тех или иных свойствах или признаках юридической ответственности в целом либо отдельных ее видов.

Проблему понимания можно рассматривать в двух аспектах. Сторонниками первого являются О. С. Иоффе, Л. С. Явич, которые считают, что юридическая ответственность связана с противоправным поведением, правонарушением, которое должно влечь за собой государственное принуждение, наказание. Правомерные действия субъекта в понимание юридической ответственности не входят. В данном случае можно говорить о ретроспективном аспекте юридической ответственности (Иоффе О. С., Шаргородский М. Д. Вопросы теории права. М., 1961. С. 285). На наш взгляд, согласиться с таким определением можно, но с некоторым дополнением позитивного характера. Юридическая ответственность отличается от других видов социальной ответственности тем, что обладает строгой формальной определенностью. Действительно, термин «основание ответственности» может употребляться в двух смыслах: как нормативное основание и как фактическое основание. Так, совершение правонарушения является фактическим основанием, а наличие норм права, предусматривающих ответственность, – формальным (Ивахненко С. Н. Юридическая ответственность в современном российском праве: проблемы правопонимания : дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2005. С. 3).

Однако юридическая ответственность представляется уже не только как следствие негативного явления, а как позитивное, предполагающее сознательное, ответственное отношение индивидов

к своим поступкам, образу жизни, людям, работе, т. е. это основа поведения субъекта, исключаящая нарушение правовых предписаний. Согласно этой позиции ответственность выражается в осуждении правонарушения, в установлении для правонарушителя определенных отрицательных лишений личного или имущественного характера. Сторонниками данного понятия являются Р. И. Косолапов, В. С. Марков, Н. И. Матузов (Косолапов Р. И., Марков В. С. Свобода и ответственность. М., 1969. С. 68 ; Матузов Н. И. Правовая система и личность. Саратов, 1987. С. 190). В данном случае можно согласиться с названными авторами. Однако при этом не только отношение граждан к своим поступкам, но и факт противоправного поведения должен присутствовать при определении ответственности за совершенное правонарушение.

Ряд исследователей возникновения ответственности связывают с наличием конкретного юридического статуса, который сам обуславливается положением личности в системе социальных отношений. Под правовым статусом понимается совокупность признанных и гарантированных государством прав, свобод и обязанностей лица. С этой точки зрения юридическая ответственность, понимаемая как правовая обязанность лица, является одним из элементов правового статуса и определяет его содержание (Кожевников О. А. Юридическая ответственность в системе права : монография. Тольятти, 2003. С. 44).

Многие ученые, среди которых О. С. Иоффе и М. Д. Шаргородский, понимают под юридической ответственностью «меру государственного принуждения, основанную на юридическом и общественном осуждении поведения правонарушителя и выражающуюся в установлении для него определенных отрицательных последствий в виде ограничения личного или имущественного порядка» (Иоффе О. С., Шаргородский М. Д. Указ. соч. С. 314). Такой же позиции придерживается Л. И. Спиридонов: «...те юридические последствия, которые с государственным принуждением не связаны, юридической ответственностью не являются. Она есть реакция общества и государства на правонарушение. Поэтому выступает как мера государственного принуждения, которая выражается в отрицательных последствиях для правонарушителя, наступающих в виде ограничений личного и имущественного порядка» (Спиридонов Л. И. Теория государства и права. М., 1996. С. 285–286).

Мы считаем, что юридическая ответственность неразрывно связана с правонарушением, из чего вытекает принцип неотвратимости ответственности, неизбежности ее наступления за любое правонарушение. Лишь в отдельных случаях, законодательно определенных, лицо освобождает-

ется от ответственности. Наказание правонарушителя является средством предупреждения совершения новых правонарушений. Однако говорить об ответственности лишь в негативном плане все же не стоит.

С нашей точки зрения, юридическую ответственность нужно рассматривать не только в ретроспективном, но и в перспективном (позитивном) аспекте: ответственность за свои будущие поступки. Виновный в совершении правонарушения

обязан нести ответственность за свои действия, а несение субъектом права позитивной юридической ответственности является необходимой предпосылкой квалификации деяния как правонарушения.

В заключение отметим, что для точного определения понятия юридической ответственности необходимо учитывать все вышеуказанные аспекты, только тогда понятие ответственности в современном обществе будет сформулировано наиболее полно и правильно.

Библиографический список

1. *Ивахненко С. Н.* Юридическая ответственность в современном российском праве: проблемы правопонимания : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Ивахненко Светлана Николаевна. – Ставрополь, 2005.
2. *Кожевников О. А.* Юридическая ответственность в системе права : монография / О. А. Кожевников. – Тольятти, 2003.
3. *Коркунов Н. М.* Русское государственное право. В 2 т. Т. 2 / Н. М. Коркунов. – Спб., 1892.
4. *Сиротин А. С.* Юридическая ответственность по советскому праву / А. С. Сиротин // Проблемы ответственности и наказания в советском праве. – М., 1990.
5. *Спиридонов Л. И.* Теория государства и права / Л. И. Спиридонов. – М., 1996.
6. *Таганцев Н. С.* Русское уголовное право : лекции. Часть Общая. В 2 т. Т. 1 / Н. С. Таганцев. – Спб., 1902.

References

1. *Ivahnenco S.N.* Legal Responsibility in Present Day Russian Law: Problems of Law Understanding / Ivahnenco Svetlana Nikolaevna. – Stavropol, 2005.
2. *Kozhevnikov O. A.* Legal Responsibility in the System of Law / O. A. Kozhevnikov. – Togliatti, 2003.
3. *Korkunov N. M.* Russian State Law. In 2 Vol. Vol. 2 / N. M. Korkunov. – Spb., 1892.
4. *Sirotin A. S.* Legal Responsibility According to the Soviet Law / A. S. Sirotin // Problems of Responsibility and Punishment in the Soviet Law. – M., 1990.
5. *Spiridonov L. I.* Theory of State and Law / L. I. Spiridonov. – M., 1996.
6. *Tagantsev N. S.* Russian Criminal Law. In 2 Vol. Vol. 1 / N. S. Tagantsev. – Spb., 1902.

УДК 321(091)

Н. И. Биюшкина,
*доцент кафедры теории и истории государства
и права Нижегородского государственного
университета им. Н. И. Лобачевского
кандидат юридических наук*

N. I. Biyushkina,
*Associate Professor of the Department of Theory
and History of State and Law of Nizhny Novgorod State
University named after N. I. Lobachevskiy
Candidate of Law*

**ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ РЕЖИМА СОДЕРЖАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРЕСТУПНИКОВ
в РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ в ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ АЛЕКСАНДРА III**

**Legal Regulation of the Prison Regime
for Political Criminals During the Reign of Alexander III**

Аннотация. Статья посвящена изучению особенностей правового регулирования режима содержания политических заключенных и соответствующей пенитенциарной правоприменительной практики в период правления Александра III. Характеризуются количественные изменения, связанные с созданием новых тюрем для содержания политических заключенных и реконструкцией существующих. Анализируется большое количество нормативных правовых актов, составивших юридическую основу функционирования тюремных мест для содержания политических заключенных в Российской империи в период с 1881 по 1894 г.

Ключевые слова: правовое регулирование, правоприменительная практика, пенитенциарная система, политические заключенные, ссыльнокаторжные, ссыльно-поселенцы, административно-ссыльные.

Abstract. The article is devoted to considering the peculiarities of the legal regulation of the prison regime for political prisoners and the corresponding penitentiary law enforcement practice during the reign of Alexander III. The author characterizes quantitative changes connected with the creation of new prisons for conviction of political prisoners and the reconstruction of the existent ones. As well the article carries out the analysis of a large number of normative and legal acts that constitute the legal basis of prison places functioning for conviction of political criminals in the Russian Empire during the period between 1881 and 1894.

Key words: legal regulation, law enforcement practice, penitentiary system, political prisoners, exiled-convicts, exile settlers, administrative exiles.

Правовое регулирование системы исполнения уголовных наказаний в период правления Александра III осуществлялось следующими нормативными правовыми актами: Свод учреждений и уставов о ссыльных в редакции 1890 г. (Свод законов Российской империи (далее: СЗРИ). Спб., 1890. Т. XIV); Свод учреждений и уставов о содержащихся под стражей в редакции 1890 г. (Там же)²; Положение о полицейском надзоре, учреждаемом по распоряжению административных властей, от 12 марта 1882 г. (Люкевич П. М. Полицейский надзор. Руководство по осуществлению подследственного, судебного и административного надзоров. Ломжа, 1913. С. 42–43); циркуляры Департамента полиции и Главного тюремного управления МВД; от 11 декабря 1879 г. «Об основных положениях, имеющих быть руководством при преобразовании тюремной части и при пересмотре Уложения о наказаниях»,

от 24 апреля 1884 г. «Об отмене заключения в смиренном и рабочем домах, о закрытии сих учреждений», от 11 июня 1885 г. «Об отмене установленного Уложением о наказаниях подразделения каторжных работ на рудничные, крепостные и работы на заводах», от 6 января 1886 г. «О занятии арестантов работами и о распределении получаемых от сего доходов», от 15 июня 1887 г. «Сокращение сроков наказания в одиночных тюрьмах», от 18 мая 1889 г. «О некоторых мерах по устройству новых тюрем и усилению тюремного надзора», от 29 марта 1893 г. «Об отмене телесных наказаний для ссыльных женщин» (Перечень законоположений по тюремной части. Спб., 1914).

Целью настоящей статьи является не раскрытие особенностей правового регулирования всей пенитенциарной системы Российской империи (этот вопрос подробно изучен такими исследователями, как: М. Н. Гернет, А. В. Пасек, Н. И. Петренко, А. А. Пионтковский, Д. Тальберг, И. Я. Фойницкий, Н. М. Ядринский и др.), а анализ тех изменений в данном процессе, которые явились следстви-

© Биюшкина Н. И., 2011

² Устав не претерпел серьезных изменений и в связи с этим редакция 1890 г. практически полностью соответствует редакции 1886 г.

ем общего правительственного курса в 1881–1894 гг., известного как контрреформы.

В период правления Александра III наблюдалась активизация административных мероприятий, направленных на укрепление вертикали власти. В январе 1884 г. каторжные тюрьмы для содержания политических заключенных перешли из ведения Главного тюремного управления в ведение Департамента полиции. В июне того же года были созданы губернские тюремные инспекции, в компетенцию которых входили восстановление и постройка новых тюрем, контроль за местами заключения. В тюрьмах был установлен строгий режим (Дворянов В. Н. В сибирской дальней стороне... (Очерки истории царской каторги и ссылки. 60-е гг. XVIII в. – 1917 г.) / под ред. А. Ф. Хацкевича. Изд. 2-е, перераб. и доп. Минск, 1985. С. 95).

В Российской империи в рассматриваемый период функционировало несколько политических тюрем, наиболее известными из которых являлись: Трубецкой бастион и Алексеевский рavelин Петропавловской крепости, Шлиссельбургская крепость (открыта как политическая тюрьма в 1884 г.), тюрьма III Отделения, Карийская каторжная тюрьма, тюрьма Суздальского монастыря, монастырская тюрьма на Соловках.

Подробнее остановимся на Шлиссельбургской крепости. На ее примере рассмотрим, какие существовали особенности в правовом регулировании режима содержания всех политических заключенных в 1881–1894 гг. в Российской империи.

Исследователь М. Н. Гернет отмечал особую роль товарища министра внутренних дел П. В. Оржевского в разработке Положения о Шлиссельбургской крепости. В его проекте было предусмотрено применение к заключенным телесных наказаний. Однако министр юстиции отрицательно отнесся к этому нововведению, указав на возможные негативные последствия, какими был отмечен процесс по делу Веры Засулич. Однако министр внутренних дел поддержал предложение П. В. Оржевского (Гернет М. Н. История царской тюрьмы. М., 1962. Т. 3: 1870–1900. С. 231), и 19 июля 1884 г. было высочайше утверждено Положение о Шлиссельбургской тюрьме, вошедшее в качестве приложения к ст. 12 примечания Свода учреждений и уставов о ссыльных. В нем устанавливалось, что назначение Шлиссельбургской тюрьмы – это обеспечение содержания государственных преступников, приговоренных, по лишении всех прав состояния, к отдаче в каторжные работы. Преступники заключались в эту тюрьму по распоряжению министра внутренних дел на срок, установленный в приговоре суда, по окончании которого они высылались на поселение в Сибирь. Вопросы опре-

деления инструкций начальника Шлиссельбургского жандармского управления, прав и обязанностей должностных лиц этого управления по отношению к заключенным, порядок их содержания и условия заведования тюрьмой в хозяйственном отношении были введены в полномочия товарища министра внутренних дел, заведовавшего полицейской частью.

За все нарушения тюремной дисциплины, а также за преступления, признаваемые по отношению к ссыльным каторжным маловажными, заключенные подлежали дисциплинарным взысканиям, предусмотренным ст. 222–225 кн. XVII «Заведения военно-тюремные» Свода военных постановлений (Спб., 1890). Среди них можно выделить следующие: 1) уменьшение пищи, вплоть до оставления на хлебе и воде, с сокращением нормы выдачи хлеба по сравнению с обычной на треть или половину; 2) запрещение говорить; 3) звание чиновных одним только именем, при крещении данным, а не по отчеству; 4) заключение в комнату уединения с небольшим светом от одних суток и на неделю включительно; 5) заключение в комнату уединения темную от одних до трех суток включительно (Уголовно-исполнительное законодательство России XIX – начала XX века : сб. норматив. актов М-ва внутр. дел Рос. Федерации. Рязань, 1998. С. 84).

За все прочие, более серьезные, преступления заключенные подлежали преданию военному суду, которому предписывалось при определении наказаний руководствоваться Сводом учреждений и уставов о ссыльных, а также п. «б» ч. 2 ст. 98 и 279 кн. XXII «Воинский устав о наказаниях» Свода военных постановлений (Спб., 1913)¹.

Первыми узниками Шлиссельбургской крепости, по сведениям М. Н. Гернета, стали: Фроленко Михаил, Исаев Григорий, Морозов Николай, Тригони Михаил, Попов Михаил, Щедрин Николай, Грачевский Михаил, Златопольский Савелий, Геллис Меер, Буцевич Александр, Минаков Егор. Всего в 1884 г. из 40 камер Шлиссельбургской крепости было занято 36, а к 1 января 1885 г. осталось 33 узника (Гернет М. Н. Указ. соч. С. 233–234). Статистика заполняемости Шлиссельбургской крепости, представленная М. Н. Гернетом, выглядит следующим образом: в 1885 г. – 1 человек, в 1886 г. – 3, в 1887 г. – 12, в 1890 г. – 2. Всего за период существования Шлиссельбургской крепости как политической тюрьмы в ее заточении находились четыре женщины: В. Фигнер, Л. Волкенштейн, С. Гинсбург, З. Конопляникова (Там же. С. 235, 239–240).

¹ Умышленное убийство, изнасилование, разбой, грабеж, умышленный поджог или потопление чужого имущества наказываются лишением всех прав состояния и смертной казнью.

Наибольшая численность вновь поступивших узников в 1887 г. объясняется фактом покушения на императора 1 марта 1887 г. (Сенченко И. А. Революционеры России на Сахалинской каторге. Южно-Сахалинск, 1963. С. 12–15)¹ и последовавшей реакцией правительства, обернувшейся волной арестов лидеров революционного движения, часть из которых была помещена в Шлиссельбургскую тюрьму перед казнью (Там же. С. 16–17)².

Одна из участниц покушения на императора Александра III 1 марта 1887 г. С. М. Гинсбург, приговоренная к смертной казни, которая впоследствии была заменена бессрочной каторгой, предварительно была заключена в Шлиссельбургскую крепость. В своей тетради она записала свои впечатления от этой тюрьмы, в которой впоследствии она покончила жизнь самоубийством: «...обращаю внимание начальства тюрьмы на положение сумасшедшего заключенного. Жандармы для времяпрепровождения останавливаются около его двери и начинают всячески издеваться над ним, доходя до невероятной животной гнусности. Я два раза останавливала жандармов, но такое обращение к их нравственному чувству было недостаточно, – и лишь угроза пожаловаться начальству заставила их отказаться от этого дикого развлечения» (Фрейфельд Л. Светлой памяти Софьи Михайловны Гинсбург // Каторга и ссылка : ист.-революц. вестн. 1924. Кн. 12. С. 270).

К 1891 г. репрессии правительства в отношении оппозиционных сил значительно ослабли в связи со стабилизацией внутривластной обстановки в стране, о чем свидетельствует и тот факт, что с 1891 по 1900 г. новых заключенных в крепость не поступало (Гернет М. Н. Указ. соч. С. 240).

¹ Остатки партии «Народная воля», разгромленной в 80-е гг. XIX в., продолжали существовать в виде разрозненных тайных кружков в Петербурге, Харькове, Екатеринославе, Одессе, Новочеркаске и других городах России. К одному из таких кружков принадлежал А. И. Ульянов. Признавая в качестве основного средства борьбы индивидуальный террор, в шестую годовщину убийства Александра II, 1 марта 1887 г., члены кружка предприняли попытку покушения на Александра III, которая, однако, не удалась. По факту преступления было арестовано 74 человека, 15 из которых были преданы суду Особого присутствия Правительствующего Сената, над остальными дело было разрешено в административном порядке. Все 15 участников процесса были приговорены к смертной казни, однако в отношении 10 человек Александр III заменил смертную казнь пожизненным заключением в Шлиссельбургскую крепость, остальные пять (включая и А. Ульянова) были повешены.

² В качестве наиболее яркого примера правительственной реакции на событие 1 марта 1887 г. можно назвать «дело 21-го» народовольца, одним из главных обвиняемых по которому являлся Г. А. Лопатин. Процесс в военно-окружном суде длился с 26 мая по 5 июня 1887 г. 15 участников процесса были приговорены к смертной казни. Впоследствии смертные приговоры были заменены заключением в Шлиссельбургскую крепость, ссылкой на каторгу.

По мнению М. Н. Гернета, основаниями для заочтения в Шлиссельбургскую крепость считались тяжесть государственного преступления и общественная опасность как самого преступления, так и субъекта, его совершившего. В соответствии с этими критериями выделялся целый ряд оснований для заключения: покушение на жизнь императора, участие в других крупных террористических актах, революционное прошлое, побеги из мест заключения (Там же. С. 236).

Анализ статистических данных, приведенных отечественными исследователями (Венедиктов-Бизюк Д. Г. По казематам Шлиссельбургской крепости. 2-е изд., доп. и испр. М., 1931 ; Гернет М. Н. Указ. соч. ; Новорусский М. В. Записки шлиссельбуржца. Пг., 1920 ; Панкратов В. С. Жизнь Шлиссельбургской крепости. 1884–1898. Пг., 1922), свидетельствует о преобладании среди узников Шлиссельбургской крепости представителей дворянского сословия, а также лиц с высшим и неоконченным высшим образованием, из чего следует, что средний возраст узников Шлиссельбурга составлял 20–30 лет.

На основании Положения о Шлиссельбургской крепости товарищ министра внутренних дел П. В. Оржевский 14 октября 1884 г. утвердил Инструкцию для чинов управления Шлиссельбургской тюрьмой и заключенных по предметам распределения дня, состава довольствия для заключенных, порядка и времени прогулок, пользования книгами и занятиями, состоящую из 16 параграфов, призванную уточнить режим содержания заключенных и распределить обязанности между чинами администрации (ГАРФ. Ф. 98. Оп. 1. Д. 165. Л. 14). В § 1 устанавливался особый режим посещения узников, согласно которому доступ в камеру осуществлялся в сопровождении старшего помощника начальника жандармского управления, за исключением права священника на индивидуальное посещение. Во § 2 регламентировались особенности нахождения узников в одиночной камере, в частности, запрещалось пользование койками во временной отрезок от утреннего чая до ужина. В течение дня старший помощник начальника жандармского управления был обязан раздавать книги и материалы для работы, которые отбирались у заключенных во время ужина. В § 5–9 регламентировались обязанности младшего помощника начальника жандармского управления, которые заключались в контроле: 1) за раздачей питания, 2) отчетностью по расходам, 3) освещением, одеждой, выдачей постельного и носильного белья. В § 10–11 были зафиксированы обязанности тюремного врача.

Анализ архивных документов позволяет судить о том, что МВД осуществляло строгий учет всех политических арестантов, поступавших в места заключения. В частности, в циркуляре нижегород-

ского губернатора от 5 мая 1885 г. № 175 сообщалось: «...при издании циркуляров и. д. губернатора на имя уездных исправников от 29 июля и 13 ноября 1881 г. за № 549 и 1096 о предоставлении непосредственно из мест заключения в Департамент полиции уведомлений по данным формам о каждом лице, заключаемом под стражу по обвинению в государственном преступлении, или вследствие сомнения в политической благонадежности, – имелось в виду доставление в Департамент этих сведений лишь о тех арестантах означенной категории, которые будут заключаемы под стражу в тюремные замки. Между тем ныне выяснилось, что Министерству требуется получать такие уведомления о всех политических арестантах, в каком бы месте заключения они ни содержались. Прошу уездных исправников принять за правило, чтобы при каждом случае поступления политических арестантов в одно из последних названных мест заключения и потом освобождения отсюда, или перевода из одного места заключения в другое, неукоснительно были составляемы, по указаниям, приложенным к циркуляру № 549, инструкции, в суточный срок упомянутого уведомления и по тщательной переписке в белой бланк отсылались с первой почтой в запечатанных конвертах с надписью “секретно, срочное” в Департамент полиции, и в то же время дубликат такого уведомления препровождался бы в канцелярию губернатора» (Центральный архив Нижегородской области (далее: ЦАНО). Ф. 361. Оп. 1. Д. 17. Л. 79, 79(об.).

М. Н. Гернет справедливо отмечал, что результатом действия таких правил стала высокая смертность узников: за первый же год существования новой тюрьмы погибло шесть узников, в том числе двое были казнены. В связи с этим следующее распоряжение П. В. Оржевского от 30 сентября 1885 г. содержало предложение о принятии мер «к улучшению внешней обстановки и внутренней жизни заключенных». М. Н. Гернет оценил это положение как начало «отступления тюремной администрации перед узниками...» (Гернет М. Н. Указ. соч. С. 233). К мерам по улучшению жизни заключенных относились: 1) пополнение тюремной библиотеки книгами по «философии, математике, истории и богословию»; 2) выдача узникам бумаги и карандашей при условии передачи всех материалов для хранения в контору тюрьмы; 3) допущение заключенных к уборке двора; 4) устройство огородов для работы на них заключенных.

В дальнейшем регламентация режима нахождения политических заключенных в соответствующих тюрьмах Российской империи была продолжена. В рамках предоставленной Положением о Шлиссельбургской тюрьме компетенции товарищ министра внутренних дел, заведо-

вавший полицией, генерал-лейтенант П. В. Оржевский 28 февраля 1886 г. утвердил Правила о порядке содержания политических арестантов в губернских и уездных тюремных замках и пересыльных тюрьмах (далее: Правила) (ЦАНО. Ф. 340. Оп. 2. Д. 8. Л. 79, 79(об.), 80). Они подробно регламентировали порядок административного надзора за политическими арестантами и носили общеимперский характер. В связи с этим, принимая во внимание иерархию нормативных правовых актов, данные Правила должны располагаться перед Инструкцией для чинов управления Шлиссельбургской тюрьмой и заключенных от 14 октября 1884 г., имевшей локальный характер. Однако с целью соблюдения хронологического принципа и сохранения внутренней логики содержания данных нормативных правовых актов (Инструкция от 14 октября 1884 г. издана во исполнение Положения о Шлиссельбургской тюрьме от 19 июля 1884 г.) мы сначала рассмотрели Инструкцию от 14 октября 1884 г., а теперь обратимся к Правилам.

Согласно Правилам арестанты непосредственно подчинялись смотрителю тюрьмы, они были обязаны беспрекословно исполнять все требования тюремного надзора и относиться к нему с должной почтительностью. В свою очередь, смотритель тюрьмы и все подчиненные ему чины управления и надзора должны были соблюдать по отношению к политическим арестантам спокойствие, строгость и беспристрастие, не входить с ними ни в какие сношения, помимо служебного сближения, не сообщать никаких сведений, не относящихся до объявления распоряжений высшего начальства, не принимать на себя никаких поручений и неукоснительно доносить начальству о всяких попытках нарушения этих правил.

Смотритель тюрьмы при исполнении своих обязанностей был подконтролен губернатору или градоначальнику соответствующей местности. В полномочия губернаторов и градоначальников по данному вопросу входило наблюдение за действиями смотрителей посредством полицмейстеров и уездных исправников (по отношению к местам заключения г. Москвы чины полиции не имели права надзора, таковой осуществлялся губернатором через посредство губернского правления). Последние при этом не имели права непосредственного распоряжения в тюрьме (за исключением случаев открытого беспорядка и сопротивления арестантов властям) и ограничивались лишь отдачей надлежащих указаний смотрителям и сообщением обо всем губернатору. Только в исключительных случаях прямого отступления смотрителей от существующих законов и инструкций полицмейстеры были уполномочены непосредственно отменять распоря-

жения зрителя с немедленным уведомлением об этом губернатора. Право разрешать свидания или рассматривать ходатайства заключенных принадлежало только губернаторам, которым предоставлялась возможность передать свои права по этой части начальникам жандармских управлений, полицмейстерам и исправникам, а в г. Москве – советнику губернского правления.

Регламентация порядка содержания политических арестантов в тюрьме осуществлялась в двух направлениях: в отношении подсудимых и административно-ссылных арестантов и в отношении присужденных к срочному тюремному заключению и направляемых в ссылку по приговору суда.

Арестанты, обвиняемые в государственных преступлениях, во время нахождения под следствием и судом содержались в особых камерах, не позволяющих им общаться как между собой, так и с общеуголовными арестантами. Размещение нескольких человек в одном помещении могло быть допущено не иначе как на основании письменного разрешения лица прокурорского надзора или чинов корпуса жандармов по принадлежности.

Арестанты, подлежащие административной высылке, могли содержаться по несколько человек в одном помещении, но отнюдь не вместе с подсудимыми и общеуголовными арестантами.

Находившиеся в одиночном заключении выводились на прогулку, в церковь и в комнату свиданий строго по одному. Арестанты, содержащиеся в общем помещении, пользовались правом совместной прогулки, на богослужение в тюремную церковь их также выводили вместе. Во время нахождения под стражей арестантам данной категории разрешалось иметь собственное белье, постельные принадлежности, обувь и одежду, а также они могли на принадлежащие им деньги «улучшать пищу». Разумеется, все вещи арестанта, доставляемые в тюрьму, подлежали тщательному осмотру и при обнаружении фактов недозволенных общений арестованного с внешним миром через эти вещи все немедленно конфисковывалось. Арестантам предоставлялось право по их выбору или питаться из общего котла, или же приобретать пищу на счет кормовых денег и собственных средств. За счет кормовых и собственных денег могли приобретаться по просьбе заключенного смотрителем или уполномоченным им лицом лишь припасы, из которых пища должна быть приготовлена на тюремной кухне. Передача готовой пищи или в виде продуктов как на свидании, так и в другое время, не позволялась, исключением были чай и сахар, но только после предварительного досмотра.

Арестантам дозволялись письменные занятия, чтение книг, ремесленные занятия в занимаемых

ими помещениях при соблюдении ряда условий. Смотритель тюрьмы утром выдавал заключенным бумагу и канцелярские принадлежности, подлежащие тщательному учету, а каждый вечер все материалы и выполненная работа отбирались до следующего дня. Все написанные арестантом бумаги ему не возвращались и хранились при делах тюремной канцелярии; письма и прошения, адресованные на имя должностных лиц, родственников и знакомых заключенного, рассматривались смотрителем и представлялись прокурору или чинам корпуса жандармов по принадлежности. Независимо от этого лица прокурорского надзора, чины корпуса жандармов имели право осматривать все написанное арестантом, равно как все письма и деловые бумаги, полученные на имя заключенных. Только после их разрешения смотритель выдавал арестанту корреспонденцию, полученную на его имя. Всякое уклонение арестованного от этого правила или возврат выданных ему канцелярских принадлежностей не в полном объеме и без представления уважительного объяснения влекло за собой прекращение письменных занятий в камере на все время нахождения арестанта в тюрьме. Для чтения арестантам разрешались книги исключительно серьезного и научного содержания, предварительно просмотренные лицами прокурорского надзора или чинами корпуса жандармов по принадлежности. Чтение газет и журналов арестантам не дозволялось. Смотрителям тюремных замков запрещалось принимать, даже для доставления прокурорскому надзору, какие-либо книги, приносимые для заключенного; отобранные же у последнего при доставлении его в тюрьму, направлялись лицам прокурорского надзора. Данные правила не распространялись на книги, находившиеся в тюремной библиотеке, которые выдавались арестантам для чтения непосредственно по распоряжению смотрителя, но лишь при условии тщательного просмотра их последним по возвращении от каждого арестанта в библиотеку. Тем не менее, как показывает практика, установленный порядок доступа заключенных к литературе не был абсолютным, и арестанты находили способы получать запрещенные издания. Так, по сообщению Департамента полиции от 22 мая 1885 г. № 190 (ГАРФ. Ф. 102. 3-е делопроизводство. 1885 г. Д. 379. Л. 4) в Московскую центральную пересыльную тюрьму проникали издания партии «Народная воля», которые распространялись среди политических арестантов. В связи с этим, по указанию Главного тюремного управления, за политическими арестантами было установлено «неослабое наблюдение»: при поступлении в тюрьму вещи политических арестантов тщательно осматривались; общение с посторонними лицами допускалось только с разрешения губернатора, под контролем тюремных надзирате-

лей; посылки и письма, получаемые политическими арестантами, по поручению губернатора лично просматривались чиновником Департамента полиции, который при появлении малейшего подозрения обращался к чинам губернского жандармского управления и охранного отделения. При направлении партии политических арестантов из тюрьмы их вещи осматривались чинами московской конвойной команды. Однако, по замечанию Департамента полиции, наблюдение за политическими арестантами со стороны чиновников тюремного надзора велось недостаточное, что влекло постоянное появление недозволенных изданий и распространение их среди заключенных (Там же. Л. 4–5).

При организации занятий арестантов различными ремеслами следовало иметь в виду, что они производились не иначе как по собственному желанию арестованного. При этом занятия, требовавшие для своего производства каких-либо инструментов, в особенности пил, топоров и т. п., с помощью которых могло быть повреждено здание или причинено увечье чинам тюремного управления и надзора или самому арестанту, не дозволялись (Яковлев С. П. Организационно-правовые формы трудоустройства лиц, осужденных к лишению свободы в дореволюционной России: XVII – начало XX вв. : дис. ... канд. юрид. наук. Чебоксары, 2005. С. 99)¹.

Лица, приговоренные за государственные преступления к аресту и отдаче в исправительные арестантские отделения гражданского ведомства, содержались в губернских и уездных замках лишь временно, впредь до перевода их в подлежащее место заключения, где они и содержались согласно правилам, установленным общими узаконениями для каждого рода мест заключения по принадлежности. Тем же правилам они подчинялись и во время нахождения в тюремных замках. Присужденные к заключению в тюрьме содержались в соответствии с правилами, установленными для содержащихся в тюрьмах и при полиции. В данном случае арестанты, приговоренные к срочному заключению за государственные преступления, содержались в особых камерах и не могли общаться с заключенными прочих категорий.

¹ Следует отметить, что, помимо необязательных занятий осужденных, Главное тюремное управление придавало особое значение привлечению осужденных к принудительному труду. Как отмечалось, например, в циркуляре от 25 апреля 1886 г. № 13, «занятия заключенных в тюрьмах работами с давнего уже времени считается как наукой, так и практикой одним из существеннейших условий тюремного заключения. Споспобствуя установлению дисциплины и порядка в тюрьмах, обязательная работа в то же время приучает арестантов к трудовой жизни, сообщая им познания, которые могут быть полезны и по выходе из мест заключения».

Осужденные в ссылку на житье как в губернии Сибирские, так и в отдаленные местности европейской России, подчинялись правилам, изложенным выше для административно-ссылных, и могли содержаться в одних с ними помещениях.

Ссылнокаторжные мужского пола из числа государственных преступников немедленно, по вступлении судебного приговора в законную силу, подвергались наложению оков и бритью половины головы, и затем преступники обоего пола лишались всех тех облегчений, которые дозволялись для арестованных прочих категорий. Они содержались в соответствии с Высочайше утвержденным мнением Государственного Совета от 24 апреля 1887 г. «О снабжении одеждою арестантов тюремных замков» в казенном белье, одежде и обуви (Петренко Н. И. Становление и развитие управления уголовно-исполнительной системой России : дис. ... д-ра юрид. наук. Рязань, 2009. С. 310 ; Полное собрание законодательства Российской империи. Изд. 3-е. Спб., 1889. Т. 7. Ст. 4376)², питались из общего котла, без права «улучшения пищи» за собственный счет, свидание им дозволялось лишь с особого разрешения губернатора, чтение книг ограничивалось исключительно книгами духовно-нравственного содержания, всякие ремесленные занятия, требующие инструментов, прекращались и дозволялись лишь письменные упражнения. При условии соблюдения таких ограничений они могли быть обязываемы смотрителем к производству работ, но не иначе как в занимаемых ими камерах.

Наиболее ярко условия содержания политических преступников в тюремном заключении иллюстрируют опубликованные отрывки из писем арестантов. Так, в письме М. Р. Ланганса от 19 марта 1882 г. (народоволец, участник покушений на Александра II, по процессу «20-ти» был осужден на бессрочные каторжные работы), содержавшегося в Петропавловской крепости, говорится: «Что тяжело здесь, так это абсолютное одиночество, какого в иные времена я не испытывал, пища же сносная пока, так как эти дни я покупаю себе ½ бут. молока, белого хлеба и пью, как водится, чай. Пока я сижу здесь, вещей мне никаких не нужно, так как пользоваться ими нельзя» (Письмо М. Р. Ланганса к родным. Петропавловская крепость, 19 марта 82 г. // Каторга и ссылка : ист.-революц. вестн. 1925. Кн. 16. С. 169).

² Высочайше утвержденным мнением Государственного Совета от 24 апреля 1887 г. вводилось правило об обязательном ношении арестантской одежды лицами, приговоренными к тюремному заключению и другим, более тяжким, наказаниям, связанным с лишением свободы. Циркуляром Главного тюремного управления от 14 октября 1887 г. № 20, изданным во исполнение указанного закона, утверждалось «Описание одежды, белья, обуви и постельных принадлежностей для содержащихся в губернских и уездных тюремных замках».

Правовой статус заключенного прекращался с отбытием назначенного судом наказания. Правоприменительную практику можно проследить на примере дела ссыльнокаторжного И. Сморчевского, который был признан судом виновным как участник Польского мятежа 1863 г., лишен всех прав состояния и дворянского достоинства, приговорен к ссылке в Сибирь на каторжные работы сроком на 10 лет. По сообщению московского обер-полицмейстера от 19 октября 1893 г. № 2250 (ГАРФ. Ф. 102. 5-е делопроизводство. 1893 г. Д. 296. Л. 3–4), по отбытии наказания И. Сморчевский прибыл в г. Москву для лечения и свидания с сыном. Департамент полиции уведомил, что И. Сморчевский может быть оставлен на жительстве в г. Москве.

Изучение особенностей правового регулирования режима содержания политических заключенных и соответствующей пенитенциарной правоприменительной практики в период правления

Александра III позволяет сделать следующие выводы. Прежде всего необходимо отметить количественные изменения, связанные с созданием новых тюрем для содержания политических заключенных и реконструкцией существующих, а также наличие многочисленных нормативных правовых актов, составивших юридическую основу функционирования тюремных мест. В частности, регламентировались такие вопросы, как ужесточение условий содержания заключенных, права и обязанности тюремно-надзирательного персонала, с одной стороны, и заключенных – с другой; усиление мер юридической ответственности по отношению к заключенным за нарушение режима содержания. Изменениям в сторону ужесточения подверглись также условия отбывания уголовного наказания для политических заключенных, находящихся на положении ссыльнопоселенцев, ссыльнокаторжных, административно-ссыльных.

Библиографический список

1. Венедиктов-Бизюк Д. Г. По казематам Шлиссельбургской крепости / Д. Г. Венедиктов-Бизюк. 2-е изд., доп. и испр. – М., 1931.
2. Гернет М. Н. История царской тюрьмы. В 5 т. Т. 3. 1870–1900 / М. Н. Гернет. – М., 1961.
3. Дворянов В. Н. В сибирской дальней стороне... (Очерки истории царской каторги и ссылки. 60-е годы XVIII в. – 1917 г.) / В. Н. Дворянов ; под ред. А. Ф. Хацкевича. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – Минск, 1985.
4. Люкевич П. М. Полицейский надзор. Руководство по осуществлению подследственного, судебного и административного надзоров / П. М. Люкевич. – Ломжа, 1913.
5. Панкратов В. С. Жизнь Шлиссельбургской крепости. 1884–1898 / В. С. Панкратов. – Пг., 1922.
6. Петренко Н. И. Становление и развитие управления уголовно-исполнительной системой России : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.11 / Петренко Николай Иванович. – Рязань, 2002.
7. Сенченко И. А. Революционеры России на Сахалинской каторге / И. А. Сенченко. – Южно-Сахалинск, 1963.
8. Яковлев С. П. Организационно-правовые формы трудоустройства лиц, осужденных к лишению свободы в дореволюционной России: XVII – начало XX вв. : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Яковлев Сергей Петрович. – Чебоксары, 2005.

References

1. Venediktov-Bizyuk D. G. Around Casemates of the Shlisselburgskaya Fortress / D. G. Venediktov-Bizyuk / 2nd ed., enl. and corr. – M., 1931.
2. Gernet M. N. History of the Imperial Prison. In 5 vol. Vol. 3. 1870–1900 / M. N. Gernet. – M., 1961.
3. Dvoryanov V. N. In the Siberian Far Corners ... (Sketches on the History of the Imperial Penal Servitude and Exile. 60s of the XVIIIth century – 1917) / V. N. Dvoryanov, ed. by A. F. Khatskevich. – 2nd ed., rev. and enl. – Minsk, 1985.
4. Lyukevich P. M. Police Supervision. Guidebook on the Realization of Strict, Judicial and Administrative Supervision / P. M. Lyukevich. – Lomzha, 1913.
5. Pankratov V. S. Life of the Shlisselburgskaya Fortress. 1884–1898 / V. S. Pankratov. – Pg., 1922.
6. Petrenko N. I. Formation and Development of the Management of the Penal System of Russia / Petrenko Nikolay Ivanovich. – Ryazan, 2002.
7. Senchenko I. A. Revolutionaries of Russia on Sakhalin Penal Servitude / I. A. Senchenko. – Yuzhno-Sakhalinsk, 1963.
8. Yakovlev S. P. Organizational and Legal Forms of the Use of Labour of the Convicted in Pre-Revolutionary Russia (XVII – the beginning of XX centuries) / Yakovlev Sergey Petrovich. – Cheboksary, 2005.

В. В. Егоров,
*аспирант кафедры теории и истории государства
и права юридического факультета
Нижегородского государственного университета
им. Н. И. Лобачевского*

V. V. Egorov,
*post-graduate student of the Department
of Theory and History of State and Law of the Faculty
of Law of Nizhniy Novgorod State University
named after N. I. Lobachevskiy*

РЕФОРМЫ АЛЕКСАНДРА II В ОТНОШЕНИИ ЕВРЕЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Reforms of Alexander II Concerning the Jewish Population of the Russian Empire

Аннотация. В статье дается характеристика правового положения еврейского населения Российской империи в XVIII–XIX вв., начиная со времен правления Екатерины II и заканчивая реформами Александра II. Анализируются положительные и отрицательные стороны последних.

Ключевые слова: еврейский вопрос, дискриминация, реформирование.

Abstract. The article gives the characteristic of the legal status of the Jewish population of the Russian empire in XVIII - XIX centuries starting with the rule of Ekaterina II and finishing with the reforms of Alexander II. Positive and negative sides of the latter are analyzed.

Key words: the Jewish question, discrimination, reforming.

Еврейский вопрос занимал важнейшее место в жизни Российской империи. Он оформился во второй половине XVIII в., когда в состав России вошли польские земли с их многочисленным еврейским населением. Екатерина II гарантировала евреям сохранение прав на владение собственностью и свободное вероисповедание. Официальный плакат от 16 августа 1772 г. гласил: «Всем новым подданным, а теперь любезным согражданам, Величественная государыня изволит не только подтверждать при совершенной и неограниченной свободе в публичном отпращивании веры, также и при записи каждого владения имуществом, но и совершенно под державою своей усыновляя, наградить их в полной мере и без всякого изъятия всеми теми правами, вольностями и преимуществами, какими пользуются ее древние подданные, что каждое состояние из жителей присоединенных земель вступает с самого сего дня во все оному свойственные выгоды по всему пространству империи Российской» (Полн. собр. законов Рос. империи. СПб., 1830. Собр. первое. Т. 19. С. 555).

Однако, по сути, императрица значительно осложнила решение еврейского вопроса, издав 23 декабря 1791 г. указ, оформивший пресловутую черту оседлости – границу территории, за пределами которой не разрешалось проживание евреям, исповедующим иудаизм (Там же. Т. 23. С. 287).

По мнению А. Н. Гончарова, «черта оседлости являлась звеном, с помощью которого различные законоположения соединялись воедино в целостный, но замкнутый узел» (Гончаров А. Н. Развитие российского законодательства о праве

жительства и передвижения евреев. Черта еврейской оседлости : популяр. очерк // Сибир. еврейс. сб. Иркутск, 1992. Вып. 1. С. 79).

Важно отметить, что этот печально известный указ Екатерины II появился вследствие «жалобы московских купцов, не желавших конкурировать с евреями» (Желтова В. П. Правовое положение евреев в Российской империи // Призвание историка. Проблемы духовной и политической истории России : сб. ст. М., 2001. С. 76), которые просто опасались конкуренции с их стороны.

По мнению Е. Б. Левина, отношение законодателя к евреям было изначально предвзятым, так как «евреи, находящиеся в подданстве России, были отнесены законом к числу инородцев»². (Левин Е. Б. Сборник ограничительных законов и постановлений о евреях. СПб., 1902. С. 1).

В эпоху правления Павла I евреям разрешили жить в Ковно и Каменец-Подольском (Полн. собр. законов Рос. империи. СПб., 1830. Собр. первое. Т. 26. С. 94). Кроме того, император отклонил предложения о выселении евреев из Киева и об ограничении их участия в выборах местных органов. Однако с 1800 г. евреев стали ссылать за долги и бродяжничество в Сибирь (Там же. С. 150).

Александр I также проводил в отношении еврейского населения двойственную политику. Так, в 1802 г. был создан Комитет по благоустройству евреев (В. П. Кочубей, М. М. Сперанский и др.), который приступил к реформе, якобы вызванной необходимостью спасения крестьян от вреда, причиняемого им евреями. Девятого декабря 1804 г. вступило в силу положение «О устройстве евреев»,

² Инородцы – особая группа населения Российской империи, не использовавшая в повседневном быту великорусское наречие.

гласившее, что «евреи могут быть принимаемы и обучаемы без всякого различия от других детей, во всех российских училищах, гимназиях и Университетах». (Там же. Т. 28. С. 731–737). Однако, по мнению Г. В. Костырченко, на практике этим правом смогли воспользоваться лишь немногие из основной массы еврейского населения, жившей по традиционному укладу, запрещавшему обучение детей в общеобразовательных школах (Костырченко Г. В. Сталин против космополитов. Власть и еврейская интеллигенция в СССР. М., 2010. С. 29).

Важно отметить, что положение «О устройстве евреев» содержало существенное ограничение экономической деятельности евреев: в соответствии со ст. 34 «никто из Евреев, ни в какой деревне и селе не может содержать никаких аренд, шинков, кабаков и постоянных дворов» (Полн. собр. законов Рос. империи. СПб., 1830. Собр. первое. Т. 28).

Начиная с 1809 г., правительством был взят политический курс на разрушение традиционного уклада жизни евреев якобы с целью приобщения их к европейской культуре (Гончаров А. Н. Указ. соч. С. 79). Между тем, по нашему мнению, это был курс, направленный на насильственную русификацию евреев.

Указом 1823 г. евреям запретили жить в сельской местности в 50-верстной полосе вдоль границы, мотивируя это борьбой с контрабандой (Полн. собр. законов Рос. империи. СПб., 1853. Собр. первое. Т. 38. С. 910–911). В 1824 г. евреям – иностранным подданным запретили селиться в Российской империи, дабы численность их диаспоры в дальнейшем серьезно не увеличивалась (История евреев в России. URL: <http://si.mykolev.ru/judaism/russia/>).

В эпоху правления Николая I было издано около 600 законодательных положений, касающихся еврейского вопроса (Миндлин А. Б. Государственные, политические и общественные деятели Российской империи в судьбах евреев. 1762 – 1917 годы : справ. персоналий. СПб., 2007. С. 240).

В 1827 г. был принят печально известный Устав о рекрутской повинности и военной службе, приведший к отмене денежного налога как средства отбывания рекрутской повинности. Формально евреи служили с 12 до 25 лет, реальная служба начиналась с 18-летнего возраста. С 12 до 18 лет евреи зачислялись в батальоны кантонистов, откуда большинство их отправляли в школы кантонистов, некоторых определяли в села на постой либо в ученики к ремесленникам.

«Рекрутов евреев отправляли на самые дальние окраины Российской империи с целью отвлечь их от традиционного религиозно-бытового уклада и приобщить к жизни в русской

среде» (Петровский-Штерн Й. Евреи в русской армии. М., 2003. С. 43).

Двадцать восьмого декабря 1828 г. был издан указ «О воспрещении евреям, выходящим из Царства Польского, водворяться в России». Тогда фактически установилась параллельная черта оседлости евреев, состоящая из 10 губерний Царства Польского (Полн. собр. законов Рос. империи. СПб., 1830. Собр. второе. Т. 3. С. 1228–1229).

В 1844 г. были упразднены кагалы¹, введен институт казенных раввинов и ученых евреев. Евреям запретили поступать на государственную службу, «доколе они остаются в еврейском законе». (Там же. СПб., 1845. Собр. второе. Т. 19. С. 887–890).

В Уложении о наказаниях 1845 г. публичные иудейские богослужения были приравнены к бесчинствам и беспорядкам (Ведерников В. В. Еврейский вопрос в политике самодержавия (1850–1860 гг.). URL: <http://base.ijc.ru/new/site.aspx?STID=245090&SECTIONID=250390&IID=249382>).

В 1850 г. было запрещено ношение традиционной еврейской одежды. После 1 января 1851 г. лишь престарелые евреи могли донашивать традиционные костюмы, но только при условии уплаты соответствующего налога. В апреле 1851 г. запретили женщинам еврейской национальности бритье головы, а с 1852 г. – ношение пейсов, талесы (тфиллины), ермолки и кипы можно было одевать только в синагогах (Свод законов Рос. империи. СПб., 1912. Кн. 3, т. 9. С. 89).

Для распространения русского языка среди евреев, а также для контроля над их религиозной жизнью в 1840-е гг. были созданы государственные начальные еврейские училища, а также два раввинских училища (в Вильно и Житомире), для подготовки образованных раввинов и учителей (Полн. собр. законов Рос. империи. СПб., 1845. Собр. второе. Т. 19. С. 888).

Анализ законодательных актов XVIII – начала XIX вв. позволяет сделать вывод о том, что правительство не стремилось к уравниванию евреев в правах с остальным населением империи. Немногочисленные нормы, принимаемые для улучшения жизни евреев, по сути, не приносили существенных результатов, тем более, что дискриминационные нормы преобладали. Это особенно ярко проявилось в эпоху правления Николая I.

В начале своего царствования Александр II продолжал действовать в духе политики своего отца. Вводились разные ограничительные акты, например, запрещавшие евреям приобретать недвижимость в Черниговской, Харьковской и

¹ Кагал – традиционный орган общинного управления евреев.

Полтавской губерниях, а также служить во флоте (Гессен Ю. И. История еврейского народа в России. Л., 1927. Т. 2. С. 108–111).

Однако в дальнейшем реформы Александра II, касающиеся еврейского населения, приобрели либеральный характер.

По мнению В. С. Дякина, реформы императора имели в первую очередь корыстные цели и были вызваны «осознанием правящими кругами необходимости содействовать развитию российской промышленности как людскими ресурсами, так и капиталами» (Дякин В. С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма. XIX век // Вопр. истории. 1995. № 9. С. 138). Действительно, во второй половине XIX в. в Белоруссии и Малороссии жили и работали богатые еврейские промышленники: Гинцбурги, Поляковы и Бродские. В 1878 г. евреи контролировали 60 % хлебного экспорта России! В то же время правовые ограничения не позволяли евреям существенным образом расширить свою предпринимательскую деятельность. Более того, сосредоточенность еврейского населения в черте оседлости порождала среди них нищету.

Однако 26 августа 1856 г. вышел указ «О даруемых евреям облегчениях по исполнению рекрутской повинности», которым евреи были приравнены по числу взимаемых рекрутов к остальному населению (Гончаров А. Н. Указ. соч. С. 181).

Был разрешен прием на государственную службу лиц, обладающих учеными степенями в области медицины и других наук. Во время службы они имели право жить за пределами черты оседлости. Евреям-купцам первой гильдии также разрешили жить за пределами черты оседлости, однако в течение 10 лет после переселения они обязаны были состоять в гильдии и платить пошлины. Если они выходили из гильдии раньше этого срока, то обязаны были вернуться в черту оседлости (Гессен Ю. И. Указ. соч. С. 144, 154–155).

В 1858 г. решение о выселении евреев из 50-верстной пограничной полосы было отменено, но вместе с тем запрещалось водворение в этой местности новых поселенцев (Желтова В. П. Указ. соч. С. 86).

В 1861 г. Государственный Совет принял закон, который разрешал евреям, имеющим ученые степени, селиться в любой части страны. Военнослужащие евреи были приравнены в правах к представителям других нехристианских вероисповеданий, в отношении которых проводилась менее жесткая политика: мусульманам и др. (Полн. собр. законов Рос. империи. Спб., 1863. Собр. второе. Т. 36. С. 509–510).

В 1864 г. была разрешена аренда евреями земельных имений, а впоследствии приобретение

помещичьей земли без крестьян, но вместе с тем в 1864 г. вышел указ о запрете приобретать любые земли и использовать любые другие формы перехода земель к евреям (Краткое собрание правительственных мер по еврейскому вопросу в России : материалы комиссии по устройству быта евреев. Спб., 1879. С. 20).

В том же году Александр II утвердил новый устав гимназий, в котором говорилось, что в них должны обучаться дети всех сословий без различия вероисповедания (Электронная еврейская энциклопедия. Россия. Эпоха «Великих реформ» (1855–1881). URL: <http://www.eleven.co.il/article/15441>).

В 1865 г. некоторым группам евреев-ремесленников разрешили повсеместное жительство с семьями. Однако впоследствии вышло положение о том, что право это действует только до срока прекращения занятия ремеслом (Юхнева Н. В. Этнический состав и этносоциальная структура Петербурга. Вторая половина XIX – начало XX вв. Л., 1984. С. 210).

Указом 1866 г. евреям разрешили, наравне с остальными гражданами империи, заниматься торговлей в городах, входящих в черту оседлости, а в деревнях только там, где жили евреи (Полн. собр. законов Рос. империи. Спб., 1863. Собр. второе. Т. 36. С. 294).

Важно отметить тот факт, что уже в середине 1860-х гг. либеральные меры привели к усилению еврейского самосознания и ослабеванию культурно-нравственной изоляции евреев. Молодые евреи увлекались изучением русского языка, поступали в университеты и гимназии, все чаще перенимали русские обычаи.

На фоне этих либеральных мер любые попытки насильственной русификации евреев демонстрировали свою бессмысленность и бесполезность. Разумная и гуманная политика Александра II принесла гораздо более ощутимые результаты!

В 1868 г. был аннулирован закон, запрещавший российским евреям селиться в Царстве Польском, а польским – в России. По нашему мнению, это было одно из важнейших преобразований времен правления Александра II, так как отменялась фактически существовавшая параллельная черта оседлости евреев (Электронная еврейская энциклопедия. Россия. Эпоха «Великих реформ» (1855–1881)).

Однако в Городовом положении 1870 г. предусматривалось, что число евреев в городских думах и управах не должно превышать одной трети от общего состава этих органов.

Указом 1873 г. еврейские казенные училища были преобразованы в начальные еврейские училища, раввинские училища – в специальные еврейские учительские институты (Евреи Восточной Украины в Российской империи. URL:

http://www.religion.in.ua/zmi/foreign_zmi/5623-evrei-vostochnoj-ukrainy-v-rossijskoj-imperii.html).

К сожалению, ограничению подверглась экономическая деятельность еврейского населения. Циркуляр МВД Российской империи 1875 г. предписывал евреям-ремесленникам вне черты оседлости торговать только своими изделиями, алкогольные напитки евреи могли продавать только в собственных домах.

В 1879 г. было издано Высочайшее повеление, по которому евреям-выпускникам высших учебных заведений разрешалось жить вне черты оседлости. Это же право получили дантисты, лекари, помощники аптекарей, фельдшеры и повивальные бабки (Никитин В. Н. Евреи-земледельцы: историческое, законодательное, административное и бытовое положение колоний со времени их возникновения до наших дней (1807–1887). Спб., 1887. С. 2–3). По нашему мнению, это была настоящая победа еврейского населения, которое своими разносторонними талантами доказало правительству высокую значимость своей трудовой деятельности для политической, экономической и культурной жизни страны и даже для здравоохранения всего населения империи, независимо от национальной принадлежности.

Третьего апреля 1880 г. был разослан циркуляр МВД Российской империи, который обязывал губернаторов внутренних губерний России не выселять евреев, незаконно поселившихся в этих губерниях (История евреев Российской империи. URL: <http://jhistory.nfurman.com/lessons/9/1870.htm>).

Однако издание этих многочисленных либеральных актов не означало, что дискриминация евреев была полностью прекращена. Так, во времена царствования Александра II продолжало действо-

вать правило, в соответствие с которым дискриминационные ограничения применялись к евреям, исповедующим иудаизм. Евреи, перешедшие в православие, не подвергались таким ограничениям.

По мнению Л. Р. Романовской, «реформы носили крайне ограниченный характер. Право всеместного жительства получила все же сравнительно небольшая часть евреев. Сохранился взгляд на иудаизм как на едва терпимую религию» (Романовская Л. Р. Иноверцы в Российской империи (историко-правовое исследование). Н. Новгород, 2006. С. 215).

Л. В. Кальмина и Л. В. Курас отмечают, что «политику Александра II даже при всей ее непоследовательности нужно считать брешью в крепости антиеврейского законодательства» (Кальмина Л. В., Курас Л. В. Еврейская община в западном Забайкалье (60-е гг. XIX – до 1917 г.). Улан-Удэ, 1999. С. 18).

С нашей точки зрения, реформы Александра II не имели логической завершенности. Не были осуществлены необходимые преобразования в жизни евреев: полное уравнивание их в правах с остальным населением, отмена черты оседлости, прекращение дискриминации по религиозному признаку. Власть не делала ничего, чтобы большинство великоросского населения относилось к еврейской нации, как к равной себе.

В современной России остро стоит проблема межэтнической розни. Сохранение единой, многонациональной страны является для россиян задачей номер один. Невозможно, не учитывая ошибок прошлого, строить настоящее и мечтать о будущем. История несет нам множество ответов на злободневные вопросы современности, ибо всегда легче учиться на ошибках прошлого.

Библиографический список

1. Гессен Ю. И. История еврейского народа в России. В 2 т. Т. 2 / Ю. И. Гессен. – Л., 1927.
2. Желтова В. П. Правовое положение евреев в Российской империи / В. П. Желтова // Призвание историка. Проблемы духовной и политической истории России : сб. ст. – М., 2001.
3. Миндлин А. Б. Государственные, политические и общественные деятели Российской империи в судьбах евреев. 1762–1917 годы : справ. персоналий / А. Б. Миндлин. – СПб., 2007.
4. О устройстве евреев : Высочайше утвержд. положение от 9 дек. 1804 г. // Полн. собр. законов Рос. империи. – Спб., 1830. – Собр. первое. – Т. 28.

References

1. Hessen Yu. I. History of the Jewish People in Russia. In 2 vol. Vol. 2 / Yu. I. Giessen. – L., 1927.
2. Zheltova V. P. Legal Status of the Jews in the Russian Empire / V. P. Zheltova // Vocation of a Historian. Problems of Spiritual and Political History of Russia. – M., 2001.
3. Mindlin A. B. State, Political and Public Figures of the Russian Empire in the Fortune of the Jews. 1762–1917 / A. B. Mindlin. – Spb., 2007.
4. On Settling the Jews : Provision Approved by Emperor on December 9th, 1804. // Full Collection of Legislation of the Russian Empire. – Spb., 1830. – Collection 1. – Vol. 28.

Д. А. Ерин,
доцент кафедры
государственно-правовых дисциплин
ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук, доцент

D. A. Erin,
Associate Professor of the Department
of State and Law Studies
of VLI of the FPS of Russia
Candidate of Law, Assistant professor

**ФУНКЦИИ ВЕДОМСТВЕННОЙ МИЛИЦИИ РСФСР
В ПЕРИОД ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ**

**Functions of Subordinated Militia in RSFSR
in the Period of New Economic Policy**

Аннотация. Статья посвящена исследованию функций ведомственной милиции в РСФСР в период с 1924 по 1925 г. Раскрываются особенности правового регулирования функций ведомственной милиции Советского государства.

Ключевые слова: история отечественного государства и права, милиция РСФСР, история, ведомственная милиция.

Abstract. The article is devoted to considering the functions of subordinated militia in the RSFSR between 1924 and 1929. It discloses peculiarities of the legislative regulation of functions of subordinated militia units in the Soviet State.

Key words: history of Russian state and law, RSFSR militia, history, subordinated militia.

Новая экономическая политика потребовала перестройки организации и деятельности милиции в РСФСР, отвечающей проводимому в стране партией большевиков курсу, направленному на подъем экономики, разрушенной в годы революции и гражданской войны.

Эффективное развитие промышленности и торговли было невозможно без обеспечения надлежащей охраны не только средств производства, но и продукции как промышленной, так и сельскохозяйственной.

Ликвидация промышленной милиции в 1922 г. фактически оставила без надлежащей охраны промышленные и хозяйственные объекты РСФСР, причем необходимость обеспечения сохранности государственной собственности продолжала сохраняться. Вместе с тем, как справедливо отмечал начальник Центрального административного управления (далее: ЦАУ) НКВД РСФСР – Начальник милиции республики И. Ф. Киселев, «...после ликвидации различных видов милиции, имевшихся ранее в составе общегосударственной милиции, и ограничения работы последней только выполнением общих задач по охране революционного порядка и безопасности совершенно справедливо встал вопрос о порядке охраны имущества, принадлежащего государству, и организации для этой цели каких-либо специальных видов вооруженной охраны» (Киселев И. Ф. Ведомственная милиция и принципы ее организации. М., 1929).

После почти двухгодичного периода поиска наиболее оптимальных форм организации эффективной охраны предприятий и учреждений

Советского государства в РСФСР была создана ведомственная милиция.

Организационно-правовое регулирование формирования ведомственной милиции и ее деятельности осуществлялось на основании постановления СНК РСФСР от 6 февраля 1924 г. «О ведомственной милиции» (Государственный архив Российской Федерации. Ф. 393. Оп. 43(а). Д. 277. Л. 18–18(об) (далее: ГАРФ), циркуляра НКВД РСФСР от 23 мая 1924 г. № 217 «О принципах организации ведомственной милиции» (Бюл. НКВД. 1924. № 19), а также Положения о ведомственной милиции и Инструкции о порядке организации ведомственной милиции и ее деятельности, утвержденной приказом начальника ЦАУ от 24 февраля 1925 г. (Действующие распоряжения по милиции. М., 1928).

Из текста постановления СНК РСФСР «О ведомственной милиции» следовало, что ведомственная милиция являлась добавочным штатом общей милиции, а это, в свою очередь, предполагало возложение на нее не только специальных, связанных с прямым предназначением ведомственной милиции, но и всех обязанностей общегосударственной милиции.

В рамках основной функции советской милиции – охраны общественного порядка и борьбы с преступностью – на ведомственную милицию как одно из специальных подразделений общегосударственной милиции возлагались специальные обязанности, связанные с обеспечением сохранности государственного и частного имущества, имеющего государственное значение. Это сочетание общемилиейских и специальных функций ведомствен-

ной милицией во многом предопределило возникновение и деятельность ее подразделений, в первую очередь на уровне губерния – уезд – район и область – округ – район.

Кроме того, специфика местных условий, оперативная обстановка в отдельных регионах, внутренняя политика Советского государства, а также ряд объективных и субъективных факторов определили приоритетные направления деятельности ведомственной милиции.

Согласно п. 1 Положения о ведомственной милиции к специальным обязанностям ведомственной милиции относились: «...а) охрана разного рода имущества, принадлежащего разным предприятиям и учреждениям, а также частным, имеющим государственное значение, предприятиям; б) выполнение всех обязанностей по охранению общественного порядка и спокойствия в пределах территории занимаемой этими предприятиями и учреждениями; в) производство в пределах тех же территорий дознаний, вытекающих из задач, указанных в пп. «а» и «б» ...» (Сборник приказов начальника ЦАУ НКВД – Начальника милиции Республики. М., 1925. № 4. С. 38).

Исходя из своего предназначения и цели, установленной высшими органами власти Советского государства, основной задачей ведомственной милиции определялась охрана государственной собственности. Однако, учитывая общий внутривластный курс новой экономической политики и разрешение в ее рамках функционирования предприятий и учреждений частного характера, обязанность вооруженной охраны частных предприятий и учреждений, признаваемых местными органами советской власти, имеющими государственное значение, также возлагалась на ведомственную милицию.

Сочетание общих и специальных милицеских функций стало отличительной чертой ведомственной милиции, причем преобладание тех или иных функций зависело как от особенностей той или иной отрасли промышленности, так и административно-территориального расположения объектов охраны. Эта специфика предопределила выделение в структуре ведомственной милиции различных ее видов, таких как: фабрично-заводская, промышленная, горно-приисковая, промысловая, торговая, ярмарочная, курортная милиция и т. д.

Особое место занимали фабрично-заводская и промышленная милиции, которые, как правило, осуществляли свою деятельность в пределах промышленных центров, где борьба с преступностью и охрана общественного порядка осуществлялись силами общегосударственной милиции и уголовного розыска. В результате ведомственная милиция в основном осуществляла свою деятельность в точном соответствии с возложенными на нее обя-

занностями, т. е. охраняла разного рода имущество, принадлежащее различным предприятиям и учреждениям, а также частным предприятиям, имеющим государственное значение. В связи с этим использование ведомственной милиции для выполнения общемилитеских либо иных административных функций не носило массового характера, за исключением охраны общественного порядка и борьбы с преступностью в пределах территории рабочих поселков при фабриках и заводах.

Важная роль среди видов ведомственной милиции, установленных в Инструкции о порядке организации ведомственной милиции и ее деятельности, отводилась горно-приисковой и промысловой милициям. Именно этим видам ведомственной милиции было свойственно выполнение всех функций советской милиции.

Специфика горного производства и особенности социального состава населения горно-приисковых поселков предопределили наделение ведомственной милиции целым рядом обязанностей, «...требующих особого внимания...» при выполнении горно-приисковой милицией функций общегосударственной, таких как: учет местного населения; выявление преступного и приездного элемента; недопущение и преследование азартных и иных игр и пьянства; борьба с незаконным производством, продажей и разном спиртных напитков; контроль за соблюдением установленных строительных и противопожарных правил (ст. 29).

Значительное влияние на наделение горно-приисковой милиции функциями общегосударственной оказывало параллельное существование административно-территориального и промышленного деления в рамках одного административного образования. Так, на территории Уральской области в рамках окружного административно-территориального деления существовало деление на горные округа. Это приводило к тому, что, например, Миасский горный округ находился на территории четырех административных округов. Подобное положение дел привело к тому, что результаты работы горно-приисковой милиции по выполнению функций общегосударственной выразились в том, что за второе полугодие 1924 г. было возбуждено 63 дела по фактам мелких краж, буйств, побоев и т. д. (ГАРФ. Ф. 393. Оп. 43(а). Д. 444. Л. 4). В целом согласно отчету начальника адмтдела Уральской области горно-приисковая милиция «...почти везде... выполняет функции общегосударственной».

Учитывая стратегическую важность для Советского государства бесперебойного и эффективного функционирования горно-добывающей промышленности и пресечения преступлений в этой отрасли, НКВД РСФСР и все заинтересованные ведом-

ства возлагали на ведомственную милицию особые полномочия в сфере учета местного населения. Так, на основании протокола межведомственного совещания от 4 ноября 1927 г. «О мерах к усилению охраны золотопромышленных предприятий и борьбы с тайной утечкой золота» Иркутскому исполкому предоставлялось право регулировать въезд в Бодайбинский район с целью пресечения приезда новых рабочих и недопущения роста безработицы, а следовательно, и преступности. Кроме того, на горно-приисковую милицию возлагалась обязанность обеспечить высылку на три года лиц, как связанных, так и не связанных с работой на предприятиях, «...пребывание которых будет признано угрожающим правильному функционированию предприятий» (Там же. Д. 1605. Л. 8,9,14).

Кроме выполнения общемилицейских обязанностей, на горно-приисковый и промысловый виды ведомственной милиции возлагались: непосредственное наблюдение за производством горных и промысловых работ в целях безопасности в пределах и на основе специальных распоряжений органов горного надзора и надзора за деятельностью промысловых предприятий; оказание помощи при несчастных случаях на производстве; расследование причин несчастных случаев.

В отличие от иных видов ведомственной милиции, горно-приисковая должна была сопровождать и охранять транспорты с драгоценными ископаемыми, денежными и другими ценностями, взрывчатыми веществами.

Особенности географического расположения рудников и приисков предопределяли наделение ведомственной милиции обязанностью наблюдения за исправным состоянием дорог, мостов, переправ, а также за целостностью и сохранностью телеграфных и телефонных проводов.

Фактически, в силу особенностей горного производства и территориальной удаленности объектов охраны (рудников, приисков и т. д.), горно-приисковая и промысловая милиции выполняли функции, не свойственные ведомственной милиции.

Специфика деятельности таких видов ведомственной милиции, как ярмарочная и курортная,

связанная в первую очередь не только с охраной имущества ярмарок и курортов, но и с большим скоплением на этих объектах преступного элемента, предопределила их наделение рядом функций, не являющихся основными для всей ведомственной милиции, но ставших таковыми для курортной и ярмарочной милиций.

Сложная оперативная обстановка на курортах Крыма и Кавказа, а также ярмарках (например, Нижегородской), внутриведомственная и внешневедомственная значимость поддержания достойного функционирования ярмарок и курортов, во многом представляющих Советское государство как внутри страны, так и на международной арене, выявили необходимость наделения таких видов ведомственной милиции особыми обязанностями.

В функции курортной и ярмарочной милиции входили: борьба с проституцией; борьба с изготовлением, привозом, продажей и употреблением не разрешенных правительственными законами веществ; искоренение хулиганства; наблюдение за санитарным содержанием гостиниц, меблированных комнат, кафе, магазинов; наблюдение за поддержанием чистоты в местах общего пользования; контроль за исполнением установленных правил езды; содействие ветеринарному и санитарному надзору; наблюдение за правильностью производства торговли; контроль за соблюдением пожарных правил и т. д. (Инструкция о порядке организации ведомственной милиции и ее деятельности. Ст. 29, 42). Таким образом, функции ярмарочной и курортной милиций, в отличие от иных видов ведомственной милиции, являлись ярким примером сочетания общих и специальных функций в деятельности ведомственной милиции РСФСР.

В заключение еще раз отметим, что сочетание ведомственной милицией в своей деятельности общемилицейских и специальных функций стало существенным отличительным признаком ведомственной милиции, которая в течение второй половины 1920-х гг. осуществляла не только охрану промышленных объектов и государственных учреждений РСФСР, но и выполняла целый ряд обязанностей общегосударственной милиции.

Библиографический список

1. История советской милиции. В 2 т. Т. 2. – М., 1977.
2. Мулукаев Р. С. Организационно-правовые основы становления советской милиции (1917–1920) / Р. С. Мулукаев. – М., 1975.
3. Органы внутренних дел России. 1802–2002. В 2 т. Т. 2. – М., 2002.
4. Органы и войска МВД России : крат. ист. очерк. – М., 1996.

References

1. History of Soviet Militia : in 2 vol. – M., 1977. – 2 vol.
2. Mulukaev R. S. Organizational and Legal Fundamentals of Soviet Militia Establishment (1917–1920) / R. S. Mulukaev. – M., 1975.
3. Russian Internal Affairs Agencies (OVD). 1802–2002 : in 2 vol. – M., 2002. – 2 vol.
4. Bodies and Forces of the Ministry of the Internal of Russia. – M., 1996.

Е. В. Заврина,
*аспирант кафедры теории
 и истории государства и права
 Ярославского государственного университета
 им. П. Г. Демидова*

E. V. Zavrina,
*post-graduate student of the Department
 of Theory and History of State and Law
 of Yaroslavl State University
 named after P. G. Demidov*

**ИСТОРИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ ИНСТИТУТА
 СМЯГЧАЮЩИХ ЮРИДИЧЕСКУЮ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ**

**Historical Approach to Studying the Institution
 of Circumstances Mitigating Liability**

Аннотация. В статье анализируются порядок и проблемы применения историко-правового подхода к исследованию института смягчающих юридическую ответственность обстоятельств, генезис данного института, а также определены его исторические корни и перспективы.

Ключевые слова: обстоятельства, смягчающие юридическую ответственность, наказание, вина, мотив.

Abstract. The article analyzes the order and problems of using the historical and legal approach to studying the institution of circumstances mitigating liability. The author deals with the genesis of the above-mentioned institution and defined its historical roots and perspectives.

Key words: circumstances mitigating liability, punishment, guilt, motive.

Смягчающие юридическую ответственность обстоятельства являются сложным правовым феноменом и объективно требуют при их исследовании комплексного подхода. В частности, крайне актуально применение историко-правового анализа.

Первые упоминания об обстоятельствах, влияющих на вину и наказание, встречаются в древнейших источниках отечественного права. Например, Пространная редакция «Русской правды» (первая четверть XII в.) в ст. 3 в качестве смягчающего вину критерия признавала непреднамеренное убийство на территории верви (Российское законодательство X–XX вв. М., 1984. Т. 1. С. 81).

Как отмечают О. С. Капинус и А. Ю. Буланов, «...уже в одном из первых памятников русского права – “Русской правде” – можно обнаружить существование неких обстоятельств, при наличии которых лицу, признанному виновным в совершении преступления, могло быть назначено более мягкое наказание. Возможность изменения характера и размера наказания, как правило, ставилась в зависимость от характеристик субъекта преступного посягательства и лица, против которого это посягательство было направлено» (Капинус О. С., Буланов А. Ю. Сравнительный историко-правовой анализ института смягчающих обстоятельств // Капинус О. С. Современное уголовное право в России и за рубежом: некоторые проблемы ответственности : сб. ст. М., 2008. С. 56–66). В этот период основания смягчения юридической ответственности носили в подавляющем большинстве объективный характер,

т. е. базировались на принципах объективного, а не субъективного, как это было принято в классическом римском праве, вменения (Российское законодательство X–XX вв. Т. 1. С. 87). Примером тому может служить градация ответственности и наказания за различные виды убийства: убийство, совершенное открыто, в честной схватке или «на пиру», каралось значительно мягче, чем убийство, совершенное тайно или в процессе «злого дела».

Соборным уложением 1649 г. был дифференцирован размер наказания, в том числе и за различные виды убийств. В данном документе выделялось как самостоятельный уголовно-правовой феномен убийство со смягчающими обстоятельствами. К разновидностям последнего относились: убийство, совершенное неумышленно, т. е. неосторожное причинение смерти (ст. 69); убийство, совершенное привилегированными лицами, т. е. лицами, принадлежащими к высшему сословию, боярами или членами их семей (ст. 71); убийство детей, совершенное их родителями (ст. 3). Интересно, что Соборное уложение 1649 г. в ст. 30 в качестве особого смягчающего обстоятельства признавало крестное целование (Там же. М., 1985. Т. 3. С. 279).

По-иному поставили вопрос о смягчающих обстоятельствах уставы Петра I, включающие в себя Воинский артикул 1715 г., Воинский устав 1716 г. и Морской устав 1720 г., в которых выделялись две разновидности подобных составов: привилегированный и смягчающий. К числу привилегированных Воинский артикул относил составы тех преступлений, в которых предусматривалось более

мягкое по сравнению с тождественными преступлениями наказание (например, артикул 29). В ряд смягчающих были отнесены составы, в которых вид и размер наказания ставились в зависимость от признаков элементов самого состава, т. е. объективных и субъективных обстоятельств совершения преступления (например, артикул 26). Вместе с тем в Воинском артикуле содержались еще двенадцать составов, которые, хотя и не относились однозначно к числу составов со смягчающими обстоятельствами, но предусматривали возможность смягчения наказания не в самой норме, а уже в толковании к ней, например, артикул 37 (Кириухин А. Б. Смягчающие обстоятельства : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 20–21). Другим признаком, имеющим значение смягчающего обстоятельства, выступали условия жизни виновного и причины, побудившие его к совершению преступления. Имущественное преступление, совершенное по причине «крайней голодной нужды», хотя и подлежало наказанию, но уже более мягкому.

Прогресс в развитии уголовного законодательства относительно смягчающих обстоятельств произошел в начале XIX в., когда указом императора Александра I от 5 июня 1801 г. в России была создана с целью преобразования уголовного и гражданского законодательства Комиссия составления законов, в которой продолжительное время главную роль играли выходцы из Германии – барон К. Розенкамф и профессор Галльского университета Л. Якоб. Член-корреспондент Законодательной комиссии профессор Мюнхенского университета А. Фейербах в 1806 г. представил в императорскую Комиссию проект Баварского уголовного уложения. Сам граф М. М. Сперанский, принимавший активное участие в работе над проектом Уголовного уложения и, по замечанию барона М. Корфа, напитанный наполеоновскими идеями, мало ценил отечественное законодательство и предполагал проекты уложений составлять при содействии иностранных, преимущественно французских, законов.

Между тем в российском уголовном праве первоначально постановления об обстоятельствах, изменяющих ответственность, были сформулированы по немецкому образцу. Полвека позже в Уложении о наказаниях уголовных и исполнительных 1845 г. и последующих его редакциях применительно к обстоятельствам, определяющим наказание, был воспринят французский порядок учета обстоятельств, смягчающих ответственность.

Впервые положения относительно обстоятельств, изменяющих уголовную ответственность и наказание, в российском уголовном праве были систематизированы в Проекте Уголовного уложения Российской империи 1813 г. Тот же порядок их учета при назначении наказания судом содержался

и в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. В основу построения Свода законов и Уголовного уложения легли идеи немецкого криминалиста А. Фейербаха. В данных уголовно-правовых актах были не только подробно указаны обстоятельства, при наличии которых суд мог изменять определенную в законе ответственность, но и был точно, следуя германской доктрине, установлен размер влияния на наказание каждого из этих обстоятельств. Согласно доктрине Фейербаха эти обстоятельства подразделяли на две группы. К первой из них относились те факторы, которые давали возможность изменять ответственность в пределах законной санкции. Вторую группу составляли такие обстоятельства, которые при их учете давали возможность выходить за законные пределы.

Тем не менее данный порядок учета не выдержал испытания действительностью, так как оказалось невозможным дать исчерпывающий перечень всех обстоятельств и тем более заранее оценить влияние в каждом отдельном случае. Ответной реакцией на доктрину Фейербаха явился французский подход к учету обстоятельств, смягчающих вину, перешедший постепенно во второй половине XIX в. почти во все европейские кодексы. В 1810 г. был предусмотрен элементарный порядок учета смягчающих обстоятельств, получивший развитие во французских уголовных законах 1824 и 1832 гг. Так, закон 1824 г. распространял влияние смягчающих обстоятельств на все преступления, но право признания их оставил только коронным судам, а закон 1832 г. перенес это право и на присяжных заседателей.

Результаты исследования российского уголовного законодательства эпохи судебных реформ позволяют сделать вывод о том, что до 1864 г. в отечественном уголовном праве оказалось два законодательных положения, определяющих учет смягчающих наказание обстоятельств.

Так, Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. предусматривало общие и особые обстоятельства, уменьшающие или увеличивающие уголовную ответственность. При этом обстоятельства, уменьшающие ответственность, подразделялись на две группы: обстоятельства, уменьшающие вину и наказание, и обстоятельства, смягчающие наказание. Обстоятельства, уменьшающие вину и наказание, были указаны в ст. 140 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных. К ним относились: 1) мотивы и побуждения преступного поведения, а именно: глупость, сильное раздражение; 2) раскаяние и жалость, проявленная к жертве до завершения преступления; 3) поведение после преступления: заглаживание вреда, чистосердечное признание (Российское законодательство X–XX вв. М., 1988. Т. 6. С. 200).

Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, 1864 г. в ст. 13 также перечислял обстоятельства, уменьшающие вину: 1) мотивы и побуждения – слабоумие, крайнее невежество; 2) прежнее безукоризненное поведение; 3) добровольное, до постановления приговора, вознаграждение понесшего вред и убытки и 4) признание и чистосердечное раскаяние (Там же. М., 1991. Т. 8. С. 396).

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1866 г. содержало три разновидности подобных обстоятельств. Первые носили безусловный, «общий для всех родов преступлений» характер и именовались в соответствии со ст. 136 «обстоятельствами, уменьшающими вину и строгость наказания». К ним относились малолетство и несовершеннолетие. Во вторую группу обстоятельств входили «обстоятельства, уменьшающие вину и наказание» и распространяли свое действие на большинство преступлений, за исключением тех, наказания за которые не входили в общее число наказаний или не имели степеней, а также наказаний за преступления по службе. К их числу в соответствии со ст. 134 относились: явка с повинной или чистосердечное раскаяние; полное признание в совершении преступления; своевременное добровольное указание на остальных соучастников преступления, если оно было совершено в соучастии; легкомыслие, слабоумие, глупость и крайнее невежество «в учинении преступления»; совершение действий, направленных на предотвращение наступления вредных последствий, а также «вознаграждение зла и убытка», причиненного преступлением, и т. п. Третью группу представляли обстоятельства, называвшиеся «особо уменьшавшими степень виновности» и входившие в число обязательных признаков элементов состава преступления, которые тем самым изменяли само его свойство (Таганцев Н. С. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. СПб., 1911. С. 174).

После 1864 г. с изданием судебных уставов регламентация была дополнена новым порядком учета особых (чрезвычайных) смягчающих обстоятельств. Так, при признании присяжными виновного заслуживающим снисхождения суд обязан был смягчить наказание на одну, две, а в некоторых случаях и на три ступени или получал право ходатайствовать перед царем о помиловании, что видно, например, из ст. 774, 814, 828 Устава уголовного судопроизводства 1864 г. (Фойницкий И. Я. Учение о наказании в связи с тюремным содержанием. М., 2000. С. 97).

Статья 13 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, 1864 г. предписывала, что обстоятельствами, уменьшающими вину, пре-

имущественно (но не исключительно) признаются те, которые указаны в этой статье.

После согласования Уложения о наказаниях уголовных и исправительных с судебными уставами (по изданиям 1866 и 1885 гг.) учет смягчающих обстоятельств еще в большей степени ставился в зависимость от формы судопроизводства – судов присяжных и судов коронных, а также мировых судей.

Так, по ст. 157 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных суду с участием присяжных заседателей предоставлялось право не только уменьшать меру в пределах наказания, но и смягчать наказание несколькими степенями или даже переходить к высшей степени ближайшего низшего рода наказания. При этом по делам, решаемым коронными судьями, право смягчить наказание зависело от усмотрения суда. Наличие обстоятельств, уменьшающих вину, влекло следующие последствия: а) виновный не мог быть подвергнут высшей мере наказания, обозначенного в законе; б) суд мог спуститься до низшего предела наказания, установленного в законе за данное преступление; в) суд мог назначить наказание ниже минимального предела.

Уголовно-процессуальным законодательством был предусмотрен определенный порядок учета смягчающих обстоятельств.

Так, на основании ст. 755 Устава уголовного судопроизводства 1864 г. применительно к обстоятельствам, особо уменьшающим степень виновности, должны быть поставлены отдельные частные вопросы или о них должно быть упомянуто в главном вопросе. Отказ суда в постановке такого вопроса мог служить основанием для кассации приговора.

Таким образом, к 1903 г. в уголовном законодательстве: 1) сформировался круг смягчающих обстоятельств; 2) были введены отдельные перечни открытого характера; 3) наметились их дифференциация и сила влияния на меру наказания, т. е. произошло разделение обстоятельств на общие, уменьшающие ответственность в законодательных пределах, и особые, предоставляющие суду возможность выхода за пределы санкции при назначении наказания; 4) был установлен запрет повторного учета данных обстоятельств, предусмотренных соответствующей статьей Особенной части в качестве признаков преступления.

То есть уже в дореволюционный период в отечественном праве сложились две разновидности смягчающих обстоятельств: одни определялись как уменьшающие вину обстоятельства, другие – как обстоятельства, уменьшающие наказание. Существовала система общих и так называемых специальных смягчающих обстоятельств. Общие смягчающие обстоятельства распространялись на

большинство преступлений, но не входили в их состав в качестве признака элемента состава. Они учитывались судом при индивидуализации наказания и, имея объективный или субъективный характер, могли предшествовать или сопутствовать совершению преступления, а также характеризовать личность преступника или его постпреступное поведение. Специальные смягчающие обстоятельства, наоборот, являлись неотъемлемым признаком конкретных составов.

Как правило, подобные обстоятельства характеризовали субъективную сторону преступления, а именно: форму вины, цели, мотивацию или эмоциональное состояние виновного. Они изменяли юридическую сущность деяния, превращая его в самостоятельное преступление.

В связи с отказом после событий 1917 г. от норм буржуазного права произошел регресс в вопросах законодательной регламентации обстоятельств, влияющих на наказание, в то время как на практике эти обстоятельства по-прежнему широко учитывались. Законодатель практически заново пытался формулировать уголовно-правовые нормы, опираясь на судебные прецеденты. В декрете № 3 «О суде» 1918 г. разъяснялась важность учета при назначении наказания требований, содержащихся в постановлениях рабочего и крестьянского правительства относительно обстоятельств, влияющих на смягчение вины. При этом также обращалось внимание на высшие и низшие пределы санкции, позволяющие суду в широких границах индивидуализировать назначаемое наказание. При обнаружении в уголовном деле так называемых исключительных обстоятельств суд мог принять решение о назначении условного осуждения. Так, по делу Соколова, обвинявшегося в мошенничестве, суд в качестве смягчающих обстоятельств учел такие факторы, как: а) совершение преступления впервые; б) тяжелые материальные условия; в) наличие многочисленной семьи; г) полное раскаяние (Донец С. П. Категория смягчающих и отягчающих наказание обстоятельств в истории развития отечественного уголовного права // Дифференциация ответственности и проблемы юридической техники в уголовном праве и процессе : сб. науч. ст. / под ред. Л. Л. Кругликова. Ярославль, 2002. С. 43–51).

В Руководящих началах по уголовному праву РСФСР, утвержденных постановлением Народного комиссариата юстиции РСФСР от 12 декабря 1919 г., был установлен перечень уменьшающих вину обстоятельств. Он являлся общим для смягчающих и отягчающих обстоятельств. Единое изложение в нем обстоятельств с противоположной направленностью влияния на наказание

вносило неясность относительно роли излагаемых попарно данных.

Говоря о применении историко-правового подхода в отношении дореволюционного законодательства, нужно отметить, что опыт регламентации обстоятельств, смягчающих наказание, в дореволюционном уголовном праве свидетельствует о следующем:

1) они с неизбежностью вводятся в законодательство на определенном этапе его эволюции, когда под давлением социальных условий и правовых потребностей возникает необходимость в дифференциации ответственности и индивидуализации наказания и соответственно в необходимых для этого средствах;

2) их развитию способствовало постепенное утверждение в качестве целей наказания идей предупреждения преступлений и исправления осужденного;

3) природа смягчающих наказание обстоятельств изначально связывалась с их свойством существенно снижать опасность преступления и личности виновного; лишь на более позднем этапе их эволюции в круг указанных обстоятельств были введены факторы, характеризующие только личность виновного;

4) с момента их легализации законодатель фактически выделял категорию особо смягчающих обстоятельств;

5) развитие и совершенствование нормативной регламентации рассматриваемых факторов привели к образованию в уголовном праве самостоятельного института обстоятельств, смягчающих наказание;

6) теория и практика уголовного права четко разграничивали по своему юридическому значению обстоятельства, выступающие в качестве смягчающих наказание и квалифицирующих признаков;

7) недостатки и внутренние противоречия законодательной регламентации обуславливались непоследовательностью проводимых реформ уголовного права, консерватизмом законодателя в вопросах устранения коллизий, а также слабой научно-теоретической разработанностью проблемы.

Исследуя генезис института смягчающих юридическую ответственность обстоятельств, можно сделать вывод, что, несмотря на отсутствие на начальных этапах развития признаков системности, концепция смягчающих обстоятельств была несколько шире и разностороннее существующей. Постепенно категория смягчающих обстоятельств превращалась в достаточно стройную и научно обоснованную систему, ориентированную, к сожалению, лишь на элементы состава правонарушения.

В Общей части советского уголовного права выражение «смягчающие обстоятельства» по-

явилось не сразу, а лишь в 1926 г. (ст. 47 и 48 УК РСФСР). Причем терминология была не устоявшаяся. Так, в одних статьях УК РСФСР 1922 г. употреблялось словосочетание «при смягчающих обстоятельствах», в других – «при смягчающих вину обстоятельствах». Ранее были известны такие обстоятельства. Например, Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 г. содержали перечень данных, которые суду «при определении меры наказания в каждом отдельном случае следует различать». Характерно, что практика стала использовать узаконенную в 1926 г. терминологию вскоре после создания новых судов. Д. И. Курский, нарком юстиции РСФСР, в 1919 г. в своем выступлении приводил в качестве «образца отхода от шаблона, от тенет старого Уложения о наказаниях», «образца творческого подхода к делу» приговор Нижегородского окружного народного суда по делу С., процитировав его фрагмент: «Но, принимая во внимание смягчающие вину обстоятельства, а именно – его безвыходное положение во время совершения кражи и чистосердечное сознание, приговорил...». Циркуляром Верховного трибунала республики от 24 июня 1922 г. «О наказуемости укрывательства бандитов (равно прочих преступников) их близкими родственниками» предписывалось: «Укрыватели преступления или самих преступников (бандитов и пр.), хотя бы они находились в близкой степени родства с последними (брат, сестра, жена, муж, родители и дети), должны привлекаться к ответственности и подвергаться наказанию согласно соответствующим статьям Уголовного кодекса. Но, в зависимости от обстоятельств дела, близкое родство при назначении меры наказания может учитываться как смягчающее вину обстоятельство (24 и 25 статьи Уголовного кодекса)». Практика учитывала те обстоятельства, «те признаки, которые являются для суда решающими при более точном установлении меры наказания» (Курский Д. И. Избранные статьи и речи. М., 1958. С. 68).

Начиная с 1958 г. стали применять единое наименование – «обстоятельства дела, смягчаю-

щие ответственность». Вплоть до 1924 г. обстоятельства с противоположной направленностью излагались попарно, в одном пункте статьи. В Основных началах уголовного законодательства СССР и союзных республик 1924 г. были впервые даны отдельные перечни обстоятельств, влекущих «более строгую меру социальной защиты» (ст. 31) и более мягкую меру (ст. 32). До 1958 г. перечень смягчающих обстоятельств носил примерный, ориентировочный характер. Суд был вправе признавать влияющими на наказание в сторону его смягчения и иные обстоятельства дела. Стремясь облегчить деятельность суда в наиболее ответственный момент осуществления правосудия – при назначении наказания, законодатель уже в ст. 11 Руководящих начал по уголовному праву РСФСР 1919 г. указал, что при выборе меры воздействия на совершившего преступление суд оценивает степень и характер опасности как самого преступника, так и совершенного им деяния. В ст. 24 УК РСФСР 1922 г. учитывалась и личность преступника, т. е. данные, не связанные с опасностью личности.

В УК РФ 1996 г. были законодательно закреплены такие теоретические разработки, как: 1) запрет повторно учитывать смягчающие наказание обстоятельства; 2) выделение общих и особых обстоятельств; 3) конкретизирующие их влияние на наказание.

Мы полагаем, что сегодня обстоятельства, смягчающие юридическую ответственность, – это самостоятельный институт. Он является неотъемлемой составной частью сложного родового института назначения наказания. Очевидна и его связь как с дореволюционным отечественным правом, так и с правом советского периода нашей истории.

В настоящее время в научной и практической деятельности продолжаются поиски оптимального круга, содержания, режима перечней и порядка учета смягчающих наказание обстоятельств с учетом опыта прошлых лет (Российское уголовное право : курс лекций / под ред. А. И. Коробеева. Владивосток, 1999. Т. 2: Наказание. С. 156).

Библиографический список

1. Арсеньев К. К. Законодательство о печати / К. К. Арсеньев. – СПб., 1903.
2. Владимиров Л. Е. Учение об уголовных доказательствах / Л. Е. Владимиров. – СПб., 1910.
3. Донец С. П. Категория смягчающих и отягчающих наказание обстоятельств в истории развития отечественного уголовного права / С. П. Донец // Дифференциация ответственности и проблемы юридической техники в уголовном праве и процессе : сб. науч. ст. / под ред. Л. Л. Кругликова. – Ярославль, 2002.

References

1. Arseniev K. K. Press Law / K. K. Arseniev. – Spb., 1903.
2. Vladimirov L. E. Studies on Criminal Evidence / L. E. Vladimirov. – Spb., 1910.
3. Donets S. P. Category of Mitigating and Aggravating Circumstances in the History of Domestic Criminal Law Development / S. P. Donets // Differentiation of Liability and Problems of the Legal Technique in Criminal Law and Trial / ed. by L. L. Kruglikov. – Yaroslavl, 2002.

В. В. Каткова,

преподаватель кафедры философии
и общегуманитарных дисциплин Самарского
юридического института ФСИН России
кандидат исторических наук

V. V. Katkova,

Lecturer of the Department of Philosophy
and Humanitarian Studies
of Samara Legal Institute of the FPS of Russia
Candidate of Historical Sciences

**ПРАВОВЫЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ В СТАРООБРЯДЧЕСКОЙ СРЕДЕ: ИСТОРИЯ КОНФЛИКТА МЕЖДУ
ПОСЛЕДОВАТЕЛЯМИ И ПРОТИВНИКАМИ «ОКРУЖНОГО ПОСЛАНИЯ»**

**Legal Relations among Old Believers: History of Conflict between Followers
and Opponents of the "Circuit Gathering"**

Аннотация. В статье анализируются правовые взаимоотношения в старообрядческой среде, их правомочность. Жизнь старообрядческой церкви австрийского священства во многом зависела от «Окружного послания», призванного укрепить старообрядческую церковь. Конфликт между последователями и противниками «Окружного послания» дал возможность разобраться в тех процессах, которые происходили в ней. Автор рассматривает причину конфликта, его активных участников, результаты.

Ключевые слова: раскол, старообрядчество, австрийское священство, «Окружное послание», последователи, противники.

Abstract. The article offers the analysis of legal interrelation among Old Believers and their competence. The being of the Old Belief Church of Austrian Priesthood depended much on the "Circuit Gathering" which was aimed at strengthening the Old Belief Church. The conflict between followers and opponents of the "Circuit Gathering" offered an opportunity to consider those processes that took place in it. The author looks at the reason for the conflict, its active participants and the result.

Key words: dissidence, Old Belief Church, Austrian priesthood, the "Circuit Gathering", followers, opponents.

Современную жизнь российского общества отличает существование большого количества религиозных конфессий, церквей, обществ. Средства массовой информации с каждым годом все пристальнее следят за религиозной жизнью в стране. Психология и педагогика, философия и культурология, религиоведение и социология, а также ряд других дисциплин пытаются найти свое объяснение религиозным феноменам, происходящим в нашей жизни. Историческая наука принимает в этом самое активное участие в силу того, что в настоящее время получен доступ к ранее не исследованным архивным материалам. Таким образом, появился уникальный шанс ввести эти документы в научный оборот и на основе их анализа выявить закономерность изменений, происходивших в религиозной жизни России.

В середине XVII в. начался процесс огосударствления православной церкви. Реформы Никона¹, исправление богослужебных книг привели к появлению в Русской православной церкви (далее: РПЦ) раскола², возникшего между последователя-

ми старой веры и приверженцами нововведений. Это во многом объяснило специфику формирования нового культурного, правового пространства последователями старой веры – так называемыми раскольниками.

Конфликт между церковью и народными массами, не признающими перемены в церковных обрядах, разрастался с каждым годом. Радикальные позиции раскольников проявились в ходе восстаний, прокатившихся по стране во второй половине XVII столетия. Наряду с активной борьбой и сопротивлением (восстаниями и проповедями в людных местах), раскольники обращались и к пассивным формам сопротивления государственному давлению (самосожжение и публичное устройство голодных смертей).

Стремление народных масс сохранить национальную культуру столкнулось с жесткой политикой утверждения светской культуры, реализованной в реформах Петра I. В результате старообрядчество взяло на себя ответственность за сохранение старого церковного быта и уклада жизни допетровской эпохи. Старообрядчество как явление «антимира» сопоставимо с подобным феноменом в культуре – скоморошеством³, имев-

© Каткова В. В., 2011

¹ Никон (Никита Минов, 1605–1681) – Патриарх Московский и всея Руси (1652–1666). Выступил активным сторонником церковной реформы в период правления царя Алексея Михайловича. Цель реформы – привести русские православные обряды и книги в соответствие с греческими (Христианство: словарь. М., 1994. С. 306).

² Раскол – религиозное общественное движение, возникшее в России в середине XVII в. В результате раскола и появилось старообрядчество (Там же. С. 390).

³ Скоморох – музыкант, дудочник, сопельщик, гудочник, волыжник, гусяр; промышленный этим, и пляской, песнями, шутками, фокусами; потешник, ломака, гаер, шут (Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1999. Т. 4).

шим место в средневековой Руси. Скоморошество и старообрядчество принадлежали к двум культурным феноменам, явлениям «антимира». Это и определяло активное использование в творчестве приемов иносказания, подтекста для сокрытия критики, истинного знания о предмете. В «антимире» перевернута социально-иерархическая лестница, являющаяся ничем иным, как психологической раскованностью. Старообрядчеством были созданы новые формы поведения в культуре, религии, обществе, передаваемые при помощи других языков и текстов. Старообрядцы своими действиями в обществе нарушали множество приличий не только религиозных, но и правовых. То есть старообрядчество выступало как явление «антимира», что определяет его двойственную функцию в обществе.

Мы рассмотрим правовые взаимоотношения в старообрядческой среде на примере истории конфликта, возникшего между последователями известного «Окружного послания» единых, святых, соборных, древлеправославно-кафолических церкви, в назидание и предостережение возлюбленных чад от некоторых вредных и нелепых сочинений» (далее: «Окружное послание») и его противниками. И последователи «Окружного послания», и его противники исповедовали старообрядческую веру австрийского священства¹. Старообрядческая церковь австрийского священства пользовалась большой популярностью в православной среде, подтверждением тому был неуклонный рост числа ее последователей, например, в Самарской и Саратовской губерниях (Центральный государственный архив Самарской области. Ф. 3. Оп. 151. Д. 37 ; Ф. 32. Оп. 1. Д. 123 ; Оп. 2. Д. 138, 320, 327, 343, 384, 403, 415, 459, 460 ; Оп. 3. Д. 25).

Между тем австрийская церковь не лишена была противоречий. Старообрядцы постоянно задумывались о будущем своей веры, искали правовые способы и пути ее дальнейшего укрепления. Поэтому вполне логично, что в рамках одной старообрядческой церкви между «последователями древлеправославной веры» (старообрядцами) разгорались подчас нешуточные споры. Основная их цель – сохранить традицию веры в условиях преследований и гонений старообрядцев со стороны светской власти и официального православия.

Одним из примеров подобных раздоров в недрах старообрядчества стал конфликт между последователями «Окружного послания» (окруж-

никами) и его противниками (неокружниками, противоокружниками, раздорниками).

Итак, кто же такие окружники и неокружники?

Окружниками называли последователей «Окружного послания». «Окружное послание» было издано в 1862 г. от имени московского Духовного совета (при архиепископе Антонии). Цель «Окружного послания» – утвердить веру в самой древлеправославной церкви. Иными словами, «Окружное послание» являлось нормой права, установленной старообрядчеством в целях утверждения веры. Оно было призвано выступить преградой для распространения невежественных взглядов, возникающих в среде беспоповцев². Автором «Окружного послания» выступил мирянин И. Г. Кабанов (Ксенос). Документ был подписан 24 февраля 1862 г. архиепископом Московским и Владимирским Антонием, епископом Онуфрием Браиловским, Пафнутием Казанским, Варлаамом Балтским, священноиноками Евфросином, Илией, иереями Петром, Феодором Вохонским, иеродиаконами Пахомием, Ипполитом, диаконом Кириллом, иноком Белокриницкого монастыря Алимпием (Милорадовым) и дьяком Семеном Семеновичем. Документ был официально опубликован в Яссах в 1864 г.

«Окружное послание» утверждало следующие церковные догматы: 1) о пребывании церкви и священства до скончания века; 2) о грехах господствующей церкви относительно догматов и преданий святой соборной апостольской древлеправославной церкви Христовой; 3) о святейшем и поклоняемом Христовом имени Иисус – против написания Иисус, а это имя иного бога (читай – антихриста), в которого веруют никониане; 4) о честном и животворящем Кресте; 5) о сохранении бескровной жертвы до второго пришествия Христова – против беспоповского учения о «духовном» причастии; 6) о приношении пятой просфоры за царя – против тех, кто отказывается молиться за «властей придержащих»; 7) о том, чтобы не принимать ложных учений, не соответствующих святым преданиям; 8), 9) и 10) о пришествии пророков Илии и Еноха, антихристе, конце мира (Вургафт С. Г., Ушаков И. А. Старообрядчество. Лица, события, предметы и символы : опыт энцикл. слов. М., 1996. С. 203).

Неокружники – это часть старообрядцев, приемлющих белокриницкую иерархию, разорвавших единство древлеправославной церкви Хри-

¹ Австрийское (белокриницкое) священство – старообрядческая церковь, занимала ведущее место в поповщине (одно из направлений раскольнического движения). Поповцы выступали за необходимость священника в церкви. Названо по месту зарождения – в Белокриницком монастыре, находившемся в Австрийской области Буковине. (Миловидов В. Ф. Старообрядчество и социальный прогресс. М., 1983. С. 70).

² Беспоповцы (беспоповщина) – одно из главных направлений в старообрядчестве в середине 90-х гг. XVII в. Последователи беспоповщины отрицали необходимость священников для спасения души, поскольку истинное духовенство истреблено «антихристом», а новые попы не «священны суть». По их мнению, каждый христианин есть священник (Христианство. С. 52).

стовой из-за неприятия «Окружного послания». Их учителями выступили: Давыд Антипов из Гуслиц, Прокоп Лаврентьевич Божанов (он же Лаврентьев) из молдавского г. Формоса, москвич Ефим Федорович Крючков (он же Степнухин).

Суть разногласий была отчетливо выявлена на московском собеседовании в 1866 г.: в присутствии всего старообрядческого епископата велись продолжительные споры между сторонниками и противниками «Окружного послания». Со стороны окружников выступил дьяк Семен Семенович, с противоположной стороны – Давыд Антипов при участии Ефима Крючкова. Семен Семенович доказывал, что все пункты «Окружного послания» изложены в строгом соответствии с писанием святых отцов, поэтому должны быть признаны справедливыми, не подлежащими пререканию. Регламентируя свою деятельность согласно его правилам, древлеправославной церкви удастся избежать любых раздоров, возникающих вокруг вопроса спасения веры. Речь Давыда Антипова показала, что неокружники отвергали все доводы окружников как еретические.

Неокружникам на некоторое время удалось заручиться поддержкой белокриницкого митрополита Кирилла, что в дальнейшем позволило им создать раздорническую иерархию. В основе раздора лежало постановление в сан московского епископа Антония второго, Гуслицкого. В 1864 г. митрополит Кирилл рукоположил Антония. Таким образом, в Москве оказались два епископа: Антоний первый и Антоний второй, что еще больше усилило раздор. Антоний Гуслицкий скончался в 1876 г., оставив после себя единственного раздорнического епископа Иосифа.

С 1876 г. саратовские раскольники австрийского противокружного толка почувствовали необходимость в епископе. На руководство московской кафедрой претендовал Иосиф Нижегородский и его соперник Кирилл Балтский. Однако заведование началось с раздоров и скандалов. Так, 10 сентября 1884 г. в Саратове на соборе произошло разделение в самом противокружном толке. Этот раздор и выступил преградой для посещения Иосифом саратовской паствы в 1883 г. Заседание собора закончилось скандалом, так и не давшим никаких результатов. Иосифа изгнали с заседания, потому что он был уличен в принятии в дар от нижегородского купца Блинова 100 десятин земли. Планы Иосифа сбылись лишь в 1884 г. благодаря поддержке купечества. Иосиф в керженских лесах отыскал монаха по имени Иов и поставил его на московскую кафедру.

Раздор между противокружническими монахами еще больше укрепил окружников в убеждении, что «Окружное послание» 1862 г. канонически непогрешимо. «Какая же это церковь, если

епископы как псы дерутся за престол? Допустимо ли в церкви бороться за власть?» – шли рассуждения среди окружников. Шанс на свободу побуждал к активной деятельности последователей старообрядческих толков. С одной стороны, была сила православного учения, с другой – сила пропаганды, проводившейся австрийской церковью.

30 октября 1885 г. был созван «великий» собор, на который пригласили всех неокружнических епископов, 50 священников и множество мирян. 31 октября собор постановил лишить Иосифа сана и считать простым иноком. Иосиф, присутствовавший на соборе, не подчинился решению суда. Только в 1895 г. состоялся собор в Бендерах, на котором примирились последователи раздорствующих епископов.

Вопрос о примирении сторон был очень трудным, прежде всего для самих авторов «Окружного послания». 1–2 июня 1906 г. в Москве созвали собор для примирения неокружников со старообрядческой церковью. Между тем неокружнический епископ Московский Иов воспротивился прекращению раздора. Стремясь избежать мирного исхода, 13 апреля 1906 г. Иов созвал свой собор. На соборе присутствовал епископ Даниил, наместник Иова, более 30 священников и до 100 мирян. Этот собор определил, что примирения быть не может.

Однако такие действия никак не воспрепятствовали мирному собору 1906 г. Собор пришел к выводу, что препятствий для объединения нет. Было принято решение уничтожить «Окружное послание», т. е. отказаться от соблюдения ранее установленной нормы. Акт о примирении был подписан 4 июня со стороны окружников архиепископом Московским Иоанном, епископами Арсением Уральским и Иннокентием Нижегородским, а со стороны неокружников – епископом Новозыбковским Михаилом и другими священнослужителями. О заключении перемирия сообщила газета «Голос старообрядца»¹. Мир между окружниками и неокружниками был заключен на основе выработанного акта примирения. В мирном акте было записано: «Кто его («Окружное послание». – В. К.) будет распространять с целью произвести раздор в Христовой Церкви, тот должен подлежать суду по церковным правилам». Вместе с тем соборный акт примирения отверг и беспоповские учения, против которых было направлено «Окружное послание». Епископ Иов не только не согласился с подписанным актом, но и склонил к раздору Пафнутия. Большое значение в деле примирения раздора (особенно на юге) сыграл «Мирный акт», подписанный в Бендерах 9 апреля 1907 г. неокружни-

¹ Газета «Голос старообрядца» (1906. № 1–74) издавалась в Москве в качестве бесплатного приложения к «Народной газете» (Христианство. С. 52).

ками епископами Петром, Киприаном и рядом священнослужителей и мирян.

В связи с изданием императорского указа о регистрации общин при храмах среди неокружников также возникли разногласия по поводу владения церквями. В Москве неокружникам принадлежало немало храмов. Неокружники, признающие общинное устройство, молились в кафедральной Никольской церкви, построенной архитектором Н. Г. Мартыановым в 1912 г. в Лефортове, и в домовом храме во имя святых апостолов Петра и Павла, находившемся в домах купцов Муравлевых (ул. Бахрушина, д. 15, стр. 2–3, во дворе). Храм был закрыт в 1936 г. Неокружники, не признающие общину, посещали храм во имя преподобного Сергия в доме И. С. Федорова (на углу нынешних Большого и Малого Факельных переулков).

В Гуслицах у неокружников были десятки храмов. Покровский храм – в дер. Смолевой (освящен в 1912 г. епископами Даниилом Богородским и Ионой Уральским и Саратовским), Никитинский храм – в с. Хотейчи (освящен в 1914 г.), в селах Слободиши, Андронове и др. Все эти храмы в дальнейшем подчинились Московской архиепископии. В Петербурге храмы неокружников возникли уже после мирного собора 1906 г. Так, домовый храм был построен в 1909 г., закрыт в середине 1920-х гг. (Лиговский просп., д. 46); собор в Чубаровом переулке (ныне Транспортный пер., д. 5) был построен в 1915–1916 гг. архитектором П. П. Павловым. Храм был вскоре закрыт, однако здание сохранилось.

О судьбе неокружников в советское время известно мало. В конце 1920-х гг. малая их часть влилась в катакомбную православную церковь, точнее, в ее единоверческое ответвление. В начале

1930-х гг. неокружнического епископа Петра арестовали. Он погиб, находясь в заключении. Престарелые епископы Филарет и Вениамин умерли, не оставив преемников. Таким образом, неокружническая иерархия прервалась, хотя отдельные священники служили еще до 70-х гг. XX в. Оставшиеся неокружники перешли в беспоповщину. На настоящий момент нет ни одного неокружнического прихода.

Итак, австрийская церковь – одна из основных старообрядческих церквей, пережила нелегкие времена. Последователи старообрядческого движения подвергались гонениям и преследованиям, так как согласно традиционной точке зрения именно они и выступили главными сторонниками раскола в недрах РПЦ. Уже само старообрядческое движение для официальных церковных и светских властей было незаконным. Конфликт между последователями и противниками «Окружного послания» свидетельствовал о необходимости поиска старообрядческими священниками путей и способов сохранения веры, ее дальнейшего укрепления, сохранения единства между всеми толками старообрядческой церкви. Неслучайно традиция поиска решений в области культурного и правового пространства стала характерной особенностью старообрядчества. Старообрядцы постоянно подвергались преследованиям, сыскным действиям со стороны царского правительства и официальной православной церкви. Однако и старообрядческие священники, и обыкновенные верующие продолжали задумываться над вопросами сохранения веры, ее устоев, заниматься поиском своего правового поля для активного участия в экономическом и культурном становлении страны.

Библиографический список

1. Вургафт С. Г. Старообрядчество. Лица, события, предметы и символы : опыт энцикл. слов. / С. Г. Вургафт, И. А. Ушаков. – М., 1996.
2. Миловидов В. Ф. Распад старообрядчества в Рязанской области / В. Ф. Миловидов. – М., 1962.
3. Миловидов В. Ф. Старообрядчество в прошлом и настоящем / В. Ф. Миловидов. – М., 1969.
4. Миловидов В. Ф. Современное старообрядчество / В. Ф. Миловидов. – М., 1979.
5. Миловидов В. Ф. Старообрядчество и социальный прогресс / В. Ф. Миловидов. – М., 1983.

References

1. Vurgaft S. G. The Old Belief Church : Personalities, Events, Objects and Symbols / S. G. Vurgaft, I. A. Ushakov. – M., 1996.
2. Milovidov V. F. Collapse of the Old Belief Church in the Ryazan region / V. F. Milovidov. – M., 1962.
3. Milovidov V. F. Old Belief Church in the Past and in the Present / V. F. Milovidov. – M., 1962.
4. Milovidov V. F. Modern Old Belief Church / V. F. Milovidov. – M., 1979.
5. Milovidov, V. F. Old Belief Church and Social Progress / V. F. Milovidov. – M., 1983.

Н. Г. Клауцан,
*преподаватель кафедры
 государственно-правовых дисциплин
 Кировского филиала Волго-Вятской академии
 государственной службы*

N. G. Klautsan,
*Lecturer of the Department of State
 and Law Studies of Kirov Branch
 of the Volga-Vyatka Academy of State Service*

РОССИЙСКАЯ АДВОКАТУРА В ПРЕДДВЕРИИ СОБЫТИЙ 1905–1907 гг.

Russian Advocacy on the Threshold of the Events in 1905–1907

Аннотация. В статье анализируются деятельность адвокатуры в предшествующий революции 1905–1907 гг. период, отношения адвокатуры и государства, а также внутренние противоречия корпорации присяжных поверенных в преддверии первой российской революции.

Ключевые слова: адвокатура, революция, противоречия, адвокатский протест, политическая борьба, резолюция.

Abstract. This article is devoted to the analysis of the activity of the advocacy in the pre-revolutionary period of 1905–1907. It looks at the relationships between the advocacy and the government and at internal conflicts in the corporation of attorneys at law on the threshold of the first Russian revolution.

Key words: advocacy, revolution, conflicts, advocatory protest, political combat, resolution.

Осознавая необходимость коренных преобразований государственного строя, многие российские адвокаты начала XX в. тем не менее предпочитали не вмешиваться в политику. Однако с принятием 22 марта 1903 г. нового Уголовного уложения ситуация изменилась. Дело в том, что до этого времени дела о политических преступлениях рассматривались в административном порядке, теперь же они стали предметом судебных разбирательств, что, с одной стороны, открыло широкое поле для адвокатской деятельности, а с другой, превратило зал суда в арену политической борьбы. «Судебные политические процессы, – скажет об изменениях известный адвокат Н. П. Карабчевский, – теперь уже служили трибунами для революционной пропаганды, нередко выходя за пределы объективного, хотя бы и в страстной форме, освещения надвигающейся на Россию грозы в виде насильственного государственного переворота» (Карабчевский Н. П. Что глаза мои видели. М., 2011. Т. 2 : Революция и Россия).

Предоставленной самим государством трибуной не преминули воспользоваться многие присяжные поверенные, поддерживавшие идею изменения государственного строя, в том числе и революционным путем. Они призывали к тому, чтобы политическая защита на суде должна была стать политической борьбой, а берущийся за нее адвокат должен защищать не только человека, но и его дело. Классическим приемом такой борьбы вскоре стали массовые адвокатские протесты. Начало им было положено в ходе слушания дела о крестьянском движении в Харьковской и Полтавской губерниях. Защита располагала сведениями

о том, что подсудимые по приказу губернатора были подвергнуты тяжелому телесному наказанию розгами еще до передачи дела в суд. Однако судья, вопреки сенатскому решению, дававшему адвокатам право на выяснение обстоятельств применения телесного наказания до вынесения решения судом, запретил адвокатам даже задавать вопросы на данную тему, мотивировав это тем, что административные репрессии наказанием сочтены быть не могут и соответственно не могут быть приняты судом во внимание. В результате адвокат Н. В. Тесленко от имени всей защиты представил заявление, в котором говорилось, что «таким воспреещением из рассмотрения Особого Присутствия Палаты устранены доводы и соображения, которые должны были иметь решающее влияние на приговор, что равносильно лишению возможности защищать подсудимых. Ввиду этого защитники и заявляют об отказе их от дальнейшего участия в деле» (Гессен И. В. Адвокатура, общество и государство, 1864–1914 гг. // История русской адвокатуры. М., 1914. Т. 1. С. 324).

Заявление произвело огромное впечатление. Ситуация для того времени оказалась беспрецедентной. Харьковская Судебная палата передала вопрос о поведении адвокатов на рассмотрение Совета присяжных поверенных, было возбуждено дисциплинарное производство. Вынесла протест прокуратура, особо подчеркнув коллективность заявления и его демонстративный характер. Вмешалось и Министерство внутренних дел: директор Департамента полиции, бывший прокурор, А. А. Лопухин по поручению самого министра лично вызвал к себе одного из адвокатов и предупредил, что при повторном отказе от ве-

дения дела, защитники будут высланы административно. Но угрозы, ясно показавшие, что поступок присяжных поверенных своей цели достиг, уже не пугали решительно настроенную адвокатуру.

Вскоре адвокатские демарши перестали быть редкостью: адвокатура приняла решение покидать все процессы, где суд препятствовал работе защиты. Присяжный поверенный и будущий депутат Государственной Думы В. А. Маклаков вспоминает: «Была установлена очередь, чтобы ездить на эти процессы. Помню, как я ехал в Полтаву не защищать, а от защиты демонстративно отказываться; странно было сознавать, что не нужно готовиться к делу, что вся задача вызвать конфликт и уйти. В том же вагоне ехал Н. П. Карабчевский, человек старых адвокатских традиций; он не понимал, зачем его приглашали на дело, где его талант был не нужен. Накануне процесса в Полтаве состоялось совещание адвокатов. Там уже был другой уголовный корифей П. Г. Миронов. Карабчевский и особенно Миронов горячо восставали против новой тактики адвокатуры. Помню плачущий голос Миронова, который доказывал, что мы не исполняем долга защиты; всегда можно кое в чем судей убедить, кое что у них выпросить, смягчить, создать настроение... Но политическая адвокатура была настойчивее и победила» (Маклаков В. А. Власть и общественность на закате старой России (воспоминания современника). Париж, 1936. Т. 1. С. 171).

Ни Карабчевский, ни Миронов не приняли участия в процессе, о котором говорил Маклаков, не пожелав стать соучастниками адвокатского протеста вопреки «святому делу защиты» (Там же). Однако вскоре уже сам Н. П. Карабчевский не только оказался в числе тех, кто покинул зал суда, но и написал речь, мотивировавшую уход адвокатов со слушания дела о еврейском погроме 6–7 апреля 1903 г. в Кишиневе. Выступление Николая Платоновича получило большой общественный резонанс, по возвращении в Москву из Кишинева многие представители еврейского общества, в том числе адвокаты Г. Б. Слиозберг и М. М. Винавер, выразили ему свою благодарность. А В. Г. Короленко, также принимавший участие в процессе, обратился к Карабчевскому с просьбой «прочитать доклад о Кишиневском процессе в обширной зале, любезно предложенной бароном Горацием Гинзбургом в своем роскошном особняке» (Карабчевский Н. П. Указ. соч.).

Через несколько дней после разговора с В. Г. Короленко Н. П. Карабчевский был вызван к градоначальнику для объяснений по поводу предстоящего собрания. Адвокат отказался от визита, сославшись на дела и пояснив, что к организации приема не имеет никакого отношения,

доклад же его будет прочтен лишь в том случае, если состоится собрание. Реакция последовала незамедлительно: Карабчевский был приглашен к директору Департамента полиции А. А. Лопухину, который просил его отказаться от выступления, ссылаясь на невозможность публичного чтения речи, касающийся обстоятельств процесса, проходившего при закрытых дверях. Однако планировавшееся собрание не должно было быть публичным, его участники приглашались непосредственно организаторами и исключительно по рекомендациям, о чем и сообщил директору Департамента полиции Н. П. Карабчевский. Адвоката не напугала даже обещанная Лопухиным ссылка. Тем не менее доклад не состоялся: собрание было отменено самим бароном Гинзбургом, которого, как и других организаторов, также вызывали в Департамент полиции и настойчиво рекомендовали отказаться от проведения приема.

Еще один присяжный поверенный, принимавший участие в Кишиневском процессе в качестве гражданского истца, был арестован, а впоследствии подвергся административной высылке. В основу обвинения легло сообщение губернатора о том, что поверенный распространял вне суда и в ходе самого судебного процесса ложные сведения о причинах погрома.

Отношения власти и адвокатуры обострились. Против покидавших судебные заседания присяжных поверенных возбуждались дисциплинарные производства. Но советы присяжных поверенных отказывались налагать санкции на адвокатов или ограничивались самыми мягкими взысканиями. Прокуратура предпринимала попытки обжаловать решения советов в судебные палаты. «Но и Палаты... поддавались общему настроению, — пишет Маклаков. — Они понимали, что судят не обычное дисциплинарное дело, не адвокатское нерадение или небрежность, судят лиц, деятельность которых они уважали. Они невольно негодовали на власть, которая такое унижительное положение для них создавала... действия адвокатских “политиков” вызывали сочувствие. А государственная власть была не большевистская; она не ставила своих противников к стенке, даже не уничтожила адвокатского самоуправления» (Маклаков В. А. Указ. соч. С. 172).

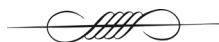
В 1904 г. сторонники преобразований государственного строя обрели неожиданную «союзницу» — Русско-японскую войну 1904–1905 гг., в которой многие противники самодержавия увидели предвестницу будущей революции. Государственную власть винили в поражениях армии и флота, недовольство правительственной политикой нарастало, а антиправительственные и антимонархические лозунги перестали быть редкостью даже в адвокатской среде. Н. П. Карабчевский так вспоминает си-

туацию, сложившуюся в конце 1904 г. в адвокатуре: «В сословии присяжных поверенных открылось широкое поле деятельности для “левых” с Н. Д. Соколовым и А. Ф. Керенским и Исаевым во главе. Они легко стали овладевать адвокатской молодежью и всеми “безличными”, высокопарно-демонстративно, словно по заказу, поголовно прикнувшими к “освободительному движению”. Сословные общие собрания моментально превратились в бурные политические митинги... В заседания Совета нередко без доклада врывается та или другая группа, требуя зажигательных резолюций и постановлений. Сидя в Совете в качестве его члена, я так же, как и В. А. Люстих, В. И. Леонтьев и еще некоторые, глубоко этим возмущался и настаивал на сохранении полной сословной дисциплины. Но момент был упущен, все даже внешне распустились, до неузнаваемости. В общем собрании стали бесцеремонно зажимать рот каждому, кто не являлся подголоском общему взбаламученному настроению» (Карабчевский Н. П. Указ. соч.).

Из-за чрезмерной активности левых был вынужден отказаться от публичного чествования своего юбилея известный адвокат А. Я. Пассовер, а празднование двадцатипятилетия со дня вступления Н. П. Карабчевского в адвокатуру было омрачено скандалом. Громкие политические защиты по делам эсеров Г. А. Гершуни и Е. С. Созонова, состоявшиеся как раз в юбилейный год, снискали Карабчевскому широкую славу в либерально настроенных кругах, и левые члены сословия планировали превратить празднование в оппозиционную демонстрацию. Однако адвокат, всегда говоривший, что «я, господа, не политик и сознаюсь, что ни в каких политических организациях и партиях вполне сознательно не принимаю участия. Я есть, был и умру судебным деятелем» (Карабчевский Н. П. Речи (1882–1914). 3-е изд. Спб., 1916. С. 579), от публичного чествования наотрез отказался. Тем не менее во время приема в доме Карабчевского левые все же воспользовались случаем, чтобы вновь попытаться «революционировать» сословие. «Пошла безудержная элоквенция митингового характера, – вспоминает Карабчевский. – Меня чуть не провозгласили анархистом и будущим главой революции» (Карабчевский Н. П. Что глаза мои видели. Т. 2 : Революция и Россия). В ситуацию была вынуждена вмешаться супруга юбиляра, после чего оратор и его сторонники демонстративно покинули прием. Этот эпизод, попавший в английские и немецкие газеты и получивший характеристику «знамения времени», ярко свидетельствует о напряженности обстановки в российской адвокатуре в этот период.

Несмотря на то, что многие корифеи присяжной адвокатуры, подобно Карабчевскому, Люстиху, Пассоверу и другим, сохраняли политический нейтралитет, деятельность революционно настроенных присяжных поверенных давала свои плоды. Доказательством тому стало принятие в ноябре 1904 г., в день сороколетия Судебных уставов, резолюции о невозможности нормального отправления правосудия без коренных преобразований государственной власти. Ее подписанию предшествовал запрет на проведение собрания присяжных поверенных и их помощников, посвященного юбилею судебной реформы, в здании судебных установлений. Утром 21 ноября 1904 г. пришедшие присяжные поверенные обнаружили двери закрытыми и были вынуждены перейти в здание городской думы. Формально собрание не могло считаться законно состоявшимся, о чем председатель Совета присяжных поверенных и сообщил собравшимся, однако адвокаты не только не разошлись, но и приняли резолюцию о необходимости реформы государственного строя. Под ней подписалось около трехсот поверенных и их помощников, включая членов Совета и самого председателя. Вслед за московской адвокатурой аналогичную резолюцию приняли присяжные поверенные Петербурга. Петербургский Совет присяжных поверенных особо подчеркнул, что «единственным средством к восстановлению величественного здания Судебных уставов» является устранение возможности какого-либо их искажения вопреки воле и желанию народа, что невозможно без коренного изменения государственного строя. Столичные собрания нашли горячий отклик среди провинциальной адвокатуры, и со всех концов России стали поступать телеграммы о присоединении к принятым резолюциям или о составлении аналогичных на местах (Гессен И. В. Указ. соч. С. 329). По словам И. В. Гессена, «хотя дайтывая о введении представительного строя, адвокаты вовсе не выходят за пределы чисто профессиональных задач. Они свидетельствуют, что существующий режим лишает возможности исполнять адвокатские обязанности, и сознают, что только коренное преобразование может обеспечить эту возможность» (Там же).

Таким образом, первыми осознав необходимость реформ, адвокаты достаточно быстро поняли, что завершение этих преобразований невозможно без изменения самой государственной власти. Но лишь немногие из них считали революцию верным путем к реформам, и потому далеко не все присяжные поверенные отнеслись к революционным событиям, начавшимся в январе 1905 г., с энтузиазмом.

Библиографический список

1. Гессен И. В. Адвокатура, общество и государство, 1864–1914 гг. / И. В. Гессен // История русской адвокатуры. – М., 1914. – Т. 1.
2. Карабчевский Н. П. Что глаза мои видели. В 2 т. Т. 2. Революция и Россия / Н. П. Карабчевский. – М., 2011.
3. Карабчевский Н. П. Речи (1882–1914) / Н. П. Карабчевский. – 3-е изд. – Спб., 1916.
4. Маклаков В. А. Власть и общественность на закате старой России (воспоминания современника). В 3 т. Т. 1 / В. А. Маклаков. – Париж, 1936.

References

1. Hessen I. V. Advocacy, Society and State, 1864–1914 / I. V. Hessen // History of Russian Advocacy. – M., 1914. – Vol. 1.
2. Karabchevskiy N. P. What My Eyes Have Seen. In 2 vol. Vol. 2. Revolution and Russia / N. P. Karabchevskiy. – M., 2011.
3. Karabchevskiy N. P. Speeches (1882–1914) / N. P. Karabchevskiy. – 3rd ed. – Spb., 1916.
4. Maklakov V. A. Authority and Society on the Decline of Old Russia (Reminiscences of a Contemporary). In 3 vol. Vol. 1 / V. A. Maklakov. – Paris, 1936.

С. И. Кузьмин,
*заведующий кафедрой государственного
 и международного права Московского
 государственного университета приборостроения
 и информатики*
доктор юридических наук, профессор
И. В. Селезнева,
*доцент кафедры государственного и
 международного права Московского
 государственного университета
 приборостроения и информатики*
кандидат юридических наук

S. I. Kuzmin,
*Head of the Department of State and International Law
 of Moscow State University of Instrument Engineering
 and Computer Science*
Doctor of Law, Professor

I. V. Seleznyova,
*Associate Professor of the Department of State
 and International Law of Moscow State University
 of Instrument Engineering and Computer Science*
Candidate of Law

СТАНОВЛЕНИЕ РЕЖИМА СОДЕРЖАНИЯ ЗАКЛЮЧЕННЫХ В ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВЫХ ЛАГЕРЯХ (1929–1941 ГГ.)

Establishment of Imprisonment Regulations in Correctional Labour Facilities (1929–1941)

Аннотация. На этапе становления системы ИТЛ остро стоял вопрос об условиях содержания заключенных, о чем свидетельствует издание многочисленных ведомственных нормативных актов. Только в конце обозначенного периода удалось решить проблему изданием специальных временных инструкций по режиму содержания заключенных в ИТЛ.
Ключевые слова: становление, режим, период, инструкции, заключенные, система, ИТЛ.

Annotation. The issue concerning imprisonment conditions was quite acute at the formation stage of the system of correctional labour facilities. It is proved by numerous departmental statutory acts. Only at the end of the stated period it became possible to solve the problem with issuing special temporary imprisonment instructions in the correctional labour camps and colonies.
Key words: establishment, regime, period, instructions, prisoners, system, correctional labour facilities.

Система исправительно-трудовых лагерей (далее: ИТЛ) Советского государства на законодательном уровне была закреплена постановлением Совета Народных Комиссаров СССР от 7 апреля 1930 г. «Об утверждении Положения об исправительно-трудовых лагерях» (далее: Положение об ИТЛ) (ГАРФ. Ф. 9489 Оп. 1. Д. 25. Т. 2. Л. 396). Однако Северное управление ИТЛ было создано уже в ноябре 1929 г., а его подразделения начали функционировать еще раньше – с апреля этого же года, т. е. на протяжении года система лагерей существовала без правового регулирования на законодательном уровне.

Анализ архивных документов, относящихся к первому периоду работы лагерей, свидетельствует о том, что на местах условия содержания заключенных определялись опытом работы Соловецкого лагеря особого назначения.

В Положении об ИТЛ содержались нормы, призванные обеспечивать режим содержания заключенных: основания и порядок приема заключенных, основы их классификации, порядок работы и проживания в соответствии с назначенным режимом, меры поощрения и дисциплинарной ответственности, основания предоставления свидания заключенным, получения ими посылок и передач и некоторые другие.

Тем не менее многие вопросы, связанные с порядком содержания заключенных, не были урегулированы в Положении об ИТЛ: список вещей, допускаемых к хранению у заключенных; нормы пайка (основного, трудового, усиленного и штрафного); порядок и нормы премирования; порядок проведения свиданий, получения посылок и переводов; условия и порядок применения комплекса дисциплинарных мер. Решать эти вопросы предусматривалось особыми инструкциями Объединенного государственного политического управления (далее: ОГПУ). Однако на практике многое из перечисленного отдавалось в полное распоряжение начальникам лагерей.

Так, в ноябре 1933 г. начальник Дмитровского ИТЛ своим приказом установил льготный порядок предоставления личных свиданий для заключенных, занятых на земляных и бетонных работах, которые являлись наиболее трудоемкими. При выработке нормы за квартал более им на 120 % заключенным предоставлялось свидание с родственниками на 10 суток через каждые шесть месяцев, разрешалась продажа продуктов питания через торговую сеть лагеря (Там же). Фактически положенное заключенному свидание становилось мерой поощрения за хорошее поведение в лагере и добросовестное отношение к труду.

В том же Дмитровском ИТЛ в ноябре 1934 г. в качестве особой формы поощрения была учреждена Почетная трудовая книга МВС (Московско-

Волжское строительство) и Дмитлага НКВД СССР. В соответствии с Положением о Почетной трудовой книге лицу, занесенному в нее, выдавалась грамота, предоставлявшая владельцу право: на получение вне очереди всех видов полагающегося ему довольствия, а также на пользование спортивными площадками, книгами в библиотеке, коммунально-бытовыми услугами; внеочередное свидание; получение вне очереди необходимых справок и разъяснений личного характера; посылку; отправку четырех дополнительных писем в месяц; просмотр вне очереди всех спектаклей, кинофильмов; на получение лучшего места в общежитии. Вследствие этого условия отбывания наказания для поощряемого осужденного существенно изменялись по сравнению с остальными заключенными.

Система льгот и поощрений сочеталась с применением дисциплинарных мер, значительная часть из которых не содержалась в нормах Положения об ИТЛ. Основными из них являлись: лишение квартирных льгот, свиданий, переписки, передач, зачетов рабочих дней; перевод в роту отрицательного элемента; водворение в штрафной изолятор на срок до трех месяцев; увеличение срока содержания в штрафном изоляторе; лишение зачетов до одного года; водворение в штрафной изолятор на год с одновременным лишением зачетов за все время; этапирование злостных нарушителей режима для отбывания наказания на острова Северного Ледовитого океана (Там же).

Начиная с 1933 г., в целях изоляции отрицательно зарекомендовавших себя заключенных, в ИТЛ стали создаваться штрафные изоляторы. Порядок направления и содержания заключенных регулировался Положением о штрафных изоляторах исправительно-трудовых учреждений ОГПУ. Они организовывались при каждом отделении или управлении лагеря и предназначались для содержания трех категорий лиц: а) осужденных по постановлению судебных троек ОГПУ и коллегий ОГПУ на определенный срок; б) помещенных на срок не более шести месяцев в административном порядке распоряжением начальника управления лагеря; в) подследственных.

Этим же документом предусматривалось также оборудование в отдельных лагерных пунктах специальных помещений для арестованных в административном порядке на срок до 20 суток лиц, задержанных за совершенное преступление.

Основанием для содержания заключенных в штрафном изоляторе служили выписки из постановления судебных троек ОГПУ и коллегий ОГПУ, приказ начальника лагеря и копия постановления – для подследственных.

Содержавшихся в штрафном изоляторе (за исключением больных и подследственных) выводили на работу. Выполняя нормы выработки предоставлялась возможность объединяться в бригады с проживанием в отдельной камере. Нормы

питания находились в прямой зависимости от выполнения норм и характера работы. Из заработанных средств заключенные через представителей администрации могли приобретать все, что им полагалось. Выполняющие нормы выработки имели право отправлять одно письмо в месяц и каждые три месяца получать посылку. Права на свидания были лишены все осужденные.

Предусматривалось создание особых рот с усиленной охраной. В них зачислялись заключенные, отнесенные к категории «подозрительных», требующих усиленной охраны.

Правила внутреннего распорядка в штрафных изоляторах ИТЛ ОГПУ регулировались отдельным правовым актом (Кузьмин С. И. Политико-правовые основы становления и развития исправительно-трудовых учреждений. М., 1988. С. 37–38).

Оценка деятельности ИТЛ была дана в апреле 1936 г. в приказе наркома НКВД Г. Г. Ягоды № 100-я «О мероприятиях по улучшению работы исправительно-трудовых лагерей», основанием для издания которого послужила проверка Волжского, а также ряда других лагерей. В приказе акцентировалось внимание на том, что в вопросах организации производства и быта лагерников, использования и расстановки рабочей силы, организации охраны и борьбы с побегами повторяются одни и те же «недочеты и непорядки из года в год», особенно при организации новых лагерей. Далее в п. 36 перечислялись «непорядки» и упущения в работе администрации лагерей и перед частями и службами ставились конкретные задачи по их устранению.

Укрепление режима возлагалось на уполномоченных 3-х отделов, которые обязаны были вести решительную и беспощадную борьбу с кражами, проводя по каждому факту расследование с водворением виновных в штрафной изолятор, а также строго следить за своевременной доставкой писем, посылок и денежных переводов.

На наш взгляд, поставленные перед 3-м отделом задачи не могли решить проблему укрепления режима содержания заключенных. Отсутствие четких требований в сфере режима и специального аппарата, способного их реализовать, порождали негативные последствия в среде заключенных.

В последующие годы в соответствии с общим направлением карательной политики государства принимались меры по ужесточению режима содержания заключенных и условий отбывания наказания. Не ожидая окончания разработки новых нормативных актов, Главное управление лагерей (далее: ГУЛАГ) НКВД СССР своим указанием ввел ряд ограничительных норм, впоследствии закрепленных в инструкциях.

Во-первых, лица, осужденные за уголовные преступления, положительно зарекомендовавшие себя, могли отправлять и получать только

два письма в месяц, иметь наличные деньги в сумме до 25 руб. и получать две посылки. Осужденные за контрреволюционные преступления, если на это имелось разрешение начальника лагеря и согласие 3-го отдела, могли получать посылку и письмо один раз в три месяца.

Во-вторых, сокращалось число лиц, пользовавшихся бесконвойным передвижением¹.

В-третьих, значительно сужался круг заключенных, которые могли занимать должности руководителей агитбригад, бригадиров, секретарей культурно-воспитательных частей, инструкторов по профессиональной подготовке, радистов, библиотечарей, заведующих клубами².

В-четвертых, вводился новый порядок оформления ходатайств на условно-досрочное освобождение и помилование, который обязывал начальников отделений, уполномоченных 3-го отдела и инспекторов учетно-распределительных частей давать свое заключение о целесообразности досрочного освобождения заключенных (Архив УИТУ УВД Караганд. облисполкома за 1938 г. Д. 17. Л. 5).

Смена руководства в НКВД и ГУЛАГе в 1938 г. и в последующие годы положительно сказалась на деятельности мест лишения свободы. Новые руководители понимали, что результаты производственно-хозяйственной деятельности во многом предопределяются условиями содержания заключенных, поэтому их усилия были прежде всего направлены на укрепление режима в лагерях и колониях.

Уже 12 июня 1939 г. был издан приказ НКВД СССР «С объявлением структуры и Положения о ГУЛАГ НКВД». На следующий день в соответствии с приказом был сформирован и введен в состав Управления охраны отдел режима. До организации этого отдела вопросами режима и изоляции заключенных в ГУЛАГе фактически никто не занимался. Ряд отделов ГУЛАГа, указывал в своем докладе о работе Управления охраны ГУЛАГа за 1939 г. заместитель начальника ГУЛАГа Г. П. Добрынин, действовали изолированно друг от друга, давая местам самостоятельные противоречивые указания по вопросам режима.

¹ Законвоированию подлежали лица, осужденные за шпионаж, бандитизм, разбой и терроризм; иностранные подданные; отбывающие наказания в штрафном изоляторе; склонные к побегу; злостные отказчики от работы; лица, осужденные в местах лишения свободы.

² На эти должности не могли назначаться осужденные: по всем пунктам ст. 58, 59, п. 24 ст. 103 УК РСФСР; по постановлению ЦИК СССР и СНК СССР от 7 августа 1932 г. «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности»; за половые преступления, разбой, спекуляцию; отнесенные к социально вредным и социально опасным элементам, бывшие белогвардейцы, члены антисоветских политических партий и групп; бывшие кулаки и сектанты, иностранные подданные; имевшие две и более судимости и др.

В действительности руководство ГУЛАГа знало о состоянии режима содержания заключенных в отдельных лагерях и колониях из докладов инспекторской группы ГУЛАГа по результатам выезда на места с инспектированием. Однако это была лишь часть работы инспекции, которая выполняла массу поручений руководства, не имеющих ничего общего с режимом и изоляцией. Поскольку ни инспекция, ни какой-либо другой отдел ГУЛАГа не отвечали за состояние режима в лагерях и колониях, то с момента создания системы лагерей и передачи системы мест лишения свободы, подведомственных Народному комиссариату юстиции РСФСР и других союзных республик, не было издано ни одного руководящего документа, охватывающего весь комплекс вопросов по режиму и изоляции заключенных в лагерях и колониях.

По оценке Г. П. Добрынина, режим и изоляция заключенных в лагерях и колониях находились в неудовлетворительном состоянии, поэтому отдел режима с момента своего создания начал систематическую работу по их упорядочению.

Основные задачи отдела режима получили законодательное закрепление во Временном положении об отделе режима Управления охраны ГУИТЛ и отделах в УИТЛК, изданном 25 июня 1939 г. Этими задачами являлись:

а) обеспечение надежной изоляции преступников, осужденных к лишению свободы в лагерях и колониях, за преступления предусмотренные УК РСФСР;

б) организация порядка содержания заключенных, обеспечивающего наиболее эффективное использование их труда;

в) разработка инструкций, положений и указаний по вопросам режима и изоляции и дача предварительных заключений по директивам отделов и управлений ГУЛАГа, касающимся этих вопросов, а также организации лагерей и колоний;

г) систематическое обследование состояния режима и изоляции в лагерях и колониях.

Для реализации поставленных перед отделом режима задач на местах следовало создать подчиненные непосредственно отделу аппараты. В связи с этим циркуляром ГУЛАГа от 25 июня 1939 г. № 107 руководителям лагерей было предложено организовать отделы и отделения режима в лагерях. Несколько позднее, 4 ноября 1939 г., приказом НКВД СССР № 001352 были объявлены штаты отделений и групп режима управлений и отделов исправительно-трудовых колоний НКВД/УНКВД (ГАРФ. Ф.Р.-9401. Оп. 1. Д. 527. Л.1-4).

Следует отметить, что за короткий срок отдел режима подготовил ряд ведомственных нормативных актов: Временную инструкцию о режиме содержания заключенных в исправительно-трудовых лагерях НКВД СССР (1939 г.); Инструкцию о работе цензуры в исправительно-трудовых лагерях и

колониях (приказ НКВД СССР от 21 ноября 1939 г. № 001418); Временную инструкцию о режиме содержания заключенных в исправительно-трудовых колониях НКВД СССР (1940 г.).

Наряду с этим в адрес руководителей лагерей и колоний был направлен ряд директивных указаний по отдельным вопросам, входящим в сферу режима, в частности:

- о борьбе с отказчиками и дезорганизаторами производства и об изжитии практики водворения в штрафные изоляторы заключенных без достаточных оснований и оформления;
- о борьбе с «промотом вещдовольствия»;
- о борьбе с сожительством заключенных и привлечении к уголовной ответственности вольнонаемных работников, использующих свое служебное положение и понуждающих заключенных женщин к сожительству;
- о производстве систематических обысков заключенных и барачников;
- об оборудовании одиночной камеры (карцера);
- о запрещении использования заключенных в качестве домашних работников;
- о запрещении заключенным пользоваться сберкассами для вкладов;
- о засвидетельствовании доверенностей заключенных на распоряжение принадлежащим им имуществом;
- об упорядочении хранения ядовитых спиртов и др.

С созданием отдела режима у руководителей лагерей и колоний появилась возможность обращаться в компетентный орган за разъяснением по вопросам практического применения руководящих указаний ГУЛАГа, касающихся режима содержания и изоляции заключенных.

Ряд отделов и управлений ГУЛАГа при выполнении возложенных на них задач были тесно связаны с отделом режима, который давал предварительное заключение на проекты директивных указаний, в той или иной мере относившихся к режиму содержания заключенных (нормы питания, премиальное вознаграждение, медицинское обслуживание, вещевое довольствие и т. д.).

Организация отделов, отделений и групп режима непосредственно в лагерях и колониях, налаживание работы по наведению порядка и укреплению дисциплины дали некоторые положительные результаты. Практическую помощь в этом им оказывали работники отдела режима ГУЛАГа при выезде в командировки, которые всего за 5 месяцев обследовали 27 лагерей и объединений исправительно-трудовых учреждений.

Однако было бы наивно полагать, что ситуация с состоянием порядка и дисциплины быстро изменится в лучшую сторону, если до этого почти 10 лет этому направлению работы уделялось внимание только тогда, когда случались чрезвычайные происшествия, поступали многочислен-

ные жалобы от заключенных или под угрозой находился план промышленного производства.

Основная задача режима и изоляции заключенных заключалась в обеспечении интересов государственной безопасности. Однако в условиях, когда руководители лагерей и колоний прибегали к массовому расконвоированию заключенных без производственной необходимости, направляли их в командировки в города и поселки, допускали проживание заключенных вне жилых зон лагпунктов и колоний, пользовались сами и разрешали вольнонаемному составу использовать заключенных в качестве домашних работников, все это приводило к тому, что заключенные, являясь, по существу, безнадзорными, совершали побег, занимались грабежами, хулиганством, пьянством, сожительством, терроризировали окружающие поселения, восстанавливали прежние преступные связи и вели нелегальную переписку.

Например, на строительстве № 201 (г. Николаевск-на-Амуре) из-за неудовлетворительной изоляции заключенные грабили местное население, избивали колхозников. Эти факты явились предметом обсуждения на бюро Нижне-Амурского обкома ВКПб (Там же. Ф.Р.-8131. Оп. 37. Д. 111. Л. 5–6).

В Дальлаге заключенные, отправленные на лесные работы, до такой степени терроризировали гражданское население в близлежащих населенных пунктах, что оно отказывалось идти на выборы в Верховный Совет СССР до тех пор, пока не уберут заключенных или не обеспечат безопасность в этой местности (Там же. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 111. Л. 7–8).

Пятнадцатого июня 1939 г. Президиум Верховного Совета СССР принял указ № Вс-30/с «Об отмене условно-досрочного освобождения для осужденных, отбывающих наказание в ИТЛ НКВД СССР» (Там же. Ф. 7523. Оп. 67. Д. 2. Л. 10–12). Предвидя отрицательную реакцию заключенных на отмену досрочного освобождения, п. 3 указа предусматривал следующее: по отношению к прогульщикам, отказчикам от работы и дезорганизаторам производства применять суровые меры принуждения (усиленный лагерный режим, карцер, худшие материально-бытовые условия и другие меры дисциплинарного воздействия). К наиболее злостным дезорганизаторам лагерной жизни и производства рекомендовалось применять более суровые судебные меры наказания, а в отдельных случаях – вплоть до высшей меры наказания.

Таким образом, данный указ фактически развязывал руки администрации лагерей и колоний по использованию уголовно-правовых мер в борьбе с отказчиками от работы, которые привлекались к уголовной ответственности и водворялись на штрафной режим. Однако, несмотря на такие жесткие меры, во второй половине 1939 г. количе-

ство отказывающихся от работы составляло около 14–15 % от общего числа заключенных.

Отмечая значимость работы отдела режима и его структурных подразделений в лагерях и колониях, заместитель начальника ГУЛАГа Г. П. Добрынин в своем докладе привел следующие статистические данные.

По учетным данным, в I квартале 1939 г. было зарегистрировано 279 случаев нелегальной переписки, а в III квартале – 166 случаев; в I квартале было привлечено к уголовной ответственности всего 6217 человек, в III квартале – 3297 человек, в том числе за кражи в I квартале – 602 человека, в III квартале – 157 человек, за злостное хулиганство в I квартале – 453 человека, в III квартале – 136 человек.

Кроме того, значительно сократилось число случаев хранения и проноса запрещенных предметов заключенными. Если в I квартале во время обысков заключенных было изъято 18617 предметов, то в III квартале – 10978.

Режим содержания заключенных находился в прямой зависимости от добросовестного выполнения вольнонаемными сотрудниками своих должностных обязанностей. Введение режимных аппаратов повлекло за собой снижение количества связей сотрудников с заключенными. Если в I квартале было привлечено к ответственности 722 человека, то в III квартале – 371 человек. За пьянство с заключенными в I квартале было привлечено к ответственности 69 человек, в то время как за III квартал – только 21 человек. Соответственно сократилось количество привлеченных к ответственности за избиение заключенных и за принуждение к сожительству (Там же. Ф.Р.-9414. Оп. 1. Д. 2989. Л. 46–62).

К сожалению, изменение социально-политической обстановки в стране в связи с присоединением Западной Украины, Западной Белоруссии

и Бессарабии, установлением советской власти в Прибалтике отрицательно сказалось на финансировании органов НКВД СССР. Предпринимаемые меры по сокращению расходов на содержание управленческих аппаратов в стране привели к тому, что 7 февраля 1940 г. были упразднены отделы режима, отделения и группы режима в лагерях и колониях (Кузьмин С. И. Деятельность исправительно-трудовых учреждений (1936–1960 гг.). М., 1989. С. 40).

В последующий период, особенно с началом Великой Отечественной войны, режим в значительной мере утратил свое значение вследствие введения запретов: на свидание с родственниками, переписку с ними, получение посылок и передач, получение и отправление денежных переводов и т. д. К тому же первостепенное значение в годы войны отводилось именно изоляции и охране заключенных.

Подводя итог изложенному, правомерно сделать вывод о том, что руководство ГУЛАГа ОГПУ–НКВД СССР до середины 1930-х гг. вопросами режима и изоляции заключенных фактически не занималось. Это подтверждается отсутствием в структуре ГУЛАГа специального аппарата и подчиненных ему подразделений в лагерях и колониях. Не имелось и нормативного правового акта, подробно регламентировавшего порядок изоляции и содержания заключенных. Отдел режима, введенный в состав Управления охраны ГУЛАГа в июне 1939 г., с подчиненными ему подразделениями на местах функционировал в течение 8 месяцев, и за этот короткий срок произошли позитивные изменения в деле укрепления режима и дисциплины среди заключенных. Отсутствие систематической работы по укреплению режима в последующие годы самым отрицательным образом сказалось на положении дел в местах лишения свободы.

Библиографический список

1. Кузьмин С. И. Политико-правовые основы становления и развития исправительно-трудовых учреждений / С. И. Кузьмин. – М., 1988.
2. Кузьмин С. И. Деятельность исправительно-трудовых учреждений (1936–1960 гг.) / С. И. Кузьмин. – М., 1989.
3. Кузьмин С. И. Исправительно-трудовые учреждения в СССР (1917–1953) / С. И. Кузьмин. – М., 1991.
4. Кузьмин С. И. Развитие системы мест лишения свободы в Советском государстве в 1930–1950-е годы / С. И. Кузьмин, И. В. Селезнева // История становления и развития правоохранительной системы России : сб. материалов науч. семинара. – Псков, 2009.

References

1. Kuzmin S. I. Political and Legal Foundations of the Formation and Development of Correctional Labour Facilities / S. I. Kuzmin. – M., 1988.
2. Kuzmin S. I. Activity of Correctional Labor Facilities (1936–1960) / S. I. Kuzmin. – M., 1989.
3. Kuzmin S. I. Correctional Labour Facilities in the USSR (1917–1953) / S. I. Kuzmin. – M., 1991.
4. Kuzmin S. I. Development of the System of Places of Imprisonment in the Soviet State in the years of 1930–1950 / S. I. Kuzmin, I. V. Seleznyova // History of Formation and Development of Law-Enforcement System of the Russian Federation. – Pskov, 2009.

Ю. В. Миронова,
*адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических кадров
ВЮИ ФСИН России*

Ju. V. Mironova,
*applicant of the Faculty of Research
and Teaching Staff Training
of VLI of the FPS of Russia*

**УПАДОК ПРАВОВОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ
В КОНТЕКСТЕ ПРОЦЕССА ПРИНЯТИЯ ХРИСТИАНСТВА ДРЕВНЕЙ РУСЬЮ**

**Decay of Legal Education in the Framework of Adopting Christianity
in Ancient Rus**

Аннотация. В статье рассматриваются исторические аспекты развития правового просвещения в России. При этом отмечается, что исторические процессы в России явились одной из главных причин, препятствующих развитию правового просвещения, правовой культуры и правосознания, в результате чего в настоящее время наблюдается низкий уровень правовой культуры населения.

Ключевые слова: правовое просвещение, правовая культура, правосознание, христианство, крепостное право, монархия, монголо-татарское нашествие.

Abstract. The article considers historical aspects of evolution of legal education in Russia. The author underlines that historical events in Russia have been the main cause that hampered the development of legal enlightenment, legal culture and legal consciousness. As a result, nowadays we witness a low level of legal culture of the population in this country.

Key words: legal education/enlightenment, legal culture, legal consciousness, Christianity, Serfdom, monarchy, mongolo-tatar invasion.

В настоящее время в России представители общественной и политической сферы довольно часто поднимают вопрос о правовой культуре, правосознании и правовом просвещении населения. На всех уровнях власти звучат тревожные заявления о том, что в нашем обществе процветают правовой нигилизм, неуважение законов и права, растет преступность. Между тем в рамках провозглашения Российского государства демократическим роль народа в управлении нашей страной неуклонно растет, что логически влечет за собой крайнюю заинтересованность власти в повышении правосознания населения.

Однако любое правовое явление тесно связано с тем обществом, в котором зарождается, существует и развивается, находится в неразрывном контакте с теми событиями, которые в этом социуме происходят, являясь либо их причиной, либо закономерным результатом. Именно поэтому, по нашему мнению, предпосылки низкого уровня правовой культуры населения следует искать в историческом опыте Российского государства.

Эволюционные процессы, происходящие в нашей стране в различные эпохи, отложили особый, неповторимый отпечаток на ментальную культуру и правосознание российских граждан, а также привели к полному краху едва зародившейся системы правового просвещения в России, выразившемуся в крайнем нежелании власти проводить правовую просветительскую политику среди населения.

В настоящее время в обществе существует мнение, согласно которому западноевропейское правосознание в своем развитии на несколько веков опережает ментальный уклад нашего народа. Однако подобное соотношение наблюдалось не всегда. Обратимся к истории становления государства в Древней Руси. Как отмечают историки, до момента принятия христианства государственность возникла у славян гораздо раньше, чем у варяжских племен. Значительно раньше у них сформировалось и правовое сознание (Исаев И. А., Золотухина Н. М. История политических и правовых учений России XI–XX вв. М., 1995. С. 19). Подобного мнения придерживается и профессор Ю. В. Сорокина, которая считает, что Русь имела все предпосылки, предполагавшие развитие русского общества как объединения свободных граждан, а не как исключительно принадлежащих власти. Дух свободы господствовал в русском обществе (Сорокина Ю. В. Особенности русского религиозно-правового сознания и его влияние на взаимоотношения общества и государства (к вопросу истории взаимоотношений церкви и государства) // История государства и права. 2009. № 12, 13). Ярким примером высокоразвитости древнеславянского правосознания по сравнению с европейским является присяга на верность народу новгородских князей. Нужно отметить, что подобного политического опыта ограничения правящей власти на западе в то время не существовало. Таким образом, можно утверждать, что в Древней Руси существовали все предпосылки возникновения гражданско-

го общества, основанного на уважении прав и свобод человека.

В этот период были заложены основы правового просвещения, ярким свидетельством чего стали такие памятники древнерусской культуры, как «Поучение» Владимира Мономаха и «Слово о полку Игореве» (Русские летописи XI–XVI веков: избранное. СПб., 2006. С. 181–186 ; 198–214).

В «Поучении» Владимира Мономаха основное внимание было уделено важнейшей идее древнерусского правового сознания, в которой отражается понимание роли и предназначения правителя, призванного обладать определенным состоянием сознания и души, заботиться о формировании душевно-духовных качеств, чтобы праведно управлять (Демченко Т. И. Древнерусское правовое сознание в «Повести временных лет», в «Поучении» Владимира Мономаха и в «Слове о полку Игореве» // Юрид. образование и наука. 2009. № 1). В наставлениях потомкам, касающихся справедливого управления, Владимир Мономах выразил общую идею своего произведения: страх перед общественным сознанием народа, свободой выражения порицания государя за несправедное управление.

Активная позиция автора, выраженная в критике правителя, прослеживается и в «Слове о полку Игореве». В нем говорится, что именно гордыня, жажда власти, алчность князя Игоря привели его к гибели.

Авторы указанных произведений как будто предостерегали своих потомков не совершать подобные ошибки.

Именно в момент зарождения древнеславянского правосознания и правового просвещения в Древней Руси начался процесс, во многом превосходящий по своей идеологической силе и влиянию формирование древнерусского гражданского общества, – процесс принятия христианства. Преследуя на первый взгляд преимущественно благие цели, христианизация Руси привела совсем не к тем результатам, которые были ожидаемы от этого процесса. В первую очередь это выразилось в том, что в сравнении с западноевропейским католицизмом, Россия избрала для себя иной путь вероисповедания – деспотичный восточный тип. Этатизм восточного православия, основанный на первоочередной ориентации на государственную власть, а не на духовное влияние на народ (как, например, католицизм), по нашему мнению, стал одной из важнейших предпосылок, приведших к развитию в России абсолютизации власти, уничтожению первых ростков гражданского общества. Кроме того, принятие христианства во многом предопределило особенность российского правосознания – его раздвоенность, выразившуюся, с одной сто-

роны, в требовании смирения перед вседозволенностью церкви (а значит, и государя), которое требовала новоявленная религия от своих прихожан, а с другой стороны, в неослабевающих воспоминаниях о свободе и равенстве языческого времени (перед стихиями природы, которым поклонялись славяне, были равнокараемы все слои населения). Так, в «Слове о полку Игореве» автор, описывая трагические события половецкого нашествия, призывал христианскую Русь в трудное для нее время вспомнить о вере предков, о своих корнях, о том, что христиане – внуки Даждьбога, праславянского Бога Солнца и других богов, о древних заповедях и традициях, которые предписывали трудиться на благо рода, почитать старших, не воевать, а только воздавать за содеянное¹. Таким образом, можно сделать вывод о неоднозначности процесса принятия христианства Древней Русью с точки зрения его исторического значения.

Необходимо обратить внимание еще на один памятник древнерусской литературы – «Повесть временных лет». Фрагментом ее является «Сказание о распространении христианства на Руси», которое включает повести о крещении княгини Ольги, о первых русских мучениках-варягах, похвалу Владимиру за крещение Руси и Ярославу Мудрому за создание своеобразной литературной академии, призванной составить начальную историю древнерусского народа, осуществить его просвещение и сформировать новое сознание (Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М. ; Л., 1947. С. 65–66). Однако в более поздней редакции «Повести временных лет», видимо, под влиянием негативного отношения к принятию христианства славянами, которое существовало в обществе, руководствуясь народными преданиями, летописцы осуждали Владимира за насилие и угрозы при крещении народа; выражали несогласие с позицией сыновей Ярослава, согласившихся на назначение митрополитом грека; обличали княжеские междоусобицы, наносившие серьезный урон целостности государства (Водовозов Н. В. История древней русской литературы. М., 1972. С. 25–31, 41–47). В «Повести временных лет» говорится, что славянские племена жили отдельно, управлялись своими родами, имели своих, русских, князей, свою династию Киевичей, жили в мире и согласии, имели законы своих отцов, свои обычаи и предания (Повесть временных лет // Русские летописи XI–XVI веков. С. 27, 29, 31, 32). Вообще нужно отметить некоторую двойственность позиции авторов «Повести временных лет». Как свидетель-

¹ О таком воздаянии говорится в ведах, и это является одной из священных заповедей древних славян (Славяно-арийские веда. Слово мудрости волхва Велимудра. Омск, 2002. С. 26).

ствуют историки, «Повесть временных лет» с момента своего создания неоднократно была переписана и исправлена, что говорит о крайней противоречивости в оценке христианизации Древней Руси современниками, а также об активном нежелании власти и церкви идти по пути правового просвещения населения.

Анализируя дальнейшую судьбу российской православной веры, нельзя не отметить ее немаловажную роль в процессе формирования абсолютизации государственной власти в период раздробленности русских земель, монголо-татарского нашествия, централизации управления вокруг Московского княжества, укрепления власти царя в эпоху сословно-представительной монархии, когда появилось и нашло свое официальное закрепление сословие духовенства, консолидирующее в своих руках весомую часть общей собственности России и активно участвующее в процессе окончательного закрепощения крестьянства. Таким образом, к переломному моменту в российской истории – революционному перевороту 1917 г. – внутреннее духовное состояние российского православия было довольно плачевно. Будучи деспотичной рабовладельческой силой, православная церковь настолько искажала и деформировала справедливо вверенную ей функцию просвещения российского населения, что привело к естественному процессу саморазрушения общедогматических норм всей православной религии. К 1917 г. в обществе православие исповедовали лишь слои населения, максимально приближенные к власти, которые в

дальнейшем были вынуждены эмигрировать из страны. В итоге православие оказалось буквально лицом к лицу с основной массой населения страны, так несправедливо угнетаемой церковью на протяжении десятка столетий. Именно в акте свержения общей догматики православной религии (расстрелы священнослужителей, уничтожение церковной атрибутики) на протяжении всего советского периода развития Российского государства наиболее ярко проявилась та раздвоенность российского правосознания, о которой мы говорили выше. В постсоветский период произошло возрождение православной веры: были восстановлены церкви, установлены на пьедестал догматы христианства. Однако данный процесс, на наш взгляд, больше носит формальный характер, о чем свидетельствует хотя бы тот факт, что российским народом до сих пор с широким размахом отмечаются языческие праздники (например, масленица).

Таким образом, на основании вышеизложенного можно сделать следующий вывод. Для Древней Руси был характерен высокий уровень правосознания населения. Однако христианизация Руси как процесс во многом принудительный со стороны княжеской власти оказала негативное влияние на развитие правового просвещения, правовой культуры, правосознания народа. Кроме того, раздвоенность древнерусского правосознания стала одной из основных причин противоборства власти, а также формирования современного противоречивого ментального правосознания российского народа.

Библиографический список

1. *Водовозов Н. В.* История древней русской литературы / Н. В. Водовозов. – М., 1972.
2. *Демченко Т. И.* Древнерусское правовое сознание в «Повести временных лет», в «Поучении» Владимира Мономаха и в «Слове о полку Игореве» / Т. И. Демченко // Юрид. образование и наука. – 2009. – № 1.
3. *Исаев И. А.* История политических и правовых учений России XI–XX вв. / И. А. Исаев, Н. М. Золотухина. – М., 1995.
4. *Лихачев Д. С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение / Д. С. Лихачев. – М.; Л., 1947.
5. *Сорокина Ю. В.* Особенности русского религиозно-правового сознания и его влияние на взаимоотношения общества и государства (к вопросу истории взаимоотношений церкви и государства) / Ю. В. Сорокина // История государства и права. – 2009. – № 12, 13.

References

1. *Vodovozov N. V.* History of Ancient Russian Literature / N. V. Vodovozov. – M., 1972.
2. *Demchenko T. I.* Ancient Russian Consciousness in the «Primary Chronicle» («Povest vremennykh let»), in the «Pouchenie of Vladimir Monomakh» and in the «Tale of Igor's Campaign» («Slovo o Polku Igoreve») / T. I. Demchenko // Juridical Education and Science. – 2009. – № 1.
3. *Isaev I. A.* History of Political and Legal Studies in Russia in the XI–XX Centuries / I. A. Isaev, N. M. Zolotukhina. – M., 1995.
4. *Likhachev D. S.* Russian Chronicles and Their Cultural and Historical Value / D. S. Likhachev. – M.; L., 1947.
5. *Sorokina Yu. V.* Characteristics of Russian Religious and Legal Consciousness and Its Influence on Interrelation between Society and State (to the Question of the History of Interrelation between Church and State) / Yu. V. Sorokina // History of State and Law. – 2009. – № 12, 13.

О. А. Никонов,
*доцент кафедры новой и новейшей истории
Московского педагогического
государственного университета
кандидат исторических наук, доцент*

O. A. Nikonov,
*Associate Professor of the Department
of Modern and Contemporary History of
Moscow Pedagogical State University
Candidate of History, Assistant Professor*

**РАЗВИТИЕ РОССИЙСКО-ИРАНСКОЙ ТОРГОВЛИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.:
ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ**

**Development of the Russian-Iranian Trade in the Second Half
of the XIXth – the Beginning of the XXth Century: Organizational and Legal Issues**

Аннотация. Статья посвящена особенностям становления консульского права Российской империи в Иране. Освещаются усилия российских дипломатов и правительства, направленные на адаптацию правовых норм европейского государства к исламской правовой традиции. По мнению автора, принятие особого комплекса законодательных норм было сделано с целью защиты торгово-промышленных интересов Российской империи в Северном Иране и вытеснения иностранных конкурентов из региона.

Ключевые слова: Консульский устав, русско-иранская торговля, Учетно-ссудный банк, таможенные пошлины, торговое соглашение, консульское право.

Abstract. The article is devoted to considering the formation features of the consular law of the Russian Empire in Iran. The paper throws light on the efforts of Russian diplomats and the government directed to the adaptation of the legal norms of a European state to the Islamic legal tradition. According to the author, acceptance of a special complex of legislative norms had the purpose to protect trade and industrial interests of the Russian Empire in Northern Iran and to force out foreign competitors from the region.

Key words: the consular charter, the Russian-Iranian trade, registration and loan bank, the customs duty, trade agreement, the consular law.

На протяжении XVIII – первой половины XIX вв. политика России на Востоке оставалась крайне слабой. Дипломатические усилия также желаемых результатов не принесли. Лишь русские купцы смогли установить отношения с азиатскими рынками (Хивы, Бухары и других среднеазиатских ханств), а с Ираном им удавалось поддерживать более или менее устойчивые связи. Однако эти связи были в большей степени выгодными только для иранской стороны.

Участие российских консульств и дипломатической миссии в политических и коммерческих делах Иранского государства имело место в XVIII столетии, при правлении Надир-шаха и Кули-хана Зенда. Интерес к иранскому рынку отчетливо проявился со стороны России в период правления Екатерины II и Александра I. С момента заключения Гюлистанского (1813 г.) и Туркманчайского (1828 г.) русско-иранских договоров начали формироваться базовые принципы коммерческой и административно-регулирующей деятельности российских консульств в Иране, благодаря чему стало возможным развитие деловых контактов между иранским и российским купечеством на законных основаниях.

Упрочению позиций российских консульств на иранском рынке способствовало принятие в 1829 г. Консульского устава, документа, регла-

ментирующего деятельность сотрудников российских консульств (Свод законов Российской империи. СПб., 1912. Т. XI, ч. II). Статьи Консульского устава закрепляли на законодательном уровне традиционные обязательства работников консульств: защита интересов российских подданных (ст. 1), гарантийный надзор за соблюдением торгового соглашения (ст. 2), сбор оперативной информации о состоянии рынков, экономическом состоянии страны пребывания консульства (ст. 3, 6, 7). Устанавливалось право участия консула в суде во время рассмотрения имущественных тяжб (ст. 61).

Юридически закрепленное право участия российских консулов в судебных делах Ирана нередко вызывало протесты со стороны иранской администрации. Например, в 1844 г. гилинский губернатор Мохаммед Эмин-хан жаловался через принца Абдуль Хасан-хана русскому послу в Тегеране графу А. И. Медему на установленную под покровительством русских представителей практику торговых контактов (Архив внешней политики Российской империи. Ф. 194. Оп. 1. Д. 169. Л. 352). Такая практика, по мнению администрации провинции Гилян, нарушала существовавшие традиции Ирана. Дело в том, что на иранском рынке сохранялась система посредников, которая охватывала всю торговую сеть: от розничной продажи с лотков до оптовой торговли. Двумя годами позже с аналогичной жалобой

шах Мохаммед Каджар обратился в адрес российского императора. Иранский шах жаловался на вмешательство русских консульств в торговые дела Ирана. Он выражал беспокойство по поводу обращения чиновников русских консульств и миссии с придворными и сановниками шахского двора, нарушая договоренности «священного трактата». Тем самым, как писал шах, «причиняют мне тягость и неудовольствие» (Там же. Д. 313. Л. 41об.). По условиям «священного» (Туркманчайского) договора и сопровождавшего его торгового трактата русскому купечеству предоставлялись права экстерриториальности, ведения торговли без внутренних пошлин и сборов и ряд других преимуществ в торговле на иранском рынке, обеспечивавших русским поданным более выгодное положение по сравнению с положением иранских купцов.

В 1851 г. в Иране были введены новые Правила торговли, которые юридически закрепляли деятельность российских консульств на иранском рынке. В частности, ст. 1 содержала обязательное правило фиксации импортных и экспортных сделок в правительственных учреждениях страны. Статья 9 обязывала шахские власти подвергать аресту имущество купца, заявившего о своем банкротстве и невозможности погасить долги по налогам. Согласно ст. 18 разбор любой имущественной тяжбы российского и иранского купцов не обходился без обязательного присутствия консула или чиновника дипломатической миссии. Русским консулам разрешалось взыскивать долги с иранских коммерсантов, если они являлись должниками русских подданных (Там же. Д. 485. Л. 3–6 об.).

В 1854 г. шахский посланник в Санкт-Петербурге Садр Мирза Мохаммед Хусейн обратился в Министерство иностранных дел России с жалобой на самоуправство русских консулов. Причиной появления претензии стала практика чрезмерного покровительства российских купцов в сделках с иранцами. Если иранские купцы облагались сборами в пользу казны при заключении сделок в Иране, то российские купцы освобождались от такого рода налогов. Россия ответила, что в соответствии с трактатом 1828 г. облагались 5-процентной пошлиной товары, которые пересекали государственную границу, в результате чего освобождались от каких-либо других поборов. В целом договорные обязательства не нарушались (Там же. Ф. 161/4. Оп. 729/2. Д. 50. Л. 4об.).

Укрепление позиций российских консульств на рынке Ирана повлияло на состояние российско-иранской торговли. С середины XIX в. связи между российским и иранским рынками начали заметно расширяться. Так, если за 1860-е гг. объем торговли между обеими странами увеличился весьма

незначительно по сравнению с прошлым десятилетием, то в 1870-е гг. рост торговли уже составил более 1,1 млн рублей, а ее объем достиг почти 6 млн рублей серебром (Российский государственный архив экономики. Ф. 7590. Оп. 3. Д. 25. Л. 19. Далее: РГАЭ). Вывоз товаров из России в Иран состоял в основном из фабрично-заводских изделий (текстильные ткани, железо, медь и т. п.). Из Ирана в Россию ввозились сухофрукты, пряности, кожи, ковры, домашний скот и прочие товары.

В силу географического положения Россия доминировала на рынках северных и северо-восточных провинций Ирана. Однако постепенно российские товары стали утверждаться на рынках центральных и восточных провинций, проникали в южные районы страны, где сталкивались с серьезной конкуренцией со стороны Англии и Франции. Несмотря на это, российско-иранские торговые связи не ослабевали.

Царское правительство предпринимало меры по поощрению вывоза в Иран текстильных изделий, изготовленных предприятиями Центральной России, устанавливались льготные пошлины при коммерческих сделках. Льготами и покровительством Россия стремилась обеспечить стабильное поступление из Ирана хлопка, шерсти и прочего сырья для отечественной текстильной промышленности. Устойчивые торговые связи могли способствовать оживлению хозяйственной деятельности сопредельных провинций Ирана и тем самым стимулировать их «постепенное процветание» (Там же. Оп. 2. Д. 127. Л. 78, 80).

По сравнению с 1870-ми гг. в 80-е гг. экспорт России в Иран возрос на 2,3 млн рублей (на 235 %), а импорт товаров из Ирана в Россию увеличился на 2,6 млн рублей (159 %). Объем торговли между этими странами составил почти 11 млн серебряных рублей (Там же. Оп. 3. Д. 25. Л. 26).

В 1900 г. объем российско-иранской торговли достиг уже 41 млн рублей (российский ввоз товаров в Иран составил 20,6 млн рублей, импорт – 20,4 млн рублей) (Там же. Оп. 2. Д. 127. Л. 87–88).

С 1901–1903 гг. начал увеличиваться торговый оборот между Россией и Ираном, возросла роль российских консульств в выявлении условий и способов расширения торговли. По инициативе царского правительства были организованы экспедиции в глубь Ирана для детального ознакомления с местными специфическими условиями рынков, от которых могло бы зависеть дальнейшее развитие российско-иранской торговли. Вслед за правительством инициативу стали проявлять частные фирмы. Коммерческие экспедиции, отправлявшиеся по разным направлениям в Иран, всесторонне выясняли перспективы расширения деятельности российских купцов не только в северных и северо-восточных, но и в восточных и центральных про-

винциях Ирана. Признание иранских рынков «соответствующими» интересам коммерческих предприятий послужило «новым одобряющим стимулом для более интенсивной работы в Иране» (Там же. Л. 88–89). Российские власти поощряли заинтересованность частных компаний и коммерсантов в иранской торговле. Через Учетно-ссудный банк Министерство финансов России стремилось расширить участие в торговых связях российских заводов и фабрик и способствовать получению ими прибыли в результате торговли с Ираном. С конца 1901 г. Учетно-ссудный банк занялся продажей изделий российских предприятий и покупкой сырьевых товаров в Иране, т. е. стал выступать прямым и серьезным партнером российских торговых компаний и отдельных купцов, которые включались в торговлю с Ираном, рассчитывая найти в лице банка как государственного учреждения значительную поддержку (Там же. Л. 90).

На рубеже XIX–XX вв. в иранских деловых кругах обострились дебаты по вопросам таможенных пошлин и таможенной службы. В стране практиковалась откупная система передачи таможен отдельным купцам, которые эксплуатировали их по своему усмотрению, и обложение товаров пошлиной варьировалось по усмотрению арендаторов. От такой практики страдали прежде всего мелкие иранские купцы. В лучшем положении находились русские купцы, которые пользовались правом особого льготного (5-процентного) тарифа, установленного для них еще Туркманчайским договором. Такие же льготы имели англичане, французы и турки, склонившие шахские власти к неравноправным соглашениям.

В 1901 г. между Россией и Ираном было заключено таможенное соглашение, которое 13 декабря 1902 г. было ратифицировано в Тегеране, а 14 декабря 1903 г. вступило в силу. Важнейшей частью таможенного соглашения 1901 г. являлась ст. 1, которая устанавливала вместо прежнего 5-процентного таможенного обложения три специальных тарифа. Согласно им для каждой статьи вывоза устанавливалось специальное таможенное обложение. Из 30 различных видов русских товаров, ввозившихся в Иран и составлявших 9/10 всего российского экспорта, 8 видов были полностью изъятые из обложения, а 11 видов облагались по специальному тарифу. На все остальные статьи русского экспорта пошлины были установлены ниже прежней, 5-процентной (Зонненштраль-Пискорский А. А. Международные торговые договоры Персии. М., 1931. С. 184).

Кроме того, шахское правительство соглашалось возвращать таможенные пошлины на товары, не реализованные на иранском рынке, что положительно повлияло на состояние российско-иранских торговых связей. Россия получила бла-

гоприятную почву для субсидирования Ирана деньгами (РГАЭ. Ф. 7590. Оп. 2. Д. 127. Л. 106).

Вслед за русско-иранским таможенным соглашением 1901 г. иранское правительство в 1903 г. пошло на заключение такого же рода соглашения с англичанами. Это англо-иранское таможенное соглашение устанавливало примерно такие же условия, какие были положены в основу русско-иранского таможенного соглашения 1901 г., а именно: отмена 5-процентной пошлины с цены товара, введение специфического таможенного тарифа, отмена дорожных сборов, замена откупной системы европейскими методами взимания пошлин.

В результате неравноправных договоренностей Иран лишался таможенной самостоятельности, соглашался с беспошлинным ввозом или крайне низким обложением товаров, ввозимых на иранский рынок из этих двух держав. С этого времени Иранское государство превратилось в полуколониальную страну, его внешнеторговая деятельность попала под жесткий контроль России (северные провинции) и Англии (южные провинции).

Значимой инициативой в создании более благоприятной почвы для утверждения российского капитала во внешней торговле Ирана и сохранения сопредельной страны в качестве устойчивого коммерческого партнера России стало появление в 1903 г. нового Консульского устава, который в некоторой степени дублировал основные положения статей устава 1829 г. В очередной раз отмечалось, что защита коммерческих и имущественных интересов российских подданных должна осуществляться «согласно с трактатами и по существующим обычаям» (Свод законов Российской империи. Т. XI, ч. II. С. 1180). Консульства обязывались следить за соблюдением российскими купцами традиционных норм, порядков и специфики иранского рынка, что могло способствовать оживлению российско-иранской торговли. Объем российско-иранской торговли в 1906 г. по ввозу товаров из России в Северный Иран достиг суммы более 40 млн рублей и по ввозу иранских товаров в Россию – 40,6 млн рублей (РГАЭ. Ф. 7590. Оп. 2. Д. 127. Л. 158). В годы революционных событий в Иране (1909 г.) размеры российско-иранской торговли не сократились, а, напротив, несколько увеличились. Так, по ввозу русских товаров в Иран сумма составила 40,8 млн рублей, а по вывозу из Ирана в Россию – более 47,2 млн рублей серебром (Там же. Л. 163).

По поводу российских успехов на иранском рынке британский генеральный консул в Хорасане П. М. Сайкс в сообщении 1907 г. писал в Лондон, что лишенная своего дальневосточного владения, энергия русской торговли успешно проявилась в Северной Персии, «несмотря на революционные

волнения, торговля эта ничего из своих завоеваний не потеряла» (Там же. Оп. 3. Д. 25. Л. 27).

Следует признать, что благодаря адаптации консульского права к условиям иранского рынка у России появился инструмент, с помощью которого она регулировала торговые отношения с шахским Ираном. Поощряя развитие торговли между обеими странами, царское правительство, конечно, понимало, что в иранском сырье и в реализации фабричных изделий была заинтересована в первую

очередь российская промышленность. Однако с помощью торговых и прочих экономических связей Россия стремилась решать и политические задачи. Одной из стратегических целей ее экономической политики было содействие укреплению позиций национальных сил Ирана по вопросам противостояния проникновению иностранных конкурентов на рынок северных провинций и в экономические сферы сопредельной страны.

Библиографический список

1. Жигалина О. И. Великобритания на Среднем Востоке / О. И. Жигалина. – М., 1990.
2. Кузнецова Н. А. Иран в первой половине XIX века / Н. А. Кузнецова. – М., 1983.
3. Куканова Н. Г. Торгово-экономические отношения России и Ирана в период позднего феодализма / Н. Г. Куканова. – Саранск, 1991.
4. Куканова Н. Г. Очерки по истории русско-иранских отношений в XVIII – первой половине XIX в. / Н. Г. Куканова. – Саранск, 1977.
5. Мамедова Н. М. Взаимные интересы России и Ирана и их эволюция / Н. М. Мамедова // Восток. – 2007. – № 4.

References

1. Zhigalina O. I. Great Britain in the Middle East / O. I. Zhigalina. – M., 1990.
2. Kuznetsova N. A. Iran in the First Half of the XIXth Century / N. A. Kuznetsova. – M., 1983.
3. Kukanova N. G. Trade and Economic Relations between Russia and Iran in the Period of Late Feudalism / N. G. Kukanova. – Saransk, 1991.
4. Kukanova N. G. Studies on the History of Russian and Iranian Relations in the XVIIIth – the First Half of the XIXth Century / N. G. Kukanova. – Saransk, 1977.
5. Mamedova N. M. Mutual Interests of Russia and Iran and their Evolution / N. M. Mamedova // The East. – 2007. – № 4.

А. Ю. Титов,
*адъюнкт факультета подготовки
 научно-педагогических кадров
 ВЮИ ФСИН России*

A. Yu. Titov,
*post-graduate student of the Faculty of Research
 and Teaching Staff Training
 of VLI of the FPS of Russia*

**ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА ОБЖАЛОВАНИЯ
 СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ**

**Becoming and Development of the Institution of Appeal against a Judge's Decision
 in Russian Pre-Revolutionary Criminal Procedure**

Аннотация. Статья посвящена исследованию причин возникновения и развития института обжалования судебных решений в уголовном процессе России до 1917 г.

Ключевые слова: судебное решение, жалоба, право на обжалование, апелляция, кассация.

Abstract. This article studies the reasons for establishing and developing the institution of appeal against judge's decisions in Russian criminal procedure before 1917.

Key words: judicial decision, complaint, right of appeal, appeal, cassation.

В преддверии грядущих изменений в уголовном судопроизводстве представляется актуальным обратиться к истории возникновения и эволюции права на обжалование судебных решений в уголовном процессе России. Именно жалоба как средство выражения несогласия с принятым судебным решением на древнейших этапах развития общества существенно ограничивала реализацию права на кровную месть и была катализатором развития институтов, явившихся прообразами современной апелляции. Исследование особенностей развития права на обжалование судебного решения, по нашему мнению, способствует пониманию современного состояния как апелляционного, так и кассационного и надзорного производств в уголовном процессе современной России, а также дает ценнейший эмпирический материал, позволяющий высказать предложения для их реформирования.

В юридической литературе возникновение права на обжалование судебного решения связывается прежде всего с усилением государственной власти (Анненков К. Н. Опыт комментария к Уставу гражданского судопроизводства. Спб., 1884. Т. 4. С. 323; Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Спб., 1910. Т. II. С. 487), осознанием необходимости «дарования средств защиты против вредных влияний, которые могут подействовать на составление судьями убеждения по делу и против несправедливых судебных решений» (Миттермайер К. Ю. А. Законодательство и юридическая практика в новейшем их развитии в отношении к уголовному судопроизводству. Спб., 1864. С. 517). Интересна, по нашему мнению, точка зрения И. Д. Беляева, согласно которой в Древней Руси «суд, кому бы он не принад-

лежал... пользовался таким уважением, что каждое дело, решенное им, не подлежало апелляции и каждый приговор его всегда был окончательным» (Беляев И. Д. История русского законодательства. Спб., 1999. С. 308–309). На протяжении длительного исторического периода развитие института обжалования судебного решения в древнерусском уголовном процессе существенно ограничивали: широкое участие в отправлении правосудия представителей общины (сохранявшееся вплоть до принятия Соборного уложения 1649 г. посредством участия старост, целовальников или присяжных, выбранных обществом в производстве по делу) и отсутствие четкого инстанционного порядка в производстве по уголовному делу.

При рассмотрении вопроса об эволюции института обжалования апелляции многие современные исследователи придерживаются мнения, высказанного Н. Гартунгом, о том, что до начала XVI в. российский уголовный процесс не знал института пересмотра судебных решений, поскольку в это время «в России суд был единоличный и окончательный, об инстанциях не было и речи; тиун докладывал лишь то, что хотел наместнику, а наместник – князю» (Гартунг Н. История уголовного судопроизводства и судостроительства Франции, Англии, Германии и России. Спб., 1868). По этой причине исследование развития института обжалования начинают, как правило, с периода существования судебных 1497 и 1550 гг.

Тем не менее анализ памятников права Древней Руси позволяет заключить, что уже в XIV–XV вв. уголовному процессу был известен институт пересуда. Так, институт пересуда упоминается в ст. 3 Новгородской судной грамоты (Российское законодательство X–XX вв. М., 1984. Т. 1: Законодательство Древней Руси.

С. 304), ст. 5 Проекта договора Короля Польского и Литовского Казимира IV с Великим Новгородом (1470–1471 гг.) (Памятники права феодально-раздробленной Руси XII–XV вв. М., 1953. С. 248). Долгое время в научной литературе велись споры относительно его сущности. Однако мы полагаем, что речь идет именно о способе пересмотра дел, инициировать который возможно лишь по жалобе одной из сторон. Вероятно, этот способ был близок к «оболжливанию» приговора, известному из древнейших памятников права Германии и Франции (Чельцов-Бебутов М. А. Курс советского уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. СПб., 1995. С. 192). Однако пересуд имел свои особенности – стороны должны были «лживить» судный список, который, по нашему мнению, в данный исторический период являлся прообразом протокола судебного заседания. Вероятно, неразвитость законодательной техники исследуемых памятников права обусловила отсутствие даже фрагментарной регламентации производства пересуда, требований к жалобе. Обжалование судебных решений в исследуемый период было скорее явлением чрезвычайным, исключительным, не свойственным всем государствам, образовавшимся после распада Древней Руси, поскольку в ст. 2, 6 Псковской судной грамоты был прямо запрещен пересмотр решенных дел (Российское законодательство X–XX вв. Т. 1: Законодательство Древней Руси. С. 332); ст. 61 данной грамоты предусматривала возможность признания недействительными только лживых грамот и досок (Там же. С. 337).

Черты централизации, наметившиеся в Московском государстве, не могли не отразиться на регламентации законодателем права на обжалование. Так, пересуд был возможен лишь в случаях, если участники процесса подвергнут сомнению судный список, либо в случае решения дела «полем». При этом прямо запрещался пересуд по делам «меньши рубля», а также «с холопа и с земли».

Судебник 1497 г. в ст. 19 первым из источников древнего права выделил безусловное основание отмены состоявшегося судебного решения, имевшее, по всей видимости, процессуальный характер: «А которого обвинит боярин не по суду и грамоту правую на него с диаком даст, ино та грамота не в грамоту... а истцем суд с головы» (Российское законодательство X–XX вв. М., 1985. Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. С. 56). При таких обстоятельствах ошибочное решение теряло свою силу, стороны получали право на пересмотр дела.

Разделение единого процесса на суд (состязательный процесс) и сыск (розыскной процесс) привело к усилению ревизионного начала в производстве по уголовным делам. Как следствие большое внимание законодателя и правоприменительной практики было уделено институту доклада (Борисова Е. А. Апелляция в гражданском (арбитражном) процессе. Изд. 3-е. М., 2008. С. 25; Дювернуа Н. Л. Источники права и суд в Древней России. Опыты по истории русского гражданского права. М., 1869. С. 410), без которого прямо запрещалось рассмотрение дел определенной категории.

Тем не менее институт существенных нарушений, влекущих безусловную отмену принятого решения, получил свое развитие. Теперь к подобным нарушениям относились ошибка судьи и решение дел без доклада по делам, по которым данная стадия обязательна. Позднее Приговор о лжесвидетельстве и ложных исках от 12 марта 1582 г. в качестве основания для «суда с головы» назвал дачу заведомо ложных показаний за деньги и клевету (Кутафин О. Е., Лебедев В. М., Семигин Г. Ю. Судебная власть в России: история, документы. М., 2003. Т. 1: Начала формирования судебной власти. С. 202).

Судебник 1550 г. устранил запрет на пересмотр дел без «оболжвления» судного списка, а также дел о земельных спорах и холопах.

Подводя итог исследованию эволюции права на обжалование по судебникам 1497 и 1550 гг., следует отметить, что процесс по жалобе на судебное решение носил смешанный характер. «Так как дело шло во второй инстанции о злоупотреблениях, совершенных в первой, то одним судоговорением нельзя было ограничиться, и судопроизводство принимало здесь следственный характер: по делам этого рода употреблялись повальный обыск и очные ставки» (Дмитриев Ф. М. История судебных инстанций и гражданского апелляционного судопроизводства от Судебника до Учреждения о губерниях. М., 1859. С. 296). Характер жалобы свидетельствует о том, что она подавалась в вышестоящий суд, но это не приостанавливало исполнения решения.

Судебник 1589 г., использовавшийся в основном в Новгороде и Пскове и не так подробно исследованный в специальной литературе, как вышеупомянутые судебники, предусматривал возможность пересуда, «если будет установлено, что решение суда вынесено за взятку, либо по “дружбе” или “вражде” к какой-либо из сторон. Однако по содержанию ст. 101 можно предположить, что пересуд вообще допустим по всем делам, с ценой иска не менее одного рубля, кроме дел, которые были решены до введения Судебника» (Кутафин О. Е., Лебедев В. М., Семигин Г. Ю. Указ. соч. Т. 1. С. 148).

Следует все же отметить, что право на обжалование судебного решения к концу XVI в. не было общедоступным. Решения по делам о преступлениях «ведомых лихих людей», находившимся в компетенции губных старост, признавались окончательными и обжалованию не подлежали. Впоследствии данные решения могли быть обжалованы лишь в части об имущественных взысканиях.

С появлением приказов, как постоянно действующих судебных инстанций, постепенно стало ограничиваться право обжалования непосредственно к царю. Жалобщик имел право обратиться к нему лишь после обращения в соответствующий приказ.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что до середины XVII в. в условиях неразвитого процессуального права, невысокого уровня юридической техники, отсутствия системы юридического образования жалоба на состоявшееся судебное решение не могла быть ничем иным, кроме жалобы о повторном рассмотрении дела по существу. Законодатель, использовавший казуистический способ изложения, лишь в нескольких случаях указывал на обстоятельства, безусловно, влекущие «суд с головы», т. е. повторное рассмотрение дела по существу. При этом жалоба на решение конкретного судьи тесно переплеталась с личным обвинением во взятничестве или небрежности.

Соборное уложение 1649 г. (далее: Уложение) (Российское законодательство X–XX вв. М., 1985. Т. 3: Акты Земских соборов. М., С. 83–257) уже разделяло частную жалобу и жалобу, направленную на пересмотр состоявшегося судебного решения. Так, ст. 15 гл. X Уложения предусматривала ответственность судьи за волокиту, а ст. 10 гл. X Уложения – перенос дела в вышестоящую инстанцию, где оно подлежало рассмотрению по правилам, близким к суду кассационной инстанции в современном понимании, в случае, если судья «обвинит кого не по суду без хитрости» и сможет это доказать. Однако этот процесс еще не был завершен, поэтому пересмотр дела имел характер суда с судьей. Прогрессивный в этом суде жестко наказывался, что не могло не ограничивать его желания обжаловать принятое решение.

Значительным достижением в развитии института обжалования судебных решений в русском уголовном процессе стал указ от 23 июля 1672 г., которым впервые было закреплено право обращения осужденных-колодников с челобитной о пересмотре дела в Разбойный приказ (О непересылке из городов колодников в Разбойный приказ, и о доставлении о них одних только дел // Полн. собр. законов Рос. империи. 1830. Т. 1. № 527. С. 907).

В эпоху правления Петра I, которому «не нравились сложные и состязательные формы суда» (Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Киев; Спб., 1909. С. 610), развитие института обжалования судебного решения проходило более медленно. Тайность судопроизводства и его письменность, получившие распространение в начале XVII в., нередко делали просто невозможной подачу жалобы на состоявшееся судебное решение. Статья 6 гл. 1 ч. 3 Краткого изображения процессов или судебных тяжб (далее: Краткое изображение процессов) (Российское законодательство X–XX вв. М., 1986. Т. 4: Законодательство периода становления абсолютизма. С. 423) наделяла правом пересмотра уголовных дел, решенных нижестоящими судами, фельдмаршала, который обычно являлся президентом генерального кригсрехта. Понятно, что при таких обстоятельствах закон возможности обжалования приговоров генерального кригсрехта в качестве суда первой инстанции не предусматривал. Правом обжалования приговора обладал лишь осужденный и только вследствие чрезмерной суровости наказания. «Просительное письмо» сохранило черты частной жалобы, поэтому отказ в удовлетворении требований жалобщика влекло строгое наказание. В случае удовлетворения жалобы судьи были обязаны уплатить штраф. Подача жалобы исполнения решения не приостанавливала, поскольку производство по делу считалось завершенным после вынесения решения. Статья 1 гл. 2 ч. 3 Краткого изображения процессов содержала исчерпывающий перечень оснований к отмене приговора, большинство из которых носило процессуальный характер. Указанными мерами ограничилась регламентация права обжалования Петровской эпохи. Предпринятые впоследствии преобразования в основном были направлены на укрепление инстанционного порядка подачи жалоб (О неподаче жалобы в высший суд, минуя низший, и о переносе дела из одного суда в другой той же инстанции : указ Юстиц-коллегии от 15 июля 1719 г. // Полн. собр. законов Рос. империи. 1830. Т. 5. № 3403. С. 722 ; О переносе дел по апелляции из нижних в высшие инстанции и об отводах тяжущимися судей по подозрениям : указ Именной, объявленный из Юстиц-коллегии от 4 мая 1720 г. // Там же. Т. 6. № 3643. С. 238 ; О порядке подачи апелляционных жалоб на коллегии и прочие судебные места : указ Сенатский от 17 сент. 1720 г. // Там же). Следствием принятых мер стали учреждение должности рекетмейстера и полный запрет на подачу жалоб на имя императора (О подаче апелляционных жалоб по порядку инстанции : указ Сенатский от 8 февр. 1722 г. // Там же. № 3904. С. 510). Однако

законодатель выделял некоторые обязательные требования к жалобе (челобитной): челобитчик должен был указать, что именно «вершено неправо», при этом сделать ссылки на нарушенные нормы закона; также не допускалось принятие челобитных после суда или допросов. Примечательно, что ни при Петре I, ни при его преемниках, вплоть до 1762 г., не были определены сроки для подачи апелляционной жалобы.

Именным указом «О правилах производства апелляционных дел» от 30 июля 1762 г. (Там же. Т. 16. № 11629) пересмотр дела по жалобе стороны допускался только по делам, возбуждавшимся по жалобам потерпевших. Все остальные дела подлежали пересмотру в ревизионном порядке. В случае несогласия с решением суда лицо в течение недели должно было указать в деле о своем «неудовольствии» и о том, что оно хочет реализовать право на обжалование. Данное новшество было введено в целях ускорения производства, поскольку «прежде... переход дела был сопряжен с большой медленностью» (Дмитриев Ф. М. Указ. соч. С. 573). После этого, в зависимости от объема, но не позднее 10 дней, дело запечатывалось в конверты, на которых указывались стороны, и отправлялось в вышестоящую инстанцию, где хранилось до получения апелляционной жалобы. По всем делам, направляемым на апелляцию в Сенат, изготавливались краткие экстракты, содержащие «одну настоящую из всего дела материю, и приличные к тому указы» (Полн. собр. законов Рос. империи. 1830. Т. 16. № 11629. С. 30). Срок подачи апелляционной жалобы варьировался в зависимости от места нахождения челобитчика (если он находился на территории империи, то срок составлял 1 год, если пребывал за границей – 2 года), а также в зависимости от его возраста (малолетние могли подавать жалобы по достижении: мужчины 20 лет, женщины 18 лет). В случае, если сторона не воспользовалась своим правом, дело отсылалось в суд первой инстанции. При этом исполнение судебного решения откладывалось на месяц с момента его подписания, чтобы лицо могло составить жалобу.

При Екатерине II государственная власть, уже много веков ведущая борьбу с сутяжниками, сделала еще один шаг к ограничению количества необоснованных жалоб. Согласно ст. 131 Учреждения для управления губерний 1775 г. апелляционная жалоба в Сенат могла быть подана осужденным лишь после внесения залога в размере 200 руб., при этом он должен был расписаться в своей уверенности в незаконности вынесенного решения (Российское законодательство X–XX вв. М., 1987. Т. 5: Законодательство периода расцвета абсолютизма. С. 192). В случае от-

каза в удовлетворении жалобы залог передавался в Приказ общественного призрения. Позднее, в 1809 г., в качестве наказания за необоснованную жалобу стали применяться содержание под арестом и «оглашение в обществе» (О штрафах и наказаниях за несправедливые жалобы на решения уголовных судов : высочайше утв. докл. Сената от 16 февр. 1809 г. // Полн. собр. законов Рос. империи. 1830. Т. 30. № 23488. С. 801), а на суды была возложена обязанность объявлять лицам, подающим жалобы, о возможности применения к ним подобных мер (Об обязанности уголовных палат и судов при допущении к подписке на решения их неудовольствия объявлять недозволенным с подписками: Высочайше конформированное постановление Сената о штрафовании за перенос дел по неправильным отзывам : указ Сенатский от 16 апр. 1809 г. // Там же. № 23585. С. 912).

Недостатки правового регулирования института обжалования судебного решения и возникающие в связи с этим проблемы приводили как к ухудшению положения осужденного, так и к незаконному уклонению его от отбывания наказания. В этой связи указом от 23 декабря 1802 г. устанавливался двухнедельный срок, в течение которого осужденные должны были сообщить о своем согласии или несогласии с приговором. Палата по уголовным делам в случае получения жалобы должна была немедленно представить дело вместе с жалобой в Сенат, где без участия просителя и слушания экстракта принималось окончательное решение (О разделении уголовных и следственных дел между 4 и 5 департаментами Правительствующего Сената и об объявлении подсудимым приговоров уголовных палат при открытых дверях : указ Именной, данный Сенату, от 23 дек. 1802 г. // Там же. Т. 27. № 20561. С. 406).

«По своду изданий 1832, 1842 и 1857 годов жалоба допускается только: 1) по маловажным делам, где ревизия не имела места; она называлась отзывом, приносилась непосредственно высшему суду и приостанавливала исполнение приговора; и 2) с 1823 года дозволены жалобы в Правительствующий Сенат лиц непривилегированного состояния на приговоры о телесном наказании, торговой казни, ссылке, на поселение или в каторгу, уже после обращения их к исполнению и без приостановки такого исполнения; если жалоба оказывалась неуважительной, то принесший ее подвергался телесному наказанию; напротив, в случае уважительности жалобы, Сенат отменял приговор и определял взыскание с судей, его постановивших, и меру вознаграждения неправильно осужденного» (Фойницкий И. Я. Указ. соч. С. 496). Апелляция, по обще-

му правилу, была возможна лишь на окончательные приговоры, т. е. приговоры по делам о преступлениях, наказание за которые не представляло собой лишения прав состояния или потери каких-либо прав. Исключение, в частности, составляли дела, отнесенные к подсудности уездных и надворных судов, апелляция разрешалась по всем делам указанной категории. Вместе с тем не подлежали обжалованию решения по делам, в обязательном порядке поступавшим на ревизию в вышестоящую инстанцию. Для подачи жалобы устанавливался месячный срок с момента подписания «неудовольствия», который ни при каких обстоятельствах не мог быть продлен. Правом обжалования обладали все лица, чьи интересы затрагивал приговор. Осужденные могли приносить жалобы на окончательный приговор до его исполнения только после предварительного выражения «неудовольствия» состоявшимся решением, оформлявшегося подпиской (Баршев Я. Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству. СПб., 1841. С. 267). При этом «неудовольному» разъяснялись последствия признания жалобы необоснованной, выражавшиеся в штрафе. Кроме осужденных, правом подачи отзыва, приостанавливающего исполнение приговора, были наделены стряпчие уголовных или казенных дел (в случае причинения ущерба государственной казне), а также удельные стряпчие (вместо удельных крестьян). Жалоба, приостанавливающая исполнение приговора, составлялась в форме «обыкновенного прошения» на гербовой бумаге. К ней приобщалась копия состоявшегося решения, а также пошлина в размере 12 руб. В жалобе в обязательном порядке отражались мотивы несогласия с выводами суда и нарушенные нормы закона. После обращения приговора к исполнению жалоба подавалась на обычной бумаге, при этом копия состоявшегося решения не требовалась.

В 1853 г. были установлены требования к форме апелляционной жалобы (О форме и месте подачи отзывов на судебные уголовные приговоры : Высочайше утв. мнение Гос. Совета от 16 февр. 1853 г. // Полн. собр. законов Рос. империи. 1855. Т. 28. № 27014. С. 55). Так, жалоба подписывалась «приносящим» и должна была содержать: место жительства лица, ее подавшего, дату подачи и дату принятия на почте. Впрочем, неисполнение данных требований не могло влечь отказа в принятии жалобы. Жалобы подавались в суд, постановивший приговор, на бумаге, аналогичной бумаге того достоинства, на которой велось производство в этом суде. Так, жалоба на решение суда первой ступени подавалась на гербовой бумаге пятнадцатикопеечного достоинства, на решение суда второй ступени

– на первом листе шестидесятикопеечного достоинства и остальных – пятнадцатикопеечного. Кроме того, подача жалобы сопровождалась оплатой судебных пошлин.

Институт обжалования в дореволюционном процессе получил наибольшее развитие в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. (далее: УУС) ([URL: http://civil.consultant.ru/sudeb_ustav/](http://civil.consultant.ru/sudeb_ustav/)), когда вместо прежней громоздкой и сложной системы сословных судов была выстроена стройная судебная система, делившаяся на две ветви: мировую юстицию и систему общих судов. Сенат, возглавлявший судебную систему империи, являлся высшей кассационной инстанцией для решений судов этих ветвей.

После проведенной реформы несколько изменились критерии разграничения окончательных и неокончательных приговоров. В системе мировой юстиции окончательным назывался приговор, которым виновному назначалось наказание в виде: внужения, взыскания, выговора; денежного взыскания на сумму не свыше 15 руб.; арест на срок не более 3 дней, а также в случаях, когда вознаграждение за причиненный вред или убытки не превышали 30 руб. (ст. 124 УУС). Окончательные приговоры обжаловались в кассационном порядке в съезд мировых судей. Все остальные приговоры являлись неокончательными и могли быть обжалованы в апелляционном порядке. В общих судах окончательными были лишь приговоры, постановленные с участием присяжных, и все приговоры, постановленные судебной палатой (ст. 854 УУС), все остальные приговоры являлись неокончательными.

УУС формально разграничивал процедуры апелляционного обжалования приговоров мировых судей и приговоров судов общей юрисдикции, однако фактически существенных отличий между ними не существовало.

Правом подачи апелляционного отзыва наделялись подсудимые, частные обвинители, гражданские истцы и гражданские ответчики. Указанные лица могли реализовывать право обжалования через представителя. Прокуроры могли выражать свое несогласие с приговором путем принесения протеста. В случае несогласия с приговором мирового судьи полиция могла обжаловать его через прокуратуру. Принцип состязательности, пронизывающий пореформенное уголовно-процессуальное законодательство, нашел свое выражение в процедуре обжалования приговора, поскольку из перечисленных участников процесса лишь подсудимый имел неограниченную свободу обжалования (разумеется, не выходя за рамки приговора), в то время как остальные в той или иной степени были ограничены рамками закона, связанными прежде всего с личной

заинтересованностью в деле. Так, частный обвинитель не мог увеличить объем своих требований (ст. 857 УУС), прокурор мог подать протест лишь в случае, если приговор противоречил данному им заключению и лишь в части неудовлетворенных требований (ст. 858 УУС), гражданские истец и ответчик могли обжаловать приговор в части гражданского иска (ст. 859, 860 УУС). Если по делу было осуждено несколько человек, а подал отзыв только один из них, остальные в течение срока, предоставленного для обжалования, могли присоединиться к этому отзыву (ст. 873 УУС). Отметим, что осужденные-арестанты могли направлять жалобу лишь через лиц, осуществляющих прокурорский надзор. Нарушение данного порядка на практике приводило к тому, что жалоба «не подлежала представлению по принадлежности» (Азарьев В. В. Практическое руководство о сроках и способах обжалования частных определений, решений и приговоров мировых учреждений и общих судов, а также распоряжений и действий судебных следователей, судебных приставов, нотариусов и прочих должностных лиц судебного ведомства. Образцы всех прошений, жалоб и отзывов. Спб., 1881. С. 290, § 1189). Жалобы в интересах несовершеннолетних и лиц, лишенных прав, подавали законные представители, однако присутствие их во время судебного разбирательства по жалобе не являлось обязательным.

Отзыв в устной или письменной форме предъявлялся в суд, постановивший приговор. Закон предъявлял определенные требования к реквизитам письменного отзыва, он мог быть написан на простой бумаге в виде обыкновенного прошения, но в нем в обязательном порядке указывались: имя лица, ее подавшего; его место жительства; доводы, опровергающие выводы суда в приговоре; требования заявителя; данные о том, подлежит ли приговор обжалованию в целом, либо в части (ст. 863 УУС). «Жалобщик не обязан подвергать приговор тщательной критике и возражать против всех соображений, судом приведенных: достаточно, если из жалобы будет видно, в каком объеме приговор обжалован и чего желает проситель» (Фойницкий И. Я. Указ. соч. С. 515–516). Устные отзывы подлежали занесению в протокол, при этом к ним предъявлялись такие же требования, как и к письменным (ст. 864 УУС). Судебная практика обязывала рассмотреть в апелляционном порядке жалобы подсудимых, не соответствующие формальным требованиям закона (Азарьев В. В. Указ. соч. С. 286, § 1165). Жалоба подавалась в одном экземпляре, при этом в течение срока обжалования могли быть поданы дополнительные жалобы. Анонимные жалобы или жалобы, поданные на

иностранном языке без перевода на русский, оставались без удовлетворения.

Для подачи жалобы предусматривался двухнедельный срок, началом срока был день, следующий за днем провозглашения приговора. Последним сроком для подачи жалобы на приговор окружного суда считалось 3 часа последнего дня или до окончания в тот день присутствия. Если конец срока приходился на нерабочий день, то срок заканчивался в следующий рабочий день. В случае пропуска срока при обосновании уважительности причины он мог быть восстановлен. Если же жалоба до истечения срока была направлена по почте, срок пропущенным не считался.

По общему правилу, исполнение приговора с подачей отзыва или протеста приостанавливалось. Исключение из данного правила составляли два случая: первый – когда лицо, до этого находившееся на свободе, осуждалось к тюремному заключению (в случае внесения залога данное лицо могло оставаться на свободе до вынесения судом апелляционной инстанции решения по делу); и второй – в случае вынесения оправдательного приговора.

Кассационные жалобы, как уже было сказано, могли быть поданы на окончательные приговоры, не вступившие в законную силу, и только в том случае, если подавшее жалобу лицо не могло никаким иным способом выразить несогласие с судебным решением. Пересмотр дела в порядке кассации был возможен только при наличии указанных в законе обстоятельств, одинаковых для мировой юстиции и общих судов. Правом подачи кассационных жалоб наделялись лица, имевшие право подать апелляционный отзыв. При этом в общих судах лицо могло обратиться с кассационной жалобой только в том случае, если ранее оно подавало жалобу апелляционную, «потому что не воспользовавшийся правом апелляции против неокончательного приговора окружного суда признал уже тем самым правильность такого приговора и, следовательно, не имеет права опровергать его, после утверждения его палатой» (Судебные уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений на коих они основаны, изданные государственной канцелярией. Спб., 1867. Т. 2. С. 329). Исключение из данного правила составляли случаи, когда приговор окружного суда был изменен судебной палатой, в такой ситуации правом подачи кассационной жалобы пользовались все без исключения участники процесса (ст. 908 УУС). Обжалование приговора исключительно в интересах закона не допускалось. Независимо от процессуального статуса участника процесса до подачи кассационной жалобы было необходимо заявление недовольства. В кассационной жалобе указывались не

только нарушенные нормы права, но и конкретные обстоятельства, свидетельствовавшие о допущенном нарушении, а также обоснование существенности этого нарушения (Азарьев В. В. Указ. соч. СПб., 1881. С. 366, § 1539). Порядок и сроки подачи кассационной жалобы были такими же, как и для подачи апелляционной жалобы. Повторные кассационные жалобы на приговоры,

в кассации которых ранее было отказано, не допускались.

Таким образом, в УУС институт обжалования судебных решений в российском дореволюционном уголовном процессе достиг наивысшей точки развития. С незначительными изменениями и дополнениями он существовал в России до Великой Октябрьской социалистической революции.

Библиографический список

1. *Беляев И. Д.* История русского законодательства / И. Д. Беляев. – СПб., 1999.
2. *Борисова Е. А.* Апелляция в гражданском (арбитражном) процессе / Е. А. Борисова. Изд. 3-е. – М., 2008.
3. *Кутафин О. Е.* Судебная власть в России: история, документы. В 6 т. Т. 1 / О. Е. Кутафин, В. М. Лебедев, Г. Ю. Семигин. – М., 2003.
4. *Чельцов-Бебутов, М. А.* Курс советского уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах / М. А. Чельцов-Бебутов. – СПб., 1995.

References

1. *Belyaev I. D.* History of Russian Legislation / I. D. Belyaev. – SPb., 1999.
2. *Borisova E. A.* Appeal in Civil (Arbitral) Procedure. – 3rd ed. / E. A. Borisova. – M., 2008.
3. *Kutafin O. E.* Judicial Authority in Russia: History, Documents. In 6 vol. Vol. 1 / O. E. Kutafin, V. M. Lebedev, G. Yu. Semigin. – M., 2003.
4. *Cheltsov-Bebutov M. A.* Course of Soviet Criminal Procedural Law. Essays on History of Court and Criminal Procedure in Slave-Ownning, Feudal and Bourgeois States / M. A. Cheltsov-Bebutov. – SPb., 1995.

О. С. Токмакова,
соискатель факультета подготовки
научно-педагогических кадров
ВЮИ ФСИН России

O. S. Tokmakova,
applicant of the Faculty of Research
and Teaching Staff Training of VLI
of the FPS of Russia

**ОРГАНИЗАЦИЯ И ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ С ЗАКЛЮЧЕННЫМИ
В ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА (1930–1934 гг.)**

**Organization and Legal Regulation of Educational Work with Prisoners
in Corrective-Labour Establishments of the Soviet State (1930–1934)**

Аннотация. Статья посвящена анализу основных форм и методов воспитательной работы в местах лишения свободы, получивших закрепление в законодательных актах и ведомственных нормативных актах. Дана общая характеристика воспитательного воздействия на заключенных в исправительно-трудовых лагерях и колониях в 1930–1934 гг.

Ключевые слова: политика, кодекс, анализ, норма, причины, заключенный, соревнование, труд, воспитание.

Abstract. The article is devoted to the analysis of basic forms and methods of educational work in the places of confinement that were secured in legislative acts and departmental statutory acts. The general characteristic of educational influence on prisoners in corrective labor facilities and colonies during the specified period of time (1930–1934) is given.

Key words: politics, the Code, analysis, norm, reasons, prisoner, competition, work, education.

Изменение социального состава спецконтингента в местах лишения свободы Народного комиссариата юстиции (далее: НКЮ) РСФСР и других союзных республик в связи с развертыванием сети исправительно-трудовых лагерей привело к тому, что в них стали преобладать выходцы из числа трудящихся, которые совершили преступления не по причинам классового характера, а в силу недостаточной классовой сознательности. В связи с этим в отношении данной категории заключенных на первый план вышла задача усиления воспитательной стороны наказания. Официально было объявлено о последовательном проведении в жизнь требований Программы ВКП(б) о замене тюрем воспитательными учреждениями, а наказаний – системой мер воспитательного характера (URL:http://leftinmsu.narod.ru/polit_files/books/Programma_i_ustav_VKPb.htm#p05).

В основу воспитательной работы в исправительно-трудовых учреждениях (далее: ИТУ) НКЮ РСФСР были положены соревнование и ударничество, ставшие возможными в связи с ликвидацией безработицы в стране. Их развитие непосредственно связано с XVI Всесоюзной конференцией ВКП(б), принявшей обращение ко всем трудящимся Советского Союза развивать соревнование и ударничество. Эта политическая установка сразу была взята на вооружение практически всеми печатными органами мест лишения свободы, развернувшими массовую политическую кампанию в этом направлении среди заключенных.

Определенную роль в привлечении внимания к соревнованию и ударничеству сыграло письмо

председателя комиссии частных амнистий при Президиуме ЦИК СССР А. А. Сольца в газету «К трудовому общежитию» Таганского дома заключения. В нем он писал: «Не нравится мне в нашей газете то, что она исключительно заполнена тюремными интересами и в ней нет признаков того, кто и как связан с внетюремной жизнью, чем интересуется вне тюрьмы, нет отклика на то, чем живет наш Союз, что его радует, заботит, тревожит и беспокоит. И в тюрьме заключенные должны жить тем, чем живет страна, иначе при выходе на свободу они окажутся неприспособленными к тем требованиям, которые новая жизнь предъявляет» (Сольц А. А. Мое мнение // К трудовому общежитию. 1929. 1 дек.).

Следует отметить, что газеты мест лишения свободы популяризировали значение индустриализации страны и способствовали сплочению заключенных вокруг задач выполнения пятилетнего плана за четыре года. Они пропагандировали новые социалистические методы воспитания и отношения к труду, социалистическое соревнование и ударничество, призывали к выполнению и перевыполнению промфинплана мест лишения свободы, способствовали созданию ударных и хозрасчетных бригад, принимавших на себя повышенные обязательства по выполнению производственных заданий (От тюрем к воспитательным учреждениям: сб. ст. / под общ. ред. А. Я. Вышинского. М., 1934. С. 270).

Газеты мест лишения свободы активно участвовали и в укреплении обороноспособности страны, содействовали сбору средств для Красной Армии. Так, в эскадрилью имени XVI пар-

тийного съезда 6 июля 1930 г. был передан самолет имени газеты «К трудовому общежитию» (Там же. С. 272).

По инициативе прессы в 1931 г. в ИТУ РСФСР был проведен так называемый субботник книги, приуроченный к 7-й годовщине со дня смерти В. И. Ленина. Это мероприятие позволило не только очистить библиотечные фонды от устаревших книг, но и способствовало выявлению читательских интересов, а также пополнению библиотек мест лишения свободы новой советской книжной продукцией. Отработанный заключенными «книжный субботник» собрал в фонд книги свыше 100 000 руб.

Кроме того, печатные органы мест лишения свободы способствовали решению и других проблем. В частности, по их инициативе появились многочисленные книжки изобретателей и рационализаторов, были проведены в 1930 г. «месячники чистоты» и др. (Там же. С. 275).

В начале 1930-х гг. Главное управление исправительно-трудовых учреждений (далее: ГУИТУ) НКЮ РСФСР предприняло меры по привлечению общественности к работе с заключенными через наблюдательные комиссии, но это не принесло ощутимых результатов. Об этом со всей очевидностью свидетельствует циркуляр ГУИТУ НКЮ РСФСР от 19 июня 1934 г. № 79 «О работе наблюдательных комиссий» в адрес начальников УИТУ краев (областей) и АССР, председателей наблюдательных комиссий. Анализ его содержания позволяет выявить основные недостатки в их работе. Прежде всего отмечалось особое привлечение общественности. В отдельных случаях наблюдательные комиссии работали без представителей общественности или с подменой их представителями разных организаций самих ИТУ. Слабое руководство наблюдательными комиссиями приводило к незнанию членами комиссий своих прав и обязанностей, что влекло за собой нарушение законов и выполнение не свойственных им функций. Так, комиссии часто применяли условно-досрочное освобождение до истечения половины срока и начисляли зачеты без достаточного на то основания. Редкие заседания наблюдательных комиссий приводили к перегруженности повестки дня. Общественность не приглашалась на заседания, вследствие чего снижалась воспитательная роль комиссий. Для работы наблюдательных комиссий администрация ИТУ не создавала необходимых условий.

В целях устранения отмеченных недостатков требовалось до 1 июля 1934 г. пересмотреть состав наблюдательных комиссий, исключив из них не работающих членов. Кроме того, следовало обеспечить регулярность отчетов членов комиссий пе-

ред выдвинувшими их организациями; предстояло разукрупнить наблюдательные комиссии, расширить практику открытых заседаний; предлагалось проводить межрайонные созывы членов комиссий не реже 1 раза в 2 месяца; проработать с их членами Исправительно-трудовой кодекс РСФСР, оплачивая представителям общественности расходы на проезд и питание.

Одновременно с мерами по активизации работы наблюдательных комиссий, для более дифференцированного подхода к оценке труда заключенных, вводились 4 вида зачета рабочих дней: 4 – за 5 дней срока, 3 – за 4, 2 – за 3 и 1 день работы за 2 дня срока.

Обращает на себя внимание тот факт, что в начале 1930-х гг. система мест лишения свободы НКЮ РСФСР была еще открыта не только для советской общественности, но и для иностранцев. В частности, 17 мая 1934 г. итальянская и греческая рабочие делегации посетили Магнитогорскую исправительно-трудовую колонию, где провели совместно с осужденными митинг и приняли постановление об организации 10 ударных бригад имени итальянско-греческой рабочей делегации. Делегаты были буквально поражены условиями труда и быта заключенных, которые в этих условиях «учатся и перевоспитываются» (Сов. юстиция. 1934. № 17. С. 3).

Следует отметить, что труд способствовал формированию у заключенных патриотических чувств. Об этом, например, свидетельствует митинг ударников Магнитогорской исправительно-трудовой колонии в мае 1934 г., посвященный передаче магнитогорскому аэроклубу третьего самолета имени 3-й культурно-просветительской конференции. Как отмечалось на митинге, в течение 1933 и 1934 гг. ударники передали стране 3 самолета. В день передачи самолета коллектив ударников Магнитогорской исправительно-трудовой колонии принял решение не прекращать сбора средств в фонд обороны. Они обратились ко всем ударникам и отбывающим меру социальной защиты в ИТУ Челябинской области, призывая их крепить оборону страны и начать сбор средств на постройку летного звена имени ИТУ Челябинской области (За нового человека. 1934. 22 мая).

ИТУ сумели обеспечить для осужденных широкий доступ к профессионально-техническому образованию по самым разнообразным профессиям. Благодаря этому тысячи бывших преступников получили рабочие специальности, которые обеспечили им возможность вернуться к нормальной жизни на свободе, помогли повысить производительность труда и понять его полезность для самих себя.

Вместе с тем в области организации воспитательной работы отмечались серьезные недостат-

ки и упущения. Ее организации, прежде всего, мешало использование заключенных на мелких объектах небольшими группами. Не во всех колониях работали клубы и красные уголки, были созданы необходимые бытовые условия. Ответственность недостаточно привлекалась к работе наблюдательных комиссий (Исправительно-трудовые колонии перевоспитывают осужденных // Сов. юстиция. 1934. № 15. С. 3–6).

В перевоспитании заключенных важное место отводилось эстетическому воспитанию. Неслучайно летом 1934 г. ГУИТУ НКЮ РСФСР провело совещание по художественно-массовой работе в системе ИТУ. Кроме работников мест лишения свободы, на совещание были приглашены представители Народного комиссариата просвещения (далее: Наркомпрос), института Гостеатров, ЦК Всесоюзного профессионального союза работников искусства, Центрального дома самодеятельного искусства, студии «Межрабпомфильм», концертно-производственного акционерного общества «Советская филармония» и Всесоюзного театрального общества. Первым на совещании обсуждался вопрос о принятии Всесоюзным театральным обществом шефства над системой ИТУ. Шефство, как отметил в своем выступлении на совещании нарком юстиции Н. В. Крыленко, есть порождение советского строя. Его следует рассматривать не как благотворительность, а как органическую постоянную часть работы по реализации исправительно-трудовой политики.

В выступлениях участников совещания говорилось о том, что двери ИТУ для этой работы должны быть открыты всегда, а шефы должны прийти на помощь администрации в «искоренении всего скверного в быту осужденных, бессмысленного, бесцельного, жестокого и излишнего».

Председатель Всесоюзного театрального общества заслуженный артист республики М. Ф. Ленин в своем выступлении изложил историю шефства этого общества над Таганским изолятором с 1929 г. Только за один год обществом было проведено: занятий – 300, выступлений агитбригады – 55, общих собраний агитбригады – 50, заседаний старостата – до 30. За весь период шефства общество осуществило 70 постановок, около 60 инсценировок, дало 50 концертов, организовало около 40 лекций. На основании практической работы общество пришло к следующим выводам:

- агитбригада как форма самодеятельности заключенных вполне оправдала свое назначение и сыграла важную роль в деле борьбы за укрепление трудовой дисциплины;

- работа драмкружка при должной проработке материала, широком социально-классовом анализе драматических произведений, добросовестной и упорной работе позволила осуществ-

лять вполне удовлетворительные в художественном отношении постановки, несмотря на то, что исполнители выступали на сцене впервые;

- концертные вступления показали, что тематические концерты являются более эффективными, чем так называемые сборные, даже если в них принимали участие известные артисты.

В качестве постановочных М. Ф. Ленин обозначил следующие задачи:

1. Укрепить общее руководство делом художественно-политического воспитания заключенных со стороны центральных органов, ведающих этим делом.

2. Привлечь к активной работе в местах заключения по линии театрально-хозяйственной работы ряд учреждений и организаций. Целесообразно было бы создать при ГУИТУ НКЮ РСФСР особый совет из представителей организаций и учреждений, принимающих участие в политико-воспитательной работе с лицами, лишенными свободы.

3. Обеспечить кружки художественной самодеятельности и агитбригады заключенных квалифицированным руководством.

Исполняющий обязанности начальника ГУИТУ НКЮ РСФСР в своем выступлении выразил уверенность, что вместе с шефами пенитенциарная система сможет углубить достижения, которые имеются в деле «перековки правонарушителей».

Участники совещания признали необходимым создать при ГУИТУ НКЮ РСФСР художественно-политический совет, введя в его состав представителя отряда общественных организаций и учреждений (Совещание по художественно-массовой работе в системе ИТУ // Сов. юстиция. 1934. № 20. С. 12–17).

Вскоре после совещания Управление театрами Наркомпроса РСФСР издало циркуляр от 27 июля 1934 г. № 1306/600/109 в адрес директоров гостеатров республики. Отметив важность художественно-массовой работы среди лиц, лишенных свободы, Управление театрами посчитало необходимым оказать со стороны театров всемерное содействие культурно-просветительской работе, проводимой ГУИТУ НКЮ РСФСР и его местными органами. О формах этого содействия рекомендовалось договориться непосредственно ГУИТУ НКЮ РСФСР.

В целях стимулирования осужденных-ударников, улучшения быта осужденных и оказания помощи освобожденным в июле 1934 г. приказом и. о. начальника ГУИТУ НКЮ РСФСР от 26 июля 1934 г. № 330 было утверждено специальное Положение о фонде премирования ударников-осужденных, улучшения быта осужденных в УИТУ и оказания помощи освобожденным. Для

этого был образован премиальный фонд из 5 % отчислений от чистого дохода, которым распоряжались УИТУ. Средства фонда подразделялись на три части: 30 % – для премирования ударников, 50 % – для улучшения быта содержащихся в ИТУ осужденных и 20 % – для оказания помощи освобождаемым. К премированию могли представляться как отдельные заключенные, так и группы (бригады, смены, цеха и др.).

Премировались осужденные деньгами и вещами, которыми они могли распоряжаться по своему усмотрению. Часть фонда предназначалась для улучшения питания и снабжения (котлы ударников, ларьки с особыми товарами для ударников) и бытовых условий (выделение особых камер для ударников).

В 1934 г. руководство мест лишения свободы приняло меры, направленные на решение задачи по закреплению лиц, отбывших наказания, на свободе. В связи с этим ГУИТУ НКЮ РСФСР утвердило нормативный акт от 29 сентября

1934 г. № 147 «О порядке выдачи пособий отбывшим меру социальной защиты». Пособие выдавалось из специального фонда, созданного в соответствии с приказом и. о. начальника ГУИТУ НКЮ РСФСР от 26 августа 1934 г. № 330. По истечении каждого квартала начальники УИТУ краев (областей) и АССР отчитывались перед наблюдательными комиссиями об израсходовании средств на оказание помощи освобожденным.

В принятом в 1933 г. Исправительно-трудовом кодексе РСФСР юридическое закрепление получила цель деятельности мест лишения свободы НКЮ РСФСР – «перевоспитывать и приспособлять их (заключенных. – О. Т.) к условиям трудового общежития путем направления их труда на общепользные цели и организации этого труда на началах постепенного приближения труда принудительного к труду добровольному на основе соцсоревнования и ударничества» (URL:http://www.spb-pravo.ru/docs_cccp.php?id=7179).

Библиографический список

1. *Ахмадеев Ф. Х.* Становление и развитие органов советской милиции и исправительно-трудовых учреждений / Ф. Х. Ахмадеев, Н. А. Катаев, А. Г. Хабибуллин. – Уфа, 1993.
2. *Епанешников В. С.* Юридическая ответственность лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Епанешников Валерий Степанович. – М., 2000.
3. *Исаков В. М.* Правовое регулирование режима отбывания наказания в исправительно-трудовых лагерях в период Великой Отечественной войны и в послевоенные годы (1941–1956 гг.) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Исаков Владимир Маркович. – М., 1997.
4. От тюрем к воспитательным учреждениям : сб. ст. / под ред. А. Я. Вышинского. – М., 1934.
5. Уголовно-исполнительное право России : учебник / под ред. проф. А. И. Зубкова. – М., 1997.

References

1. *Ahmadeev F. H.* Formation and Development of Bodies of the Soviet Militia and Corrective-Labour Establishments / F. H. Ahmadeev, N. A. Kataev, A. G. Habibullin. – Ufa, 1993.
2. *Epaneshnikov V. S.* Legal Responsibility of People Serving a Punishment in the Form of Imprisonment / Epaneshnikov Valeriy Stepanovich. – M., 2000.
3. *Isakov V. M.* Legal Regulation of the Mode of Serving a Punishment in Corrective-Labour Facilities during the Great Patriotic War and in Post-War Years (1941–1956) / Isakov Vladimir Markovich. – M., 1997.
4. From Prisons to Educational Institutions / ed. by A. I. Vyshinskiy. – M., 1934.
5. Penal Law of Russia / ed. by A. I. Zubkov. – M., 1997.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ СИСТЕМЫ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

УДК 341.9

И. Н. Куркина,
доцент кафедры гуманитарных
дисциплин ВЮИ ФСИН России
кандидат педагогических наук

I. N. Kurkina,
Associate Professor of the Department for Humanitarian
Sciences of VLI of the FPS of Russia
Candidate of Pedagogical Sciences

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМ РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ ОСУЖДЕННЫХ

Foreign Experience of Solving the Problem of Resocialization of the Convicted

Аннотация. Статья посвящена проблемам реформирования уголовно-исполнительной системы. Акцент сделан на опыте ресоциализации осужденных, накопленном развитыми зарубежными странами – США, ФРГ, Франция.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, колония-поселение, ресоциализация осужденных, пенитенциарная сфера общепринятых норм и стандартов, домашний арест, частная тюрьма.

Abstract. The article deals with the problems of reforming the penal system. The author stresses the experience of resocialization of the convicted in such developed countries as the USA, Germany and France.

Key words: penal system, colony-settlement, resocialization of the convicted, penitentiary sphere of generally accepted norms and standards, house arrest, private prison.

На современном этапе в России происходят серьезные преобразования во всех сферах жизнедеятельности: политической власти, экономике, образовании, культуре и т. д. Реформирование затронуло и уголовно-исполнительную систему. Как отметил в своем докладе директор ФСИН России А. Реймер, «основная идея реформы заключается в том, что осужденные за преступление впервые и особо опасные преступники-рецидивисты будут отбывать наказание раздельно. Первая категория преступников будет отправляться в колонии-поселения, которые будут двух видов режима. Вторая категория будет отправляться в тюрьмы, которые будут трех видов режима...» (URL: <http://www.zeki.su/glavnoe/aleksandr-rejmer-dal-start-reforme-federalnoj-sluz...>).

Изменения коснутся как условий содержания осужденных – перестройка всей структуры исправительных учреждений, качественно новый уровень охраны и надзора, предусматривающий в том числе и внедрение технического видеодокументирования происшествий в местах лишения свободы, так и личного состава, где особое место отводится кадровой подготовке сотрудников.

Эффективность системы исполнения наказаний во многом определяется ресоциализацией осужденных, их адаптацией после освобождения к жизни и умением найти в ней свое место. Именно поэтому сотрудникам пенитенциарной системы необходимо обладать сложным комплексом психолого-педагогических, экономиче-

ских, медицинских, юридических и организационных знаний, для того чтобы сформировать у каждого осужденного способность к включению в обычные условия функционирования общества.

Передовыми зарубежными государствами накоплен богатый опыт ресоциализации осужденных, изучение и анализ которого позволят нашей стране, с учетом национальных и исторических традиций, эффективно реформировать российскую систему исправления и адаптации лиц, преступивших закон и находящихся в местах лишения свободы. В своей деятельности зарубежные пенитенциарные системы руководствуются международными нормативными правовыми документами, определяющими основные права и свободы гражданина, а также требования, непосредственно затрагивающие правила обращения с осужденными.

К числу таких актов следует отнести в первую очередь Всеобщую декларацию прав человека 1948 г., запрещающую применение пыток и жестоких, бесчеловечных и унижающих достоинство видов обращения и наказания. Человек должен подвергаться только таким ограничениям, какие определены законом исключительно в целях обеспечения должного признания и уважения прав и удовлетворения справедливых требований морали (Действующее международное право. М., 1999. Т. 2).

Не менее важным является Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г., в котором содержатся положения, каса-

ющиеся обращения с осужденными. В частности, в нем говорится, что «каждый, кто приговорен к смертной казни, вправе просить о помиловании; работа, которую должно выполнять лицо, находящееся в заключении, на основании законного распоряжения суда или лицо, условно освобожденное от такого заключения, не может рассматриваться как принудительный или обязательный труд» (Международные соглашения и рекомендации ООН в области прав человека и борьбы с преступностью : сб. междунар. док. М., 2005).

К числу важнейших международных актов следует также отнести: Конвенцию против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания 1984 г., в которой подчеркивается, что «никакие обстоятельства, какими бы они ни были, не могут служить оправданием пыток» (URL: <http://www1.umn.edu/humanrts/russian/instreet/Rh2catoc.html>); Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка 1979 г. (URL: http://www.businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_33115.html).

Кроме того, существует ряд специализированных актов, принятых международным сообществом и непосредственно касающихся правил содержания лиц, заключенных под стражу, исполнения наказаний и обращения с осужденными: Минимальные стандартные правила ООН обращения с заключенными, принятые в 1955 г. (URL: <http://prisonlife.ru/mezdunarodnie/45-minimalnye-standardnye-pravila-onn-obrasheniya-S.html>), Европейские пенитенциарные правила 2006 г. (URL: <http://www.zagr.org/25.html>), Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (Бюл. междунар. договоров. 2001. № 3) и Европейская конвенция по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания 1987 г. (URL: <http://www.memo.ru/Pravo/euro/eu-torttr.htm>).

В настоящей статье мы остановимся на опыте таких стран, как США, Германия и Франция, где особое внимание в исправительных учреждениях уделяется социальной и реабилитационной работе с осужденными.

В 2009 г. в *Соединенных Штатах Америки* насчитывалось 40 федеральных и 910 штатных мест лишения свободы, где содержались около 2 млн заключенных (в 1990 г. эта цифра составляла примерно 1 млн), в том числе 9,1 % – женщины; 4,6 % – несовершеннолетние (URL: <http://www.usinfo.ru>). Столь резкое увеличение числа осужденных произошло по причине введения более строгих законов, особенно это касалось торговли наркотиками. Так, если в 1980 г. за преступления, связанные с наркотиками, в тюрьмах США отбывали наказания 40 тыс. человек, то сегодня – их почти полмиллиона.

По данным американской статистики, за последние годы количество взрослых осужденных увеличилось практически в три раза, а каждый четвертый осужденный в мире сегодня – американец (URL: <http://korrespondent.net/woria/442744>).

В связи с создавшимся положением правительство США активно внедряет альтернативные меры отбывания наказаний. Так, по данным Бюро статистики Министерства юстиции США, за 2009 г. в три раза увеличилось количество условно осужденных, активнее начали применяться такие меры принуждения, как домашний арест, электронный мониторинг, отбывание наказания в частных тюрьмах (Там же).

В большинстве мест лишения свободы заключенные работают, получая за свой труд около 1 долл. за час (средняя оплата труда на свободе составляет 4 долл.). Изделия, изготовленные заключенными, идут в пользу федеральных или штатных властей, поскольку их продажа на свободном рынке не разрешается. Администрация исправительных учреждений заключает договоры с предприятиями и организациями, которые, сотрудничая с тюрьмой, в дальнейшем трудоустраивают освободившихся осужденных.

Большое внимание в местах лишения свободы уделяется организации досуга. В изоляции заключенные имеют возможность пользоваться библиотекой (как правило, в тюрьме имеется не менее двух читальных залов: юридический – собрание действующего законодательства и обычный).

В связи с тем, что многие осужденные имеют лишь начальный уровень образования, а некоторые и вовсе неграмотны, в тюрьме им предоставляется возможность бесплатного обучения, которое подразумевает получение как среднего, так и профессионального образования. При желании заключенные могут поступить в высшее учебное заведение, при этом используется дистанционно-заочный метод обучения.

Заслуживает внимания организация спортивной жизни в ряде мест лишения свободы. Так, регулярно проводятся чемпионаты по бейсболу, баскетболу, тяжелой атлетике, причем соревнования могут проходить между командами заключенных и администрации. А вот занятия боксом и карате запрещены, так как это, по мнению сотрудников, порождает насилие.

В штат тюрем обязательно входит католический священник. Кроме того, привлекаются к работе с осужденными и представители других религиозных конфессий: раввин, мулла и служители иных вероисповеданий. Церковь обязательно входит в структуру любого места лишения свободы, поскольку американцы считают, что религия помогает человеку пересмотреть свое отношение к жизни,

встать на путь исправления, дает надежду и вселяет уверенность в будущем.

Отличительной особенностью американской системы исполнения наказаний является отсутствие практики амнистий. Губернатор штата или президент страны могут помиловать кого-то персонально, однако в массовом порядке такого не происходит.

Остановимся на опыте функционирования частных тюрем, поскольку данная практика для нашей страны пока неизвестна.

Некоторые штаты предприняли попытку расширения возможностей своих систем исправительных учреждений путем заключения контрактов с частными фирмами. Цель – оптимизировать наполняемость, снизить расходы на содержание учреждений, избежать судебных процессов против властей и служащих штата. Коррекционная Корпорация Америки была первой, предложившей услуги по организации частных исправительных учреждений штатам. В 1985 г. она предприняла неудачную попытку сосредоточить в своих руках работу исправительных учреждений всего штата, а в 1988 г. открыла учреждение минимальной степени охраны, рассчитанное на 300 мест (Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2007. № 3. С. 29–36).

К концу 1980-х гг. в частных учреждениях находилось уже более 1900 заключенных. Движение за приватизацию тюрем имеет под собой историческую почву. Государственные места лишения свободы были связаны контрактами с частными фирмами на поставку продовольствия, психологическое обслуживание, обучение, отдых и т. п. еще в прошлом, это и объясняет, почему сейчас около 40 штатов полагаются на частный бизнес в обеспечении разнообразных нужд исправительных учреждений.

Типичная частная тюрьма штата небольшая, как правило, количество отбывающих наказания не превышает 500 человек. Все это лица, осужденные за нетяжкие преступления. Наиболее часто среди них встречаются мошенники, совершившие мелкие кражи, акты хулиганства, лица, систематически уклоняющиеся от выплаты алиментов, и т. п. В основном это представители низших социальных групп с невысоким уровнем образования.

Для частного лица средняя стоимость содержания одного заключенного обходится примерно в 11302 долл. Осужденным предоставляется право получения или продолжения своего образования, оказывается необходимая медицинская помощь, организуется их досуг, а также популярной является такая мера поощрения, как отпуск. В этих тюрьмах заключенные могут рассчитывать на сокращение срока за примерное поведение, но за любое нарушение им прибавляется 30 дней.

Сфера исполнения уголовных наказаний в Германии находится в ведении Министерства юстиции и регламентируется Федеральным законом от 1 января 1977 г. Главной задачей, стоящей перед местами лишения свободы, является организация исполнения наказаний, при которой осужденный после освобождения был бы способен нести социальную ответственность за свое поведение, жить, не нарушая законы (Ресоциализация осужденных в пенитенциарных учреждениях ФРГ (социально-психологический аспект) : учеб. пособие / Н. А. Андреев [и др.]. М., 2001). Данной идее посвящены практически все статьи Уголовно-исполнительного кодекса ФРГ.

Особое внимание сотрудники мест лишения свободы уделяют выявлению причин противоправного поведения осужденных, в зависимости от которых строится работа по их исправлению. Индивидуальный подход к заключенному позволяет наиболее эффективно использовать средства ресоциализации.

Практически во всех тюрьмах Германии функционируют психологические службы, а также диагностические центры. Так, в тюрьме Хаген (Земля Северный Рейн–Вестфалия) создана специальная комиссия, которая диагностирует личность каждого осужденного и дает рекомендации по применению к нему различных форм и методов работы.

В пенитенциарной системе ФРГ различают открытый и закрытый типы тюрем. Для открытого типа характерно отсутствие ограждения и постоянного надзора за заключенными. Проживание более напоминает комнаты общежития, чем камеры. У осужденных есть право на оплачиваемый труд, свободу вероисповедания, а также общение с родными и близкими.

Закрытый тип мест лишения свободы характеризуется более жестким режимом, который предполагает постоянное наблюдение за осужденными (в том числе использование системы электронного мониторинга), фактическое отсутствие контактов с внешним миром, преобладание одиночных камер.

Существует и промежуточная форма содержания заключенных – «переходные дома», цель создания которых – помочь осужденным за тяжкие преступления на длительные сроки адаптироваться к жизни на свободе. Сюда направляются за полгода (год) до окончания срока такие осужденные, к которым может быть применено условно-досрочное освобождение. Основным достоинством подобных учреждений является то, что администрация старается найти работодателя и заключить с ним договор о трудоустройстве освободившихся.

Интересен опыт ресоциализации осужденных, существующий во Франции, где в последнее время активно обсуждается вопрос о возможном изменении условий содержания заключенных и пересмотре мер пресечения, что связано с переполнением тюрем. Так, по данным статистики, на 1 января 2010 г. в тюрьмах Франции содержалось 63796 заключенных, из которых 19324 человека находились в предварительном заключении, женщины составляют 3,6 % от общего количества, несовершеннолетние (до 18 лет) – 2,1 %. Основная часть заключенных осуждена за кражи – около четверти заключенных, пятая часть – за насилие, также часто встречаются приговоры за торговлю наркотиками и убийство. Практически половина заключенных имеет срок наказания более 5 лет. На 100 заключенных в среднем приходится 38 надзирателей и 1 социальный работник (URL: <http://www.pri-son.org/lib/howhelp/doc033>).

Выходом из сложившейся ситуации, связанной с переполнением тюрем, представляется проект архитектора Ги Атрана по строительству «городов» для заключенных, где отбывающие наказания могли бы чувствовать себя свободно и спокойно. Предлагается оригинальная планировка: разбить тюрьму на «кварталы», каждый из которых будет населять определенная категория заключенных в зависимости от тяжести совершенного преступления. Подобная альтернатива, по мнению автора проекта, будет способствовать правопослушному поведению осужденных, так как предоставляемые им возможности достаточно многочисленны: структура «города» максимально приближена к обычному – есть библиотеки, спортивные залы, классные аудитории, места для прогулок и многое другое (URL: <http://index.org.ru/nb/2000/frpri.html>).

Согласно этому проекту тюрьмы не будут больше местом заключения, которым они всегда являлись, а станут скорее неким «приютом», поселением. Первая тюрьма, построенная по данному проекту, расположена в Тулузе, она рассчитана на 605 мест и занимает площадь около 15000 квадратных метров. Подобные места лишения свободы функционируют также в Авиньоне и Лилле.

В настоящее время пенитенциарная система Франции ориентируется на альтернативные меры наказания, полагая, что в большинстве случаев изоляция человека вовсе не способствует его перевоспитанию или исправлению. В этой стране популярны также такие меры, как условное осуждение с испытательным сроком, общественно полезные работы, штрафы, поручительство, развита система залогов.

Лица, приговоренные к альтернативным лишению свободы видам наказания, также нахо-

дятся в ведении тюремной администрации. Их численность составляет примерно 122 тыс. человек, что практически в два раза превышает количество приговоренных к лишению свободы.

Средняя продолжительность содержания заключенного в местах лишения свободы Франции составляет около 8 мес., а в следственном изоляторе – 4,2 мес. Во французских тюрьмах весьма широко используется условно-досрочное освобождение, практика перевода осужденных на полусвободный режим (пребывание в пенитенциарном учреждении только в ночное время, днем заключенный может работать, учиться, проходить курс лечения и т. п.), возможность отбывать наказания вне стен исправительных учреждений.

Практикуется также льготное сокращение тюремного наказания на 3 мес. ежегодно, если поведение осужденного не вызывает нареканий. В случае первой судимости имеется дополнительная льгота в виде ежегодного двухмесячного сокращения срока. Таким образом, впервые осужденный при примерном поведении из двух назначенных ему лет лишения свободы реально отбывает только 14 мес.

Во Франции считается допустимым выезд за пределы мест лишения свободы при наличии семейных обстоятельств, для встречи с возможным работодателем, посещения лечебного учреждения.

Развиты такие средства исправления правонарушителей, как обучение и профессиональная подготовка. Так, в 2009 г. во французских тюрьмах работали и учились, получая стипендию, 20347 человек, что составляло в среднем 59,6 % от общей численности осужденных, из них 50 получили диплом о высшем образовании.

Медицинское обслуживание мест лишения свободы осуществляет общественная (не тюремная) больничная служба. В каждом исправительном учреждении созданы пункты консультаций и амбулаторного лечения. Кроме того, все заключенные имеют социальную страховку.

Неправительственные организации, такие как «Национальная ассоциация тюремных посетителей», «Письмо от Бовэ» (переписка с заключенными), «Оксилия» (заочное обучение), активно участвуют в жизни пенитенциарных учреждений, помогая администрации решать задачи по ресоциализации осужденных. При каждой тюрьме функционируют социально-культурная и спортивная ассоциации.

В заключение отметим общую для многих развитых стран мира тенденцию к совершенствованию системы исполнения уголовных наказаний – введение мер, альтернативных лишению свободы. Помимо гуманитарных, существуют и чисто прагматические соображения с точки зрения затрат на тюремное заключение и его последствий, которые

в ряде государств вынуждают законодателей принимать шаги в направлении сокращения количества приговоров к лишению свободы. В услови-

ях реформирования пенитенциарной системы России подобный опыт является достаточно интересным и перспективным.

Библиографический список

1. Всеобщая декларация прав человека // Действующее международное право. В 3 т. Т. 2. – М., 1999.
2. Международные соглашения и рекомендации ООН в области прав человека и борьбы с преступностью : сб. междунар. док. – М., 2005.
3. Ресоциализация осужденных в пенитенциарных учреждениях ФРГ (социально-психологический аспект) : учеб. пособие / Н. А. Андреев [и др.]. – М., 2001.

References

1. Universal Declaration of Human Rights // International Law in Force. In 3 vol. Vol. 2. – M., 1999.
2. International Agreements and Recommendations of the UN in Sphere of Human Rights and Struggle against Crime. – M., 2005.
3. Resocialization of the Convicted in Penitentiary Institutions of the FRG (Social and Psychological Aspect) / N. A. Andreev [et al.]. – M., 2001.

З. Ш. Махмудов,

*соискатель факультета подготовки
научно-педагогических кадров
Академии права и управления ФСИИ России*

Z. Sh. Makhmudov,

*applicant of the Faculty of Research
and Teaching Staff Training of the Academy
of Law and Management of the FPS of Russia*

ПОСТПЕНИТЕНЦИАРНАЯ АДАПТАЦИЯ ОСУЖДЕННЫХ В СТРАНАХ СНГ**Post-Penitentiary Adaptation of Convicts in the CIS
(the Commonwealth of Independent States)**

Аннотация. В статье анализируется опыт стран-членов СНГ по решению вопросов, связанных с постпениitenciарной адаптацией осужденных. На примере уголовно-исполнительного законодательства девяти государств (Азербайджан, Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Молдова, Таджикистан, Узбекистан, Украина) рассмотрены основные формы постпениitenciарной адаптации осужденных.

Ключевые слова: постпениitenciарная адаптация, уголовно-исполнительное законодательство стран-членов СНГ, зарубежный опыт, исправительные учреждения.

Abstract. The article examines the experience of the CIS member-countries on solving issues related to post-penitentiary adaptation of convicts. Basic forms of post-penitentiary adaptation of convicts are considered on the example of the penal legislation of nine countries such as Azerbaijan, Armenia, Belarus, Kazakhstan, Kirghizia, Moldova, Tajikistan, Uzbekistan, Ukraine.

Key words: post-penitentiary adaptation, penal legislation of the CIS member-countries, foreign experience, correctional institutions.

В Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года относительно оценки действующей пениitenciарной системы отмечается, что она не учитывает среди прочего и «интеграцию Российской Федерации в международное правовое поле, международные стандарты обращения с заключенными» (Ведомости уголов.-исполн. системы. 2010. № 12). Неслучайно среди средств повышения эффективности деятельности уголовно-исполнительной системы Концепция называет «изучение и распространение зарубежного опыта в сфере исполнения наказаний и содержания под стражей».

В Европейских пениitenciарных правилах 2006 г. содержится целый ряд норм, посвященных постпениitenciарной адаптации осужденных. В ч. 1 ст. 107 Правил говорится, что заблаговременно до освобождения осужденных им должно оказываться содействие в виде процедур и специальных программ, обеспечивающих переход от жизни в пениitenciарном учреждении к законопослушной жизни в обществе. Правила в ч. 3 ст. 107 определяют пути достижения данной цели – разработка программы мероприятий, предшествующих освобождению, или частичное, или условное освобождение под надзором в сочетании с действенной социальной поддержкой (URL: <http://www.zagr.org/25.html>). Известно, что такие программы до настоящего времени не получили широкого распространения в исправи-

тельных учреждениях России, чего нельзя сказать о практике в ряде зарубежных государств.

Кроме того, национальная пениitenciарная система в ближайшее время столкнется с новым для России явлением – постпениitenciарной адаптацией лиц, осужденных к пожизненному лишению свободы, и их сверхдлительными сроками. В этом плане изучение зарубежного опыта имеет очень важное значение.

При этом мы считаем целесообразным обратиться к опыту прежде всего постсоветских стран – членов СНГ. Такой подход позволяет увидеть, как решаются обозначенные вопросы в этой группе стран, имеющих до недавнего времени и во многом сохранивших до сих пор единые в своей основе методологические подходы к построению пениitenciарной системы.

Систематический анализ уголовно-исполнительного законодательства России и стран СНГ позволяет сделать вывод о том, что основными формами, составляющими содержание постпениitenciарной адаптации, являются: свидания осужденных; передвижение без конвоя или сопровождения; краткосрочные выезды за пределы исправительного учреждения; освобождение из-под стражи перед освобождением от дальнейшего отбывания наказания; перевод в колонию-поселение; оказание помощи администрацией исправительного учреждения освобождающимся осужденным; осуществление контроля за поведением лиц, освобожденных от дальнейшего отбывания наказания, и др.

Рассмотрим подробнее каждую из перечисленных форм.

Свидания осужденных (ст. 89 УИК¹ РФ). Краткосрочные и длительные свидания, предоставляемые осужденным, предусмотрены в уголовно-исполнительном законодательстве всех стран – членов СНГ. Различия заключаются только в количестве времени, отводимого на них. Так, осужденным предоставляются краткосрочные свидания продолжительностью: до четырех часов (ст. 92 УИК Армении, ст. 83 УИК Белоруссии, ст. 61 УИК Киргизии, ст. 76 УИК Узбекистана, ст. 110 УИК Украины, ст. 213 ИК Молдовы); от двух до четырех часов (ст. 84 УИК Казахстана). По КИН Азербайджана (ст. 81) и КИУН Таджикистана (ст. 91) на краткосрочное свидание отводится, как и в России, четыре часа.

Продолжительность длительных свиданий также различна: до трех суток (ст. 83 УИК Белоруссии, ст. 61 УИК Киргизии, ст. 110 УИК Украины); от 12 часов до трех суток (ст. 213 ИК Молдовы). При этом следует отметить, что УИК Украины содержит самостоятельную норму, регулирующую особенности предоставления таких свиданий при регистрации брака – они предоставляются вне очереди (ч. 2 ст. 110). По законодательству Азербайджана (ст. 81), Казахстана (ст. 84), Узбекистана (ст. 76) долгосрочные свидания предоставляются на срок от одних до трех суток. В Армении (ст. 92) и Таджикистане (ст. 91) время, отводимое на данные свидания, совпадает со временем, предоставляемым в соответствии с УИК РФ, – трое суток.

Известно, что уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации предусматривает предоставление длительных свиданий с проживанием вне исправительного учреждения. Такие нормы имеют место также в УИК Казахстана, КИУН Таджикистана и УИК Узбекистана. При этом по законодательству Таджикистана продолжительность таких свиданий составляет трое суток, Узбекистана – от одних до трех суток. Уголовно-исполнительное законодательство других государств – членов СНГ такой формы длительных свиданий вообще не предусматривает.

Передвижение без конвоя или сопровождения (ст. 96 УИК РФ) предусматривается уголовно-исполнительным законодательством: Армении (ст. 79), Азербайджана (ст. 87), Белоруссии (ст. 90), Казахстана (ст. 91), Киргизии (ст. 68), Молдовы (ст. 235). Однако только в УИК Белоруссии (ч. 5 ст. 90) говорится о том, что осужденные, пользующиеся правом передвижения без конвоя и сопровождения, размещаются в

отдельных жилых помещениях. Проживание их вне колонии не разрешается.

Краткосрочные выезды за пределы исправительного учреждения (ст. 97 УИК РФ) имеют место в уголовно-исполнительном законодательстве Азербайджана, Армении, Белоруссии, Казахстана, Таджикистана, Узбекистана, Украины, Молдовы. В качестве целей таких выездов следует особо отметить: социальную реабилитацию (ч. 1 ст. 80 УИК Армении); «предварительное решение вопросов трудового и бытового устройства после освобождения» (ч. 1 ст. 92 УИК Белоруссии, ч. 1 ст. 93 УИК Казахстана, ч. 1 ст. 98 КИУН Таджикистана); сдачу сессии в высших и средних специальных учебных заведениях (ст. 217 ИК Молдовы).

Освобождение из-под стражи (ст. 121 УИК РФ) во время отбывания наказания в целях социальной адаптации предусматривается в УИК Казахстана (ст. 117), Киргизии (ст. 94). В УИК Белоруссии, Узбекистана, Украины такая норма установлена только в отношении осужденных женщин.

Особо следует остановиться на этой форме постпенитенциарной адаптации в ИК Молдовы. В нем предусмотрено наличие ресоциализационного режима в пенитенциарных учреждениях открытого, полужакрытого и закрытого типов.

В условиях ресоциализационного режима в пенитенциарном учреждении открытого типа осужденные, помимо прочего, могут: в период от подъема до отбоя свободно передвигаться по территории пенитенциарного учреждения в пределах, установленных администрацией учреждения, иметь при себе ценные вещи и деньги и пользоваться ими, привлекаться к труду за пределами пенитенциарного учреждения без надзора, осуществлять краткосрочный выезд за его пределы, проживать со своими семьями в отдельном жилом помещении на территории пенитенциарного учреждения или вблизи него (ст. 249).

В пенитенциарных учреждениях полужакрытого типа в условиях ресоциализационного режима осужденные пользуются теми же возможностями, что и на аналогичном режиме в пенитенциарном учреждении открытого типа, за исключением возможности пользоваться правом проживания со своими семьями (ст. 250).

На ресоциализационном режиме в пенитенциарном учреждении закрытого типа осужденные могут: свободно передвигаться в жилой зоне и в коммунальных помещениях отделения обычного режима в период от подъема до отбоя, а также по территории пенитенциарного учреждения в пределах, установленных администрацией учреждения, привлекаться к работам, не требующим выхода за пределы пенитенциарного учреждения, а также работам за пределами учреждения при

¹ В статье приняты следующие сокращения: УИК – Уголовно-исполнительный кодекс; ИК – Исполнительный кодекс; КИН – Кодекс об исполнении наказаний; КИУН – Кодекс исполнения уголовных наказаний; УК – Уголовный кодекс.

условии обеспечения охраны и постоянного надзора (ст. 251).

Колонии-поселения как вид исправительного учреждения предусмотрены в уголовно-исполнительном законодательстве Армении, Азербайджана, Белоруссии, Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Узбекистана. В качестве одного из условий отбывания наказания в таких учреждениях является совместное проживание мужчин и женщин. Исключение составляет УИК Белоруссии, которым устанавливается их раздельное содержание (ч. 2 ст. 122).

Уголовно-исполнительное законодательство Украины не предусматривает такого вида исправительных учреждений, как колонии-поселения. Однако оно содержит нормы, предусматривающие создание в исправительных колониях различных участков (ст. 94). В рамках настоящей статьи особый интерес представляют участки социальной адаптации (ст. 98) и социальной реабилитации (ст. 99).

В участке социальной адаптации на каждого осужденного разрабатывается специальная индивидуальная программа подготовки его к освобождению. Осужденные, содержащиеся здесь, трудоустраиваются на отдельных производственных объектах колонии или за пределами колонии на других объектах с соблюдением требований безопасности и постоянного контроля. Осужденные, содержащиеся в участке социальной адаптации, проживают в пределах колонии в специально оборудованных помещениях, отдельно от других осужденных.

В участке социальной реабилитации содержатся лица, впервые осужденные к лишению свободы за преступления, совершенные по неосторожности, преступления небольшой и средней тяжести, а также осужденные, переведенные из участка ресоциализации.

В участке социальной реабилитации осужденные:

- содержатся под надзором, а на территории жилой зоны – под охраной;
- в свободное от работы время от подъема до отбоя пользуются правом свободного передвижения в пределах территории участка;
- с разрешения администрации колонии могут передвигаться без надзора вне территории участка, но в пределах населенного пункта, где расположена колония, если это необходимо по характеру выполняемой ими работы или в связи с обучением;
- могут носить гражданскую одежду, иметь при себе деньги и ценные вещи, пользоваться деньгами без ограничения;
- имеют право отправлять письма, получать бандероли, посылки, передачи, краткосрочные свидания без ограничения, а длительные свидания – до трех суток один раз в месяц;

– после отбывания шести месяцев наказания в участке, при отсутствии нарушений режима отбывания наказания, наличии жилищных условий с разрешения администрации колонии могут проживать в пределах населенного пункта, где расположена колония, со своими семьями, приобретать в соответствии с действующим законодательством жилой дом и заводить личное хозяйство на территории участка.

Помощь осужденным, освобождаемым от отбывания наказания и контроль за ними (гл. 22 УИК РФ). Уголовно-исполнительное законодательство рассматриваемых государств предусматривает различные виды такой помощи и контроля. По своему названию они идентичны нормам УИК РФ, но по содержанию в ряде стран имеются отличия, что, по нашему мнению, заслуживает особого внимания с точки зрения возможной имплементации соответствующих норм в национальное законодательство.

Интересен в этом плане опыт Белоруссии, где за лицами после отбывания ими наказания устанавливаются превентивный надзор и профилактическое наблюдение.

Институт превентивного надзора перекликается с институтом административного надзора, существовавшим в Российской Федерации. Согласно ст. 80 УК Белоруссии превентивный надзор после освобождения из мест лишения свободы устанавливается:

1) за лицом, допустившим особо опасный рецидив (п. 1 ч. 3);

2) за лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста, судимым за преступление, совершенное в составе организованной группы или преступной организации (п. 2 ч. 3).

Кроме того, превентивный надзор после освобождения может быть установлен:

1) за лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста, судимым за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления либо судимым два или более раза к наказанию в виде лишения свободы за любые умышленные преступления, если на момент освобождения оно признано злостно нарушающим порядок отбывания наказания (п. 1 ч. 4);

2) за лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста, судимым за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления либо судимым два или более раза к лишению свободы за любые умышленные преступления, если оно после отбывания наказания более двух раз в течение года привлекалось к ответственности за совершение административных правонарушений, за которые законом предусмотрено наказание в виде административного ареста (п. 2 ч. 4).

Уголовный закон Белоруссии определяет порядок установления превентивного надзора, особен-

ности правового положения поднадзорного. Превентивный надзор и связанные с ним ограничения устанавливаются и прекращаются судом по месту отбывания наказания либо по месту жительства осужденного по представлению администрации исправительного учреждения или органа внутренних дел. В отношении лиц, указанных выше, превентивный надзор устанавливается на срок от шести месяцев до двух лет и может быть продлен судом в пределах срока судимости (ч. 4 ст. 80).

В отношении лиц, находящихся под превентивным надзором, могут быть установлены обязанности: прибыть в установленный срок к избранному месту жительства и зарегистрироваться в органе внутренних дел, уведомлять этот орган о перемене места работы или жительства, выезжать за пределы района (города) по служебным и личным делам только с согласия органа, осуществляющего надзор. Суд может также обязать поднадзорного не посещать определенные места, не покидать дом (квартиру) в определенное время суток, являться в орган внутренних дел для регистрации от одного до четырех раз в месяц (ч. 8 ст. 80).

Превентивный надзор за лицом, допустившим особо опасный рецидив, может быть прекращен судом до снятия судимости, отбытия лишения свободы, если будет установлено, что поднадзорный своим поведением и образом жизни проявляет стойкое стремление к законопослушному поведению.

Согласно ч. 1 ст. 81 УК Белоруссии за лицом, осужденным за тяжкое или особо тяжкое преступление, а равно за осужденными с отсрочкой исполнения наказания (ст. 77), за осужденными с условным неприменением наказания (ст. 78), за осужденными без назначения наказания (ст. 79), за осужденными несовершеннолетними, в отношении которых назначены принудительные меры воспитательного характера (ст. 117), в течение срока судимости осуществляется профилактическое наблюдение.

Лицо, находящееся под профилактическим наблюдением, обязано предварительно уведомлять орган внутренних дел об изменении места жительства, о выезде по личным делам в другую местность на срок более одного месяца, являться в указанный орган по его вызову и при необходимости давать пояснения относительно своего поведения и образа жизни (ч. 2 ст. 81).

Профилактический ряд норм, закрепленных в уголовном законе, получил свое продолжение в уголовно-исполнительном законодательстве Белоруссии.

В отличие от УИК РФ, где аналогичные институты носят весьма общий, абстрактный характер, УИК Белоруссии детально регламентирует следующие вопросы: профилактическое

наблюдение за отбывшими наказание (ст. 196), порядок установления превентивного надзора (ст. 198), порядок приостановления и возобновления превентивного надзора (ст. 199, 199-1), порядок его осуществления (ст. 200), обязанности лица, за которым установлен превентивный надзор (ст. 201), ответственность за несоблюдение требований превентивного надзора (ст. 203).

В ч. 3 ст. 198 УИК Белоруссии констатируется, что освобождаемый из мест лишения свободы поднадзорный предупреждается об ответственности за несоблюдение требований превентивного надзора и неприбытие без уважительных причин в определенный срок к избранному месту жительства либо самовольное оставление места жительства с целью уклонения от превентивного надзора.

В ст. 200 УИК Белоруссии определен субъект, осуществляющий превентивный надзор, — это органы внутренних дел по месту жительства поднадзорных, наделенные специфическими полномочиями. В частности, они имеют право: требовать сведения о поведении поднадзорного от администрации организации по месту его работы, а также от граждан по месту жительства; ходатайствовать перед соответствующими государственными органами о бытовом и трудовом устройстве поднадзорного; вызывать поднадзорного для проведения профилактических бесед, опрашивать поднадзорного о соблюдении им требований превентивного надзора; входить в любое время суток в жилище поднадзорного (ч. 4).

Следует заметить, что нормы УК и УИК Белоруссии, регламентирующие установление превентивного надзора, не являются декларативными. Их реализация обеспечивается наличием норм, предусматривающих ответственность за несоблюдение требований превентивного надзора, уклонение от него. Так, несоблюдение требований превентивного надзора без уважительных причин, совершенное лицом, которое дважды в течение года подвергалось административному взысканию за такие нарушения, наказывается арестом на срок до шести месяцев или лишением свободы на срок до одного года (ст. 421 УК Белоруссии). Неприбытие в определенный срок к избранному месту жительства лица, в отношении которого установлен превентивный надзор при освобождении из мест лишения свободы, либо самовольное оставление поднадзорным места жительства с целью уклонения от превентивного надзора наказывается лишением свободы на срок до двух лет (ст. 422 УК Белоруссии).

Этот опыт Белоруссии мог бы быть использован и российским законодателем.

ИК Молдовы содержит специальную норму, согласно которой в случае условно-досрочного освобождения, в целях подготовки к нему, не позднее

чем за шесть месяцев до истечения срока наказания в виде лишения свободы, осужденные, отбывающие наказание на обычном режиме и не имеющие непогашенных дисциплинарных взысканий, переводятся на ресоциализационный режим (ч. 1 ст. 282).

Нельзя не обратить внимания в рассматриваемом аспекте на норму, имеющую место в ст. 156 УИК Украины. Согласно ч. 2 данной статьи в учреждениях исполнения наказаний организуются курсы подготовки осужденных к освобождению.

Уголовно-исполнительное законодательство Азербайджана и Армении содержит статьи, устанавливающие права освобождаемых от отбывания наказания на трудовое и бытовое устройство и другие виды социальной помощи (ст. 177 КИН Азербайджана) и определяющие порядок осуществления контроля за лицами, освобожденными от наказания (ст. 120 УИК Армении).

Нормы, регламентирующие порядок освобождения от отбывания наказания, в уголовно-исполнительных кодексах всех среднеазиатских государств содержатся в одной главе (разделе). Они имеют незначительные отличия, которые заключаются в степени регулирования вопросов: установления административного надзора за лицами, освобождаемыми из мест лишения свободы; процедуры освобождения. Так, если законодатель Казахстана текстуально привносит в УИК (ст. 179) норму, содержащуюся в Законе Республики Казахстан от 15 июля 1996 г. № 28-1 «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» (Ведомости Парламента Респ. Казахстан. 1996. № 13, ст. 272 ; 2002. № 18,

ст. 158) (примерно аналогичное содержание имеет и ч. 2 ст. 213 УИК Таджикистана), то в УИК Киргизии она является отсылочной (ст. 152).

В УИК Киргизии есть норма, согласно которой лицу, освобожденному от отбывания наказания вследствие отмены приговора с прекращением уголовного дела, начальником учреждения или органа, исполняющего наказание, разъясняются его жилищные и иные утраченные права. В документе об освобождении осужденному приносятся официальные извинения от имени государства (ч. 6 ст. 143).

Особо следует выделить нормы, содержащиеся в ст. 212 УИК Таджикистана. В ней определяются органы, оказывающие социальную помощь лицам, отбывшим наказания. Среди них: инспекция исправительных работ, комиссия по делам несовершеннолетних, администрация, трудовые коллективы и общественные организации предприятий, учреждений и органы, исполняющие наказания. Координация данной работы возложена на инспекции исправительных работ органов внутренних дел. При этом необходимо отметить, что указания и рекомендации названных инспекций являются обязательными для руководителей предприятий, учреждений и организаций.

Таким образом, проанализировав основные формы постпенитенциарной адаптации по уголовно-исполнительному законодательству стран-членов СНГ, мы тем самым показали, какой современный зарубежный опыт в этой сфере может быть воспринят законодателем России.

Библиографический список

1. Андреева Ю. В. Постпенитенциарная адаптация лиц, осужденных к лишению свободы : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Андреева Юлия Васильевна. – Красноярск, 2008.
2. Захаров А. А. Теоретико-правовые основы унификации уголовно-исполнительного законодательства государств-участников Союза Беларуси и России : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Захаров Анатолий Алексеевич. – М., 2002.
3. Уголовно-исполнительные кодексы : сборник / сост. А. Букалов. – Донецк, 2004.

References

1. Andreyeva Yu. V. Post-Penitentiary Adaptation of People Sentenced to Deprivation of Liberty / Andreeva Julia Vasilyevna. – Krasnoyarsk, 2008.
2. Zakharov A. A. Theoretical and Legal Basics of Unification of the Penal Legislation of the States-Participants of the Union between Belarus and Russia / Zakharov Anatoliy Alekseevich. – M., 2002.
3. Penal Codes / comp. by A. Bukalov. – Donetsk, 2004.

С. С. Новиков,
*начальник факультета заочного обучения
 ВЮИ ФСИН России
 кандидат исторических наук, доцент*

S. S. Novikov,
*Chief of the Correspondence Faculty
 of VLI of the FPS of Russia
 Candidate of History, Assistant professor*

ПОЛИТИЧЕСКИЙ СПЕКТР КОСОВО

Political Aspect of Kosovo

Аннотация. Статья посвящена политическому развитию одной из горячих точек Европы – Косово. Этот регион находится под международным протекторатом с 1999 г., и политическая жизнь там фактически только начинает зарождаться. Около 30 политических партий, представляющих различные слои общества, борются за политическую власть.

Ключевые слова: политическая партия, законодательная власть, национальные меньшинства, Косово, военные преступления, парламент.

Abstract. This article is devoted to describing the political development of one of the hot spots in Europe – Kosovo. This region has been put under international protectorate since 1999 and the political life actually only starts to develop. About thirty political parties representing various strata of society are fighting for political power.

Key words: political party, legislative branch of power, national minorities, Kosovo, war criminals, Parliament.

Главой Косово является президент, который избирается парламентом по предложению партии, получившей большинство голосов на последних парламентских выборах, на пятилетний срок. Последние выборы президента Косово состоялись 9 января 2008 г., на которых победил Фатмир Сейдиу. Следующие должны были пройти в 2013 г. Однако в октябре 2010 г. в стране произошел первый в ее истории политический кризис, когда Демократическая лига Косово под руководством Фатмира Сейдиу решила выйти из правящей коалиции. Это было связано с вынесенным конституционным судом решением о том, что Фатмир Сейдиу нарушил основной закон страны, сохранив за собой пост лидера политической партии после избрания его президентом. На что Фатмир Сейдиу заявил: «Я был уверен, что сохраняя за собой пост председателя Демократической лиги Косово, но не выполняя обязанностей лидера партии, я не нарушаю конституцию. Но суд пришел к иному выводу, и я уважаю его решение» (URL: http://www.bbc.co.uk/russian/international/2010/09/100927_kosovo_resignation.shtml).

Фатмир Сейдиу подал в отставку, а исполняющий обязанности президента Косово Якуп Красничи назначил досрочные парламентские выборы с целью преодоления затяжного правительственного кризиса, которые состоялись 12 декабря 2010 г.

Парламент Косово – это высший законодательный орган самопровозглашенной республики. Он является однопалатным и состоит из 120 депутатов (100 человек избирается прямым всеобщим голосованием, 10 мест зарезервированы

для сербского меньшинства, 10 – для остальных национальных меньшинств, проживающих на территории Косово). Срок действия полномочий парламента – четыре года.

На последних выборах в парламент Косово (12 декабря 2010 г.) наибольшее количество голосов набрала партия премьер-министра Косово Хашима Тачи – Демократическая партия Косово.

В Косово существует около трех десятков партий, которые выражают интересы и чаяния различных слоев общества и национальных меньшинств. Сейчас албанцы составляют около 90 % от двухмиллионного населения Косово, сербская община – около 7 %, остальные народности – около 3 % населения, но также имеют свои политические партии. Предлагаем рассмотреть весь политический спектр этого края.

Альянс за будущее Косово (далее: АБК) – политическая партия радикальных албанцев.

Выбор названия партии ее лидер Рамуш Харадинаи объяснил следующим образом. Поскольку прежнее сокращенное название партии начиналось с согласной буквы и являлось неблагозвучным, была выбрана форма, начинающаяся с гласной – АБК как менее жесткая и более открытая. Слово «будущее» символизирует разрыв со старыми коммунистическими тенденциями. А слово «альянс» было выбрано «в честь» Североатлантического альянса (НАТО), который очень почитаем в Косово в связи с его вмешательством в войну в 1999 г.

АБК был основан 29 апреля 2001 г. путем слияния 6 малых партий¹. На парламентских выборах

¹ Народное движение Косово, Парламентская партия Косово, Гражданский союз Косово, Национальное движение за освобождение Косово, партия «Албанский национальный союз», Албанский союз христианских демократов.

2001 г. партия получила 7,83 % голосов и 8 депутатских мандатов, на выборах 2004 г. – 8,39 % голосов и 9 мест, на выборах 2007 г. – 9,6 % голосов и 10 мест, на выборах 2010 г. – 11,04 % голосов и 12 мест в парламенте. В 2004 г. партия сформировала коалиционное правительство с Демократической лигой Косово.

На муниципальных выборах, состоявшихся 17 ноября 2007 г., АБК получил контроль над 3 муниципалитетами в западной части Косово: Пече, Джаковице и Дечани.

Партия добилась неожиданного успеха на муниципальных выборах 2009 г., в частности, из-за бойкота косовскими сербами выборов на севере страны АБК удалось получить власть в двух населенных преимущественно сербами муниципалитетах.

Сильное влияние партия имеет в западной части края. Лидером партии с момента основания является подозреваемый в военных преступлениях бывший начальник Генштаба Освободительной армии Косово (далее: ОАК) Рамуш Харадинай (премьер-министр края в 2004–2005 гг.). В 2005 г. Харадинай покинул пост премьер-министра в связи с началом судебного процесса Международного трибунала по бывшей Югославии над ним. Его сменил на этом посту Агим Чеку. Однако Харадинай получил полное оправдание 3 апреля 2008 г. и немедленно возобновил свои обязанности в качестве президента партии. Но в 2010 г. оправдательный приговор под нажимом мировой общественности был отменен.

В настоящее время генеральным секретарем является Юнуз Салихай, а секретарем партии – Ибрагим Селманай.

Идеологически АБК – партия правоцентристская.

Демократическая лига Косово (далее: ДЛК) – либерально-консервативная партия, являющаяся второй по величине политической партией в Косово.

Партия была основана группой местных интеллектуалов в 1989 г., вскоре после отмены Слободаном Милошевичем автономии края Косово и Метохия. В 1990-е гг. партия, которая была запрещена югославскими властями, встала во главе создания косовскими албанцами параллельных структур, призывала к бойкоту переписи населения и организации референдума по вопросу о самоопределении в 1992 г., в котором 87 % албанского населения в Косово проголосовало за независимость. Долгое время партия была самой популярной организацией, которая вела борьбу за независимость края, однако после Косовского кризиса 1998–1999 гг., когда она по рекомендации США начала переговоры с Милошевичем о прекращении насилия, ее популярность заметно упала.

Тем не менее на парламентских выборах 2004 г. партия получила 45,4 % голосов избирателей и 47 из 120 мест в парламенте. На выборах 2007 г. партия получила 22,6 % голосов избирателей и 25 мест. Не очень удачное для ДЛК выступление на выборах 2007 г. было связано со смертью влиятельного лидера партии Ибрагима Руговы в январе 2006 г. Между тем в 2007 г. партия вошла в правящую коалицию вместе с Демократической партией Косово, председатель которой Хашим Тачи стал премьер-министром края (вскоре провозгласившим независимость). В октябре 2010 г. ДЛК вышла из коалиции, а 2 ноября парламент вынес вотум недоверия Хашиму Тачи.

На выборах 2010 г. ДЛК набрала 24,69 % голосов и получила 27 мест в парламенте.

До 27 сентября 2010 г. председатель партии Фатмир Сейдиу был президентом Республики Косово. 7 ноября 2010 г. новым руководителем партии был избран мэр Приштины Иса Мустафа, который на внутреннем голосовании получил 235 голосов против 125 у Фатмира Сейдиу.

Сегодня ДЛК – партия центристско-либерального типа.

Демократическая партия Косово (далее: ДПК) была основана 14 мая 1999 г. как политическое крыло террористической организации ОАК и изначально называлась Партией за демократический прогресс Косово. На парламентских выборах 2004 г. партия получила 28,9 % голосов избирателей и 30 из 120 мест в парламенте, на выборах 2007 г. – 34,3 % и 37 мест. Удачное для ДПК выступление на выборах 2007 г. было связано со смертью влиятельного лидера ДЛК Ибрагима Руговы в январе 2006 г. В 2009 г. ДПК оказалась победителем на муниципальных выборах. На выборах 2010 г. ДПК набрала 32,11 % голосов и получила 34 места в парламенте.

ДПК выступает за независимость, свободу и демократическое устройство Косово, как и другие этнические албанские партии, не принимает участия во всеобщих сербских выборах или иных выборах, организуемых парламентом Сербии.

Несмотря на то, что ДПК пропагандирует социалистические тенденции, в том числе имеет соглашения с Лейбористской партией Великобритании, в настоящее время она является партией правоцентристского типа.

Наибольшее влияние партия имеет в районе Дреницы в центральной части Косово, но при этом ее поддерживают во всех муниципалитетах страны, включая крупные города.

Член партии Байрам Реджепи в 2002–2004 гг. был премьер-министром края. В мае 2005 г. ДПК сформировала теневое правительство из 13 министров, альтернативное легальному правительству Байрама Косуми. С 2008 г. премьер-министром про-

возгласившей независимость страны был лидер партии Хашим Тачи, однако 2 ноября 2010 г. ему был вынесен вотум недоверия. Это произошло в обстановке затяжного политического кризиса в самопровозглашенном государстве и после раскола правящей коалиции ДПК с ДЛК. С 27 сентября 2010 г. временным президентом Республики Косово являлся представитель партии Якуп Красничи, в прошлом один из лидеров ОАК. Самым популярным членом партии считается нынешний министр транспорта и связи Фатмир Лимай, которого в настоящее время миссия Евросоюза в Косово (EULEX) подозревает в отмывании денег, злоупотреблении служебным положением.

«Самоопределение» как политическая партия была основана идеологом ненасильственного сопротивления Альбином Курти, получившим известность в конце 1990-х гг. в связи с организацией массовых студенческих акций протеста.

Десятого февраля 2007 г. международные полицейские открыли огонь по организованной партией 60-тысячной демонстрации, опасаясь, что толпа захватит правительственные учреждения. Против демонстрантов были применены резиновые пули и слезоточивый газ, однако полицейские международной администрации ООН в Косово из Румынии начали стрелять по лицам демонстрантов. В результате этого инцидента 2 человека погибли и 7 получили тяжелые ранения (URL: http://www.amnesty.org.uk/news_details.asp?NewsID=18835).

Партия выступает за вывод с территории Косово международных сил и против ведения переговоров с правительством Сербии до признания им независимости края. В 2010 г. Курти заявил, что правительству Косово следует вести переговоры не с Сербией, а с Албанией (по вопросу об объединении) (URL: [http://www.srpska.ru/article.php?nid=15163&sg=\\$sg](http://www.srpska.ru/article.php?nid=15163&sg=$sg)). Годом ранее Курти назвал миссию Евросоюза колониальной администрацией и заявил о готовности бороться против нее. Кроме массовых демонстраций, организация активно использует как способ выражения своих идей граффити на стенах и автомобилях миссии ООН (URL: <http://www.rian.ru/world/20090830/182997162.html>).

Двенадцатого декабря 2010 г. партия впервые приняла участие в парламентских выборах и имела успех у избирателей (получила 12,69 % голосов и 14 мест).

Демократическая лига Дардании – либерально-консервативная партия. Она была создана в январе 2007 г. бывшим спикером парламента Косово Неджатом Дачи после его неудачной попытки стать лидером Демократической лиги Косово.

Заместителями руководителя являются: Беса Гаксерри, Ксемайл Хисени, Насер Ругова, генеральным секретарем – Люлезим Зенели.

Демократическая лига Дардании имела 7 мест в парламенте Косово до выборов 2010 г., на которых она получила только 2,14 % голосов.

Первоначально партия была названа Демократической лигой, но позже добавили слово «Дардании» во избежание путаницы с Демократической лигой Косово (Дардания – бывшая римская провинция, включавшая восточные части современного Косово).

Альянс за новое Косово (далее: АНК). Партия была основана 17 марта 2006 г. Беджетом Паколли, владельцем швейцарской строительной фирмы «Мабетекс», скандально известной в связи с реставрацией Московского Кремля.

До 17 ноября 2007 г. партия не принимала участие в любых выборах, однако в связи с успешным бизнесом ее основателя она пользуется значительной поддержкой в Косово. Так, в апреле 2007 г. был подготовлен обзор региональным отделением Международного исследовательского центра Гэллана «Индекс Косово», где отмечалось, что АНК является четвертой по величине политической партией в крае (ее поддержали 8 % опрошенных). Исследование показало, что АНК отстает от ДЛК (26 %), ДПК (17 %) и АБК (9 %).

Результаты опроса были подтверждены на парламентских выборах, состоявшихся 17 ноября 2007 г.: партия получила 12,3 % голосов и 13 мест, что сделало ее третьей по величине партией Косово и крупнейшей оппозиционной партией.

Однако повторить этот успех АНК на муниципальных выборах в ноябре 2009 г. не смог. По результатам этих выборов процент голосовавших за АНК снизился с 11,55 до 8,3 % по сравнению с выборами 2007 г.

По сообщению косовского канала RTK, лидеры ДПК Хашима Тачи и АНК Беджета Паколли достигли договоренности о формировании правительственной коалиции по итогам досрочных парламентских выборов, прошедших 12 декабря 2010 г. По данным Центризбиркома, ДПК во главе с премьер-министром Косово Тачи лидировала на парламентских выборах, а АНК Паколли вышел на пятое место (7,29 % голосов и 8 мест).

Партия является правоцентристской с сильным акцентом на свободную рыночную экономику.

Независимая либеральная партия (далее: НЛП) основана в 2006 г. На парламентских выборах 2007 г. она получила пять мест, что сделало ее крупнейшей партией, представляющей сербов в Косово.

НЛП является частью коалиционного правительства, имея в нем двух министров.

Под руководством Слободана Петровича партия обеспечила себе руководство мэрий в трех муниципалитетах с сербским большинством (области Грачанице, Штрпце и Киллокоде) в ноябре

2009 г. Несмотря на то, что партия не признает независимость Косово, она стремится защищать интересы сербских общин в Косово и Метохии. Среди сербских партий она получила наибольшее число голосов на выборах 12 декабря 2010 г. – 2,05 % голосов и 8 мест в парламенте.

Албанская христианско-демократическая партия Косово. Она представляет интересы христианских демократов в Косово, хотя и не все ее члены являются католиками, как это имеет место в некоторых других странах.

На выборах в законодательное собрание в 2004 г. партия получила 1,8 % голосов и 2 места.

Президентом Албанской христианско-демократической партии Косово является Нике Гиелоши.

По политическим взглядам партия является близким союзником ДЛК, неслучайно первый послевоенный министр транспорта и связи в правительстве Косово был членом этой партии. Партия выступает за создание независимой, свободной и демократической страны. Как и все другие албанские политические партии, она не принимает участия в общих выборах в Сербии, в каких-либо других выборах или референдумах, организованных сербским парламентом.

Албанский союз христианских демократов является политической партией. На парламентских выборах 24 октября 2004 г. партия была частью АБК.

Гражданский союз Косово является политической партией Косово. На выборах в парламент республики 24 октября 2004 г. партия была частью АБК.

Гражданская инициатива Сербии – политическая партия Косово. На парламентских выборах, состоявшихся в 2004 г., партия получила 0,05 % голосов и 2 места в парламенте.

Гражданская инициатива Гора является политической партией горанцев, коренного населения Косово, количественный состав которого, наряду с цыганами, ашкали, босняками, турками, египтянами, не подвержен статистическим данным.

На парламентских выборах 24 октября 2004 г. партия получила 0,2 % голосов и 1 из 120 мест. Она успешно защитила это место на выборах 2007 г., которые предшествовали принятию декларации о независимости.

Партия не признает самопровозглашенной Республики Косово.

Коалиция «Вакал» является боснийской политической партией Косово. На парламентских выборах 2004 г. партия получила 0,7 % голосов и 3 из 120 места. В 2010 г. ситуация изменилась незначительно: 0,76 % голосов и 2 места в парламенте.

Демократическая партия ашкали – политическая партия народности ашкали в Косово.

На парламентских выборах 2004 г. партия получила 0,4 % голосов и 1 из 120 мест.

Партия «Новый дух» была основана и зарегистрирована Центральной избирательной комиссией в октябре 2010 г. Лидерами партии являются выпускник Гарвардского университета Шпенд Ахмети и Илир Деда, директор Косовского института политических исследований и развития. Они и другие члены этой партии поддерживают становление нового направления политического развития в Косово. «Мы не делаем различия между гражданами в зависимости от их происхождения... Они являются физическими лицами, и все будут представлены в политическом спектре Косово без различия», – заявил Деда. Партия принимала участие во всеобщих выборах в Косово 12 декабря 2010 г., где набрала 2,17 % голосов, и в настоящее время пользуются большой популярностью.

Зеленая партия Косово была создана в сентябре 1991 г., когда Косово было частью Югославии. Лидер партии – Даут Малоку. Партия оказывает поддержку экологическим проектам за чистоту Косово и выступает за независимое государство.

Партия «Справедливость» – это правоцентристская, консервативная партия. Она поддерживает независимое, свободное и демократическое Косово и не участвует в каких-либо выборах или референдумах, организованных правительством Сербии.

На выборах в октябре 2004 г. партия получила 1,0 % голосов и 1 из 120 мест.

Либеральная партия Косово является наблюдателем в Либеральном Интернационале и членом Европейской либерально-демократической партии реформ.

На выборах 2004 г. партия получила 0,5 % голосов и 1 из 120 мест в парламенте Косово. Однако на выборах в ноябре 2007 г. она не смогла пройти 5-процентный рубеж и стала непарламентской партией. Она выступает за либеральное развитие свободного и независимого Косово и, как и все другие албанские политические партии, не участвует в каких-либо выборах или референдумах, организованных правительством Сербии.

Президентом партии является Гиерджи Дедай.

Национальное движение за освобождение Косово является радикальной левой националистической политической партией Косово. Глава партии – Смайл Латифи.

Партия была основана в подполье 25 мая 1993 г. в Приштине как фракция диссидентской марксистско-ленинской организации Народное движение Косово. Основой партии стали ОАК и партизанское движение. Как и Народное движение Косово, партия выступала с концепцией Великой Албании и военных действий против Милошевича. Первоначально партия была частью

АБК. Парламентские выборы в октябре 2004 г. партия бойкотировала.

Как одна из наиболее радикальных политических организаций в Косово партия выступала против плана спецпосланника генсека ООН Марти Ахтисаари и присутствия ООН и Европейского союза в регионе, являясь сторонником полной независимости Косово. Она поддерживает связь с партией «Самоопределение» Альбина Курти. Партия и ее бывшие руководители занесены в черный список Министерства финансов США.

Новая демократическая инициатива Косово – политическая партия Косово, представляющая египетское этническое меньшинство. На законодательных выборах 24 октября 2004 г. партия получила 0,4 % голосов и 2 места.

Ее лидером является Ксаим Томсони.

Парламентская партия Косово (далее: ППК) – это старейшая политическая партия Косово социально-либерального типа. Ее возглавляет бывший премьер-министр Байрам Косуми.

Партия была образована в 1990 г. на основе Молодежного парламента Косово Ветона Сурройя, который позже вышел из партии и сформировал реформистскую партию «Ора». ППК имеет давнюю историю нахождения в оппозиции. С 1996 по 1998 г. партию возглавлял известный защитник прав человека Адем Демачи.

На парламентских выборах 2004 г. ППК была частью АБК.

Партия «Албанский национальный союз» представляет собой небольшую политическую партию Косово.

Во время проведения законодательных выборов в 2004 г. партия была частью АБК и получила 1 место в парламенте.

Основателем партии является Укшин Хоти.

Партия демократического действия является политической партией боснийского меньшинства в Косово и филиалом Партии демократического действия Боснии и Герцеговины.

На парламентских выборах 2004 г. партия получила 0,4 % голосов и 1 из 120 мест.

Народное движение Косово является политической партией Косово, одним из основателей которой был Хашим Тачи. На парламентских выборах 2004 г. партия получила 0,7 % голосов и 1 из 120 мест.

Реформистская партия «Ора» (час) являлась социал-демократической левоцентристской политической партией. Выступала за независимое, свободное и демократическое Косово. Ее называли партией косовской интеллигенции.

«Ора» была основана как Гражданский список «Ора» летом 2004 г. Во время парламентских выборов 2004 г. партия получила 6,2 % голосов избирателей, 7 из 120 мест в парламенте Косово

и сформировала вместе с ДПК сильную оппозицию. Однако на выборах в ноябре 2007 г. она не смогла пройти 5-процентный рубеж, набрав около 4,2 % голосов. Она стала непарламентской партией.

«Ора» в парламенте представляли следующие политики: Назим Джашари, Тэйта Сахатджия, Газменд Мухаксери, Генк Горани, Фатмире Муллахакса Коллаку, Юлбер Хиса и Ветон Сурройя.

Последним лидером партии был Тэйта Сахатджия, который возглавил партию 2 марта 2008 г. В феврале 2010 г. «Ора» постановила распустить себя как политическое образование и присоединиться к ДЛК.

Турецкая демократическая партия Косово является консервативной политической партией, представляющей турецкое меньшинство. Ранее ее возглавлял Махир Ягчилар, министр охраны окружающей среды и территориального планирования в правительстве Хашима Тачи. Ариф Бютун, мэр г. Мамуша, и Орхан Лопар, мэр г. Призрена, заменили М. Ягчилара в руководстве партии.

Партия была основана как Турецкий демократический союз 19 июля 1990 г. в г. Призрене и изменила свое название на настоящее 20 июня 2001 г. Основные структуры партии находятся в г. Призрене, а г. Мамуш является ее оплотом. Партия поддерживает тесные связи с консервативной правящей партией Турции.

В 2004 г. на выборах в законодательный орган Турецкая демократическая партия Косово набрала 1,2 % голосов и получила 3 места в парламенте из 120 мест. На выборах 2007 г. партия сохранила свои 3 места: одно – из основного списка кандидатов (Махир Ягчилар) и два за счет мест, отведенных для турецкого меньшинства (Энис Керван и Муфера Шиник).

На выборах 2010 г. партия получила 1,22 % голосов и 3 места в парламенте.

Объединенная партия цыган Косово образована в 2000 г.

На октябрьских выборах в 2004 г. партия получила 0,2 % голосов и 1 из 120 мест. Лидером партии является Хаксхи Зульфи Мерксха.

Боснийская лига Косово представляет босняков Косово. Лидером партии является Ибрагим Ибрагимович.

Демократическая партия албанцев (далее: ДПА) является политической партией этнических албанцев в бывшей югославской Республике Македония. ДПА – результат слияния Партии демократического процветания албанцев и Народно-демократической партии, которое состоялось в июне 1997 г. Ее основатели – Мендух Тачи и Арбен Ксафери.

На выборах 15 сентября 2002 г. ДПА получила 5,2 % голосов и 7 из 120 мест. На выборах в

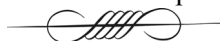
законодательные органы, состоявшихся 5 июля 2006 г., партия укрепила свои позиции, получив 7,5 % голосов и 11 мест, и вошла в правящую коалицию во главе с ВМРО–ДПМНЕ («Внутренняя македонская революционная организация – Демократическая партия македонского национального единства»).

Ее лидером является Мендуч Тачи.

Народная партия Косово полностью поддерживает независимость Косово и выступает за свободу и защиту прав всех жителей Косово. Лидером ее является Буяр Топали.

Таков политический спектр современного Косово. Многие лидеры ведущих политических партий неразрывно связаны с ОАК, в прошлом были

полевыми командирами повстанцев, обвинялись или обвиняются до сих пор Международным трибуналом по бывшей Югославии. Так как Косово до сих пор находится под международным протекторатом, этот регион фактически полностью зависит от финансовой помощи стран Евросоюза, США и восточных исламских государств. В связи с этим встает вопрос этического характера: как строить взаимоотношения с политическим руководством края, которое обвиняется в военных преступлениях и пропагандирует сепаратистские взгляды? И это вопрос не праздный. Многие дипломаты, политические деятели, историки, политологи и юристы-международники во всем мире пытаются найти скорейший выход из этого затянувшегося кризиса.

Библиографический список

1. Гуськова Е. Ю. Албанское сепаратистское движение в Косове / Е. Ю. Гуськова // Албанский фактор кризиса на Балканах. – М., 2003.
2. Гуськова Е. Ю. История югославского кризиса (1990–2000) / Е. Ю. Гуськова. – М., 2001.
3. Романенко С. Косово: история, характер и динамика конфликта / С. Романенко // Конфликт в Косово и международная безопасность. – М., 2009.

References

1. Guskova E. Yu. Albanian Secessionist Movement in Kosovo / E. Yu. Guskova // Albanian Factor in Balkan Crisis. – M., 2003.
2. Guskova E. Yu. History of Yugoslavia Crisis (1990–2000) / E. Yu. Guskova. – M., 2001.
3. Romanenko S. Kosovo: History, Character and Dynamics of the Conflict / S. Romanenko // Conflict in Kosovo and International Security. – M., 2009.

E-mail наших авторов

№ п/п	ФИО	E-mail
1	Авилов В. В.	vladimir-avilov@yandex.ru
2	Баландин Д. А.	balandin.ekonomika@vui.vladinfo.ru
3	Биюшкина Н. И.	asya_biyushkina1@list.ru
4	Вантеева Н. В.	vanteeva_nv@mail.ru
5	Вележев С. С.	velezhev@live.ru
6	Виноградов В. В.	lumex2006@mail.ru
7	Владимирова О. А.	vladimirova.ox@yandex.ru
8	Воронин О. В.	ninorov@mail.ru
9	Герцог Т. Ю.	rill.07@mail.ru
10	Головинская И. В.	irgolovinskaya@yandex.ru
11	Гулягин А. Ю.	gulyagin-prok@yandex.ru
12	Егоров В. В.	vadimego@gmail.com
13	Емельянов Н. С.	nikita-e@inbox.ru
14	Ерин Д. А.	gospravo@vui.vladinfo.ru
15	Заврина Е. В.	zavrina1984@inbox.ru
16	Зыков Д. А.	daniilzykov@mail.ru
17	Карпунина В. В.	vikavi5@rambler.ru
18	Катькова В. В.	valkatkova@rambler.ru
19	Клауцан Н. Г.	ellirael@gmail.com
20	Кудрявцев А. В.	kudriavcev.ru@mail.ru
21	Кузьмин С. И.	up10mgupi@mail.ru
22	Куркина И. Н.	human@vui.vladinfo.ru
23	Лебедев А. В.	lebedevavic@rambler.ru
24	Махмудов З. Ш.	fpnpk@academjust.ryazantelecom.ru
25	Миронова Ю. В.	yuliamironova07@mail.ru
26	Михайлин В. В.	valet2085@yandex.ru
27	Морозов А. С.	morozovlalex@yandex.ru
28	Никонов О. А.	nikonov100@mail.ru
29	Новиков С. С.	navikov_sergey@bk.ru
30	Петрова Я. Л.	uezyf@rambler.ru
31	Редков С. К.	vyiif@ivanovo.fsin.uis
32	Реймер А. А.	udmail@fsin.su
33	Селезнева И. В.	up10mgupi@mail.ru
34	Сербин М. В.	michael-lion@mail.ru
35	Сиверская Л. А.	lsiverskaya@mail.ru
36	Солодовник В. В.	slaviik_bel@mail.ru
37	Тарнавский О. А.	seva_oren@mail.ru
38	Титов А. Ю.	andrey.titov@mail.ru
39	Тихалева Е. Ю.	columbijka@mail.ru
40	Токмакова О. С.	83olay83@mail.ru
41	Тулегенов В. В.	vtulegenov@rambler.ru
42	Фефелов В. В.	vvf-57@mail.ru
43	Хамадишин Д. З.	uin.rt@tatar.ru
44	Шемелина М. В.	jujikmv86@mail.ru
45	Ямалетдинова Н. В.	fnv-80@mail.ru

Требования к рукописям, представляемым для опубликования в «Вестнике Владимирского юридического института»

К рассмотрению принимаются рукописи объемом не более 1 печатного листа. Критерии отбора: новизна научной мысли, актуальность исследования, теоретическая и практическая значимость работ, обоснованность полученных результатов.

Требования к оформлению рукописей: формат А4; гарнитура шрифта Times New Roman; кегль 14-й; абзацный отступ – 1,25 см; междустрочный интервал полуторный; поля слева, справа, сверху, снизу – 2,5 см.

Рукопись должна включать: индекс УДК (помещается в верхнем левом углу первой страницы рукописи), сведения об авторе (указываются фамилия, имя, отчество, место работы, занимаемая должность, ученая степень, ученое звание (если имеются), контактные телефоны, почтовый адрес, e-mail); основной текст; ключевые слова; аннотацию; библиографический список (3–4 источника), оформленный по ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления». Библиографические ссылки должны быть внутритекстовыми и оформлены в соответствии с ГОСТ Р7.05-2008 «Библиографическая ссылка». Обращаем внимание авторов на то, что совокупность библиографических ссылок не является библиографическим списком.

Сведения об авторе, название статьи, аннотация, ключевые слова и библиографический список должны быть подготовлены в двух вариантах: на русском и английском языках.

В случае изменения личных данных автор обязан уведомить об этом редакцию до момента выхода журнала из печати и размещения его электронной версии в Интернете.

К представляемой рукописи необходимо приложить **рецензию, анкету автора публикации и оператора персональных данных**. Заполненная и подписанная автором анкета является письменным согласием на обработку его персональных данных в соответствии со ст. 9 Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных».

Представляемые на рассмотрение редакционной коллегии материалы должны соответствовать концепции журнала, в котором освещаются проблемы ведущих отраслей российского и зарубежного права, деятельности уголовно-исполнительной системы и других правоохранительных органов. Статьи печатаются под рубриками: **«Научно-прикладные аспекты совершенствования деятельности учреждений и органов уголовно-исполнительной системы»**, **«Актуальные проблемы российской юридической науки и правоприменительной практики»**, **«История отечественного государства и права»**, **«Правовые системы зарубежных стран»**. Авторы несут ответственность за достоверность используемых материалов, точность цитат.

С авторами, в статьях которых обнаружен плагиат, журнал прекращает сотрудничество.

Рукописи представляются в редакционно-издательский отдел научного центра института в распечатанном и электронном виде.

Бумажный вариант рукописи вместе с сопроводительным письмом, анкетой автора публикации и оператора персональных данных, а также рецензией высылается заказным письмом или бандеролью по адресу: 600020, г. Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67е, электронный вариант – по e-mail: vestnik@vui.vladinfo.ru, с **обязательным указанием в поле «Тема письма»: «Статья в Вестник»**.

Рукописи адъюнктов и аспирантов публикуются бесплатно, всех других авторов – на платной основе. Стоимость одной публикации 3500 руб.

По вопросам опубликования материалов обращаться в редакционно-издательский отдел научного центра ВЮИ ФСИН России по тел.: (4922) 32-49-73, 32-25-60, 47-45-18, 47-45-14 e-mail: vestnik@vui.vladinfo.ru.

Образец заполнения платежного поручения

Получатель (ОКАТО 17401000000) ИНН 3329012372 КПП 332901001 УФК по Владимирской области (ВЮИ ФСИН России л/с 03281175960)	Сч. №	40503810900001000001
	БИК	041708001
Банк получателя ГРКЦ ГУ БАНКА РОССИИ ПО ВЛАДИМИРСКОЙ ОБЛ. Г.ВЛАДИМИР	Сч. №	
	Назначение платежа: 32030201010010000130 п.3 Доход от издательской деятельности (реализация журнала «Вестник»)	

Анкета автора публикации и оператора персональных данных*

(заполняется, подписывается автором публикации и высылается
в адрес редакции научно-образовательного журнала
«Вестник Владимирского юридического института»)

1. ФИО: _____, паспорт № _____

выдан _____

должность _____

адрес _____

тел., e-mail _____

(фамилия, имя, отчество автора публикации, номер паспорта, сведения о дате выдачи паспорта и выдавшем его органе,
место работы (службы), занимаемая должность, почтовый адрес, адрес регистрации по месту жительства,
адрес электронной почты, контактные телефоны)

2. Данилова Ирина Борисовна. Федеральное казенное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний» (ВЮИ ФСИН России). Большая Нижегородская ул., 67е, г. Владимир, 600020.

(фамилия, имя, отчество оператора персональных данных, получающего согласие на обработку персональных данных
автора публикации, место работы (службы), почтовый и юридический адрес)

3. Размещение персональных данных автора публикации в электронной и печатной версиях научно-образовательного журнала «Вестник Владимирского юридического института».

(цель обработки персональных данных автора публикации)

4. Фамилия, имя, отчество автора публикации, место работы (службы), занимаемая должность, ученая степень, ученое звание, почтовый адрес, адрес регистрации по месту жительства, адрес электронной почты, контактные телефоны.

(перечень персональных данных, на обработку которых дается согласие автора публикации)

5. Запись персональных данных автора публикации в память ЭВМ, их тиражирование в электронном и печатном виде.

(перечень действий с персональными данными, на совершение которых дается согласие автора публикации;
способы обработки персональных данных)

6. Пять лет – для размещения персональных данных автора публикации на Интернет-сайте института <http://vui-fsin.ru>, в системе Российского индекса научного цитирования, системе цитирования Social Sciences Citation Index (база по социальным наукам); неопределенный срок – для размещения персональных данных автора публикации в печатной версии научно-образовательного журнала «Вестник Владимирского юридического института».

(срок, в течение которого действует согласие автора на обработку персональных данных)

7. Допускается отзыв согласия автора публикации на обработку персональных данных путем уведомления последним оператора персональных данных за месяц до выхода научно-образовательного журнала «Вестник Владимирского юридического института» из печати и размещения его электронной версии в Интернете (дата выхода из печати указывается в «Вестнике Владимирского юридического института», дата размещения электронной версии – на Интернет-сайте института: <http://vui-fsin.ru>).

(порядок отзыва согласия автора публикации на обработку персональных данных)

Автор публикации _____ / _____ / «_____» _____ 20__ г.
(подпись) (фамилия и инициалы)

Оператор персональных данных _____ / Данилова И.Б. / «_____» _____ 20__ г.
(подпись) (фамилия и инициалы)

* Настоящая анкета разработана в соответствии с письмом Федерального агентства по образованию Министерства образования и науки Российской Федерации от 27 июля 2009 г. № 17-110 «Об обеспечении защиты персональных данных».